

В.М.КУЛИКОВ

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ РАЗВЕРНУТОГО НАСТУПЛЕНИЯ
НА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ НА УРАЛЕ
1925-1932

Свердловск
Издательство Уральского университета
1987

Куликов В.М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале. 1925-1932. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 277 с.

В монографии исследуется исторический опыт уральских партийных, советских и общественных организаций по подготовке и проведению развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни в 1925-1932 гг. Организация наступления раскрывается в области социально-политической и экономической. Характеризуются тактика, методы и этапы достижения партийными организациями политической изоляции буржуазии города и деревни в ходе избирательных кампаний в Советы в 1926-1931 гг. Исследованы организация коммунистами Урала развернутого наступления на капиталистические элементы и основные этапы его проведения в промышленности, кустарно-ремесленном производстве, торговле, сельском хозяйстве, сроки, формы и методы их окончательной ликвидации.

Книга предназначена для научных работников в области истории партии и советского общества, преподавателей истории КПСС и СССР, пропагандистов, краеведов, студентов. Она может представлять интерес и для более широкого круга читателей.

Научный редактор проф. А.В.Бакунин

Рецензенты: проф. Н.Н.Попов;
кафедра истории КПСС
Урал. политехн. ин-та

К 0902020000 - 43
182 (02) - 87

ВВЕДЕНИЕ

XXV съезд КПСС и июньский (1983 г.) Пленум Центрального Комитета выдвинули задачу более активно использовать богатейший опыт КПСС, гораздо основательнее и творчески изучать актуальные проблемы теории, истории и политики партии, опыт ее деятельности на различных этапах борьбы за социализм¹.

Одной из актуальных проблем историко-партийной науки остается изучение исторического опыта Коммунистической партии по руководству борьбой рабочего класса и всех трудящихся против буржуазии города и деревни, по подготовке и проведению развернутого наступления на эксплуататорские классы и их окончательной ликвидации в переходный от капитализма к социализму период. И это не случайно. Упразднение частной собственности на средства производства и распределения, замена ее общественной собственностью, уничтожение эксплуататорских классов и причин, их порождающих, — одна из основных программных целей Коммунистической партии и закономерностей социалистического строительства.

В.И. Ленин и Коммунистическая партия определили генеральную линию организации наступления на капиталистические элементы города и деревни и окончательной ликвидации эксплуататорских классов — превращение в жизнь плана построения социализма.

В.И. Ленин разработал научно обоснованные стратегию, тактику и формы борьбы с эксплуататорскими классами в переходный период, определил основные этапы сближения между растущим социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом. Развивая научные принципы новой экономической политики, В.И. Ленин обосновал объективную необходимость этапа временного частичного отступления от завоеванных позиций, временного допущения на определенных условиях и под контролем государства, при сохранении в его руках командных экономических высот, капиталистических элементов в целях возрождения народного хозяйства, увеличения производства продуктов питания и товаров первой необходимости.

Но уже через год после введения нэпа, на XI съезде РКП(б), В.И. Ленин от имени Центрального Комитета заявил об остановке отступления. "Мы год отступали, — говорил он. — Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил"². Перегруппировка сил, по мысли В.И. Ленина, необходима была для того, чтобы

начать новый этап — этап наступления на капиталистические элементы города и деревни, который должен был завершиться "последним и решительным боем" с "русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается. Вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить. Тут предстоит "последний и решительный бой..."³.

Этот "последний и решительный бой" с буржуазией города и деревни, который предвидел В.И. Ленин, произошел во второй половине 20-х и начале 30-х годов, когда Коммунистическая партия подготовила и осуществила развернутое наступление на капиталистические элементы во всех отраслях народного хозяйства, а также в области политической и идеологической.

Именно этому решающему этапу борьбы рабочего класса и всех трудящихся, возглавляемых Коммунистической партией, против буржуазии города и деревни и посвящена настоящая монография.

Изучение опыта КПСС по подготовке и проведению развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни представляет несомненный интерес и актуальную задачу историко-партийных исследований. В процессе решения этой исторической задачи Коммунистическая партия внесла весомый вклад в творческое развитие марксистско-ленинской теории, научно обосновала с учетом всех объективных и субъективных факторов момент перехода в наступление на буржуазию города и деревни, определила основные этапы этого процесса, всесторонне раскрыла сущность развернутого наступления, формы, методы и средства его проведения применительно к определенному классу эксплуататоров, теоретически обосновала политику ликвидации кулачества как класса и конкретно-историческую форму ее практического осуществления в СССР.

В процессе развернутого наступления социализма на капитализм Коммунистическая партия приобрела богатейший опыт политической, организаторской и идеологической работы, опыт руководства классовыми сражениями на решающем этапе борьбы с капиталистическими элементами, разработки и практического осуществления политики ограничения, вытеснения, а затем и ликвидации эксплуататорских классов, стратегии и тактики классовой борьбы, определения и выбора ее форм и методов на различных этапах подготовки и проведения развернутого наступления. Изучение и обобщение этого опыта имеет непреходящее значение.

Теоретическая и практически-политическая значимость данной

проблемы возрастает в связи с тем, что в переживаемую нами эпоху перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе все новые страны становятся на путь строительства социализма, и революционными партиями этих государств предстоит провести "последний и решительный бой" с капитализмом. Хотя в каждой из этих стран дают себя знать исторические, национальные и другие особенности и поэтому строго необходим их учет, все же определяющее значение имеют основные закономерности, которыми должны руководствоваться революционные партии при организации решающего наступления на эксплуататорские классы. Поэтому овладение братскими партиями богатейшим опытом КПСС оказывает им неоценимую помощь в разработке и осуществлении стратегии и тактики наступления на эксплуататорские классы в ходе строительства социализма. "Авторитет первого социалистического государства непрекращаем, — говорит вице-президент Государственного совета Никарагуа, представитель руководства Никарагуанской социалистической партии Доминго Санчес Сальгадо, — опыт его незаменим. Это политическая школа для всех революционеров"⁴.

Глубокое всестороннее исследование опыта КПСС по организации развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни необходимо также для борьбы с антикоммунизмом и антисоветизмом во всех его разновидностях, для разоблачения фальсификаторов истории КПСС и СССР, правых и "левых" ревизионистов и оппортунистов в международном коммунистическом движении, которые в искаженном зеркале изображают политику КПСС по отношению к эксплуататорским классам в переходный период и процесс их ликвидации.

Исследование комплекса проблем, составляющих тему данной монографии, ведется на материалах Уральской областной партийной организации — одной из крупнейших в партии. В изучаемый период (с 1925 по 1932 г.) ее численность возросла более чем в 3,5 раза и составляла 214 750 человек⁵. По численному составу Уральская партийная организация занимала четвертое место после Московской, Ленинградской и Украинской республиканской. По своему составу это была преимущественно рабочая организация (56,4—63,4% рабочих в ее рядах в исследуемые годы), боевая и сплоченная вокруг Центрального Комитета.

Партийная организация действовала в крупном промышленном и сельскохозяйственном районе страны. Территория области в изучаемый период составляла 1 756,3 тыс.кв.километров, а население в 1925 г. — 6 394,5 тыс.человек, в 1932 г. — 8 020 тыс.человек. Вследствие высоких темпов индустриализации края удельный вес город-

ского населения возрос с 20,2% в 1926 г. до 34,9% в 1932 г.⁶ В состав области входил не только горнозаводский Урал, но и большие прилегающие районы Предуралья на западе и Зауралья на востоке. Иначе говоря, она охватывала территории нынешних Свердловской, Пермской, Челябинской, Курганской, Тюменской областей и части Удмуртской АССР. В административном отношении она делилась на 16 округов (Верхне-Камский, Златоустовский, Ирбитский, Илимский, Коми-Пермяцкий национальный, Кунгурский, Курганский, Пермский, Сарапульский, Свердловский, Тагильский, Тобольский, Троицкий, Челябинский, Шадринский) и 210 районов. В 1929 г. был расформирован Кунгурский округ, а в 1930 г. на основе решения XVI съезда ВКП(б) были ликвидированы все округа, укрупнены и укреплены кадрами районы.

Коммунисты Урала приобрели большой опыт классовых битв с буржуазией города и деревни в период борьбы за победу Октябрьской революции, упрочения Советской власти, гражданской войны, восстановления народного хозяйства. Этот опыт был обогащен и приумножен в период построения фундамента социализма. Здесь с 1925 по 1930 г. действовала крупнейшая в стране концессия "Лена Голдфилдс лимитед". На ее предприятиях был занят крупный отряд рабочего класса (3-4 тыс. постоянных рабочих, а вместе с временными и сезонными - до 8 тыс.), сформировалась одна из самых многочисленных партийных организаций (до 300 коммунистов). Это дает возможность широко показывать формы и методы партийного руководства классовой борьбой трудящихся на концессионных предприятиях, практическое претворение концессионной политики партии, обстоятельно раскрыть причины ликвидации концессии "Лена Голдфилдс" и в целом концессионного капитала в СССР в начале 30-х годов. Региональной особенностью наступления на частнохозяйственный капитал на Урале было то, что процесс вытеснения изнанской буржуазии из крупной промышленности и торговли здесь шел значительно быстрее, чем в целом по стране. Это требует обстоятельного научного исследования и объяснения. Урал являлся одним из крупных центров сосредоточения ремесленного производства и кустарных промыслов. В сборнике материалов, изданном ВСНХ РСФСР и Всесоюзным промсоюзом в 1929 г., отмечалось, что Урал, наряду с Центрально-Промышленной, Ленинградской областями и Северо-Кавказским краем, являлся "средоточием наибольших по абсолютной численности масс кустарей и важнейших гнездовых промыслов"⁷. Это позволяет раскрыть основные формы, методы и этапы организации наступления на изнанскую буржуазию в мелкой кустарно-ремесленной промышленности и промкооперации на примере Урала.

Уральская область (особенно Зауралья) являлась крупным сельскохозяйственным районом страны. В 1926 г. здесь насчитывалось I 222, I тыс. крестьянских хозяйств. Особенность их дифференциации состояла в том, что более мощной была прослойка кулачества и зажиточных середняков и меньше удельный вес бедноты, чем в целом по стране. Это обусловило более сильное сопротивление кулачества наступлению социализма и остроту классовой борьбы в деревне, особенно в период сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Указанные особенности позволяют характеризовать как основные направления деятельности партийных организаций по проведению наступления на сельскую буржуазию, характерные для форм и методов руководства борьбой трудящегося крестьянства против кулачества, применяемых всей партией, так и некоторые специфические черты в деятельности партийных организаций Урала. Вместе с тем важной особенностью организации наступления на кулачество была близость крупного отряда рабочего класса, что облегчало коммунистам Урала подготовку и проведение развернутого наступления на капиталистическую верхушку деревни.

Уральская партийная организация была одной из самых закаленных в классовых боях с врагами, политически опытной и зрелой в теоретическом отношении. Во главе ее в исследуемый период стояли такие видные деятели партии, как К.Н.Антипов, Д.Б.Сулимов, Н.М.Шверник, И.Д.Кабаков. В силу этого несомненный научный интерес представляет изучение опыта уральских коммунистов по организации политического наступления на буржуазию города и деревни, по достижению ее политической изоляции.

Коммунисты Урала проявляли творческий подход к решению проблем, связанных с наступлением на эксплуататорские классы. Они, например, шли в авангарде решения поставленной В.И.Лениным задачи "научиться торговать" и быстрее других овладевали искусством состязания с частным капиталом на рынке путем успешного развития государственной и кооперативной торговли. Положительный опыт руководства партийных и советских организаций области проведением индивидуального обложения кулачества в 1928-1929 гг. получил одобрение Совнаркома РСФСР и был использован в других районах страны. Одними из первых коммунисты края поддержали и распространили рожденный творчеством масс урало-сибирский метод хлебозаготовок (метод самообложения) и т.д.

В монографии анализируется не только положительный опыт, но и недостатки в деятельности коммунистов Урала по организации наступ-

ления на эксплуататорские классы, например, ошибочная тенденция к форсированию вытеснения напманской буржуазии из торговли в середине 20-х годов, что привело к серьезным затруднениям в снабжении населения продуктами и товарами первой необходимости. Наиболее серьезные ошибки были допущены в период сплошной коллективизации и особенно ликвидации кулачества как класса. В работе анализируются причины и социальная природа допущенных ошибок, последствия и меры по их преодолению и исправлению.

Таким образом, на материалах Урала и опыте партийных организаций края представляется возможность проследить как общие закономерности развертывания наступления на капиталистические элементы города и деревни, его основные этапы, главные направления деятельности коммунистов по его организации, так и региональные особенности процесса наступления на буржуазию города и деревни, выявить специфическое в формах, методах, приемах деятельности партийных организаций по осуществлению политики ограничения, вытеснения и окончательной ликвидации эксплуататорских классов.

Хотя исследование темы ведется преимущественно на материалах Урала и партийных организаций края, однако в работе широко показана руководящая деятельность Центрального Комитета партии, результаты изучения опыта партийных организаций Урала сопоставляются с опытом всей партии, а события, развернувшиеся на Урале, — с процессами, тенденциями, характерными для всей страны.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1925 по 1932 г., т.е. период построения фундамента социализма и вместе с тем подготовки и проведения развернутого наступления социализма на капиталистические элементы города и деревни. 1925 г. взят за исходный для изучения темы по ряду причин. Во-первых, он является рубежом в переходе от восстановления к социалистической реконструкции народного хозяйства. В конце 1925 г. состоялся XIV съезд ВКП(б), определивший курс на социалистическую индустриализацию страны. Во-вторых, он является рубежом с точки зрения подведения итогов борьбы с эксплуататорскими классами в период восстановления народного хозяйства по принципу "кто-кого". Именно в этом году, как мы стремимся показать в монографии, завершилась в основном перегруппировка сил и началось наступление социализма на буржуазию города и деревни. XIV съезд ВКП(б) со всей определенностью подчеркнул в резолюции по отчету Центрального Комитета, что в истекшем 1925 г. резко повысился удельный вес социалистической промышленности, государственной и кооперативной торговли, национали-

зированной кредита и других командных высот пролетарского государства. "Таким образом, — говорилось далее в резолюции, — наличие экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики и продвижение экономики СССР в сторону социализма"⁸. На Урале эта закономерная тенденция выразилась еще более рельефно, чем в целом по стране. Конечным хронологическим рубежом исследования берется 1932 г. — год завершения выполнения первого пятилетнего плана, построения фундамента социалистической экономики, год завершения решающего этапа развернутого наступления на эксплуататорские классы. Если в ряде национальных, отдаленных и несельскохозяйственных районов развернутое наступление на капиталистические элементы еще продолжалось, то на Урале к этому времени с ними в основном было покончено.

Историография многих проблем, относящихся к данной теме, прошла в своем развитии три основных этапа. Первый этап — со второй половины 20-х до второй половины 30-х годов; второй — со второй половины 30-х до начала 60-х годов и третий — 60 — 80-е годы.

Исследование истории борьбы с капиталистическими элементами города и деревни в период построения фундамента социализма началось по горячим следам событий еще во второй половине 20-х и в 30-е годы. В то время шел процесс формирования источниковой базы, поэтому не все материалы, особенно архивные, могли быть использованы первыми исследователями. Однако в те годы было опубликовано много документов партийных, советских, профсоюзных, комсомольских, кооперативных органов, статистические сборники и справочники, материалы социологических исследований, Всесоюзной переписи 1926 г. Многочисленные факты из жизни партийных, советских и общественных организаций, о борьбе с капиталистическими элементами были опубликованы в периодической печати. На основе использования этих материалов и были написаны первые работы по интересующей нас теме. Подавляющее большинство авторов не были по профессии историками, они являлись по преимуществу практическими работниками — партийными, советскими, хозяйственными, кооперативными, занимавшими руководящие посты. Значительная часть работ принадлежала перу экономистов и статистиков. Многие из них представляют несомненную историографическую ценность.

Большое внимание первые исследователи уделяли концессионной политике партии и Советского государства и в целом госкапиталистическим формам хозяйства⁹, эволюции частного капитала в промышлен-

ности и торговле, его роли и месту в экономике страны, формам государственного контроля за его деятельностью, начавшемуся процессу его витеснения¹⁰.

Получили известное освещение в литературе 20-х годов вопросы классовой борьбы на концессионных и частных предприятиях, деятельности профсоюзов на них по защите интересов трудящихся, по руководству классовыми выступлениями рабочих против капиталистической эксплуатации¹¹, борьбы с хищническим предпринимательством изыманской буржуазии, с нарушениями ею советских законов, применения по отношению к ее представителям административных мер со стороны Советского государства¹².

Значительное внимание в литературе второй половины 20-х и начала 30-х годов уделено истории социалистического переустройства сельского хозяйства, в том числе вопросам дифференциации крестьянства, ограничения эксплуататорских тенденций кулачества, процессам и формам классовой борьбы в деревне¹³. Среди них особо выделяются брошюры и статьи, посвященные проведению наступления на кулачество и его ликвидации как класса¹⁴.

Отдавая должное первым исследователям, следует отметить, что многие книги и брошюры того времени не могут быть в полной мере отнесены к разряду научно-исследовательских работ. Их авторы не смогли подняться до уровня широких обобщений, в работах того периода содержатся существенные недостатки. Во-первых, в большинстве книг и брошюр не показана руководящая роль партии и ее местных организаций в борьбе с капиталистическими элементами города и деревни. Они написаны в экономическом, публицистическом и лишь отдельные — в общен историческом аспекте. Тема организации Коммунистической партией подготовки и проведения развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни в широком плане, с комплексным рассмотрением ее основных проблем вообще в тот период не ставилась и не разрабатывалась. Наконец, в первых работах содержатся ошибочные положения, которые подвергнуты анализу и критике в историографических трудах последнего времени и во вводных разделах ряда монографий¹⁵.

В последующий период, в силу того, что немногочисленные еще кадры исследователей сосредоточили свое внимание на других актуальных проблемах социалистического строительства и по ряду других причин интерес к теме борьбы с капиталистическими элементами города и деревни резко упал, многие ее аспекты вообще не разрабатывались. Оживление в разработке этой проблематики началось в конце

второго периода развития советской исторической науки — с середины 50-х годов, но наибольшие результаты были достигнуты в последние два с половиной десятилетия — в третий период развития советской исторической науки. Качественный сдвиг в изучении опыта Коммунистической партии по руководству классовой борьбой трудящихся против буржуазии города и деревни, по организации экономического, политического и идеологического наступления на капиталистические элементы в 1925–1932 гг. был подготовлен всем предшествующим развитием историко-партийной и исторической науки, активной работой исследователей в конце предшествующего периода по накоплению фактического материала и его теоретическому обобщению, по освоению историографического и источниковедческого наследия прошлых лет.

Большое влияние на повышение интенсивности и качества исследований оказали важные перемены, которые произошли в жизни партии и страны во второй половине 50-х и 60-е годы. Партия вскрыла и осудила чуждый духу марксизма-ленинизма культ личности, а также проявления субъективизма и волюнтаризма и приняла меры по всестороннему укреплению ленинских принципов в партийной и государственной жизни. Благоприятное влияние этих перемен сказалось и в развитии историко-партийной и исторической науки. Были созданы условия для подлинно творческой работы, для глубокого и всестороннего изучения истории Коммунистической партии и советского общества, в том числе интересующей нас темы.

Разное усиление внимания исследователей к проблемам борьбы с капиталистическими элементами города и деревни было обусловлено также тем, что в странах народной демократии, переживавших этап строительства социализма, разворачивался процесс наступления на капиталистические элементы, в некоторых из них (Венгрия, Польша, Чехословакия) резко обострилась классовая и внутрипартийная борьба. В этих условиях исключительную актуальность приобрело обобщение исторического опыта КПСС по осуществлению наступления на буржуазию города и деревни, ликвидации эксплуататорских классов в переходный от капитализма к социализму период.

Активизация исследования этой проблематики объяснялась и обострением идеологической борьбы между капитализмом и социализмом, усилением попыток идеологов антикоммунизма и антисоветизма, фальсификаторов истории КПСС и СССР извратить политику Коммунистической партии и Советского государства по отношению к эксплуататорским классам и процесс их ликвидации в период строительства социализма. В этих условиях перед советскими историками встала задача

дать научно-аргументированный отпор клеветникам и фальсификаторам из лагеря идеологов империализма.

Качественно новый подход к изучению проблем организации Коммунистической партии наступления на капиталистические элементы города и деревни, классовой борьбы в период построения фундамента социализма характеризуется тем, что за последние два с половиной десятилетия резко расширились масштабы научных изысканий, богаче и разнообразней стала тематика исследований, которые ведутся не только в центре, но и на местах. Постоянно совершенствуется методика научно-изыскательской работы, повысился идейно-теоретический и методологический уровень публикаций. Этому способствовало более углубленное изучение ленинского теоретического наследия об организации наступления на эксплуататорские классы, о проведении с ними "последнего и решительного боя", о классовой борьбе в эпоху диктатуры пролетариата. Не случайно большинство работ, посвященных анализу идей и положений В.И.Ленина о взаимоотношениях классов в переходную эпоху, опубликовано в последний период развития советской исторической науки¹⁶.

В 60-80-е годы историография борьбы с капиталистическими элементами города и деревни, организации наступления на них и ликвидации эксплуататорских классов в СССР в период развернутого строительства социализма обогатилась целым рядом индивидуальных и коллективных монографий.

Основательно исследованы экономистами и историками госкапитализм и его основные формы в переходный от капитализма к социализму период, политика Коммунистической партии и Советского государства по направлению возрождающегося в условиях непа частногохозяйственного капитализма в русло госкапитализма, концессионная политика и процесс ликвидации концессий и в целом госкапиталистического уклада в СССР¹⁷.

Целый ряд монографических работ (особенно 60-70-х годов) посвящен изучению классовой борьбы в СССР, ограничению, вытеснению и ликвидации эксплуататорских классов как в целом в переходный период, так и в годы построения экономического фундамента социализма¹⁸.

Освещение этих вопросов занимает существенное место во всех обобщающих трудах по истории КПСС, истории советского общества, социалистической экономики, в работах, посвященных осуществлению новой экономической политики, ленинского плана строительства социализма в СССР, аграрной политики КПСС, ее идеологической деятельности, проблемам переходного периода от капитализма к социализму¹⁹.

Историографический анализ большинства названных работ дан как в коллективных, так и в индивидуальных исследованиях²⁰, во вводных разделах опубликованных в последний период монографий, в рецензиях.

Что касается историографии избранной нами для исследования темы на материалах партийных организаций Урала, то эта литература весьма немногочисленна. В аспекте данной темы не опубликовано ни одной специальной крупной работы. Организация наступления на издманскую буржуазию в промышленности и торговле края по существу не изучена. Опубликовано лишь несколько статей о кооперировании кустарно-ремесленных промыслов и о борьбе за вытеснение капиталистических элементов из этой отрасли²¹. Нет обстоятельного анализа процесса политической изоляции эксплуататорских классов. Положено начало освещению концессионной политики партии и Советского государства на Урале, руководства партийных организаций классовой борьбой рабочих на предприятиях кампании "Лена Голдфилдс", проанализированы причины прекращения ее деятельности в 1930 г.²²

Значительно больше внимания уральские историки уделили освещению вопросов классовой борьбы в деревне, особенно в период сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Ряд авторов рассматривают деятельность партийных организаций и Советов Урала по преодолению хлебозаготовительных трудностей в 1927-1929 гг.²³ В общих статьях о перевыборах Советов в 1928-1931 гг. фрагментарно освещается и борьба с кулачеством²⁴.

В некоторых публикациях характеризуются отдельные формы классовой борьбы в деревне в период развернутого наступления социализма²⁵.

Среди работ, посвященных борьбе с кулачеством в период сплошной коллективизации и его ликвидации как класса, выделяются исследования Н.В.Ефременкова²⁶. В них охарактеризованы основные формы борьбы кулаков против колхозного движения, а также этапы проведения ликвидации кулачества как класса на Урале.

Историографический анализ уральской исторической и историко-партийной литературы по очерченному кругу проблем дан в нашей работе, опубликованной в свое время в сборнике "Классовая борьба на Урале (1917-1932 годы)"²⁷.

На основе обзора опубликованной литературы, ее историографического анализа, проведенного рядом исследователей, и собственного анализа можно сделать вывод о том, что ряд проблем по избранной нами теме исследования или связанных с ней получил надлежащее научное освещение. Несмотря на это, данная тема нуждается в дальнейшем исследовании. Многие ее аспекты недостаточно или совсем не разрабо-

таны либо требуют дополнительного выяснения. До сих пор остаются спорные вопросы, которые требуют своего разрешения. Между тем за последние годы внимание исследователей к данной проблематике заметно ослабло, а на Урале, можно совершенно определенно сказать, за последнее десятилетие почти не публикуются работы по изучаемой нами теме. Нам представляется, что в эпоху перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе, когда все новые страны становятся на путь строительства социалистического общества, ослабление внимания к обобщению исторического опыта КПСС по организации наступления на эксплуататорские классы и их окончательной ликвидации совершенно не оправданно. Тем более, что многие проблемы этой комплексной темы требуют более углубленного или дополнительного изучения.

Во-первых, обращаем внимание на тот факт, что опыт КПСС и тем более партийных организаций Урала по подготовке и проведению раз-
вернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни с комплексным подходом к решению проблем этой многоплановой темы не получил всестороннего освещения в историко-партийной литературе. Даже многие из тех проблем, которые исследованы, освещены не в историко-партийном плане, а в плане истории СССР либо истории социалистической экономики. Это прежде всего касается разработки вопросов борьбы с наеманской буржуазией в промышленности, торговле, кустарно-ремесленном производстве. Подобным же образом обстоит дело и при исследовании концессионной политики Советского государства, классовой борьбы на госкапиталистических предприятиях, процесса ликвидации концессионного капитала в СССР. Есть настоятельная необходимость в более фундаментальном исследовании форм и методов классовой борьбы, особенностей партийной и профсоюзной работы, способов защиты интересов трудящихся на концессионных и частных предприятиях. Этой проблеме посвящены сообщения З.А. Нургалина и В.А. Архипова²⁸. Но в них речь идет главным образом о деятельности профсоюзов, что, конечно, недостаточно. Всестороннее выяснение этих вопросов на значительном фактическом материале дает дополнительные аргументы для определения сущности концессионных предприятий как капиталистических. Несмотря на обилие литературы о такой форме госкапитализма, как концессии, в ней рассматриваются преимущественно частные причины ликвидации отдельных концессий или групп концессий, а всесторонний анализ совокупности как частных, так и общих причин ликвидации концессионного капитала в СССР в первой половине 30-х годов пока должным образом не проведен. Между тем глубокое, комплексное освещение этой проблемы имеет и теоретическое, и практически-политическое значение в современных условиях.

Не все направления борьбы и с сельской буржуазией освещены в историко-партийном плане. В частности, организация экономического наступления на кулачество рассматривается преимущественно в аспекте общегражданской истории. Требуется дополнительное изучение борьбы партии и ее уральских организаций за достижение политической изоляции кулачества: точное определение основных этапов этого процесса, в особенности завершающего звена, анализ совокупности форм, методов и средств решения этой задачи. Основными рубежами в этом процессе были перевыборные кампании Советов в 1926-1931 гг. Их ход и результаты широко и основательно освещены в указанной выше историко-партийной и исторической литературе. Однако при этом исследователи в большей степени анализируют общие методы, способы, приемы тактики классового врага, которые он применял в борьбе за овладение Советами во всех избирательных кампаниях, наиболее характерные, типичные для всего исследуемого периода, и в меньшей степени обращают внимание на отличительные особенности его тактики борьбы в каждой избирательной кампании. Между тем кулачество приспосабливалось к быстро изменявшимся условиям классовой борьбы, перестраивало свою тактику, наряду с типичными для него использовало и применяло в каждую избирательную кампанию новые приемы, лозунги, чтобы так или иначе сохранить или даже упрочить свое политическое влияние, свои позиции, тем или другим способом проникнуть в Советы. Коммунистическая партия и ее местные организации оперативно реагировали на эти тактические уловки классового врага, своевременно их разоблачали, противопоставляли им свою научно обоснованную политическую линию и тактику, спланировали на этой основе трудящиеся массы и добивались все большей, а в конечном итоге и полной политической изоляции кулачества. Следовательно, каждая избирательная кампания в Советы с точки зрения исследуемой темы имела свои конкретно-исторические особенности, так сказать "свое лицо". Полнее раскрыть эти особенности - важная научная задача. Следует отметить тот факт, что в некоторых перевыборных кампаниях процент участия избирателей на Урале был значительно выше, чем в целом по стране. Эта особенность также должна получить обстоятельное объяснение.

В ряде работ рассматривается такой существенный с точки зрения избранной нами темы исследования вопрос, как определение основных этапов наступления на эксплуататорские классы города и деревни²⁹.

В.А.Архипов и Л.Ф.Морозов в хронологических рамках исследуемого нами периода выделяют три общих этапа наступления на напманскую буржуазию в промышленности, торговле и кустарно-ремесленном производст-

ва. В основе эту периодизацию борьбы в целом со всем классом нэпманской буржуазии можно признать приемлемой. Однако она требует определенного уточнения. Более детальное изучение данной проблемы позволяет сделать вывод о том, что этапы наступления на нэпманскую буржуазию, в том числе развернутого, в крупной промышленности, торговле и кустарно-ремесленном производстве, имели различные хронологические рамки. Это отчетливо прослеживается на Урале. Поэтому необходимо более обстоятельное обоснование этапов организации наступления на нэпманскую буржуазию отдельно в каждой отрасли хозяйства. Требуется теоретического объяснения также тот факт, что наступление на концессионный капитал началось позднее, чем на нэпманскую буржуазию. Эта проблема в имеющейся литературе вообще не рассматривается. И.Я.Трифонов анализирует процесс вытеснения капиталистов отдельно из фабрично-заводской (здесь же кратко речь идет и о ликвидации концессионного капитала в СССР), мелкой и кустарно-ремесленной промышленности и торговли, но четко этапов этого наступления не выделяет. Что касается борьбы с кулачеством, то начало развернутого наступления на сельскую буржуазию он относит к 1928-1929 гг.³⁰ По существу такой же точки зрения придерживается и Ф.М.Ваганов³¹. Подобная постановка вопроса не только сомнительна, но и неправомерна. В.А.Сидоров в период от перехода к социалистической реконструкции народного хозяйства до начала сплошной коллективизации выделяет один этап наступления на кулачество³². Но это спорное решение вопроса. Следует, наконец, обратить внимание на то, что этап развернутого наступления на кулачество и этапы его ликвидации как класса ни хронологически, ни по их сути полностью не совпадают. С.Н.Трапезников, например, пишет, что с переходом партии к политике ликвидации кулачества как класса "было положено начало развернутому наступлению социализму по всему фронту"³³. Но это неточное решение проблемы.

При исследовании процесса борьбы с кулачеством мобилизация масс получила более или менее достаточное освещение. Иначе обстоит дело с анализом вытеснения нэпманской буржуазии. В данном случае рассматриваются преимущественно экономические и административные меры борьбы. Следует отметить, что в этом отношении выгодно отличается монография В.А.Архипова и Л.Ф.Морозова. Один из ее разделов авторы специально посвятили массово-политической работе и классовой борьбе на частных и арендованных предприятиях³⁴. Однако в целом эта проблема остается недостаточно освещенной и требует дальнейшей научной разработки. Необходимо также более полное освещение борьбы партийных,

советских и общественных организаций с остатками напманской буржуазии после ее вытеснения из промышленности и товарооборота и распада как социальной группировки в 1930-1932 гг., когда значительные ее отряды ушли в подпольную спекулятивную торговлю на черном рынке.

Представляется также необходимым рассмотрение некоторых теоретических вопросов. Об отдельных из них выше уже говорилось. Это относится также к вопросу о понятии и содержании развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни. Почти во всех работах (за немногими исключениями³⁵), в которых рассматриваются проблемы развернутого наступления на эксплуататорские классы, речь идет главным образом о переходе в наступление во всех отраслях экономики, в том числе в сельском хозяйстве, против самого многочисленного эксплуататорского класса — кулачества, о мерах Коммунистической партии и Советского государства преимущественно в области социально-экономической. Безусловно, это главное направление, основное звено в цепи задач борьбы с капиталистическими элементами. Однако содержание развернутого наступления этим не исчерпывается. Оно органически включало в себя меры проведения наступления в области политической и идеологической, которые сопровождались перестройкой и совершенствованием организационной работы партийных, советских и общественных организаций, мобилизацией масс на борьбу с эксплуататорскими классами. Кроме того, некоторые авторы недостаточно четко разграничивают процессы и отражающие их понятия: "развернутое наступление социализма по всему фронту" и "развернутое наступление на капиталистические элементы города и деревни"³⁶. Между ними, конечно, много общего, но они не тождественны по содержанию и не совпадают полностью по хронологическим рамкам.

Исходя из актуальности избранной темы исследования, опираясь на достигнутые историко-партийной и исторической наукой результаты ее изучения и учитывая целый ряд нерешенных или недостаточно исследованных проблем, а также спорных вопросов, автор настоящей монографической работы ставит своей задачей на материалах партийных организаций Урала в сопоставлении с общепартийным опытом раскрыть деятельность Коммунистической партии по подготовке и проведению развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни в 1925-1932 гг. При этом автор намерен рассмотреть организацию наступления на капиталистические элементы и основные его этапы в промышленности, кустарно-ремесленном производстве, торговле, сельском хозяйстве; раскрыть поэтапно процесс политической изоляции буржуазии города и деревни в ходе избирательных кампаний в Советы в 1926-1931 гг.

Теоретическую и методологическую основу монографии составляют труды К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, решения и материалы XIV, XV, XVI съездов, XV и XVI конференций партии, пленумов ее Центрального Комитета, доклады, речи и выступления руководящих деятелей партии — М.И.Калинина, С.М.Кирова, В.В.Куйбышева, А.И.Микояна, Г.К.Орджоникидзе, И.В.Сталина и др.

В трудах В.И.Ленина сформулированы и обоснованы важнейшие теоретические и методологические положения о возрастании руководящей роли партии и ее местных организаций в период борьбы за победу социализма, о тесном единстве ее теоретической, идеологической, политической и организаторской работы, изменении форм и методов партийной работы в связи с изменением условий, обстановки и конкретно-исторических задач; о трех основных формах классовой борьбы пролетариата, о том, что диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы с капиталистическими элементами в новых формах, в том числе таких, как подавление сопротивления эксплуататорских классов, состязание в области экономики между растущим социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом по принципу "кто-кого", использование концессионного капитала как своеобразной формы сотрудничества и классовой борьбы с международной буржуазией, борьба за влияние на мелкобуржуазные массы, за их вовлечение в строительство социализма; о точном учете соотношения классовых сил на каждом этапе борьбы за социализм; о главном стратегическом направлении борьбы с капитализмом — развитии социалистических форм хозяйства, о кардинальной задаче коммунистов — овладеть методами социалистического хозяйствования, научиться хозяйничать, научиться торговать не хуже, а лучше капиталистов, это — важнейшее общепартийное дело; об основных этапах борьбы между социализмом и капитализмом в период напа по принципу "кто-кого": временное частичное отступление, перегруппировка сил для организации нового наступления, подготовка "последнего и решительного боя" с капитализмом во всех отраслях экономики на основе индустриализации страны и социалистического преобразования мелкотоварного производства, представляющего собой глубочайшие корни постоянного возрождения капитализма; об основных принципах и методах использования буржуазии в целях восстановления хозяйства, сущности политики ее ограничения, вытеснения и окончательной ликвидации; о неизбежной и упорной борьбе с кулаками — самыми зверскими, самыми грубыми, самыми дикими эксплуататорами до их полной ликвидации как класса, о создании для решения этой исторической задачи всех необходимых предпосылок; о всемерном

укреплении диктатуры пролетариата путем усиления в Советах руководящего ядра за счет лучших представителей рабочего класса, путем всемерного укрепления союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, об обеспечении политической изоляции эксплуататорских классов; о необходимости рассматривать все исторические явления и процессы конкретно-исторически, в развитии, во взаимосвязи с другими явлениями и процессами, анализировать и оценивать их с классовых, партийных позиций, строго научно и объективно; выделить решающее звено в цепи событий, главные факторы, стороны, определяющие сущность исторических явлений, процессов; критически анализировать практический опыт партийных организаций, обобщать все положительное, вскрывать ошибки и недостатки, причины, их породившие, намечать пути их исправления и т.д.

В документах партии эти ленинские положения нашли дальнейшее творческое развитие применительно к задачам и конкретно-исторической обстановке периода подготовки и проведения развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни, были обоснованы главные этапы этого наступления, указаны способы, методы и средства его проведения, раскрыто содержание развернутого наступления социализма по всему фронту, разработана стратегия и тактика классовой борьбы на этапе "последнего и решительного боя" с эксплуататорскими классами.

Источниковую базу работы составляют опубликованные документы Коммунистической партии и ее уральских организаций. Это стенографические отчеты съездов, конференций партии, в документах которых теоретически обосновывалась генеральная линия партии на строительство социализма, курс на социалистическую индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, на развернутое наступление социализма по всему фронту. В них определялась политика партии по отношению к капиталистическим элементам города и деревни на каждом новом рубежном этапе социалистического строительства и конкретные меры по ее практическому осуществлению, обосновывались этапы наступления на эксплуататорские классы и их окончательной ликвидации. Дальнейшее развитие и конкретизацию эта политика получила в резолюциях пленумов Центрального Комитета и специальных постановлениях ЦК ВКП(б)³⁷.

Очень ценными для нас являются документы, характеризующие конкретное оперативное руководство Центрального Комитета деятельностью партийных организаций Урала. Это постановления ЦК ВКП(б) о работе Златоустовского окружкома ВКП(б) (ноябрь 1926 и февраль 1929 г.)³⁸

Свердловского окружкома ВКП(б) (март 1928 г.³⁹), письмо ЦК Шадринскому окружному партии (март 1927 г.⁴⁰).

В этих постановлениях и письмах Центральный Комитет не только в целом анализировал деятельность соответствующих партийных организаций, но и давал оценку того, насколько правильно и последовательно они проводят классовую линию партии, вскрывал недостатки в их работе в этом направлении.

К числу важнейших опубликованных источников необходимо отнести стенограммы и решения УП, УШ, IX, X и XI Уральских областных партийных конференций и материалы к отчету Уралобкома ВКП(б) к данным конференциям, а также отчеты ОблКК-РКИ за определенный период деятельности⁴¹. В этих документах дан всесторонний анализ деятельности партийных организаций края по претворению в жизнь генеральной линии партии на строительство социализма, по преодолению трудностей этого строительства, в том числе по подавлению ожесточенного сопротивления классовых врагов, по развертыванию наступления на эксплуататорские классы во всех отраслях экономики, в области политической и идеологической.

Особую группу источников представляют опубликованные документы и материалы уральских советских и общественных организаций. Это прежде всего стенограммы VI, VII и VIII съездов Советов Урала и опубликованные отчеты Уралоблисполкома к этим съездам⁴². В них содержится богатейший фактический материал по таким вопросам, как укрепление рабочего ядра в Советах и госаппарате, анализ хода и результатов выборов Советов в исследуемый период, характеристика форм классовой борьбы с антисоветскими группами в городе и кулачеством в деревне, проведение классовой политики партии в области налогообложения, кредита, машиноснабжения, аренды земли и найма рабочей силы в сельском хозяйстве, организации наступления на непманскую буржуазию в торговле, кустарно-ремесленной промышленности и т.д. Обобщенные факты и цифры о политической борьбе на Урале в период избирательных кампаний в 1925/26 и 1926/27 гг. содержатся в изданных Уралоблисполкомом материалах основных итогов выборов в Советы Уралобласти в указанный период⁴³.

Особого внимания как источники заслуживают статистические справочники и сборники, изданные в исследуемый период на Урале. Они отличаются исключительным богатством форм и содержания. Это целая серия статистических справочников "Уральское хозяйство в цифрах" за 1926, 1927, 1928, 1929, 1930 и 1931-1932 гг., "Социалистическое

строительство Урала за 15 лет", сборники "Экономика Урала в таблицах и диаграммах за 1925/26-1928/29 гг.", "Колхозы на Урале в 1928 г.", "Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале"⁴⁴ и др. Уральские статистические материалы отличаются своей многоплановостью, добротностью, высотой степенью точности и потому представляют огромную ценность для исследователей.

Важную категорию источников составляют материалы периодической печати - газет "Правда", "Известия", "Уральский рабочий", "Уральская областная крестьянская газета", "Челябинский рабочий", "Звезда" (Пермь), "Красный Курган" и др., журналов "Большевик", "Уральский коммунист", "Хозяйство Урала", "Известия Уралоблисполкома". В периодической печати широко разъяснялась классовая политика партии на различных этапах борьбы против капиталистических элементов города и деревни, разоблачались идеология и политика эксплуататорских классов, выдвигаемые ими антисоветские лозунги. Здесь мы находим живые картины классовой борьбы в городе и деревне, материалы судебных процессов над преступившими советские законы концессионерами, эппманами, спекулянтами, кулаками, членами антисоветских группировок, вредителями, участниками террористических актов против партийных, советских работников, деревенских активистов. Значительный фактический материал в периодических изданиях имеется о политической и организаторской работе коммунистов Урала по мобилизации масс на отпор ожесточенно сопротивляющемуся социалистическим преобразованиям классовому врагу; о подготовке и проведении развернутого наступления на капиталистические элементы в 1925-1932 гг.

Исключительные по разнообразию и богатству материалы о руководящей деятельности Центрального Комитета, политической и организаторской работе коммунистов Урала, направленной на подготовку и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни, извлечены нами из фондов партийных архивов: Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), партийных архивов Свердловского обкома КПСС (ПАСО), Пермского обкома КПСС (ПАПО), Челябинского обкома КПСС (ПАЧО), Курганского обкома КПСС (ПАКО).

Обширный круг документов по интересующим нас проблемам выявлен в фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР), Центрального государственного архива народного хозяйства СССР (ЦГАНХ), Центрального государственного архива РСФСР (ЦГА РСФСР), в государственных архивах Свердловской (ГАСО), Челябинской (ГАЧО), Пермской (ГАПО) областей.

Г л а в а I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УКЛАДЫ, РАССТАНОВКА И СООТНОШЕНИЕ КЛАССОВЫХ СИЛ НА УРАЛЕ НАКАНУНЕ ПЕРЕХОДА К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

I. Экономическое положение в стране и на Урале к концу восстановительного периода

С завершением к середине 20-х годов восстановления народного хозяйства и переходом к его реконструкции претворение в жизнь ленинского плана построения социализма в нашей стране вступило в решающую фазу. Генеральная линия Коммунистической партии состояла в том, чтобы последовательно осуществляя курс на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, принятый XIV и XV съездами, построить фундамент социализма, утвердить социалистические производственные отношения во всем народном хозяйстве.

В неразрывной связи с программой этих грандиозных преобразований встала задача подготовки и проведения развернутого наступления на капиталистический сектор экономики, его полного вытеснения и ликвидации эксплуататорских классов в СССР.

Конечная цель Коммунистической партии — построение бесклассового общества. Решение этой исторической задачи начинается на этапе построения социализма — первой фазы коммунизма. В период перехода от капитализма к социализму происходят коренные изменения в судьбах классов, осуществляется целенаправленный процесс ликвидации одних (эксплуататорских) и преобразования других (неэксплуататорских) классов. Основоположник научного коммунизма К.Маркс, развивая теорию классов и классовой борьбы, писал, что диктатура пролетариата "составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов"¹. Это теоретическое положение всесторонне обосновал В.И.Ленин. Он указывал, что задача социализма "состоит в том, чтобы уничтожить классы"², что "коммунизм есть уничтожение классов"³. В.И.Ленин разъяснил, в чем заключается основное содержание этого процесса. "Уничтожить классы, — писал он, — это значит поставить всех граждан в одинаковое отношение к средствам производства всего общества, это значит — все граждане имеют одинаковый доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле, на общественных фабриках и так далее"⁴.

Следовательно, ликвидация классов означает прежде всего уничтожение частной и утверждение общественной собственности на средства производства. Но сохраняющиеся в переходный период частнособственни-

ческие отношения в экономике не являются однотипными, выступают в двух формах — капиталистической и мелкобуржуазной. В.И. Ленин раскрыл принципиальное различие путей и методов ликвидации этих двух видов частной собственности на средства производства и стоящих за ними классов: эксплуататорских и мелких товаропроизводителей. Собственность крупной монополистической буржуазии и помещиков необходимо обобществить сразу после победы социалистической революции и тем самым уничтожить эти классы. Среднюю буржуазию и кулачество возможно временно, в интересах строительства социализма, допустить к сотрудничеству с пролетарским государством, строго ограничивая их эксплуататорские устремления, а затем полностью экспроприировать, как и крупных капиталистов. Что касается мелких производителей, то их нельзя экспроприировать, их нужно длительной, настойчивой, систематической воспитательной и организаторской работой переделывать, преобразовать весь уклад их жизни, вовлечь в строительство социализма. В.И. Ленин указал и путь практического решения этой задачи — кооперирование крестьянства, кустарей и ремесленников, превращение их в социалистический класс.

Вместе с коренным изменением социальной природы рабочего класса и крестьянства в процессе строительства социализма происходит перевоспитание большей части старой буржуазной интеллигенции и зарождение новой из народа, преданной делу социализма и коммунизма.

Таким образом, социализм утверждает социальную однородность общества. В.И. Ленин характеризовал социализм как период постепенного уничтожения классов и становления социального равенства. Конечно, он не мог предвидать все перипетии конкретного процесса ликвидации классов и классовых различий в ходе строительства социализма и коммунизма. Ответы на возникавшие проблемы мог дать лишь исторический опыт, обобщение практики созидания нового общества.

Практическое претворение в жизнь программного требования научного коммунизма об уничтожении классов началось в нашей стране с победой Октябрьской революции. "Мы..., — говорил В.И. Ленин на X съезде партии, — первые поставили практически вопрос об этом уничтожении классов..."⁵ С вступлением страны в период социалистической реконструкции народного хозяйства начинался решающий этап борьбы за полное вытеснение и ликвидацию последних эксплуататорских классов, за социалистическое преобразование мелкотоварного хозяйства крестьян, кустарей и ремесленников. Это вызвало, с одной стороны, отчаянное сопротивление всех враждебных диктатуре пролетариата сил, а с другой — усиление в определенные периоды колебаний мелкобуржуазных элементов.

Переход к социалистической реконструкции народного хозяйства сопровождался вследствие этого резким обострением классовой борьбы.

В настоящей работе в связи с рассмотрением деятельности Коммунистической партии и ее уральских организаций по подготовке и проведению развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни, представляется уместным и необходимым остановиться на вопросе о том, что составляет содержание процессов и отражающих их понятий "развернутое наступление социализма по всему фронту" и "развернутое наступление на капиталистические элементы города и деревни". Четкого разграничения содержания этих процессов и понятий в историко-партийной и исторической литературе пока не дано.

Эти понятия не идентичны. Первое значительно шире по своему содержанию. Оно включает в себя весь комплекс мероприятий Коммунистической партии и Советского государства по организации развернутого наступления социализма во всему фронту: ускорение темпов индустриализации страны и в целом создания материально-технической базы социализма на основе первого пятилетнего плана и решений XVI съезда ВКП(б); переход к сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса, ускорение темпов кооперирования мелкотоварного производства в кустарно-ремесленной промышленности и вытеснение из этой отрасли и промкооперации наемной буржуазии; укрепление торговой смычки через социалистические формы товарооборота (государственная, кооперативная и колхозная торговля) и всемерное развитие производственных форм смычки между городом и деревней; развертывание в широких масштабах подготовки кадров специалистов для народного хозяйства из рабочих и крестьян на основе решений ноябрьского 1929 г. Пленума ЦК и XVI съезда ВКП(б) и перевоспитание старой интеллигенции; совершенствование государственного и хозяйственного аппарата и развертывание последовательной борьбы за искоренение бюрократизма; укрепление и перестройка деятельности Советов, профсоюзов, комсомола и других массовых организаций, поворот их "лицом к производству", к задачам колхозного строительства, к достижению полной политической изоляции капиталистических элементов города и деревни; разгром контрреволюционных организаций - "Промпартии", "Трудовой крестьянской партии", меньшевистского "Союзного бюро ЦК РСДРП" и др.; организация наступления на идеологическом фронте, усиление работы по воспитанию масс в духе социализма, разоблачение буржуазных и мелкобуржуазных теорий и концепций, отражающих интересы эксплуататорских классов, разгром правого оппортунизма и контрреволюционного трошкизма; всестороннее развитие творческой инициативы трудящихся в

строительстве социализма, получившей наиболее яркое проявление в возникновении массового социалистического соревнования за досрочное выполнение первого пятилетнего плана. Хронологически этап развернутого наступления социализма по всему фронту охватывал вторую половину 1929-1932 гг.

Понятие "развернутое наступление на капиталистические элементы города и деревни" значительно уже по своему содержанию, хотя и имеет немало общего с понятием "развернутое наступление социализма по всему фронту". Оно включает в себя комплекс мер партии и государства по организации развернутого наступления непосредственно на концессионный капитал, нэпманскую буржуазию и кулачество в области социально-экономической, политической и идеологической; выигрывание экономического состязания с капитализмом по принципу "кто-кого" и ликвидации на этой основе концессионного капитала, вытеснение значительных отрядов нэпманской буржуазии; усиление экономических и административных мер по ограничению и вытеснению буржуазии города и деревни; повышение уровня руководства партийных и профсоюзных организаций классовой борьбой трудящихся на госкапиталистических и частных предприятиях, против кулачества, сплочением масс в борьбе за отстаивание их интересов против эксплуататорских классов; наращивание темпов вытеснения нэпманской буржуазии из мелкой промышленности и промыслового хозяйства посредством развертывания кооперирования кустарей и ремесленников, включения так называемых "диких" кооперативов в систему промыслового хозяйства и ликвидации лжекооперативов, чистки промыслового хозяйства от капиталистических элементов, ликвидации остатков нэпманской буржуазии, перешедшей к спекулятивной, подпольной торговле на черном рынке; достижение полной политической изоляции буржуазии города и деревни, нашедшей наиболее концентрированное выражение в результатах выборов городских, поселковых и сельских Советов в 1929, 1930 и 1931 гг.; идейный разгром буржуазных и мелкобуржуазных теорий и концепций, отражающих идеологию и интересы эксплуататорских классов, правого оппортунизма и контрреволюционного троцкизма. Хронологически этап развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни также не совпадает с этапом развернутого наступления социализма по всему фронту. Решающее наступление на нэпманскую буржуазию в промышленности и торговле началось раньше - с 1928 г., после XV съезда ВКП(б).

Политику наступления на капиталистические элементы города и деревни, стратегию и тактику классовой борьбы Коммунистическая партия разрабатывала на прочной основе марксистско-ленинской теории, при

всестороннем и объективном учете соотношения классовых сил на новом этапе социалистического строительства. "Марксизм, — указывал В.И. Ленин, — требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента"⁶. "И лишь тогда, — писал он в другом месте, — когда мы сумеем правильно и совершенно трезво, независимо от наших симпатий и желаний, учесть эти силы, лишь тогда мы сможем сделать и правильные выводы относительно нашей политики вообще и наших ближайших задач"⁷.

Руководствуясь этими положениями, Коммунистическая партия строго научно определила исходные позиции, занимаемые рабочим классом вместе с союзниками, с одной стороны, и его противниками — с другой, в момент перехода от восстановления к социалистической реконструкции народного хозяйства как в области экономической, так и в области политической.

Прежде всего партия и ее местные организации подвели итоги восстановления народного хозяйства к началу 1926 г. Это было необходимо как для выяснения того, в какой мере созданы предпосылки перехода к социалистической индустриализации страны, так и того, насколько подготовлены условия для развертывания наступления на капитализм, в частности, каково соотношение различных общественно-экономических укладов в народном хозяйстве, за которыми стояли определенные классы. Экономика была главной сферой борьбы между социализмом и капитализмом. Определение исходных позиций перехода к новому этапу социалистического строительства и наступления на капиталистические элементы города и деревни проводилось как в целом по стране, так и по каждому крупному административному и экономическому региону, в том числе и на Урале.

В результате напряжения всех сил рабочего класса и трудящегося крестьянства, руководимых Коммунистической партией, за первые пять лет новой экономической политики были достигнуты крупные успехи в возрождении экономики страны. К середине 20-х годов народное хозяйство почти вышло на довоенный уровень.

В начальный период непа решалась первоочередная задача быстрого восстановления сельского хозяйства как исходного пункта борьбы с экономической разрухой, создания продовольственной и сырьевой базы для развития промышленности и рынка сбыта для ее продукции, а также важнейшей предпосылки укрепления союза рабочего класса и крестьянства.

Посевная площадь в стране в 1925 г. составила 99,3%, а валовая продукция сельского хозяйства — 112% довоенного уровня. поголовье

крупного рогатого скота, овец и свиней превысило уровень 1916 г., лишь поголовье лошадей не было полностью восполнено⁸.

Быстрыми темпами шел процесс восстановления промышленности, объемом производства которой в 1925 г. достиг 73%, а крупной (фабрично-заводской или ценовой) – 75% от уровня 1913 г. В 1926 г. крупная промышленность дала уже 108% довоенной продукции⁹.

На этой основе успешно развивалась торговля. В 1925 г. розничный товарооборот составил 72,3%, в 1926 г. – 97,7% довоенного уровня¹⁰.

Значительных успехов в восстановлении народного хозяйства добились коммунисты и трудящиеся Урала.

Экономика области представляла собой довольно сложное и многотраслевое хозяйство. Урал уже тогда являлся крупным промышленным районом. Однако преобладало сельское хозяйство. В 1924/25 г. его валовая продукция составила 532,4 млн.руб., или 64,3% общей продукции промышленности и земледелия, а промышленности – 294,7 млн.руб. и 35,7%¹¹.

Вступая в новый период социалистического строительства, коммунисты Урала на VI областной партийной конференции в декабре 1925 г. подвели итоги работы по восстановлению народного хозяйства, определили исходные позиции перехода к его реконструкции.

Приближалось к завершению восстановление сельского хозяйства. Однако уровень его производства к началу реконструктивного периода был ниже, чем в целом по стране. Так, посевная площадь составила в 1925 г. лишь около 9/10 ее довоенного размера¹². Однако урожай с одной десятины в последние годы восстановительного периода был значительно выше среднего за десять довоенных лет (1904–1914): ржи – на 9–11%, овса – на 9–15%, пшеницы – на 15–20%¹³. Поэтому валовой сбор зерновых культур в 1925 г. почти достиг довоенного объема, составив 242,7 млн.пудов, или 94% к уровню 1913 г. и 100,8% – 1916 г.¹⁴ Поголовье скота, особенно лошадей, также не было полностью восполнено. В 1925 г. крупного рогатого скота насчитывалось 3 656,8 тыс. голов, или 92,7% к стаду 1916 г., лошадей – 1 845,9 тыс. (79,1%)¹⁵. Только поголовье овец и свиней было восстановлено почти полностью. Некоторое отставание темпов роста сельского хозяйства Урала от общесоюзных показателей объясняется тем, что юго-восточные районы области, как и весь юго-восток РСФСР, наиболее пострадали от страшной засухи 1921 г.

Из потребляющего в период разрухи и голода Урал опять стал производящим районом. В 1924/25 г. за пределы области было вывезено

32 млн. пудов хлеба, 536 тыс. пудов животного масла, 335 тыс. пудов маслосемян и других продуктов на 58,7 млн. руб.¹⁶

Возрождавшаяся из руин и промышленность Урала. И тоже медленнее, чем в целом по стране. В 1924/25 г. ее валовая продукция составила 66,3% к уровню 1913 г., крупной фабрично-заводской — 69,4% и мелкой кустарно-ремесленной — 55%, а в следующем 1925/26 г. — соответственно 87,8, 93 и 68,1%¹⁷. Более низкие темпы роста промышленности на Урале, чем в целом по стране, объясняются, во-первых, тем, что в крупно-заводском производстве здесь преобладали горная и металлургическая промышленность, а процесс их восстановления, как известно, шел несравненно медленнее, чем других отраслей. Что касается малого кустарно-ремесленного производства, то оно в первую очередь зависело от сырьевой базы, а сельское хозяйство Урала, особенно животноводство, медленнее восполняло огромные потери, понесенные в период войн и засухи 1921 г.

В целом состояние промышленности Уральской области в 1924/25 хозяйственном году выглядело следующим образом (см. табл. I)¹⁸:

Таблица I

Численные показатели состояния промышленности
Уралобласти в 1924/25 г.

Промышленность	Количество производственных единиц		Численность занятых лиц		Валовая продукция	
	абсол.	%	тыс. чел.	%	тыс. черв. руб.	%
Вся промышленность	65 886	100	212,060	100	294 755,2	100
В том числе:						
фабрично-заводская	577	0,8	124,028	58,5	237 542,5	80,6
мелкая кустарно-ремесленная	65 309	99,2	88,032	41,5	57 212,7	19,4

Из таблицы видно, что в крупной промышленности было сосредоточено всего 0,8% заведений и вместе с тем около 3/5 всех занятых в производстве лиц. Она давала 4/5 валовой продукции всей промышленности, в то время как мелкая промышленность, в которой было занято более 2/5 работников, производила лишь пятую часть продукции.

Проведенные партийными, хозяйственными и профсоюзными организациями мероприятия по рационализации производства, обновлению оборудования, улучшению организации и условий труда повысили его производительность. Только за 1924/25 г. она выросла на 52%, достигнув в

среднем по всей промышленности 86% от довоенного уровня¹⁹.

Подъем сельскохозяйственного и промышленного производства на основе нэп создал необходимые предпосылки для установления и развития экономической смычки между городом и деревней посредством торговли. Быстрыми темпами рос внутренний рынок. Спрос городского и сельского населения Уралобласти на промышленные товары составлял в 1924/25 г. 170 млн.руб., а в 1925/26 г. - 290 млн.руб.²⁰ Только за 1924/25 г. товарооборот всех торговых заведений области увеличился с 363 974 до 631 209 тыс.руб., т.е. на 73,4%²¹.

Восстановление промышленности, сельского хозяйства и товарооборота сопровождалось улучшением материального положения рабочих и крестьян, всех трудящихся. В основном были преодолены последствия неурожая 1921 г. и голода. Деклассирование рабочего класса не только прекратилось, но и начался обратный процесс восстановления его сил и консолидации. На 1 октября 1925 г. во всех отраслях хозяйства области насчитывалось 327,7 тыс.рабочих, в промышленности - 196,5 тыс., в том числе в крупной - 142,3 тыс.²² Повышалась заработная плата рабочих. К концу 1924/25 г. она составляла уже 93% от довоенного уровня, а за 1925/26 г. номинально еще выросла на 25%²³. Поднимался жизненный уровень сельского населения. Крестьяне стали лучше питаться, оставлять больше средств на расширение своего хозяйства, приобретение промышленных товаров, удовлетворение культурных потребностей. В 1924/25 г. земледельцы Урала только от продажи сельскохозяйственной продукции государству получили 177 млн.руб. чистой прибыли, или на 20% больше, чем в 1923/24 г.²⁴ Если в 1924/25 г. условно-чистый доход в среднем на одно крестьянское хозяйство составил 436 руб., то в 1925/26 г. - 595 руб., т.е. вырос на 36,4%²⁵.

Таким образом, несмотря на некоторые особенности экономического положения на Урале к середине 20-х годов, успехи коммунистов и трудящихся области в восстановлении народного хозяйства были несомненны. Тем самым была создана одна из решающих предпосылок перехода к социалистической реконструкции хозяйства и усилению наступления на капиталистические элементы страны.

Здесь следует особо подчеркнуть, что уже само восстановление народного хозяйства на основе разработанной В.И.Лениным новой экономической политики явилось огромной победой Коммунистической партии и Советской власти в борьбе за социализм, против буржуазии города и деревни.

В.И.Ленин указывал, что нэп вполне обеспечивает построение фундамента социализма и в целом социалистического общества, но вместе

с тем таит в себе и громадную опасность для диктатуры пролетариата²⁶, ибо предполагает острейшую борьбу по принципу "кто-кого" между растущим социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом. В докладе на II Всероссийском съезде политпросветов в октябре 1921 г. и в политическом отчете ЦК ВКП(б) XI съезду партии 27 марта 1922 г. он глубоко раскрыл содержание этой проблемы. "Весь вопрос, — указывал он, — кто кого опередит? Успех капиталисты раньше организовать, — и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто кого?"²⁷

В.И. Ленин всесторонне охарактеризовал основные направления, по которым будет разворачиваться борьба в хозяйственной области, — прежде всего и главным образом вокруг вопроса об установлении смычки с крестьянской экономикой, об удовлетворении через рынок и торговлю материальных потребностей крестьянства. Коммунисты должны знать, указывал он, что "задача нэпа, основная, решающая, все остальное себе подчиняющая, — это установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить... и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян"²⁸. Цель партии и Советской власти — доказать крестьянину, что они могут и умеют помочь ему поднять, улучшить его разоренное хозяйство, умеют не хуже капиталистов установить смычку с ним, удовлетворить его потребности, помочь ему двинуться вперед. "Вот такой экзамен на нас неминуемо надвигается, — подчеркивал Ленин, — и он, этот экзамен, все решит в последнем счете: и судьбу нэпа, и судьбу коммунистической власти в России"²⁹. И если Коммунистическая партия этот экзамен выдержит, "тогда наше дело будет абсолютно непобедимо, и никакие силы в мире нас не победят"³⁰.

Во-вторых, это проверка соревнования на почве нэпа государственных и капиталистических предприятий, состязание социалистических и капиталистических принципов и методов хозяйствования. Ленин призывал всех коммунистов овладеть научными методами руководства социалистическими предприятиями, научиться хозяйничать, научиться торговать и, используя преимущества социалистической системы хозяйства, победить в экономическом соревновании буржуазию. Ленин отмечал, что это соревнование очень серьезное и решающее и отнюдь не обычное, а "еще одна форма борьбы двух классов, непримиримо враждебных друг другу"³¹. Он разъяснял: "Это не есть соревнование, это есть отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом"³².

В самом начале нэпа соотношение борющихся сил было неблагоприятным для социалистического сектора народного хозяйства. В резолюции

XV съезда ВКП(б) "О работе в деревне" отмечалось, что в то время "командные высоты пролетариата были крайне ослаблены, частный капитал находился в периоде своего первоначального накопления и наступал, мелкобуржуазная стихия представляла крупнейшую мелкособственническую угрозу для дела социалистического строительства..."³³.

Совершенно иным стало положение к середине 20-х годов. Итоги восстановления народного хозяйства свидетельствовали о том, что Коммунистическая партия и ее уральские организации, выполняя заветы вождя, успешно овладевают научными принципами руководства экономикой, методами хозяйствования, торговлей, выдержали состязание с частным капиталом, добились установления прочной смички между социалистической промышленностью и крестьянской экономикой.

В итоге в восстановительный период была осуществлена в основном важнейшая задача, говорится в многоотомной "Истории КПСС", научиться вести хозяйство не хуже капиталистов³⁴. Это создавало условия для успешного решения в ближайшие годы вопроса "кто-кого?" в пользу социализма. Тем более, что и соотношение социально-экономических укладов в хозяйстве страны и Урала значительно изменилось, особенно в торговле — главной сфере деятельности частного капитала.

2. Социально-экономические уклады в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и классовый состав населения Уральской области к началу реконструктивного периода

Наряду с общим подъемом народного хозяйства на основе нэпа, как и предвидел В.И. Ленин, происходило непрерывное упрочение командных экономических высот, находившихся в руках Советского государства, явно в пользу социализма изменилось соотношение основных общественно-экономических укладов переходного периода. На Урале эта тенденция проявилась, пожалуй, даже более выпукло, чем в целом по стране. К концу восстановительного периода особенно сильные позиции социалистический сектор занимал в крупной фабрично-заводской промышленности Урала. Об этом убедительно говорят данные таблицы 2¹.

Из таблицы видно, что в 1924/25 г. в СССР на предприятия социалистического сектора приходилось 98,18% всех рабочих, занятых в крупной промышленности, и они давали 96,3% ее валовой продукции, а на Урале соответственно 99,5 и 99,3%. В то же время на предприятиях капиталистического сектора по стране было занято только 1,82% рабочих фабрично-заводской промышленности, и эти заведения выпускали 3,7% ее валовой продукции. На Урале еще меньше — соответственно 0,5 и 0,7%. Правда, в следующем, 1925/26 г., в связи с передачей по до-

Таблица 2

Соотношение социально-экономических укладов в
фабрично-заводской промышленности страны и
Урала в 1923/24 - 1924/25 гг., %

Год	Социалистический уклад						Капиталистический (вместе с госкап.)	
	В е с ь		Государственный		Кооперативный			
	Занято рабочих	Валовая продукция	Занято рабочих	Валовая продукция	Занято рабочих	Валовая продукция	Занято рабочих	Валовая продукция
			С С С Р					
1923/24	97,32	95,59	94,40	90,89	2,92	4,70	2,68	4,37
1924/25	98,18	96,30	94,35	90,63	3,83	5,67	1,82	3,70
			У р а л о б л а с т ь					
1923/24	99,26	99,20	97,60	97,20	1,66	2,00	0,74	0,80
1924/25	99,50	99,30	97,00	96,40	2,50	2,90	0,50	0,70

говору концессии "Лена голдфилдс лимитед" ряда заводов и рудников, удельный вес капиталистического сектора несколько поднялся (по числу предприятий - до 5,6%, занятых рабочих - до 2,2% и валовой продукции - до 2,4%)². Однако это было временное явление, так как уже в 1926/27 г. его доля вновь начала сокращаться. Кроме того, основное направление борьбы по принципу "кто-кого" шло не между социалистическим и госкапиталистическим укладом, а между социализмом и частнохозяйственным капитализмом, а удельный вес последнего в уральской фабрично-заводской промышленности непрерывно сокращался и в 1925/26 г. составлял (по принятым выше подразделениям) соответственно 3,9%, 0,26 и 0,47%³.

По нашему мнению, эти данные позволяют сделать вполне определенный вывод о том, что в конце восстановительного периода в крупной промышленности страны и Урала не только началось наступление на частнохозяйственный капитал, но и вопрос "кто-кого" был в основном уже решен в пользу социализма.

Иным выглядело положение в мелкой кустарно-ремесленной промышленности, которая давала, как уже говорилось, до 1/5 валовой продукции всей промышленности области и в которой было занято более

2/5 рабочей силы⁴. В ней тоже развивалась социалистическая тенденция, однако к середине 20-х годов преобладающим оставался частный сектор, хотя и не капиталистический, а мелкотоварный. Всестороннее обследование кустарно-ремесленной промышленности и изучение происходящих в ней социальных процессов по указанию ЦК ВКП(б) и местных парторганов началось в реконструктивный период. Поэтому точных данных о соотношении общественно-экономических укладов в уральской мелкой промышленности к концу восстановительного периода нет. Однако в результате произведенных подсчетов на основе ряда источников нам удалось определить приблизительную социально-экономическую картину кустарно-ремесленного производства на Урале в 1924/25 г. Она видна из нижеприведенной таблицы (см. табл.3)⁵.

Таблица 3

Удельный вес общественно-экономических укладов в
мелкой кустарно-ремесленной промышленности Урала
в 1924/25 г.

Общественно-экономический уклад	Количество производственных единиц		Численность занятых лиц		Валовая продукция	
	абсол.	%	абсол.	%	млн. черв. руб.	%
Социалистический	3 612	5,5	12 220	13,9	21,3	37,2
В том числе:						
государственный	376	0,5	1 571	1,8	8,3	14,5
кооперативный	3 236	5,0	10 649	12,1	13,0	22,7
Частный	61 697	94,5	75 812	86,1	35,9	62,8
В том числе:						
мелкотоварный	61 047	93,5	72 712	82,6	33,6	58,8
капиталистический	650	1,0	3 100	3,5	2,3	4,0

Как видим, в частном секторе было сосредоточено 94,5% всех заведений мелкой промышленности и 86,1% занятых лиц. Предприятия этого сектора давали около 2/3 валовой продукции кустарно-ремесленного производства, в том числе 4% — мелкокапиталистический уклад. На долю социалистического сектора приходилось лишь 5,5% заведений и 13,9% занятых лиц. Но поскольку эти предприятия были значительно крупнее и технически лучше оснащены, то они производили более 1/3 валовой продукции мелкой промышленности. И в этой отрасли экономики руководители государственных и кооперативных заведений научились хозяйст-

зовать не хуже капиталистов. Даже в кооперативных заведениях, не говоря уже о государственных, выработка на одно занятое лицо была выше на 64,5%, чем в мелкокапиталистических. В этом заключалась одна из важнейших предпосылок вовлечения в социалистическое строительство остальных трудящихся кустарей и ремесленников и полного вытеснения капиталистических элементов, ибо "производительность труда, — указывал В.И. Ленин, — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя"⁶.

Следует также отметить, что в мелкой промышленности Уралобласти социалистический уклад занимал к началу реконструктивного периода более сильные позиции, чем в кустарно-ремесленном производстве всей страны. В 1924/25 г. в мелкой промышленности Союза государственные и кооперативные предприятия дали 23% валовой продукции⁷, тогда как на Урале — 37,2%.

Однако в целом в кустарно-ремесленной промышленности преобладало частное хозяйство мелких капиталистов и простых товаропроизводителей, которое постоянно рождало капитализм. Поэтому в кустарной промышленности предстояла еще серьезная борьба по принципу "кто-кого?".

Каково же было соотношение общественно-экономических укладов во всей промышленности Урала? Ответ на этот вопрос дают данные таблицы 4⁸.

Таблица 4

Удельный вес различных социальных секторов в производстве валовой продукции всей промышленности в 1924/25 г.

Сектор промышленности	СССР	Уралобласть	
	%	млн. черв.руб.	%
Социалистический	79,3	257,2	87,2
В том числе:			
государственный	—	237,2	80,5
кооперативный	—	20,0	6,7
Частный	20,7	37,5	12,8
В том числе:			
мелкотоварный	—	33,6	11,5
капиталистический (вместе с госкапиталистическим)	—	3,9	1,3

Данные таблицы показывают, что и во всей промышленности Урала социалистический уклад занимал к концу восстановительного периода преобладающие позиции, его предприятия давали 87,2% продукции, в том числе более 4/5 – государственного сектора. На долю частного сектора приходилось только 12,8% выпускаемой продукции, при этом лишь 1,3% давали капиталистические предприятия. Вместе с тем на Урале удельный вес частного сектора был значительно меньше, чем в целом по стране (соответственно 12,8 и 20,7%).

Совершенно другое положение с точки зрения соотношения социально-экономических укладов имело место к середине 20-х годов в сельском хозяйстве Урала. Хотя здесь тоже развивалась социалистическая тенденция, но она еще была слабо выражена, особенно в сфере производства. К концу 1925 г. в области насчитывалось всего 462 колхоза, объединявших 11,7 тыс.членов, и до 70 совхозов, значительное число которых были мелкими и в последующем слились с более мощными хозяйствами. В сельскохозяйственном производстве полностью преобладал частный сектор. Это хорошо иллюстрируют данные таблицы 5¹⁰.

Таблица 5

Удельный вес различных секторов в посевной площади и поголовье скота на Урале в 1924/25 г., %

Сектор сельского хозяйства	Посев- ная площадь	Поголовье скота				
		Весь скот	Крупный рогатый		Лошади	
			весь	коровы	все	рабочие
Социалистический	0,77	0,30	0,24	0,20	0,25	0,25
Частный	99,23	99,70	99,76	99,80	99,75	99,75

Из таблицы видно, что доля социалистического уклада в полеводстве и животноводстве Уралобласти не составляла и одного процента. Данных на 1924/25 г. о валовой продукции сельского хозяйства по социальным секторам нет, но на основе вышеприведенных и ряда других показателей можно считать, что удельный вес социалистического уклада во всем сельскохозяйственном производстве Урала достигал к этому времени не более 0,6–0,7%¹¹.

Однако социалистическая тенденция развития в сельском хозяйстве в то время не ограничивалась деятельностью совхозов и колхозов, она проявляла себя также в росте простых форм кооперации – потребительской, сельскохозяйственной (объединяющей ряд специализированных форм кооперации – кредитную, снабженческо-сбытовую, семеноводческую).

льноводческую, маслодельную и т.п.). В конце 1925 г. в потребительскую кооперацию было вовлечено 27% крестьянских хозяйств Урала, а в сельскохозяйственную - 24,5% (в целом по стране соответственно 37 и 28%)¹².

О социальной природе простых форм кооперации и характере отношений внутри них у исследователей нет единого мнения. По этому вопросу имела место дискуссия. Ряд историков, в частности В.П.Данилов, считают, что для низших форм кооперации характерны переходные от буржуазных к социалистическим производственные отношения¹³. Авторы историографического очерка "Строительство социализма в СССР" - Л.М. Зак, В.С.Лельчук и В.И.Погудин утверждают, что эта точка зрения "не встречает возражений"¹⁴. Однако В.М.Селунская в одной из своих статей ставит под сомнение правильность данного положения. Она резонно замечает, что в работах 1923 г. В.И.Ленин пришел к выводу о преобладании в кооперации социалистических тенденций и возможности и необходимости ее отнесения к социалистическому, а не к госкапиталистическому укладу. "Почему же мы теперь, - ставит вполне уместный вопрос В.М.Селунская, - должны идти назад и рассматривать отношения кооперативно-социалистического сектора не как начальную форму социалистических отношений, а как форму, переходную к социалистическим?"¹⁵ Далее следует вывод о том, что разработка вопроса о социально-экономической природе доколхозной кооперации сохраняет всю свою актуальность.

Присоединяясь к возражениям В.М.Селунской, следует сказать, что точка зрения В.П.Данилова нам представляется ошибочной. По нашему мнению, нет никаких оснований пересматривать оценку простых форм кооперации как предприятий социалистических¹⁶. При этом нельзя не согласиться с мнением Л.Е.Файна о том, что в данном случае В.И.Ленин дает оценку социального содержания кооперации в целом и ее нельзя механически распространять на все кооперативы и их объединения, ибо в переходный период, пока не осуществлено полное и всестороннее кооперирование, в кооперативных организациях происходила острая борьба социалистических и капиталистических начал и в некоторых из них последние еще одерживали верх¹⁷. Так было, например, в кулацких лжекооперативах и колхозах в 20-х годах. Но они составляли незначительное меньшинство. Подавляющее же большинство кооперативов, в том числе и простейших, в которых "действительно участвуют действительные массы населения"¹⁸, т.е. рабочие, батраки, бедняки, середняки, трудящиеся кустари и ремесленники, являлись по своей социальной природе социалистическими. Внутри простых форм кооперации действовали социалистические принципы и отношения. Дело лишь в том, что

они охватывали не все стороны экономической жизнедеятельности крестьянских хозяйств, а лишь отдельные (товарообмен, кредит, сбыт, снабжение, т.е. распределение) и не охватывали главного — производства.

Отсюда можно заключить, что ряд сторон хозяйственной деятельности крестьянских хозяйств, вовлеченных в простые формы кооперации, был охвачен социалистическими отношениями, а их производство базировалось еще на мелкобуржуазных отношениях. Поскольку сохранялась частная собственность на орудия и средства производства (за исключением земли), то преобладающими в крестьянских хозяйствах оставались мелкобуржуазные отношения. Поэтому, если и можно говорить о переходных от буржуазных к социалистическим отношениям, то они имели место не в простых формах кооперации, не внутри этих кооперативов, являющихся носителями социалистических отношений, а внутри крестьянских хозяйств, вовлеченных в потребительскую и сельскохозяйственную кооперацию.

Внутри указанных крестьянских хозяйств имели место сочетание и борьба буржуазных и социалистических отношений. И в данном случае еще проявлялась двойственная природа крестьянина: как труженика его тянуло к отношениям, носителем которых был рабочий класс, а как собственник он пока еще тяготел к буржуазным условиям жизни. Одной сферой своей деятельности (товарообмен, кредит, снабжение, сбыт и т.п.) крестьянин уже вступил в социалистические отношения, а в главной — производственной сфере — он еще оставался на почве мелкобуржуазных отношений. Назначение простых форм кооперации и состояло в том, чтобы охватить часть сторон экономической жизни крестьянских хозяйств социалистическими отношениями и тем самым подготовить постепенно окончательный переход мелких собственников на путь социализма, охватить социалистическими отношениями и главную сферу их деятельности — производство.

Таким образом, если в сельскохозяйственном производстве социалистический уклад занимал на Урале к началу реконструктивного периода небольшое место, то в сфере сбыта, снабжения, кредита он получил уже значительное развитие. Это являлось одной из важных предпосылок перехода к социалистической реконструкции народного хозяйства и усиления наступления на капиталистические элементы деревни, которые к концу восстановительного периода заметно укрепили свои экономические позиции. На Урале, особенно в Зауралье — основном сельскохозяйственном районе области, эта тенденция проявилась даже более рельефно, чем в целом по стране.

В свете вышеизложенного нельзя согласиться с точкой зрения авторов второго тома "Истории социалистической экономики СССР", которые выдвигают следующее положение: "Однако само по себе кооперирование сбыта и снабжения не создавало в деревне социалистических производственных отношений, для этого требовалось углубление процесса кооперирования, обобществление средств производства и переход к общественной обработке земли"¹⁹. Этот тезис, который авторы должным образом не аргументируют, вызывает серьезные возражения. Прежде всего, совокупность производственных отношений, в том числе и социалистических, включает в себя не только формы собственности на средства производства, но и вытекающие отсюда формы распределения, в том числе сбыт, снабжения, товарообмен и т.д. Или авторы считают, что социалистические отношения при диктатуре пролетариата могут утверждаться обязательно сначала во всех сферах производства, а уж потом в распределении? Но ведь для функционирования кооперативных социалистических предприятий в снабжении, сбыте, товарообороте были созданы необходимые предпосылки в результате национализации основных средств производства, в том числе земли, находившихся в руках пролетарского государства. Как же тогда быть со следующим положением В.И.Ленина: "При нашем существующем строе предприятия кооперативные... не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.е. рабочему классу... Кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом"²⁰. Выходит, если стоять на точке зрения авторов, то кооперативные социалистические предприятия в сбыте, снабжении, торговле функционировали... без социалистических производственных отношений. Или они полагают, что В.И.Ленин в приведенном рассуждении имеет в виду только производственную кооперацию? Но это не так, он имел в виду все формы кооперации — и низшие и высшие.

В данной работе нет возможности обстоятельно проанализировать социально-экономические отношения среди индивидуальных крестьянских хозяйств Урала в конце восстановительного периода. Этот вопрос освещен нами в совместной работе с В.П.Анистратенко, в статье Л.П.Сашенковой, а социально-экономические процессы в доколхозной уральской деревне во второй половине 20-х годов — в работах Н.В.Ефременкова и В.Е.Муравьева²¹. Поэтому отсылаем заинтересованного читателя к указанным исследованиям.

Здесь же скажем, что к середине 20-х годов в уральской деревне, как и в целом по стране, произошли значительные социально-экономические сдвиги, выразившиеся в конечном итоге в усилении процесса осреднячивания крестьянства. XIV съезд ВКП(б) в резолюции по отчету

Центрального Комитета отметил, что в результате революционных преобразований Советской власти и оказания помощи маломощным хозяйствам деревни середняцкие слои чрезвычайно усилились и "составляют теперь, несмотря на процесс дифференциации, основную массу крестьянства".

Вместе с тем в условиях напа, некоторой свободы торговли и огромного преобладания индивидуальных хозяйств с частной собственностью на орудия труда и средства производства (за исключением земли) в среде крестьянства неизбежно развивались процессы дифференциации, социального неравенства. Поэтому наряду с усилением середняцкой части деревни происходило выделение пролетарских элементов (батрачества) на одном полюсе и некоторый рост кулацкой верхушки - на другом. Мелкотоварное производство в силу внутренних закономерностей своего развития непрерывно рождало капиталистические элементы. Правда, ограничительные меры Советской власти значительно сдерживали этот рост, но полностью предотвратить его не могли.

Общепризнанные в исторической литературе и наиболее правильные данные о классовом составе уральского крестьянства имеются за 1927 г.²³ В то же время есть статистические материалы об удельном весе различных социальных групп крестьянства за 1925 и 1927 гг. в целом по стране. Учитывая, что на Урале была более мощной прослойка середняка, а также принимая во внимание изменение соотношения количественных признаков, можно хотя бы приблизительно представить классовую структуру уральского крестьянства и за 1925 г. Это мы попытались сделать в нижеприведенной таблице (см. табл.6)²⁴.

Таблица 6

Социальный состав крестьянских хозяйств СССР и
Уралобласти в 1925 и 1927 гг., %

Классовая группа крестьянства	СССР		Урал		Зауралье	
	1925	1927	1925	1927	1925	1927
Батраки	9,7	10,0	4,3	4,7	4,2	4,6
Бедняки	25,9	23,3	24,3	21,0	20,3	17,1
Середняки	61,1	62,8	68,0	69,9	70,7	72,8
Кулаки	3,3	3,9	3,4	4,0	4,8	5,5

Данные по Уралу и Зауралью за 1927 г. точные, за 1925 - приближенные, но они в основном отражают действительную картину социального расслоения крестьянства. Таблица отражает следующие особенности процесса дифференциации крестьянства Урала, в первую очередь

земледельческого Зауралья; здесь более мощная прослойка середняка, многочисленная кулацкая верхушка, меньше удельный вес бедноты и батрачества.

Какое же место занимала каждая из социальных групп крестьянства Урала в сельскохозяйственном производстве к началу реконструктивного периода? Статистических данных на этот счет за 1924/25 г. не имеется. В некоторых источниках содержится ряд отправных показателей за 1926/27 г. Воспользовавшись ими, мы произвели подсчеты и составили таблицу, которая характеризует соотношение различных классовых групп крестьянства в сельскохозяйственном производстве (см. табл.7)²⁵.

Таблица 7

Удельный вес различных социальных групп крестьянства Урала
в сельскохозяйственном производстве в 1926/27 г., %

Доля социальной группы	Батраки	Бедняки	Середняки	Кулаки
Удельный вес в составе всех хозяйств	4,7	21,4	69,9	4,0
Приходится на социальную группу:				
пашни	2,4	12,8	75,8	9,0
посева	2,4	9,7	78,7	10,2
рабочих лошадей	0,96	9,14	81,3	8,6
коров	2,3	13,7	76,1	7,9
всех средств производства (по стоимости)	1,0	7,6	79,6	11,8
всего инвентаря	0,3	4,0	78,6	17,1
сельхозинвентаря	0,2	2,4	76,5	20,9
валовой продукции -				
всей	1,7	11,2	79,2	7,9
зернового хозяйства	0,9	9,4	80,4	9,3
товарной продукции -				
всей с учетом продажи живого скота	0,9	7,6	79,7	11,8
зернового хозяйства	0,4	4,9	80,0	14,7

Содержащиеся в таблице показатели убедительно подтверждают положение о том, что центральной фигурой земледелия в советской доколхозной деревне являлся середняк, что в сельскохозяйственном производстве основную, преобладающую роль играл мелкотоварный уклад. Св-

редняки, которые составляли около 70% всех крестьянских хозяйств Урала, имели 78,7% от всей посевной площади, более 4/5 рабочих лошадей, до 80% всех средств производства (по их стоимости), давали столько же валовой и товарной продукции. Вместе с тем довольно сильные экономические позиции в сельском хозяйстве области занимал капиталистический уклад. Кулаки, составляя 4% всех крестьянских хозяйств, сосредоточивали в своих руках более десятой части посевной площади, всех средств производства, 17,1% всего и 20,9% полевого инвентаря (по стоимости), 9,3% валовой и седьмую часть товарной продукции зернового хозяйства.

Наглядно видна из таблицы и картина социального неравенства в уральской деревне. Бедняки, более чем в 4 раза превосходившие по численности кулаков, в то же время имели меньше последних посева, несравненно меньше средств производства, инвентаря, особенно сельскохозяйственного (по стоимости — почти в девять раз), всей товарной продукции и зернового хозяйства. Только пашни, рабочих лошадей и коров они имели несколько больше, чем кулаки, а также больше на 3,3% давали всей валовой продукции. Что касается батрацких хозяйств, то их роль в сельскохозяйственном производстве была совсем ничтожна, хотя по численности они превосходили кулацкие дворы.

Опираясь на данные таблиц 5, 6 и 7, можно вполне обоснованно предположить, что в 1924/25 г. кулацкие хозяйства Уралобласти производили не более 6,5–6,8% валовой продукции частного сектора сельского хозяйства. Если эта цифра и является не вполне точной, то она все-таки близка к истине. Отсюда можно вывести соотношение основных социально-экономических укладов в сельскохозяйственном производстве к началу реконструктивного периода (см. табл.8)²⁶.

Таблица 8

Удельный вес различных социальных секторов в валовой продукции сельского хозяйства Урала

У к л а д	Валовая продукция	
	тыс. черв. руб.	%
Социалистический	3 194,1	0,6
Мелкотоварный и патриархальный	493 492,6	93,7
Капиталистический	35 667,7	6,7

Как видно, львиную долю продукции сельского хозяйства в конце восстановительного периода давал мелкотоварный уклад (вместе с патриархальным). В то же время капиталистический уклад более чем в десять раз превосходил по своей экономической мощности социалистический в сфере производства.

А каково же было соотношение общественно-экономических укладов в общем производстве промышленности и сельского хозяйства? Об этом дают представление сводные показатели, полученные на основе таблиц 4 и 6 настоящей работы (см. табл.9)²⁷.

Таблица 9

Удельный вес социально-экономических укладов в общей валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в 1924/25 г.

У к л а д	Валовая продукция	
	млн. черв. руб.	%
Социалистический	260,4	32,8
Мелкотоварный и патриархальный	527,1	62,7
Капиталистический (в т.ч. госкапиталистический)	39,6	4,5

Таким образом, к началу реконструктивного периода доля социалистического уклада в сфере материального производства Уралобласти составляла уже около третьей части. В то же время госкапиталистический и капиталистический уклады вместе с мелкотоварным, в котором господствовали частнособственнические, мелкобуржуазные отношения и который постоянно и систематически порождал капиталистические элементы, давали более двух третей продукции народного хозяйства.

Следовательно, вопрос "кто-кого?" в сфере производства далеко еще не был решен в пользу социализма. Необходимо было подготовить и развернуть решительное наступление на капиталистические элементы не только в крупной фабрично-заводской промышленности, где оно уже осуществлялось, но также в кустарно-ремесленном и сельскохозяйственном производстве, создать необходимые предпосылки и осуществить полное социалистическое преобразование мелкотоварного уклада в промышленности и сельском хозяйстве.

Что касается сферы товарного обращения, то, несмотря на значительные успехи партийных, советских и хозяйственных организаций Урала в развитии социалистических форм торговли, и здесь предстояла еще

упорная борьба за полное вытеснение частного капитала и обобществление товарооборота.

Каково было конкретное соотношение общественно-экономических укладов к концу восстановительного периода на Урале, наглядно иллюстрируют данные табл.10²⁸.

Таблица 10

Удельный вес социально-экономических укладов в торговле
Уралобласти в 1924/25 г.

Уклад	Количество торговых заведений				Обороты торговых заведений			
	В с е г о		В том числе розничных		В с е х		В том числе розничных	
	абс.	%	абс.	%	тыс.руб.	%	тыс.руб.	%
Социалистический	7 535	29,0	6 964	27,2	542 492	85,8	178 934	68,9
В том числе:								
госторговля	1 063	4,4	660	2,6	265 339	42,0	24 314	9,4
кооперация	6 472	24,6	6 304	24,6	277 153	43,8	154 620	59,5
Частнокапиталистический	18 781	71,0	18 624	71,8	88 717	14,2	80 617	31,1

Из таблицы видно, что на долю социалистического уклада приходилось менее трети всех торговых предприятий и примерно столько же розничных, тогда как на долю частного сектора тех и других приходилось более 70%. Следует, однако, иметь в виду, что подавляющее большинство частных торговых точек были мелкими и мельчайшими (торговля вразвоз и вразнос, палаточная и с лотков). В основном они относились к заведениям I-го и 2-го разрядов, тогда как государственные и кооперативные магазины и лавки являлись более крупными, преимущественно 3-4-го и лишь в небольшом числе I-го и 2-го разрядов²⁹. Вместе с тем в руках государства и кооперации было сосредоточено почти 9/10 оптовых и 3/4 оптово-розничных предприятий.

В силу этого социалистический уклад значительно превосходил капиталистический по объему товарооборота. Не говоря уже об оптовом, где на долю частных не приходилось и 5%, даже в розничном товарообороте области удельный вес госторговли и кооперации достигал более 2/3, а в общем — 85,8%, капиталистического же уклада — соответственно 31,1 и 14,2%³⁰.

Необходимо отметить ту особенность соотношения общественно-экономических укладов в товарообороте Урала, что здесь социалистический сектор торговли к началу реконструктивного периода занимал более сильные позиции, чем в целом по стране. В 1924/25 г. по Союзу на долю капиталистического уклада приходилось 25% общего, 8,5% оптового и 43% розничного товарооборота³¹.

Более быстрые темпы вытеснения частного капитала из сферы товарного обращения на Урале объясняются рядом причин. Во-первых, в дореволюционное время здесь, в силу значительного удельного веса натурального хозяйства, недостаточного развития транспортной сети, торговля была развита слабее, чем в Европейской России. Во-вторых, в ходе революции и гражданской войны позиции частного на Урале были основательно подорваны, и он медленнее восстанавливал свои капиталы. К тому же в 1924 г. у местных руководителей временно возобладала тенденция административными мерами форсировать его вытеснение. В-третьих, для развертывания оптовой торговли частник не имел на Урале необходимой базы — крупных и в достаточном числе капиталистических предприятий легкой промышленности, выпускавших товары широкого потребления. Но самая важная причина состояла в том, что коммунисты, советские и торгово-кооперативные работники Урала, последовательно и настойчиво выполняя указание В.И.Ленина, научились торговать не хуже частного, быстрыми темпами налаживали государственную и кооперативную торговлю. "Очевидно, — отмечал В.В.Кулибисhev на XIII съезде РКП(б), — местные товарищи (т.е. уральские коммунисты. — В.К.) поработали над постановкой у себя торгового дела и достигли известного успеха"³².

Таково было соотношение общественно-экономических укладов в народном хозяйстве Урала к началу реконструктивного периода. В ряде отраслей, в том числе в ведущей — крупной промышленности, а также в оптовом товарообороте социалистический сектор уже к середине 20-х годов достиг подавляющего преимущества. В других же сферах экономики — мелкой промышленности, сельском хозяйстве, в розничном товарообороте еще сильны были позиции частного капитала и велик удельный вес мелкотоварного уклада, производство которого основывалось на частной собственности на средства производства и который постоянно выделял капиталистические элементы. В целом вопрос "кто-кого?" далеко еще не был решен в пользу социализма, хотя последний и занимал на Урале более прочные позиции, чем в целом по стране.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, какой рубеж надо считать завершением перегруппировки сил и началом наступления на капиталистические элементы, о чем нет единого взгляда в советской

историографии. Обмен мнениями по этой проблеме состоялся в ходе дискуссии о нэпе, организованной журналом "Вопросы истории КПСС" (1966-1968). В редакционной статье журнала "К итогам обсуждения проблем новой экономической политики" был сделан обобщающий вывод о том, что наступление на капиталистические элементы имело место уже в конце восстановительного периода³³. В подтверждение этой точки зрения приводится весьма убедительная ссылка на резолюцию XIV съезда ВКП(б), в которой говорится о начавшемся в истекшем 1924/25 г. экономическом наступлении пролетариата на базе нэпа³⁴.

Авторы монографии "В.И. Ленин и история классов и политических партий в России" не согласны с этим и предлагают свое решение проблемы. Они считают, что начало наступления на капиталистические элементы надо отнести не к 1925 г., а к осени 1926 г., когда прекратился абсолютный рост частного капитала как в промышленности, так и в торговле³⁵. Вместе с тем выражается согласие с точкой зрения В.И. Кузьмина о том, что невозможно точно обозначить хронологическую грань между периодами перегруппировки сил и началом наступления на капиталистические элементы. Мотивировка данного положения состоит в том, что, с одной стороны, элементы наступления были налицо уже в период перегруппировки сил, а с другой — элементы перегруппировки, которые сводятся к упрочению "рыночной" связи обобщественного сектора с мелким крестьянским хозяйством³⁶, имели место и в первые годы реконструкции народного хозяйства³⁷.

Что можно сказать относительно этой аргументации? Прежде всего следует заметить, что невозможно не считаться с довольно определенно выраженным мнением XIV съезда ВКП(б). Либо надо доказать на конкретно-историческом материале, что в этом пункте резолюция съезда не соответствовала действительному положению, либо учитывать ее в полной мере. В своей рецензии на монографию Л.К. Шкаренков приводит некоторый фактический материал, который подтверждает правильность выводов XIV съезда партии³⁸. Обрисованное выше положение на Урале также убеждает в этом. 1923/24 г. был последним годом относительного роста частнокапиталистической промышленности. За 1924/25 г. удельный вес капиталистического сектора в валовой продукции крупной (ценовой) промышленности сократился по стране с 4,37 до 3,7% и в последующем неуклонно снижался, хотя до 1926 г. по физическому объему и наблюдался некоторый прирост производства³⁹. В главной сфере деятельности частного капитала — в торговле — его доля за 1924-1925 гг. упала (в общем товарообороте) по стране с 64 до 27,4%, а по Уралу — с 31,3 до 14,2%⁴⁰. Правда, в 1925-1926 гг., в связи с переходом партии на осно-

ве решений апрельского (1925 г.) Пленума ЦК ВКП(б) к новой торговой практике⁴¹, частный розничный оборот абсолютно несколько увеличился при одновременном резком сокращении его удельного веса. В конечном итоге с 1922/23 по 1926 г. розничный товарооборот обобщественного сектора увеличился почти в 6 раз (в сопоставимых ценах), между тем товарооборот частника вырос за это время только на 16%, а его доля сократилась с 75,4 до 38,8%⁴².

Разве эти данные не говорят сами за себя? Разве решающее значение имеет только абсолютное сокращение частного капитала, а резкое относительное падение его удельного веса — не доказательство начавшегося наступления? Как же быть тогда с тезисом о том, что генеральным направлением борьбы против капитализма было развитие социалистического уклада во всех отраслях народного хозяйства, который авторы монографии признали безусловно правильным?⁴³

В.А.Архипов и Л.Ф.Морозов в работе "Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле" довольно своеобразно подходят к трактовке этого вопроса. Они цитируют положение из резолюции XIV съезда ВКП(б) о том, что в конце восстановительного периода началось экономическое наступление пролетариата на базе нэпа, но в дальнейшем ведут речь о создании в 1925-1926 гг. экономических и политических предпосылок для развернутого вытеснения капиталистических элементов из промышленности и торговли⁴⁴. На вопрос о том, осуществлялось или нет в эти годы наступление на изпманскую буржуазию, авторы четкого ответа не дают.

Вместе с тем они выдвигают противоречивое, на наш взгляд, положение о роли социалистического сектора экономики в вытеснении частного капитала из промышленности. С одной стороны, они правильно говорят, что основу вытеснения капиталистических элементов из промышленности составляло проведение политики социалистической индустриализации, что с развитием и укреплением социалистической промышленности деятельность частников в этой основной отрасли народного хозяйства становилась все более беспочвенной. В то же время авторы не согласны с теми исследователями, которые усматривали непосредственную зависимость между успехами социалистической индустриализации и вытеснением частного капитала. По их мнению, взаимосвязь между социалистической индустриализацией страны и вытеснением частного капитала из промышленности проявлялась в более опосредованном и сложном виде. Она происходила в конечном счете благодаря тому, что социалистическая индустриализация обеспечивала коренную реконструкцию экономики страны⁴⁵.

Однако несколькими страницами ниже они пишут: "Решающее значение для вытеснения частного капитала из промышленности имел рост производства в социалистическом секторе. Как только государственная и кооперативная промышленность насыщала рынок своей продукцией, частная промышленность начинала быстро свертываться. Так было, например, в обувной промышленности...

Такая же картина наблюдалась в табачной промышленности и в ряде других отраслей производства. Там, где государственная и кооперативная промышленность обеспечивала спрос населения, частнокапиталистическая промышленность оказывалась не в состоянии сколько-нибудь успешно с ними соревноваться"⁴⁶.

Подобные же идеи авторы высказывают и о роли государственной и кооперативной торговли в вытеснении нешманской буржуазии из оптового и розничного товарооборота⁴⁷.

Выходит, таким образом, что между ростом производства социалистической промышленности на базе индустриализации, развитием государственной и кооперативной торговли и темпами вытеснения нешманской буржуазии имела место прямая связь. Следовательно, В.А.Архипов и Л.Ф.Морозов впадают в определенное противоречие с самими собой. Вызывает также возражение их положение о том, что развернутое наступление на нешманскую буржуазию началось с конца 1926 г. Но об этом подробнее мы скажем в главе третьей нашей работы.

Что касается мнения В.И.Кузьмина о том, что имело место переплетение элементов перегруппировки сил и наступления и нельзя абсолютно точно обозначить грань между одним и другим периодом, то оно заслуживает внимания, но вместе с тем требует определенных поправок. Во-первых, нельзя сводить перегруппировку сил только к упрочению рыночной связи обобщественного сектора с мелким крестьянским хозяйством. Она включала в себя, прежде всего, перегруппировку партийных сил, сосредоточение лучших кадров партии на решающем участке — на хозяйственном фронте, овладение коммунистами научными принципами хозяйствования в условиях нэпа, укрепление командных экономических высот пролетарского государства и их экономической смычки с крестьянским хозяйством.

Все эти кардинальные задачи к исходу восстановительного периода в главных чертах были решены, что сыграло первостепенную роль в определении партией курса на индустриализацию страны и социалистическую реконструкцию всего народного хозяйства.

Во-вторых, сочетание элементов перегруппировки и наступления действительно имело место, но главным образом в конце восстанови-

тельного периода, причем перегруппировка завершалась, а наступление начиналось. С переходом к социалистической реконструкции народного хозяйства элементы перегруппировки если и сохранялись в какой-то степени, то уже не имели определяющего значения. В данном случае В.И.Кузьмин неточно трактует одно положение из резолюции XV съезда ВКП(б) "О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства". В ней говорится, что "за период новой экономической политики произошла радикальная перегруппировка в отношениях между общественными формами хозяйства (в первую очередь социалистической индустрией), простым товарным хозяйством и хозяйством капиталистическим"⁴⁸. Отсюда В.И.Кузьмин заключает, что эти кардинальные изменения завершились к XV съезду ВКП(б)⁴⁹. Но это не так: в резолюции говорится, что они произошли на пороге перехода от восстановительного к реконструктивному периоду, т.е. ко времени XIV съезда партии. Следовательно, перегруппировка сил в основном закончилась в конце восстановительного периода, что явилось важнейшей предпосылкой перехода к социалистической реконструкции народного хозяйства и усиления наступления на капиталистические элементы.

Для правильной оценки Коммунистической партией соотношения классовых сил внутри страны в целях выработки научно обоснованной и целенаправленной социальной политики, стратегии и тактики борьбы против капиталистических элементов, определения ее форм и методов на новом этапе социалистического строительства существенное значение имел учет того, какой удельный вес среди населения занимает каждая социальная группа и, прежде всего, основные из них: рабочий класс, мелкая буржуазия, буржуазия, а также интеллигенция и служащие.

В связи с этим в середине и особенно во второй половине 20-х годов на основе директив партии и правительства проводится большая работа по изучению классовой дифференциации среди крестьян, кустарей и ремесленников, постановке более точного учета частных предпринимателей, торговцев и их капиталов. В декабре 1926 г. была проведена Всесоюзная перепись населения, которая дала в этом отношении обширный и очень ценный материал.

Все это позволило установить, какими трудовыми ресурсами располагает страна для решения задач социалистической индустриализации, насколько восстановлены силы рабочего класса, получить исходные данные для установления более строгого контроля со стороны государства над частным капиталом, соблюдения классового принципа в налоговой и кредитной политике, направленной на ограничение и вытеснение капиталистических элементов, для определения количественного соотношения

классовых сил в стране и выработки мер, обеспечивающих изменение этого соотношения в интересах строительства социализма.

Большое внимание выяснению классовой структуры населения в середине 20-х – начале 30-х годов уделяли и коммунисты Урала. Были уже говорилось о руководстве партийных организаций области изучением процесса дифференциации внутри крестьянства. Вслед за тем были организованы обследования и перепись кустарно-ремесленной промышленности, частного торгового капитала, в ходе которых было учтено количество мелких предпринимателей, торговцев, обобщались итоги переписи населения 1926 г.

Эти и другие материалы, опубликованные в периодических изданиях, в статистических справочниках и сборниках⁵⁰, дают возможность, хотя и не без трудностей, показать классовый состав населения Уралобласти к началу исследуемого периода.

Общая численность населения области на I октября 1925 г. составляла 6 424,8 тыс. человек. Из них в городах и поселениях городского типа проживало I 231,9 тыс. и в сельской местности – 5 192,9 тыс. человек. Среди всего населения самостоятельное насчитывало 2 668,1 тыс. человек, в том числе в городах 442,7 тыс. и в сельской местности – 2 225,4 тыс.⁵¹ К I7 декабря 1926 г. (ко дню всесоюзной переписи) население области возросло до 6 786,3 тыс. человек, в том числе в городах и поселениях городского типа – до I 407,1 тыс. и в сельской местности – до 5 379,3 тыс. К самостоятельному было отнесено 4 001,8 тыс. человек, из них в городах – 593,6 тыс. и на селе – 3 408,2 тыс.⁵²

Как же распределялось самостоятельное и все население Урала между различными социально-классовыми группами общества?

Ведущей силой советского народа в борьбе за социализм являлся рабочий класс. На его плечи ложилось основное бремя реконструкции народного хозяйства. Именно ему предстояло сплотить и объединить вокруг себя всех трудящихся в борьбе за претворение в жизнь ленинского плана построения социализма, для преодоления многочисленных трудностей на этом пути и усиливавшегося сопротивления классовых врагов.

Одним из крупных его отрядов являлся рабочий класс Урала. На декабрь 1926 г. всего рабочих (самостоятельных) в области насчитывалось до 470 тыс.⁵³ Ядро их составляли 197,8 тыс. рабочих крупной фабрично-заводской промышленности, строительства и транспорта, 75,7 тыс. человек было занято в сельском хозяйстве, около 10 тыс. – в кустарно-ремесленной промышленности, остальные – в прочих отраслях⁵⁴. Все же рабочее население (вместе с несамодеятельным) достигло почти I 100 тыс. человек⁵⁵.

Сожниками рабочего класса в строительстве социализма, хотя и проявлявшими в периоды трудностей и обострения классовой борьбы известные колебания, выступили трудящиеся крестьяне, кустари и ремесленники. Как в стране, так и на Урале они составляли огромное большинство. По переписи 1926 г. из 4 001,8 тыс. человек самостоятельного населения областей на их долю приходилось 3 110,5 тыс., а из 6 765 тыс. всего населения - 4 889,5 тыс.⁵⁶ При этом только 5-7% из числа самостоятельных было занято в кустарно-ремесленной промышленности, строительстве, на транспорте и в других отраслях, остальные - в сельском хозяйстве.

Крестьян-колхозников и кооперированных кустарей в 1926 г. насчитывалось всего 22 980, а вместе с несамодеятельными - 42 970 человек.⁵⁷

Значительную социальную группу представляли интеллигенты и служащие. Всего их насчитывалось около 400 тыс., в том числе 183 тыс. самостоятельных.⁵⁸

Что касается эксплуататорских классов, то к этой категории принадлежало 312,8 тыс. человек, в том числе 225,4 тыс. членов кулацких семей. Среди самостоятельного населения представителей новой буржуазии числилось 53,4 тыс. и кулаков - 146,4 тыс.⁵⁹

Если удельный вес каждой из охарактеризованных социальных групп Урала выразить в процентах и сопоставить с данными по стране, то это будет выглядеть следующим образом (см. табл. II).⁶⁰

Хотя данные по стране и Уралу не вполне сопоставимы, поскольку приводятся на разные даты, все же их анализ позволяет сделать некоторые выводы об особенностях социальной структуры населения и соотношении классовых сил в крае.

Если даже принять во внимание, что за год-два удельный вес рабочего населения в стране несколько возрос, то все равно его доля на Урале была, несомненно, выше. Этот вывод вполне соответствует тому факту, что Урал уже тогда являлся крупным промышленным районом с довольно многочисленным отрядом рабочего класса. Вместе с членами своих семей рабочие составляли в 1925 г. седьмую часть населения области, тогда как по стране в 1924 г. та же часть населения приходилась на рабочих и служащих вместе. Из таблицы видна также тенденция повышения доли рабочего класса и служащих в населении области с переходом к социалистической индустриализации.⁶¹

В то же время прослойка эксплуататорских классов в области, особенно непманской буржуазии, была значительно ниже (почти в два

Таблица II

Классовая структура населения страны и Уралобласти,
%

Социально-классовая группа	СССР 1924 г. Все на- селе- ние	Уралобласть			
		октябрь 1925 г.		декабрь 1926 г.	
		Все на- селение	Самодья- тельное	Все на- селение	Самодья- тельное
Рабочие		14,4	12,9	16,2	11,7
Интеллигенция и служащие	14,8 ^x	5,3	5,0	5,9	4,6
Колхозное крестьянство и кооперированные куста- ри	1,3	0,7	0,8	0,64	0,6
Мелкая буржуазия (крестья- не-единоличники и не- кооперированные кустари)	75,4	74,7	76,5	72,3	77,7
Буржуазия	8,5	4,6	4,5	4,62	5,0
В том числе:					
кулаки	4,2 ^{xx}	2,5	2,6	3,3	3,7
Деклассированные и про- чие	нет данных	0,1	0,1	0,34	0,4

^x Доля рабочих и служащих в СССР дана совокупно.^{xx} Данные за 1928 г.

раза), чем по стране. Это вполне подтверждает сделанный в предыдущем разделе вывод о том, что вытеснение капиталистических элементов из промышленности и торговли Урала шло более высокими темпами. Что касается кулачества, то, во-первых, даты здесь явно несопоставимы, во-вторых, показатель (4,2%) удельного веса кулачества в населении страны у нас вызывает сомнение. В предыдущем параграфе приводились данные, из которых явствует, что процент кулацких хозяйств на Урале в 1927 г. был выше, чем в целом по Союзу (см. с. 39 настоящей работы). Кроме того, в 1925 г. численность кулацких семей составляла 4,3%⁶² всего крестьянского населения страны. Ясно, что удельный вес членов кулацких семей во всем населении Союза должен быть значительно ниже.

Наконец, данные таблицы наглядно иллюстрируют огромное преобладание в стране и на Урале мелкобуржуазных элементов, хотя и выясняется тенденция постепенного сокращения их удельного веса. По своей численности они превосходили рабочее население в 1925 г. на Урале в 5 раз, а по стране — еще больше.

Из этого факта оппортунисты-троцкисты, зиновьевцы и другие делали вывод о невозможности построения социализма в СССР, если не подоспеет революция на Западе. Они не верили в силы и возможности рабочего класса повести за собой крестьянство и другие мелкобуржуазные массы, повернуть их на путь социализма.

Однако Коммунистическая партия твердо и последовательно руководствовалась ленинским положением о том, что революционные возможности пролетариата определяются не только его численностью и организованностью, но и степенью его влияния на остальные слои народа, степень сплочения вокруг него непролетарских трудящихся масс. Поэтому его сила, — писал В.И.Ленин, — "несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения"⁶³. Это объясняется тем, указывал В.И.Ленин, что рабочий класс политически и экономически выражает подлинные интересы огромного большинства трудящихся.

Отсюда вовсе не следует, что численность рабочего класса вообще не имеет значения и не должна приниматься в расчет при определении перспектив революции и социалистического строительства. Количество рабочих, их определенный минимум в составе населения является необходимым условием, при наличии которого только и возможно осуществление руководящей роли пролетариата в революции. Что касается периода социалистического строительства, то численный рост рабочего класса расширял социальную базу диктатуры пролетариата, укреплял его руководящее положение в обществе. Осуществляя целенаправленную и научно обоснованную социальную политику, Коммунистическая партия предвидела, что с переходом к социалистической реконструкции народного хозяйства рабочий класс на основе индустриализации страны будет закономерно количественно и качественно расти. Но для победоносного строительства социализма вовсе не обязательно, чтобы он численно непременно преобладал среди непролетарских масс. Решающим было то, насколько велики были авторитет и политическое влияние рабочего класса среди трудящихся, насколько он готов и способен был возглавить их в борьбе за социализм.

К анализу политической обстановки в середине 20-х годов на материалах Урала мы и переходим в следующей главе настоящей работы.

Г л а в а П

БОРЬБА КОММУНИСТОВ УРАЛА ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ИЗОЛЯЦИЮ БУРЖУАЗИИ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ

I. Политическая обстановка на Урале в середине 20-х годов. Курс партии на социалистическую реконструкцию народного хозяйства и тактика борьбы с капиталистическими элементами на новом этапе строительства социализма

Общее политическое положение в стране и на Урале в конце восстановительного периода определялось достижениями Коммунистической партии и Советского государства в восстановлении народного хозяйства, налаживании прочной экономической связи между городом и деревней, изменением соотношения общественно-экономических укладов и классовых сил в пользу социализма. "Политика, — указывал В.И. Ленин, — есть концентрированное выражение экономики..."¹ Под влиянием хозяйственных успехов окрепли политические позиции социализма внутри страны, выросли авторитет и влияние ведущей силы советского народа — рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии, упрочился союз рабочего класса и крестьянства — основа основ диктатуры пролетариата.

Процесс укрепления к середине 20-х годов политических позиций социализма нашел яркое проявление в Уральском промышленном районе. Возрождение экономики края сопровождалось быстрым ростом и консолидацией рабочего класса, превращением его в мощную социальную силу. Выше уже были приведены данные о численности рабочих Урала в 1925 и 1926 гг. Укажем еще на тот факт, что если в 1922 г. в крупной промышленности области насчитывалось лишь 75,5 тыс. рабочих, то на 1 января 1926 г. — 144,2 тыс.²

Повысилась классовая сознательность, сплоченность, организованность рабочих, их активность в общественно-политической жизни, в деятельности профсоюзов, Советов, кооперации. Количество членов профсоюзов только с октября 1924 по октябрь 1925 г. возросло с 318 475 до 410 361³. Профсоюзных активистов в 1925 г. насчитывалось более 45 тыс.⁴ В 1925 г. 53,6% членов горсоветов и 30,1% председателей райисполкомов являлись выходцами из пролетарской среды. Число рабочих и батраков среди членов сельсоветов увеличилось с 2 520 человек в 1923 г. до 4 629 в 1925 г., а среди членов райисполкомов — со 183 до 436 человек⁵.

Наиболее ярко рост политической сознательности рабочих Урала, их доверия к Коммунистической партии и сплочения вокруг нее проявил-

ся в усилившемся с их стороны стремлении вступить в ряды партии. Это со всей убедительностью показал ленинский призыв в 1924 г., во время которого (с февраля до середины мая) в партию было принято II 886 передовых, лучших кадровых рабочих Урала, в том числе IO 291 — от станка. С I июля 1924 г. по I января 1925 г. в партию было принято еще 5 I54 рабочих⁶. Многие из вступивших в РКП(б) участвовали в Октябрьской революции и гражданской войне, проявили трудовой героизм в борьбе за восстановление народного хозяйства, прошли школу Красной Армии, являлись активистами общественных организаций.

В результате ленинского призыва и последующего приема рабочих резко улучшился социальный состав Уральской областной партийной организации. С января 1924 по декабрь 1925 г. пролетарское ядро в организации увеличилось с 42,1 до 56,4%, а удельный вес рабочих от станка — с 20,1 до 40%⁷. К началу 1926 г. каждый десятый рабочий Урала являлся коммунистом.

На основе консолидации пролетариата, роста его сознательности, организованности и сплоченности вокруг Коммунистической партии происходил процесс окончательного разложения и распада партии меньшевиков. Вслед за провозглашением самороспуска меньшевистской партии Грузии (1923) и меньшевистской организации Украины (1924)⁸ наступила ликвидация организаций этой партии и в других районах страны, в том числе и на Урале. Меньшевистская партия, потерпевшая банкротство еще в период Октябрьской революции, исчезла с политической арены, как и другие мелкобуржуазные партии. Лишь немногочисленные остатки ее, состоявшие из оголтелых врагов Советской власти, ушли в подполье и продолжали свою контрреволюционную деятельность.

Таким образом, к концу восстановительного периода политические позиции рабочего класса Урала, как и всей страны, значительно упрочились, возросли его руководящая роль в органах диктатуры пролетариата, его влияние на непролетарские трудящиеся массы.

Успехи, достигнутые коммунистами области в восстановлении сельского хозяйства, налаживании торговой смочки между социалистической промышленностью и крестьянской экономикой, улучшении материального положения тружеников села, обеспечили стабилизацию политической обстановки в деревне, укрепление союза рабочего класса и крестьянства. В результате роста политической активности трудящихся деревни и развития демократии число крестьян — членов сельских Советов и райисполкомов увеличилось с 29 983 в 1923 г. до 63 I91 в 1925 г. А в целом в советской общественной работе на селе в 1925/26 г. участвовало до 200 тыс. человек⁹.

Показателем роста сознательности крестьянских масс, авторитета и влияния среди них Коммунистической партии являлось вступление в ее ряды деревенских активистов. С 1 января 1924 по 1 января 1926 г. количество коммунистов-крестьян увеличилось в Уральской парторганизации на 3 642 и достигло 15 996 человек¹⁰.

Вместе с тем в 1923-1924 гг. на Урале происходил повсеместный распад эсеровских организаций и групп. После суда над руководством⁹ правых эсеров в 1922 г., на котором раскрылась вся их контрреволюционная антисоветская деятельность, предательство и измена делу народа, среди рядовых членов этой партии началось движение за организованный выход из нее. Одними из инициаторов этого стали 17 активистов Златоустовской организации эсеров, которые в опубликованной ими декларации заявили, что считают необходимым "созыв Всероссийского легального съезда старых членов партии с.-р. по вопросу о ликвидации партии"¹¹. Состоявшийся в Москве в марте 1923 г. Всероссийский съезд бывших эсеров клеймил позором измену своих лидеров трудящимся массам, констатировал факт полного распада и бессилия партии и лишил полномочий членов ЦК. Делегаты съезда приняли решение о роспуске партии¹². После съезда на Урале начался самороспуск эсеровских организаций, а также публикация индивидуальных заявлений о выходе из партии. В течение 1923 г. в области партию эсеров покинули 173 человека¹³. Этот процесс продолжался в дальнейшем как на Урале, так и по всей стране, и вскоре партии эсеров перестала существовать как организованная политическая сила. Лишь отдельные группы эсеров, вобравшие в себя закоренелое антисоветское охвостье, сохранились в подполье и пытались оказывать безнадежное сопротивление социалистическому строительству.

Пятилетний опыт новой экономической политики убеждал крестьянские массы Урала в том, что рабочий класс и его партия умеют управлять государством и хозяйством не только не хуже капиталистов, но и осуществляют меры и преобразования, отвечающие жизненным интересам народа. Положение, сложившееся в середине 20-х годов на Урале, свидетельствовало о том, что рабочий класс в состоянии повести за собой трудящееся крестьянство дальше по пути строительства социализма. Это означало, что налицо имеется одна из важнейших политических предпосылок перехода к социалистической реконструкции народного хозяйства и усиления наступления на буржуазию города и деревни.

Но наряду с большими позитивными сдвигами, политическая обстановка в стране и на Урале в последние годы восстановительного периода характеризовалась целым рядом негативных явлений. Порождались

они, главным образом, противоречиями многоукладной экономики переходного периода, некоторым ростом и укреплением на первых этапах нэпа новой буржуазии и кулачества, развитием помимо социалистической также капиталистической тенденции, неизбежным в этих условиях нарастанием классовых противоречий и усилением колебаний мелкобуржуазных элементов. Оказывала влияние на отношения между классами внутри страны, в том числе и на Урале, международная обстановка середины 20-х годов, такие ее особенности, как наступившая частичная стабилизация капитализма, поражение и временный спад революционного рабочего движения в странах Западной Европы.

Выше мы охарактеризовали процесс консолидации рабочего класса Урала, который имел славные революционные, боевые и трудовые традиции.

Однако к началу реконструктивного периода состав рабочего класса существенно изменился и не был однородным. В 1925-1926 гг. в промышленность в связи с быстрым ее ростом влилось много мелкобуржуазных элементов, главным образом выходцев из крестьян, кустарей и ремесленников. Этот новый слой на рубеже перехода от восстановительного к реконструктивному периоду составлял до 30% всех промышленных рабочих Урала¹⁴. У вчерашних крестьян или кустарей еще не изжила себя мелкособственническая психология и идеология, они не прошли школы фабрично-заводского труда, не привыкли к производственной дисциплине. Многие из них попадали на заводы, в цехи, снимавшиеся с консервации, с устаревшим и изношенным оборудованием. Не имея квалификации, они преимущественно выполняли обязанности чернорабочих. Естественно, что заработную плату они получали невысокую, в то время как многие из них пришли в город с желанием "урвать кусок побольше и удрать"¹⁵. Зачастую трудными для них оказывались и жилищно-бытовые условия.

Все это порождало в среде неустойчивых мелкобуржуазных элементов разочарование, пессимизм и уныние, недовольство своим положением. На этой почве возникали настроения неверия в дело строительства социализма в нашей стране. Зависть бывших мелких собственников к относительно высоким окладам инженерно-технических работников и хорошим заработкам квалифицированных рабочих вызвала такие явления, как "спецеидство", непонимание политики партии по отношению к буржуазным специалистам, требование уравнительной для всех заработной платы, несовместимое с социалистическим принципом оплаты по труду. Имели место нарушения производственной дисциплины. Отмеченные явления в 1925-1926 гг. были довольно широко распространены на Урале¹⁶.

В то же время у некоторой части старых, политически отсталых рабочих в связи с трудностями перехода к новому этапу социалистического строительства усилились тред-юнионистские, узкоцеховые, т.е. те же мелкобуржуазные настроения. Они выражались в выступлениях против повышения производительности труда, введения новых расценок, в неприязненном и высокомерном отношении к неквалифицированным рабочим, что порождало трения между этими группами. Секретарь Пермского окружкома партии К.В.Рындин говорил в одном из своих выступлений, что когда он прибыл в округ (конец 1925 г. - В.К.), "то в Мотовилихе нельзя было сказать ни одного слова о поднятии производительности труда. Необходимо было сначала разъяснить взгляды и положения Ленина и решения партийных съездов по этому вопросу. Только после этого стало можно призывать к повышению производительности труда"¹⁷.

В этих условиях борьба коммунистов и сознательных рабочих против мелкобуржуазной идеологии и психологии, дезорганизации и рвачества, тред-юнионистских тенденций, за социалистическую дисциплину труда и новое отношение к производству становилась одной из основных форм классовой борьбы. "...Только строжайшая организация и трудовая дисциплина, - говорил В.И.Ленин, - приведут нас к социализму. А без этого социализма нет"¹⁸.

Эта задача приобрела особую насущность в связи с тем, что мелкобуржуазные настроения всячески подогревали и раздували враги Коммунистической партии и Советской власти. На предприятия Урала проникло немало бывших белогвардейцев, полицейских, жандармов, разорившихся предпринимателей, торговцев, кулаков. В ряде мест сохранилось и активизировалось меньшевистско-эсеровское охвостье. Усилили, например, контрреволюционную агитацию и деятельность группа меньшевиков в Мотовилихе, остатки эсеровской организации в Златоусте и на других предприятиях. В мелкобуржуазных слоях рабочего класса антисоветские группы еще находили почву для своей разлагающей работы. Иногда им удавалось подбивать отдельные отряды рабочих на открытые выступления против советских, хозяйственных и профсоюзных органов, прежде всего в форме конфликтов и забастовок, количество которых, как сообщалось в информационном письме Уралобкома РКП(б), за 1925 г. удвоилось по сравнению с 1924 г.¹⁹ Хотя основная масса участников конфликтов не преследовала политических целей, но, поскольку организаторами этих выступлений являлись антисоветские элементы и группы, они приобретали политическую окраску.

В последние годы восстановительного периода осложнилась политическая обстановка в деревне, в том числе на Урале. Прежде всего, в

условиях развивающихся товарных отношений в деревне неизбежно проявлялась двойственная природа крестьянина-середняка как труженика и собственника, работника и торговца. В.И. Ленин отмечал, что крестьянин-трудящийся, веками угнетавшийся помещиками, капиталистами, кулаками, воспитал в себе ненависть и вражду к эксплуататорам, и это заставляет его искать союза с рабочим против капиталиста, против торговца и спекулянта. В то же время экономическая обстановка товарного хозяйства неизбежно делает крестьянина в большинстве случаев торговцем и спекулянтом²⁰.

Рабочий класс и трудящееся крестьянство имели общие интересы по коренным жизненным вопросам освобождения от эксплуатации и построения нового общества, и их союз на базе подъема промышленности и сельского хозяйства, установления смычки между городом и деревней упрочивался. В то же время интересы крестьянина-середняка как собственника, торговца приходили в противоречие с проводимой партией и правительством политикой твердых цен на промтовары и сельхозпродукты, централизованными формами хлебозаготовок и другими мерами, направленными на обеспечение планово-регулирующего воздействия на рынок, все народное хозяйство, на создание благоприятных условий развития социалистической промышленности. Крестьянство не прочь было полностью освободиться от сельскохозяйственного налога, на что Советское государство в тех трудных условиях пойти не могло. Острое недовольство-и не только середняков, но и бедноты-вызывали жесткие рамки аренды земли, найма рабочей силы, а также административные меры, применяемые местными советскими органами по ограничению крестьянской торговли на базарах, рынках, многочисленные местные денежные сборы, зачастую незаконные.

Все эти противоречия, не носившие антагонистического характера, по мере роста и укрепления крестьянских хозяйств к концу восстановительного периода обострились. Проявились они и на Урале, где середняцкая прослойка была более мощной, чем в целом по стране. Здесь сильнее сказывались непреодоленные еще последствия разрухи и голода, сельское хозяйство восстанавливалось медленнее. В этих условиях для большинства крестьян трудным делом было выполнение налоговых обязательств, и они высказывались за их сокращение. Так, изучение настроения крестьян Свердловского округа летом 1924 г. показало, что 50% из них недовольны тяжестью налогов. В Каслинском районе они говорили, что "если бы не налоги - Советская власть была бы самая лучшая на свете"²¹. Недовольство крестьян вызывало также расхождение цен (так называемые "ножницы") на промышленные товары и сельско-

хозяйственные продукты, которое к сентябрю 1925 г. на Урале вновь возросло²². Крестьяне выражали свое неодобрение и по поводу того, что в период хлебозаготовок "опять будут лимитные цены на зерно"²³.

Но наибольшее брожение среди населения деревни вызывали крупные недостатки, пережитки "военного коммунизма" в деятельности Советов, такие как администрирование, командование, бюрократизм, произвол и злоупотребление властью. Все еще применялась старая практика голосования за кандидатов в депутаты по заранее составленным спискам с применением нажима, прямыми нарушениями советской демократии и законности. Перед населением районные и сельские Советы не отчитывались, их пленумы собирались редко. Советы недостаточно вникали в хозяйственную жизнь села, деятельность их сводилась к чисто административным функциям, главным образом к выявлению объектов обложения, сбору налогов, выполнению распоряжений вышестоящих органов. Во многих местах деревенские коммунисты не привлекали население к работе Советов, не сплачивали вокруг себя крестьянский актив, оторвались от масс. "Работа сельсоветов старого состава была чрезвычайно слаба, — говорилось в информационном отчете Свердловского окружкома за декабрь 1924 г. — Собственно, сельсовета как коллективно работающего органа, не существовало — вся работа выполнялась председателем и секретарем. Члены сельсоветов в большинстве случаев использовались как нарядчики на сельские сходы, в худшем случае — оставались в стороне вообще от всякого участия в работе Совета. Заседания сельсоветов кое-где собирались через три-четыре месяца. Были случаи зависимости председателей от зажиточного слоя деревни, неправильного исчисления сельскохозяйственного налога и грубого обращения с населением"²⁴.

В отчете Троицкого окружкома партии в Информотдел ЦК ВКП(б) за период с I декабря 1924 по I октября 1925 г. сообщалось: "Пережитки военного коммунизма сказываются в тенденции председателей сельсоветов и райисполкомов решать дела по единоличному усмотрению, руководствуясь преимущественно, а иногда и исключительно лишь собственным правосознанием, что влечет за собой зачастую серьезные противозаконные действия, так как политический и культурный уровень многих работников районов низок"²⁵.

Эти недостатки во многом определялись слабостью сельских ячеек, низким идейно-политическим уровнем деревенских коммунистов, отсутствием должного партийного руководства Советами. На Урале это усугублялось тем, что стоявшие в то время во главе обкома партии зиньевцы и троцкисты (М.Харитонов, Б.Васильев и др.) принимали роль

среднего крестьянства, не заботились об укреплении союза с ним и в силу этого недооценивали роль сельских Советов. М. Харитонов в отчете Уралбюро ЦК на У областной партконференции заявил: "Деревня была нами заброшена"²⁶. Неверная линия Уралбюро ЦК, не уделявшего внимания работе среди крестьянства, подверглась острой критике в выступлениях делегатов Борчанинова, Шурманова, Гая и др.²⁷

Экономические трудности и временные противоречия между крестьянством и рабочим классом в лице пролетарского государства, ошибки и серьезные недостатки в работе партийных и советских органов не замедлили использовать кулаки, политическое влияние которых на селе в связи с укреплением их экономических позиций заметно усилилось. Они выступили застрельщиками борьбы в деревне против всей политики партии, стремились привлечь на свою сторону середняков, играя на частнособственнических интересах мелких хозяев, настроить их против рабочих и тем самым ослабить диктатуру пролетариата. Деревенские богатеи вели пропаганду среди крестьян о том, что взимаемые с них налоги и "переплата" за промтовары идут на "большие жалованья" рабочим, которые живут за счет крестьян. Одновременно кулаки стремились посорить середняков с бедняками, уверяя первых, что они платят налоги за "голодранцев"²⁸.

Обострились в последние годы восстановительного периода отношения между деревенской верхушкой, с одной стороны, беднотой и батрачеством — с другой. Кулацкие хозяйства меньше пострадали в период разрухи и недорода, сумели сохранить лошадей, скот, инвентарь. Немало орудий сельского хозяйства они за бесценок приобрели у маломощных хозяйств в трудную для последних годину. Они быстрее восстанавливали свои хозяйства. В то же время государство оказывало всю возможную помощь бедняцким хозяйствам, но в обстановке огромных экономических трудностей в первые годы нэпа не могло удовлетворить всех их нужд. В этих условиях беднота, испытывая острую нехватку рабочего скота, инвентаря, семян, вынуждена была идти на поклон к деревенским мироедам.

Кулачество воспользовалось этим для усиления эксплуатации батраков, бедняков и маломощных середняков. В анкете, розданной Кунгурским окружкомом партии делегатам крестьянских конференций, 214 из них отметили, что кулаки оказывают нажим на бедняков, одалживают им на невыгодных условиях семена, сельхозорудия, лошадей. Особенно острые столкновения между беднотой и кулачеством во многих местах происходили по вопросу о землеустройстве. Кулаки повсюду ожесточенно сопротивлялись переделу земли в пользу маломощных хозяйств, стре-

милось сохранить за собой лучшие участки, угрожали бедноте²⁹.

Таким образом, наряду с неантагонистическими противоречиями между рабочим классом и трудящимся крестьянством, в деревне нарастала борьба между кулачеством, с одной стороны, беднотой и батрачеством — с другой.

Окрепнув экономически, сельская буржуазия активизировалась в политической области. Не надеясь на вооруженное свержение Советской власти, она по-своему восприняла "сменовеховский" лозунг о перерождении диктатуры пролетариата, считала нэп началом возврата к капитализму и в связи с этим изменяла тактику, методы и формы борьбы. Используя недовольство крестьянства деятельностью Советов, она сделала ставку на то, чтобы "овладеть середняцкими слоями и подчинить, таким образом, Советы своему влиянию"³⁰.

Вновь был вытаснен на свет пресловутый лозунг "Советы без коммунистов", под которым в 1921 г. проходили кулацко-эсеровские мятежи. Но теперь деревенские эксплуататоры пытались осуществить его "мирными", легальными средствами в ходе перевыборов Советов. "Кулачество, — говорилось в информационном докладе Троицкого окружкома в ЦК ЕКП(б) за апрель-июнь 1925 г., — имеет стремление к захвату командных высот деревни. Об этом говорят ряд прошедших беспартийных конференций и перевыборы сельских Советов, во время которых зажиточные элементы старались компрометировать партийно-советских работников. Наблюдается тенденция кулачества пролезть в руководящие учреждения деревни. В с.Полтавском в распространенной ими листовке говорилось: "Довольно терпеть, гоните коммунистов, комсомольцев и пионеров из деревень и городов. Да здравствует вольное гражданство"³¹. При помощи этой тактики им удалось захватить в свои руки некоторые Советы, в частности Баклушинский и Петропавловский Пермского округа, Колмановский и Спиринский Ишimsкого округа, Александровский Челябинского, Тураевский и Балдинский — Тименского и др.³²

Взяли они на вооружение и такой метод, как проникновение в партию, а потом — и к руководству Советами. В Кунгурском округе один из кулаков вступил в партию, стал секретарем ячейки, председателем сельсовета и кресткома. Он и его родственник — председатель сельхозкооператива — держали в подчинении всю деревню, обогащались за счет крестьян (впоследствии оба исключены из партии). В Каслях целая группа бывших эсеров и колчаковцев сумела примазаться к партии. Захватив в районе ряд командных должностей, они оказывали всестороннюю помощь кулацко-зажиточным элементам, разлагали руководящий состав Каслинской парторганизации (также исключены из партии)³³.

Кулачество и все контрреволюционные элементы деревни для объединения своих сил и организованной борьбы с Коммунистической партией, расширения своего влияния на среднее крестьянство предприняли попытку образовать легальную организацию. Они выдвинули лозунг создания "Крестьянского союза". Эта тенденция обнаружилась уже в 1924 г., когда было отмечено по стране 60 случаев постановки этого вопроса на крестьянских конференциях, собраниях и сходах. В 1925 г. было зарегистрировано уже 543 факта выдвижения подобных требований, в том числе на Урале. В ряде районов Ирбитского, Тагильского, Кунгурского, Шадринского и Троицкого округов кулаки при поддержке части середняков требовали уравнивать крестьян с рабочими в политических правах и разрешить им объединиться в "Крестьянский союз" или "Союз хлеборобов" якобы для защиты их экономических интересов, поскольку рабочие тоже объединены в профсоюзы³⁴.

Наряду с выдвижением лозунга организации легального "Крестьянского союза" контрреволюционные силы в ряде мест приступили к воссозданию подпольных группировок. Значительное число их в 1925 г. возникло в Сарапульском округе. В них вливались бывшие белогвардейцы, вернувшиеся в 1923-1924 гг. из Сибири. Такая же группа действовала в с.Троицком Сергинского района Пермского округа³⁵. Наиболее крупная из группировок оформилась в Слободо-Туринском районе Ирбитского округа, она объединяла до 50 человек, имела отделения в ряде сел и деревень³⁶.

В обстановке роста политической активности кулачества, обострения классовой борьбы в деревне и противоречий по ряду вопросов между рабочим классом и крестьянством усилились колебания середняков. Они были закономерным явлением. В.И. Ленин указывал, что промежуточное экономическое положение середняка, сохраняющееся при диктатуре пролетариата, "неизбежно вызывает колебания между пролетариатом и буржуазией"³⁷.

Эти симптомы проявились осенью 1924 и весной 1925 г. на беспартийных крестьянских конференциях и собраниях, на которых значительная часть середняков поддержала требования кулачества о снижении налога и повышении цен на хлеб, а также лозунг о создании "Крестьянского союза". Так было на районной крестьянской конференции в с.Полтавском Троицкого района (весна 1925 г.), на собраниях в ряде сел Еланского района Ирбитского округа и в других местах. В выводах Уралобкома партии о политическом положении в деревне говорилось, что в некоторых селах в то время за кулаками шла большая часть середняков³⁸.

Другой серьезный сигнал о колебаниях среднего крестьянства был получен во время перевыборов сельских Советов осенью 1924 г. В ряде районов под воздействием контрреволюционной агитации значительная часть крестьян по существу бойкотировала выборы. В целом по стране на перевыборные собрания явилось около 37% имеющих право голоса, на Урале — 39,3%³⁹. Воспользовавшись этой пассивностью, кулаки захватили некоторые Советы в свои руки.

Все это говорило о том, что в деревне создавалась сложная политическая обстановка.

Усиление мелкобуржуазных настроений среди части рабочего класса и колебаний среднего крестьянства создало почву для оживления и активизации осколков старых мелкобуржуазных партий и попыток организации новых группировок. В 1924 г. в Кунгурском округе была раскрыта группа анархистов во главе с исключенным из РКП(б) неким Постниковым. В организации насчитывалось 45 человек, в основном представителей интеллигенции и крестьян, которые вели политическую агитацию среди населения пяти районов. После ареста Постникова в июле 1924 г. группа свернула свою деятельность, а в начале 1925 г. вновь активизировалась, вошла в состав Прикамской федерации анархистов. Последняя выделила делегатов на "Всероссийский съезд" уцелевших анархистских групп, который должен был состояться в январе-феврале 1925 г.⁴⁰

Упомянутой выше группой Слободо-Туринского района руководили правые эсеры из числа интеллигенции и зажиточных крестьян. Ее члены, в ложном свете преподнося крестьянам события 1924 г. в Грузии, заявляли, что и здесь скоро придется воевать. И они на практике готовились к этому. В деревню Борбашину они привезли оружие, в том числе три пулемета, хранившиеся до этого в тайниках около Туринска с 1918 г. Организация установила связи с эсеровскими группами в Ирбите, Туринске, Нижнем Тагиле, Тьмени, Надеждинске, Томске и Москве⁴¹.

В 1924-1925 гг. в Кунгурском округе сформировалась и действовала контрреволюционная группа, прикрывавшая свою антисоветскую сущность громким названием "Большевик". Возглавлял ее член РКП(б) Беккер, в прошлом член Петроградской организации сионистов-трудовиков. Организация объединяла в основном исключенных или вышедших из Коммунистической партии лиц. Идеино-политическая платформа группы была насквозь мелкобуржуазной, своеобразной комбинацией левоэсеровско-троцкистских взглядов и лозунгов. Неп характеризовался как отступничество от целей Октябрьской революции, как измена Коммунистической партии делу мировой и российской революции, которая-де вызвала "перерождение" партии и ее кадров. Поэтому необходимо заменить ее другой

под старым названием "Большевик" и "свергнуть бюрократический аппарат Советской власти". Новоиспеченные "большевики" были ярыми сторонниками методов "военного коммунизма". Об антисоветской сущности организации неопровержимо свидетельствовал и тот факт, что она вступила в переговоры с анархистской группой Постникова в целях заключения блока для совместной борьбы против Коммунистической партии и Советской власти⁴².

Деятельность всех этих группировок была пресечена органами диктатуры пролетариата, но их активизация также свидетельствовала об осложнении политической обстановки в деревне.

В создавшихся условиях задача партии состояла в том, чтобы ликвидировать колебания середняка, сплотить его вокруг пролетариата, упрочить бедняцко-середняцкий блок и изолировать кулачество. В решениях XIII съезда, XIV конференции и ряда пленумов ЦК Коммунистическая партия разрабатывает комплекс мероприятий, направленных на дальнейшее укрепление союза рабочего класса со средним крестьянством. Она выдвигает лозунг "лицом к деревне", означавший поворот внимания партии к работе на селе, укрепление деревенских парторганизаций и изменение форм и способов их деятельности, полное изживание методов руководства периода "военного коммунизма". В области политической партия выдвигает лозунг оживления Советов, означавший дальнейшее развитие советской демократии, вовлечение крестьянских масс в управление государством, полный отказ от методов командования и администрирования. Ставится задача создания вокруг местных органов власти и сельчаек широкого беспартийного крестьянского актива, политического и организационного сплочения бедноты и батрачества, упрочения бедняцко-середняцкого блока в борьбе против кулачества⁴³. Эти меры в дальнейшем получили одобрение, развитие и закрепление в решениях XIV съезда ВКП(б).

Их практическое осуществление уже на первом этапе (осень 1924 - 1925 г.) привело к значительному оздоровлению политической обстановки в деревне, в том числе на Урале. Заметно повысилась активность избирателей во время повторных выборов сельских Советов весной 1925 г. и особенно в кампанию зимой 1925/26 г. Общий процент явки населения уральской деревни на последних выборах возрос по сравнению с осенью 1924 г. на 13,6%. Вместе с тем было положено начало перестройки и оживления деятельности Советов, создания при них секций, привлечения к их работе крестьянского актива. В резолюции УП областной партконференции (декабрь 1925 г.) говорилось, что

линия Уралобкома на оживление Советов "уже дала свои положительные результаты..."⁴⁴.

Однако это были лишь первые шаги по реализации разработанных партией директив относительно деревни. Переход сельских партийных организаций и Советов на новые методы работы сопровождался рядом трудностей и недочетов. Возникли и новые проблемы, такие как обострение товарного голода на изделия промышленности. За относительно короткий срок проведения намеченных Коммунистической партией мероприятий не удалось полностью преодолеть колебания среднего крестьянства. Хотя политическое влияние кулачества в деревне и было ослаблено, но оно еще сохранялось. Все это сказалось на результатах переизборов Советов в 1925/26 г.

Выборы Советов зимой 1925/26 г. сыграли, как уже сказано, безусловно положительную роль в разрядке политической обстановки в деревне. Отказ от методов административного нажима, предоставление права широкого обсуждения кандидатов в депутаты повысили авторитет партии в глазах середняков, устранили их недовольство по одному из важнейших вопросов деревенской жизни. Характерно, что партийная прослойка в Советах не претерпела существенных изменений, а в ряде мест даже увеличилась⁴⁵.

Но изживая старые методы руководства, большинство сельских ячеек не сумело сразу овладеть новыми формами работы с массами. Между тем середняки, не говоря уже о кулаках, проявили исключительную политическую активность. При этом часть среднего крестьянства, прежде всего зажиточная верхушка, составлявшая на Урале 7,9% крестьянских хозяйств, а в Зауралье - 9,7%⁴⁶, по-своему истолковывала курс партии на оживление Советов и создание беспартийного актива как ставку на "исправного мужика", начала считать себя единственной опорой власти, игнорировать бедноту, что не могло не вызвать в ряде мест расхождений между данными группами. Это было отражением недовольства части середняков прежним привилегированным положением бедноты в Советах и влияния кулачества. Последнее же вело пропаганду в том духе, что новые мероприятия Коммунистической партии есть не что иное, как политический нэп, как слабость партии, которая не сумела справиться с управлением страной и хозяйством и потому отступает, что "царству коммунистов и голодранцев приходит в деревне конец"⁴⁷.

Как это ни парадоксально кажется на первый взгляд, но подобные же настроения захватили часть бедноты и сельских коммунистов, не уяснивших существа политики партии и не понимавших необходимости новых методов руководства крестьянством, впадавших в пессимизм

("теперь наша песенка спета..."). На Кочкарской районной партконференции Троицкого округа (лето 1925 г.) член партии Захаров

заявил: "Решения XIV конференции... есть ставка на кулака... Эти постановления не провести, кулак будет верховодить в деревне, а нам нужно сниматься"⁴⁸. К осени 1925 г. большинство деревенских коммунистов полностью осознали правильность и своевременность принимаемых партией мер, но в повседневной работе сельячейки еще недостаточно активно боролись за практическое претворение в жизнь линии партии. В октябре 1925 г. Троицкий окружком сообщал в ЦК ВКП(б), что "ячейки еще не сделали решительного поворота, чтобы стать в деревне настоящими организаторами крестьянской активности. До сих пор имеются коммунисты, которые не уяснили важности и необходимости нового курса и толкуют его как известную уступку кулачеству. В Магнитном два партийных активиста пытались доказать, что линия партии может пагубно отразиться на работе сельячеек и положении бедноты, что кулаки возьмут полностью всю власть в деревне"⁴⁹.

Все это не могло не сказаться на организации перевыборов. Столкнувшись с высокой политической активностью крестьянства и не умея направить ее в нужное русло, многие парторганизации на местах проявили пассивность, "хвостизм". Сельские коммунисты по существу выпустили из своих рук политическое руководство перевыборами. Как отмечал Уралобком ВКП(б), партиячейки слабо готовили кандидатов в депутаты. В ряде случаев коммунисты еще пытались навязывать кандидатов, в других - имел место отказ от руководства перевыборами. Но случаи "хвостизма" преобладали. Поэтому нередко всплывали случайные кандидатуры.⁵⁰ Шадринский окружком сообщал, что одна сельячейка не выдвигала своих кандидатов, "боясь нарушить демократию". В селе Ерала Златоустовского округа на отчетном собрании Совета "партиячейка целиком отсутствовала, в том числе и секретарь"⁵¹.

Только в ходе перевыборов деревенские парторганизации приступили к выполнению решений октябрьского (1925 г.) Пленума ЦК ВКП(б) о работе среди бедноты.⁵² По Уралобласти было проведено в этот период по одному собранию бедноты на 4-5 сельсоветов и 15-25 населенных пунктов. Что касается групп бедноты, то они оформились лишь при отдельных Советах. Поэтому беднота оказалась недостаточно политически и организационно сплоченной для отстаивания своих позиций, отпора кулачеству и осуществления ведущей роли в беднякко-середняцком блоке.

Наконец, в ряде округов и районов избирательные комиссии довольно либерально истолковывали инструкцию ЦИК о лишении права голоса. В целом по области число отстраненных от выборов сократилось по сравнению с дополнительными выборами 1925 г. вдвое, а осенними 1924 г. - втрое.⁵³ В связи с этим в число избирателей попало немало кулацких

и антисоветских элементов.

Эти и другие недостатки и ошибки отразились на результатах выборов, на составе сельских Советов. Из общего числа 56 410 вновь избранных депутатов 3 870 (6,9%) являлись рабочими и батраками, 3 999 (7,1%) – представителями служащих и интеллигенции, 47 849 (84,8%) – крестьянами. Среди последних 13,9% составляли бедняки, 80,5% – середняки, и 5,6% – кулаки и зажиточные. По сравнению с общими результатами выборов 1924/25 г. представительство бедноты в числе депутатов-крестьян снизилось почти на одну треть и было значительно меньше, чем по РСФСР, а также меньше удельного веса бедноты среди крестьянских хозяйств области. Почти вдвое сократился процент бедняков в числе председателей сельсоветов-крестьян (с 17,8 до 9,9%)⁵⁴. Подавляющее большинство мест в сельских Советах получили середняки. Даже среди всех депутатов их доля составляла более 2/3. В докладе Уралобкома БКП(б) июльскому пленуму 1926 г. отмечалось, что середняки играли доминирующую роль во всем ходе переизборов⁵⁵.

Колебания среднего крестьянства выразились в том, что, идя в большинстве случаев в блоке с беднотой, оно вместе с тем проявило тенденцию к самостоятельности, не хотело признавать ведущей роли полупролетарских элементов деревни, само претендовало на эту роль. Нередко середняки в ходе выборов занимали позицию нейтралитета в развернувшейся борьбе между крайними группировками в деревне, а в ряде мест отклоняли кандидатов бедноты и поддерживали кулаков, в результате чего последние и получили 4,7% всех депутатских мест в сельских Советах.

В городах и рабочих поселках Урала работа по оживлению Советов носила более организованный характер и осуществлялась в несравненно менее напряженной политической обстановке. Поэтому во время их переизборов было достигнуто больше положительных результатов. Однако и здесь наметилась неблагоприятная тенденция. Резко возросшая политическая активность неорганизованных избирателей, что само по себе являлось положительным явлением, при отсутствии должного внимания к ней и влияния на нее партийных и советских организаций, привела к тому, что удельный вес представителей этой части населения во вновь избранных городских и поселковых Советах возрос с 42,2 до 51,8%, а удельный вес рабочих снизился с 53,8 до 46,5%⁵⁶. Это увеличивало возможность проникновения в Советы мелкобуржуазного и буржуазного влияния.

Но все эти недостатки и ошибки, вызванные трудностями перехода к новым методам и формам руководства Советами, носили временный харак-

гер и не имели решающего значения во взаимоотношениях рабочего класса с непролетарскими трудящимися массами города и деревни. Они не давали оснований для панических заявлений оппортунистов-тропкихистов и виновцев о том, что якобы "нижние этажи советского аппарата заполняются кулачко-напманскими элементами".

Если середняки и другие непролетарские трудящиеся массы и получили в результате выборов большинство в низовых Советах, то это были не враги, а союзники рабочего класса, хотя и проявлявшие временные колебания. Основная, определяющая тенденция развития политической жизни заключалась в том, что благодаря принятым и последовательно проводимым Коммунистической партией и ее местными организациями новым методам укрепления экономической смички между городом и деревней, дальнейшему развитию советской демократии, оживлению Советов был разрешен ряд временно возникших противоречий между рабочим классом и крестьянством. Возросшая политическая активность крестьянства и других непролетарских трудящихся масс стала проявляться через Советы, а не помимо их. Тем самым для партии и рабочего класса предоставлялись более благоприятные условия влияния на массы и политического руководства ими, расширилась социальная база диктатуры пролетариата.

Такова была в основных чертах политическая обстановка на Урале в середине 20-х годов, к началу нового этапа социалистического строительства, основные экономические и политические задачи которого как на ближайший, так и перспективный период определял XIV съезд ВКП(б).

Восстановление народного хозяйства создало необходимые предпосылки для развернутого строительства социализма. В этих условиях Коммунистической партии предстояло выработать политический курс, обеспечивающий построение социалистического общества в нашей стране. Партия оказалась на высоте этой исторической задачи. Она исходила из указания В.И.Ленина о том, что в СССР есть все необходимое и достаточное для построения социализма. В основу своей политики партия положила ленинский план строительства социалистического общества, предусматривающий создание мощной индустрии, всемерное развитие производства средств производства, электрификацию всей страны, социалистическое преобразование сельского хозяйства, осуществление культурной революции.

Советская страна должна была прежде всего решить задачу индустриализации. Это являлось основным звеном ленинского плана строительства социализма. В.И.Ленин всесторонне обосновал положение о том, что материальной базой нового общества может быть лишь крупное общественное машинное производство во всех отраслях народного хозяй-

ства. Основой же современного крупного производства является высоко-развитая тяжелая индустрия, электрификация, применение в широких масштабах достижений науки и техники в народном хозяйстве. "Единственной материальной основой социализма, - писал В.И. Ленин, - может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие"⁵⁷.

Учитывая объективную необходимость и неотложность перевооружения народного хозяйства на базе новейшей техники, а также то, что восстановление народного хозяйства, налаживание экономической связи между городом и деревней и завершение перегруппировки классовых сил создали необходимые предпосылки для перехода к новому этапу социалистического строительства, XIV съезд ВКП(б) в декабре 1925 г. утвердил курс на индустриализацию страны. В решении съезда указывалось, что борьба за победу социализма в СССР является основной задачей партии. В этих целях необходимо держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства, строить промышленность на основе передовой техники"⁵⁸.

Вместе с тем в документах съезда был дан глубокий анализ соотношения классовых сил в стране на рубеже перехода от восстановительного к реконструктивному периоду, получили всестороннее обоснование стратегия и тактика партии на новом этапе борьбы за социализм, определены ее формы и методы.

Говоря о соотношении классовых сил, съезд отметил следующие главные явления: рост индустриального пролетариата; рост и укрепление середняцких хозяйств и усиление кулаков в деревне в результате дифференциации крестьянства; рост новой буржуазии в городах, стремящейся хозяйственно сомкнуться с торгово-капиталистическими и кулацкими хозяйствами в их борьбе за подчинение основной массы середняцких хозяйств; подъем политической активности всех классов и социальных групп в стране. Съезд указал, что "одной из основных форм классовой борьбы в настоящее время является борьба между капиталистическими и социалистическими элементами хозяйства, борьба между буржуазией и пролетариатом за овладение основной массой крестьянства"⁵⁹.

Исходя из этого, съезд поручил Центральному Комитету во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм, прежде всего социалистической госпромышленности, над частным капиталом; прочно опираться в деревне на бедноту и батрачество, всемерно крепить союз с середняком; вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, преодолевая и вытесняя капитали-

стические ее элементы. "Борьба против кулачества, — говорилось в резолюции съезда, — должна идти как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества в целях изоляции кулака"⁶⁰.

XIV съезд ВКП(б) сыграл выдающуюся роль в построении нового общества. Он развил и конкретизировал ленинское учение о создании материально-технической базы социализма, научно обосновал и провозгласил курс на индустриализацию страны. Съезд нанес сокрушительный удар "новой оппозиции", пытавшейся ревизовать генеральную линию партии на победу социализма. Он четко определил расстановку классовых сил, выработал стратегию и тактику партии и рабочего класса в борьбе против буржуазии города и деревни на новом этапе развития страны.

Решения съезда с воодушевлением были встречены всей партией и всем советским народом, в том числе коммунистами и трудящимися Урала. Одобрив решения съезда, они выразили непоколебимую уверенность в преодолении всех трудностей на пути социалистического строительства, индустриализации страны, безоговорочно осудили фракционную деятельность и капитулянтские теории "новой оппозиции". Обсуждение материалов XIV съезда в низовых организациях продемонстрировало сплоченность коммунистов области вокруг Центрального Комитета, их непреклонную решимость идти по пути социализма.

Совершенно по-другому отнеслись к решениям съезда эксплуататорские классы и все контрреволюционные элементы. Принятие партией курса на индустриализацию и социалистическую реконструкцию всего народного хозяйства означало, что рушатся все их надежды на "перерождение" Советской власти, на эволюцию экономики в сторону капитализма. В этих условиях они резко меняют стратегию и тактику борьбы. Если в восстановительный период они исходили из того, что неп есть не что иное, как отступление, как возврат к капитализму, и основу своей политики усматривали в том, чтобы всеми средствами содействовать "перерождению" Советской власти в буржуазную республику и укрепить позиции капиталистического сектора в экономике, то после XIV съезда происходит крутой поворот к прямым контрреволюционным действиям, саботажу, вредительству, организации заговоров с целью свержения Советской власти при поддержке иностранной империалистической интервенции.

Одной из самых опасных форм сопротивления классовых врагов социализму в период создания фундамента нового общества стало буржуазное вредительство. Оно приняло широкий размах, планомерный характер, охватило многие отрасли хозяйства и экономические районы страны.

Большинство вредительских организаций возникло как раз на рубеже перехода от восстановительного к реконструктивному периоду⁶¹. Эта же тенденция имела место и на Урале. Здесь в 1926-1927 гг. сформировалось отделение "Инженерного центра" - зародыша "Промпартии", начала действовать вредительская группа в золото-платиновой промышленности⁶². Совершенно не случайно, а с ведома и согласия руководителей Уральского отделения "Инженерного центра" именно в это время открыла свой поход против Урало-Кузнецкого проекта, против индустриализации восточных районов страны группа инженера Диманштейна из Госплана Украины⁶³.

Активизировала антисоветскую деятельность и сельская буржуазия. Это проявилось, как мы уже видели, во время перевыборов Советов зимой 1925/26 г. Повсеместно усилилось со стороны кулачества требование создания "Крестьянского союза", возросло число кулацких группировок и организованных ими террористических актов против коммунистов и сельских активистов. Если в 1925 г. по стране было отмечено 545 выступлений с требованием организации "Крестьянского союза", то в 1926 г. - 1 561⁶⁴. По 8 округам Уралобласти в том же году было обнаружено 9 активно действующих крупных кулацких группировок. В информационном письме Уралобкома в ЦК ВКП(б) в марте 1926 г. сообщалось, что в селах Богородском и Алтыновском Кунгурского округа сформировались нелегальные анархо-кулацкие группы, которые во время перевыборов Советов созывали тайные сборища и вели контрреволюционную агитацию среди крестьян. За вторую половину 1926 г. по стране кулаки совершили более 530 террористических актов, в том числе 22 - на Урале⁶⁵.

В связи с обострением классовой борьбы, усилением колебаний мелкобуржуазных слоев активизировались оппортунистические элементы в рядах Коммунистической партии. Именно на этой почве возникла "новая оппозиция", выступившая против генеральной линии партии на XIV съезде ВКП(б), а затем трокистско-зиновьевский блок, правый уклон, различные националистические группировки.

Перед Коммунистической партией встала задача организовать отпор возросшему сопротивлению классовых врагов, активизировавшимся оппортунистическим группировкам, подготовить и осуществить развернутое наступление на капиталистические элементы города и деревни.

2. Политическая борьба с антисоветскими элементами и кулачеством в ходе перевыборов Советов

Одним из ведущих направлений в осуществлении политического на-

отупления на контрреволюционные элементы, в особенности кулачество, являлась организация коммунистами Урала борьбы против классовых врагов в период избирательных кампаний в Советы. Было уже говорилось, что, пытаясь затормозить строительство социализма, антисоветские силы стремились проникнуть в низовые органы власти, использовать их в своих классовых целях.

В этих условиях избирательные кампании в Советы в период построения фундамента социализма проходили в острой политической борьбе с классовыми противниками, которые, постоянно применяя испытанные ими формы борьбы, в то же время разнообразили арсенал средств, методов, приемов для достижения своих целей, приспосабливаясь к изменяющейся обстановке.

В период подготовки и проведения выборов Советов Коммунистическая партия и ее местные организации вели большую политическую работу среди трудящихся, направленную на дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства, бедняцко-средняцкого блока, органов диктатуры пролетариата, на повышение политической активности и организационной сплоченности масс в борьбе с буржуазией города и деревни, за достижение ее полной политической изоляции.

Важным этапом в организации политического наступления на эксплуататорские классы была избирательная кампания в Советы зимой 1926/27 г.

Эксплуататорские и антисоветские элементы по Конституции СССР были лишены избирательных прав. Однако в предыдущую избирательную кампанию при выработке избирательных инструкций были допущены ошибки, в результате которых произошло неоправданно резкое сокращение числа лиц, лишенных избирательных прав. В результате к голосованию были допущены такие категории граждан, которые были противниками Советской власти. Антисоветские элементы воспользовались этим и в ряде мест проникли в низовые Советы. Июньский 1926 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), специально обсудивший итоги выборов 1926 г., потребовал, "чтобы граждане, не имеющие по Советской Конституции избирательных прав, не могли участвовать в выборах в Советы"¹. На основе указаний ЦК ВКП(б) и ЦКК Союза ССР Президиум ЦКК разработал и 4 ноября 1926 г. утвердил новую избирательную инструкцию, согласно которой одной из важнейших задач избирательных комиссий являлось недопущение к участию в выборах эксплуататорских элементов. В результате выполнения новой инструкции количество лиц, отстраненных от выборов, выросло с 1,1% в 1926 г. до 3,3% в 1927 г.²

Лишенные возможности непосредственно участвовать в выборах Со-

гов представители буржуазии и кулачества предприняли попытку воздействовать на ход выборов и их результаты, используя в этих целях другие близкие им социальные слои — мелкобуржуазные элементы города и зажиточные слои среднего крестьянства.

Городская буржуазия, представители чиновничества, остатки эсеров и меньшевиков, учитывая, что в предыдущих составах Советов Урала мелкобуржуазные слои, представители служащих и прочих имели незначительное большинство, выдвигали требования "подлинной демократии", предоставления права голоса для всех, в том числе и для эксплуататорских классов. Пытаясь сбить с толку мелкобуржуазных избирателей, они вели пропаганду в том духе, что "коммунисты подтасовывают выборы". Они обращались к проявляющим повышенную активность мелкобуржуазным массам с призывом "завоевать прочное большинство в Советах и возглавить руководство ими"³. Это были старые погудки на новый лад — "Советы без коммунистов", попытки добиться передвижки руководства Советами от коммунистов и рабочего класса к мелкобуржуазным массам, а затем самим встать во главе органов власти. Только действовали они не столь откровенно, как ранее, а более замаскированно.

В этих условиях Уралобком ВКП(б) и партийные комитеты в городах и рабочих поселках противопоставили пропаганде классового врага большую организаторскую работу по сплочению сил рабочего класса и организованных в профсоюзы трудящихся. Руководствуясь постановлением июльского 1926 г. Пленума ЦК ВКП(б), Уралобком потребовал от всех коммунистов добиться активного участия в выборах Советов и их деятельности рабочих и работниц, непосредственно занятых на производстве, особенно в местностях с незначительным пролетарским населением⁴.

Партийные организации вовлекли в подготовительную работу весь советский, профсоюзный, комсомольский актив. Среди трудящихся была проведена широкая агитационно-массовая работа по разъяснению политики партии, разоблачению лозунгов и целей классовых противников. Все это обеспечило высокий политический подъем среди трудящихся. Этому способствовало создание накануне выборов 55 поселковых Советов в заводских районах⁵. На их выборные собрания явилось около 60% всех избирателей по сравнению с 47,6% в 1927 г.⁶

Ведущей и наиболее организованной силой выступил рабочий класс. Его активность была особенно высока. В Свердловске в выборах участвовало 74,5% рабочих, в Нижнем Тагиле — 87,4, в Перми — 78,9, Кизеле — 84,9, Златоусте — 83,5, Миассе — 95,1%. В общей сложности в голосовании приняли участие 70,9% организованных в профсоюзы трудящихся, или на 15% больше, чем в 1926 г.⁷ Подводя итоги выборов в Советы 1927 г., Уралоблисполком отмечал: "Рабочий класс уральских го-

родов и заводов на отчетных собраниях и пере выборах городских и поселковых Советов... по своей активности далеко превзошел все другие группы городских избирателей, всюду показав повышение активности против прошлого года, и проявил свою руководящую роль в течение всего периода избирательной кампании"⁸.

В результате выборов рабочее ядро в городских и поселковых Советах увеличилось с 46,7 до 52,2%. Прослойка коммунистов среди депутатов по 15 окружным городам увеличилась с 45,1 до 50,1%, по районным городам - с 33,3 до 43,1%, в 55 впервые избранных поселковых Советах она составила 32,7%⁹.

Таким образом, попытки городской буржуазии, антисоветских элементов и группы достигнуть своих политических целей, используя повышение политической активности мелкобуржуазных масс, потерпели провал. Итоги выборов 1927 г. в городские и поселковые Советы полностью похоронили эти несбыточные расчеты. Политическая изоляция эксплуататорских классов и осколков эсеров-меньшевистских партий еще более усилилась.

Острая политическая борьба развернулась в ходе избирательной кампании 1927 г. и в деревне против ее кулачко-зажиточной верхушки, которая в пере выборную кампанию 1926 г. добилась частичных успехов, пробравшись к руководству ряда Советов. В избирательную кампанию 1927 г. она поставила своей целью развить этот частичный успех, усилить политическое влияние в Советах. При этом она использовала самые разнообразные приемы и средства, но главная ставка была сделана на зажиточного середняка, который во многих местах шел на блок с кулачеством, прежде всего по экономическим вопросам (сельхозналог, хлебозаготовительные цены, "ножницы" в ценах на сельхозпродукты и товары и т.п.). Почти повсеместно кулачество под видом вечеринок проводило с зажиточной верхушкой среднего крестьянства предвыборные собрания, создавало вместе с ней подпольные избирательные комиссии, которые вели активную работу среди основной массы середняков, чтобы оторвать их от бедноты. В одном из сельсоветов Шадринского округа такую "комиссию" возглавил бывший белогвардеец, занимавший должность счетовода потребительского кооператива. В ряде сел Пермского округа члены избирательных комиссий при Советах из зажиточных распространяли пригласительные повестки на выборы только среди близких им середняков, чтобы отстранить от выборов бедноту, батрачество и маломощных середняков. Убеждая середняков блокироваться с ними, кулаки вели агитацию против бедняков, внушали, что якобы "середняку союз с беднотой не с руки, так как беднота не платит налогов, и середнику придется платить за бедняков"¹⁰. В изданных Уралоблсполкомом материа-

лах об итогах выборов 1927 г. подчеркивалось, что "прямые покушения на разрыв бедняшко-середняцкого блока были повсеместно"¹¹.

Кулаки стремились использовать в своих политических целях и экономически от них зависящих бедняков и батраков. Запугивали, спаивали их, либо включали в подготовленные ими списки кандидатов в депутаты Советов и выдвигали эти списки на собраниях. Совместно со служителями церкви вели пропаганду среди женщин-середнячек, призывая их к неявке на выборные собрания, чтобы добиться более благоприятного для себя соотношения голосов во время выборов.

Партийные организации Урала, готовясь к выборам в Совети в 1926/27 г., провели большую политическую и организаторскую работу в деревне, направленную на сплочение бедняшко-середняцкого блока, на отпор попыткам деревенской верхушки захватить руководство Советами. Главное внимание они сосредоточили на повышении политической активности и организованности бедноты, привлечении на ее сторону середняков.

Учитывая недостаточную сплоченность бедноты на предыдущих выборах и руководствуясь постановлением ЦК ВКП(б) "О работе среди бедноты" (1926)¹², пленум Уралобкома ВКП(б) потребовал от коммунистов перейти от кампанейских методов организации бедноты "к плановой, повседневной работе"¹³. С осени и зимы 1926/27 г., в ходе подготовки и проведения выборов Советов, деятельность коммунистов среди бедноты приобрела систематический характер. Сельские ячейки Шадринского округа провели 790 собраний бедноты, Ишимского - более 400 с 15 тыс. участников, в Тименском - 783 собрания, а в целом по области их было проведено, по неполным данным, 8 106¹⁴. Постоянно действующие собрания бедноты стали эффективным средством повышения политической активности, сплоченности и организованности бедноты. На них обсуждались предварительно составы избиркомов, кандидаты в депутаты, списки лишенных избирательных прав и т.д. Под руководством ячейки бедняки села Кочнево Баженовского района выдвинули и провели своих кандидатов в Совети¹⁵. В процессе же перевыборной кампании коммунисты всерьез взялись за дело организации групп бедноты при Советах, всего по области их было создано 884¹⁶.

Меры по сплочению бедноты повсюду встретили сопротивление кулаков. Они распространяли провокационные слухи о том, что бедняцкие собрания и группы направлены против остального крестьянства, что коммунисты вновь хотят насадить комбеды и т.д. "Зажиточные элементы и кулаки, - сообщал Кунгурский окружком ВКП(б), - ведут активную борьбу против бедняцких собраний. Методы их борьбы различны, но цель

одне - не допустить сплочения бедноты"¹⁷.

Разоблачая словом и делом кулацкую клевету, сельские парторганизации широко стали привлекать на собрания актив середняков. Так, на 50 собраниях, созванных во второй половине 1926 г. ячейками Каргапольского района, присутствовали 1 361 бедняк и 575 середняков¹⁸. Участие середняков в собраниях бедноты, совместное с ними обсуждение кандидатов в состав Советов политически и организационно укрепляло бедняцко-середняцкий блок.

Одной из эффективных форм сплочения крестьянского актива являлось вовлечение бедняков и середняков в деятельность Советов. Маслянская ячейка Ишимского округа в 1926-1927 гг. выдвинула на советскую и общественную работу помимо 6 коммунистов 27 бедняков и середняков, и еще 13 крестьян постоянно привлекались к работе секций и комиссий Совета¹⁹. В этот период деятельность секций и комиссий сельских Советов значительно активизировалась. Всего по области в их работу в 1926/27 г. было вовлечено 85 тыс. человек²⁰.

Районные комитеты партии и сельчаечки установили строгий контроль за последовательным осуществлением инструкции ВЦИК о лишении избирательных прав. Процент лишенных права голоса увеличился втрое, по округам Зауралья - в четыре раза, а в Троицком округе даже более чем в 9 раз - с 861 до 8 120 человек²¹.

Массово-политическая работа коммунистов Урала среди крестьянства, организационное сплочение бедноты и широкого беспартийного актива середняков, оживление советской и общественной работы - все это привело к упрочению бедняцко-середняцкого блока и в целом обеспечило благоприятное соотношение классовых сил на выборах.

Однако полной политической изоляции кулачества достигнуто не было. В тесном союзе с беднотой шла маломощная часть среднего крестьянства, а основная его масса, хотя в большинстве случаев выступала в блоке с беднотой, нередко проявляла политические колебания. Главным образом это сказалось в настроениях пассивного отношения к выборам, особенно со стороны женщин-середнячек, дававшая себя знать кулацко-поповская агитация. В результате активность избирателей уральской деревни в переизборную кампанию 1927 г. заметно снизилась. Если в 1926 г. на выборы явилось 52% имеющих право голоса, то в 1927 г. - 46,5%²². Особенно низка была явка на выборы женщин, она составила всего 30,4% от имеющих право голоса²³. Зажиточная часть среднего крестьянства в основном блокировалась с кулачеством, которому и удалось в целом ряде Советов протолкнуть своих ставленников. Представительство зажиточных в Советах даже несколько увеличилось по сравнению

с предыдущими выборами — с 4,7 до 5,9% всех депутатов. В целом социальный состав депутатов сельских Советов выглядел следующим образом: рабочие и батраки — 6,5%, крестьяне — 87,3 (из них бедняки — 32,4%, середняки — 49,0, зажиточные — 5,9), служащие и интеллигенция — 5,7, кустари и ремесленники и прочие — 1,1%²⁴. По сравнению с предыдущими выборами в составе депутатов произошли значительные изменения. Резко повысился удельный вес в Советах бедноты — с 11,8 до 32,4%. Вместе с рабочими и батраками она занимала 38,9% депутатских мест. В то же время значительно сократилось представительство середняков — с 68,4 до 49,0%. В целом рабоче-бедняцко-середняцкому блоку принадлежало почти девять десятых мест в сельских Советах.

Это было крупным шагом в решении поставленной XIV съездом ВКП(б) задачи привлечения основных масс крестьянства на сторону пролетариата. По политическому влиянию сельской буржуазии был нанесен сильный удар. Однако некоторый рост представительства в Советах зажиточного крестьянства, проявления колебаний середняка говорили о том, что полной политической изоляции кулачества еще не было достигнуто. Этот процесс с нарастающей силой развернулся в последующие избирательные кампании.

Одним из решающих этапов политического наступления на эксплуататорские элементы, прежде всего кулацко-зжиточную верхушку деревни, обеспечения их политической изоляции являлись выборы в Советы зимой 1928/29 г. Они состоялись после XV съезда ВКП(б), определившего курс партии на коллективизацию сельского хозяйства и вместе с тем на усиление наступления на капиталистические элементы города и деревни.

В резолюциях съезда по отчету ЦК и "О работе в деревне" подчеркивалось, что "в политической области усилился отход середняка от кулачества, укрепился союз рабочего класса с середняцкими массами крестьянства и обнаружился решительный перелом в сторону изоляции кулачества"²⁵. Достигнутые успехи политики партии в деревне и создававшаяся в связи с этим новая обстановка позволяют партии пролетариата, по-прежнему опираясь на бедняцко-середняцкие массы, развивать дальнейшее наступление на кулачество²⁶.

Решению этих задач и должна была послужить избирательная кампания в Советы 1928/29 г. Пленум Уралобкома ВКП(б), состоявшийся в октябре-ноябре 1928 г., предложил всем партийным, советским и общественным организациям усилить политико-массовую работу среди избирателей, сплотить их для отпора классовым врагам, "поставить работу партийных организаций таким образом, чтобы вопросы перевыборной кампании были в центре внимания всех ячеек и каждого члена партии"²⁷. В

ноябре вопрос о выборах в Советы обсудили окружные и районные партийные конференции, собрания городских партактивов, сессии окружных, районных и городских Советов, пленум Облсполкома²⁸.

Подготовка и проведение выборов проходили в условиях ожесточенного сопротивления классовых врагов в городе и деревне. Выборы состоялись в период развернутого наступления на непманскую буржуазию в промышленности и торговле. Эксплуататорские элементы, упорно борясь за выживание, всеми силами стремились использовать выборы в своих политических целях, повлиять на их результаты. Для этого они пытались сыграть на трудностях хозяйственного строительства и снабжения населения продуктами питания и товарами широкого потребления, возлагали ответственность за эти трудности на Коммунистическую партию и Советское правительство, в унисон с правыми оппортунистами требовали полной свободы частной торговли и рыночных отношений, свободы в частнохозяйственной деятельности. В политической области они выдвигали лозунги буржуазно-демократических "свобод", "равноправия" для себя выборов, мелкобуржуазный оппозиционный лозунг "двух партий" и т.д. Смикаясь с чиновничье-бюрократическими элементами в госаппарате, классовые противники разлагали отдельные группы советских работников и таким путем пытались пробиться в Советы. Так было в Кушве, Кизеле, Чердини²⁹. В Нижнем Тагиле при содействии разложившихся элементов в госаппарате в состав горсовета был выдвинут бывший полицейский³⁰. Вытесненные из промышленности и торговли непманы и другие контрреволюционные элементы выдавали себя за "трудящихся" и стремились получить право голоса. В Перми, например, было выявлено 3 тыс. подобного рода лишенцев³¹.

Развертывая решительное политическое наступление на эксплуататорские и антисоветские элементы, партийные организации Урала мобилизовали силы рабочего класса на организованное проведение выборов в Советы. Они поддержали и широко распространили рожденную творчеством масс новую форму политической работы среди избирателей. По инициативе рабочих развернулось массовое движение за лучшее проведение выборов в Советы, зачинателем которого стал коллектив фабрики "Катушка" Смоленской губернии.

Коммунистическая партия и Советское правительство поддержали начинание рабочего класса и призвали всех трудящихся активно участвовать в выборах Советов не только в городе, но и в деревне.

Широкий размах получило 'соревнование-переключка' и на Урале. Здесь инициатором этого движения выступил старейший коллектив Верх-Исетского завода. 7 декабря 1928 г. партийное собрание Виза одобрило

почин рабочих фабрики "Катушка"³². В тот же день в цехах завода прошли митинги, на которых рабочие вызвали на соревнование за лучшее проведение выборов коллективы заводов "Металлист", "Сталькан", фабрики имени В.И.Ленина и других предприятий. Рабочие обратились в редакцию "Уральского рабочего" с предложением провести между заводами, фабриками и сельсоветами общеуральскую переключку за высокоорганизованное участие в выборах. В обращении говорилось, что рабочие Урала ожесточенному сопротивлению неплательщиков и кулаков противопоставят удивительную активность и поголовное участие в выборах Советов³³.

Отвечая на инициативу рабочих ВИЗа, "Уральский рабочий" 15 декабря 1928 г. призвал начать всеуральское предвыборное соревнование за лучшую активность и организованность предприятий и сельсоветов в выборной кампании. Президиум облисполкома и областная избирательная комиссия приняли обращение, в котором приветствовали начинание рабочих ВИЗа и редакции "Уральского рабочего", призвали всех советских работников, общественные организации противопоставить сопротивлению классовых врагов политическую активность рабочего класса, батрачества и бедноты, "полностью обеспечить новый состав Советов за лучшими, наиболее стойкими и классово-выдержанными представителями города и деревни"³⁴.

Единодушно поддержанное коллективами предприятий и сельскими Советами всей области соревнование-переключка приобрело массовый, всеуральский характер и сыграло выдающуюся роль в мобилизации и организации трудящихся в избирательной кампании 1928/29 г.

Партийные организации осуществляли руководство работой избирательных комиссий по выявлению лишенных избирательных прав и добились более полного их учета. В целом количество лишенных права голоса в городах и рабочих поселках увеличилось с 18 925 до 20 579 (без Свердловска, Перми и Златоуста)³⁵.

Политическая и организационная работа коммунистов обеспечила высокую активность избирателей. Их общая явка на выборы поселковых Советов поднялась с 50,4% в 1926/27 г. до 75% в 1928/29 г., городских соответственно с 57,5 до 75,5%³⁶.

Наиболее высокую политическую активность и организованность проявил рабочий класс. Как следствие резко возросло рабочее ядро в составе депутатов: по горсоветам - до 60%, по поселковым - до 62,8%, т.е. по сравнению с выборами 1926/27 г. - на 8-10%³⁷. В то же время значительно сократилось представительство мелкобуржуазных слоев. Это дает основание сделать вывод о том, что в избирательную кампанию 1928/29 г. в основном завершилась политическая изоляция эксплуа-

торских классов города, переживавших процесс распада как классовых групп и в социально-экономической области.

В обстановке острейшей классовой борьбы проходила избирательная кампания 1928/29 г. в уральской деревне. Кулачество использовало весь арсенал средств от оголтелой антисоветской агитации до террора против коммунистов и деревенских активистов. Вместе с тем деревенские богатеи и их единомышленники стали прибегать к более тонким и ловким приемам, чтобы сбить с толку крестьян.

Во-первых, зажиточная верхушка усиленно спекулировала на переживаемых страной хозяйственных трудностях. Перевыборная кампания совпала с периодом острейшей борьбы на хлебозаготовительном фронте. Играя на собственнических чувствах середняков, торгашеской стороне их психологии, кулаки повсеместно выдвинули лозунг "свободной торговли хлебом", пытались отвести кандидатов из рабочих, батраков, бедняков, заявляя: "Нам, крестьянам, отбирателей нашего хлеба не надо!"³⁸.

Во-вторых, они подхватили и на свой лад перепевали бухаринскую теорию затухания классовой борьбы в деревне, проповедовали общность интересов всех слоев крестьянства и необходимость их сотрудничества якобы "для общенародного блага". Эта тактика преобладала в перевыборную кампанию 1928/29 г. Так, на отчетных собраниях Советов сел Шилкинского и Коровякинского Камышловского района подкулачники утверждали, что проводимое партией и Советской властью разграничение в деревне на кулака, середняка и бедняка — ненужное и вредное³⁹. Челябинский окружком ВКП(б) сообщал, что эксплуататорская верхушка деревни повсеместно ведет агитацию "о единой крестьянской семье". "Зачем нас раздают на части, — вопрошали кулаки, — зачем сеют рознь, когда мы все труженики"⁴⁰.

Линия на "классовое сотрудничество" проводилась зажиточной верхушкой деревни и во время выдвижения кандидатов в депутаты. На перевыборном собрании села Введенского Мишкинского района Челябинского округа группа зажиточных выдвинула свой список кандидатов в состав Совета. В него были включены большая группа кулаков и подкулачников, несколько бедняков и середняков и даже один коммунист из числа тех, которые превратили свое хозяйство в эксплуататорское. Хотя избранными оказались кандидаты, рекомендованные беднотой и партией, все-таки кулацкий список получил значительное число голосов⁴¹. Подобные маневры широко применялись классовым врагом.

В-третьих, для достижения своих целей кулаки нередко действовали через зависимых от них бедняков. Так, в селе Сайгаш Фокинского района Сарапульского округа собрание бедноты кандидатами в депутаты Сове-

та, наряду с представителями беднейших слоев и середняков, выдвинуло больше половины зажиточных, враждебных Советской власти и разложившихся элементов. Лишь приезд бригады "Уральского рабочего" по сигналам селькоров помог сплотить актив бедноты и середняков и пересмотреть список намеченных кандидатов. На вновь созванном бедняцком собрании, продолжавшемся 2 дня, выступило свыше 100 человек. В результате 23 из 42 кандидатов старого списка были отведены и вместо них выдвинуты лучшие представители крестьянского актива⁴².

Заодно с кулаками действовали и представители церкви. В Ирбитском округе священнослужители разъезжали по селам и агитировали крестьян выбирать в Советы "трудолюбивых, хозяйственных мужиков", убеждали верующих, что "к социализму можно прийти только через религию"⁴³. Характерно, что попы в унисон с кулачеством проповедовали классовый мир и сотрудничество всех слоев крестьянства. В села Чесноково Миасского района поп в проповедях твердил: мол "среди нас нет кулаков, мы одна крестьянская семья, а Советская власть хочет внести вражду промеж крестьян"⁴⁴.

Эксплуататорская верхушка деревни повсеместно старалась объединить свои силы и выступить на выборах организованно. В противовес бедняцко-батрацким собраниям они повсеместно проводили тайные собрания, на которых намечали свои списки кандидатов, создавали кулацкие избиркомы⁴⁵. Только на территории РСФСР, в том числе и на Урале, было раскрыто около 1 тыс. тайных кулацких собраний⁴⁶.

Партийные организации Урала возглавили мобилизацию масс на отпор кулачеству, на решение политических задач избирательной кампании на основе генеральной линии партии.

Вопрос о выборах Советов стал предметом специального рассмотрения октябрьско-ноябрьского пленума Уралобкома ВКП(б) 1928 г. Пленум указал на необходимость укрепления Советов выросшим партийным и беспартийным активом, добиваясь "выдвижения в Советы таких кандидатов, которые были бы действительно защитниками и строителями социалистического хозяйства"⁴⁷.

По решению бюро обкома ВКП(б) для руководства и оказания помощи на местах в организации выборов Советов на весь срок кампании была направлена большая группа ответственных партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников. Из областного аппарата выехало 108 человек, окружного - 1 196, районного - 5 899⁴⁸.

Парторганизации Урала проводили большую политическую и организаторскую работу. Катайский райком ВКП(б) Челябинского округа обсуждал ход подготовки перевыборов на пленуме, 4 раза на бюро, на собраниях

партактива, на конференции групп бедноты и на райпартконференции. Энергично вели подготовку к перевыборам и сельские ячейки. Так, Булановская сельячейка Чудинковского района Челябинского округа во всех населенных пунктах созвала собрания бедноты и батрачества, общегражданские, женские, комсомольские, пленум Совета с участием широкого крестьянского актива⁴⁹.

Выдающуюся роль в организации выборов Советов на селе сыграл рабочий класс Урала. Именно в ходе избирательной кампании 1928/29 г. возникла новая форма руководства рабочего класса политической жизнью деревни — участие в перевыборах рабочих бригад. Партийные организации, профсоюзы, комсомол создавали бригады из лучших производственников, как правило, во главе с коммунистами.

По указанию Уралобкома и окружкомов ВКП(б), рабочие бригады посылались, во-первых, в самый ответственный момент кампании — во время выдвижения кандидатов и перевыборов Советов, и, во-вторых, в районы, где были слабы парторганизации, где борьба с кулачеством достигла наибольшего накала. Только из Свердловска, Нижнего Тагила, Перми выехало 148 рабочих бригад в составе 1 135 человек⁵⁰. Десятки бригад направили предприятия Алапаевска, Надеждинска, Егоршино, Челябинска, Златоуста, Лысьвы, Чусовой и других городов.

Представители рабочего класса помогали сельячейкам сплотить бедноту, разоблачать кулацкие выступления, разъясняли крестьянам политику партии. Бригада Свердловского Монетного двора в составе 20 человек выехала 19 января 1929 г. в село Глиники и деревни Чепчугово и Сухарево Режевского района. По инициативе бригады созвали расширенный пленум Совета, собрания бедноты, где обсуждали кандидатов в депутаты Совета. В клубе и школах бригады провели беседы о задачах избирательной кампании. В день выборов была организована демонстрация трудящихся крестьян, комсомольцев, школьников. В результате, несмотря на чрезвычайную активность кулачества и его попытки протаскать своих ставленников, в Советы были избраны батраки, бедняки и активисты-середняки. Бригада пермских рабочих совместно с работниками окрисполкома была направлена в Сосновский район, где в результате засилья кулачества в некоторых сельсоветах сложилась напряженная обстановка. Опираясь на бедноту, бригада организовала в пяти сельсоветах отчетные собрания при активном участии избирателей. С помощью бригады был разоблачен как подкулачник и снят с работы председатель Ленинского сельсовета⁵¹.

Посылка рабочих бригад в деревню оказала большую помощь бедноте в укреплении блока с середняком, в политической изоляции кулачества.

Деятельность бригад уральских рабочих в избирательной кампании получила высокую оценку Центральной избирательной комиссии ЦИК РСФСР, которая отметила, что рабочий класс края оказал большую помощь крестьянству в развертывании политико-массовой работы, в борьбе с классово-чуждыми элементами, в укреплении пролетарской смички города с деревней⁵².

Партийные организации значительно усилили работу по сплочению и повышению политической активности бедноты. Во время подготовки к выборам только в 10 округах Уралобласти из 16 райкомов ВКЛ(б) и сельячейки созвали 10 867 собраний бедноты и актива середняков, на которых присутствовало 274 733 человека. В тех же округах при сельских Советах действовало 1 657 бедняцко-батрацких групп⁵³.

Учитывая низкую явку женщин, особенно середнячек, в прошлую избирательную кампанию, партийные организации Урала в 1928/29 г. приняли все необходимые меры по усилению политико-массовой работы среди женщин-крестьянок. Активизировалась работа делегатских собраний, крестьянки, как и работницы, были вовлечены в соревнование-переключку за лучшее проведение выборов в Советы. В результате явка женщин на выборы сельских Советов возросла с 30,4% в 1927 г. до 66,5% в 1929 г. Возрос их удалый вес среди депутатов с 10,3 до 21%, среди председателей сельсоветов - с 30 до 276 человек⁵⁴.

Коммунисты Урала приняли ряд других мер, чтобы парализовать действия кулаков. Сельские парторганизации, выполняя указания Уралобкома, добились более строгого выполнения инструкции ЦИК о лишении избирательных прав антисоветских элементов. Если в 1927 г. права голоса не имели 67 664 человека (2,4%), то в 1929 г. - 88 219 (3,0%)⁵⁵. Вместе с тем партийные организации обеспечили хороший социальный состав сельских избирательных комиссий. По Гладанскому району Курганского округа в этих комиссиях было 62,3% бедняков, 26,6 - середняков и 10,9 служащих, по семи районам Сарапульского округа соответственно - 47,38 и 15%⁵⁶.

Благодаря воспитательной работе коммунистов и опыту классовой борьбы поднималась политическая сознательность и организованность бедноты и батрачества, упрочился их блок с середняками. Показателем высокой политической активности и организованности трудящихся масс крестьянства стал громадный рост их участия в перевыборных собраниях. Если на прошлые выборы по сельским местностям Уралобласти явилось 46,5% избирателей, то в 1929 г. - 73,4%, что значительно превышало процент явки в целом по стране⁵⁷.

Итоги выборов сельских Советов ознаменовали победу политики пар-

тии в деревне, победу союза рабочего класса и трудящихся крестьян, бедняцко-середняцкого блока. Социальный состав депутатов сельских Советов Урала значительно улучшился. Батраков и сельскохозяйственных рабочих было избрано 9,7% (на 3,8% больше, чем в 1927 г.), крестьян - 84,9, в том числе бедняков - 38,5 (на 6,5% больше), середняков - 42,4 (на 6,6% меньше), зажиточных - 4,0 (на 1,9% меньше), служащих и представителей интеллигенции - 4,4, кустарей, ремесленников и прочих - 1%⁵⁸. Таким образом, рабочие, батраки и бедняки получили в Советах 48,2% мест, а бедняцко-середняцкий блок - 90,6%.

Удельный вес коммунистов в составе Советов увеличился с 10,5 до 13,7%, а комсомольцев - с 3,8 до 5,2%⁵⁹.

Укрепление органов диктатуры рабочего класса в деревне за счет пролетарских и полупролетарских масс, упрочение бедняцко-середняцкого блока создавало необходимые политические предпосылки для усиления наступления на кулачество. Правда, полной политической изоляции кулачества в избирательную кампанию 1928/29 г. еще не было достигнуто. Используя хозяйственные трудности, обострения борьбы на хлебозаготовительном фронте, колебания части среднего крестьянства, поддавшегося на удочку проповедей деревенской верхушки и правых оппортунистов о "классовом мире" и "сотрудничестве", кулаки сумели в целом ряде мест собрать за выдвинутые ими списки значительное количество голосов, хотя их ставленники и не были избраны в Советы. За общими благоприятными показателями социального состава Советов имел место тот факт, что во многих Советах большинство депутатов являлись середняками, которым еще свойственны были колебания, а некоторые Советы оказались в руках подкулачников и зажиточных.

Но в целом итоги выборов свидетельствовали о резком падении политического влияния кулачества в деревне, об отходе от него подавляющего большинства среднего крестьянства. "Перевыборная кампания, - говорил в докладе на УП Уральском областном съезде Советов (апрель-май 1929 г.) председатель Облисполкома М.К.Ошвинцев, - дала небывалую организованность вокруг партии и Советов батрачества, бедноты и среднего крестьянства и способствовала усилению руководящей роли пролетариата в деле социалистического строительства"⁶⁰.

Центральный Комитет партии в постановлении "О предварительных результатах перевыборной кампании Советов" указывал, что, "несмотря на усиление борьбы кулачества за влияние на середняцкие массы крестьянства, партия достигла новых успехов в деле закрепления бедняцко-середняцкого блока и общего укрепления позиций пролетарской диктатуры в деревне"⁶¹.

Завершение политической изоляции кулачества произошло в период развернутого наступления на него в последующие избирательные кампании. Одним из решающих этапов в осуществлении этой задачи стали частичные досрочные выборы сельских Советов в 1930 г.

Это был период, когда в деревне возникло массовое колхозное движение, происходила коренная социалистическая реконструкция сельского хозяйства, начался этап развернутого наступления на кулачество. Советское государство являлось главным орудием строительства социализма. В условиях коренного перелома в развитии сельского хозяйства, сопровождавшегося резким обострением классовой борьбы, неизменно возросла роль Советов в деревне как организаторов масс на решение сложнейших задач социалистического преобразования сельского хозяйства.

Между тем многие сельские Советы в круто изменившейся обстановке оказались не в состоянии решать эти задачи, в том числе осуществлять политику развернутого наступления на кулачество, что объяснялось рядом причин, из которых необходимо выделить основные.

Как нам представляется, главная причина заключалась в том, что среди депутатов сельских Советов большую часть (42,4%)⁶² составляли крестьяне-середняки. Несмотря на то, что в их среде произошел перелом в отношении колхозов, на путь коллективизации прежде всего встали маломощные слои и активисты. На первом этапе массового колхозного движения (к началу 1930 г.) его добровольными участниками, а не по принуждению, как это было в период перегибов в колхозном строительстве, стала лишь примерно седьмая часть крестьян-середняков Урала. К этому времени в колхозы вступило 30% крестьянских хозяйств области, из них 1/3 - середняцкие, а остальные продолжали занимать выжидательную позицию, колебались, оставались единоличными. Это не могло не отразиться и на позиции сельских Советов, в которых середняки занимали большой удельный вес. Они не в состоянии были возглавить массовое колхозное движение и на этой основе начать развернутое наступление на кулачество.

Вторая причина заключалась в том, что у руководства ряда Советов находились зажиточные⁶³ и подкулачники. Эти Советы вообще противодействовали сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Так, ряд членов Златогоровского сельсовета Свердловского округа тормозили работу по коллективизации и ликвидации кулачества как класса. То же имело место в Осиновском сельсовете Глядинского района Курганского округа⁶⁴.

Большой вред советскому строительству в деревне нанесла оппорту-

нистическая "теория" отмирания Советов в условиях сплошной коллективизации, которую начали проповедовать некоторые идеологические работники. Вопреки марксистско-ленинской теории возрастания роли Советского государства и его органов на местах в период развернутого наступления социализма, эти горе-теоретики предлагали ликвидировать Советы в районах сплошной коллективизации как "лишнюю надстройку" и передать все их функции колхозам. Они договорились до необходимости упразднения и райисполкомов. Эта оппортунистическая концепция получила распространение и на Урале. Так, авторы брошюры "Путь развития колхоза "Гигант", изданной в Краснополянском районе, писали, что в условиях сплошной коллективизации крестьянских хозяйств сельсоветы и райисполкомы отомрут и их функции перейдут колхозам⁶⁵.

Пропаганда этой теории оказала влияние на некоторую часть политически незрелых местных работников, которые не имели ничего общего с оппортунистами. Все функции сельских Советов они пытались передать правлениям колхозов. В некоторых районах идея ликвидации сельских Советов стала осуществляться на практике. Подобные факты имели место в Ирбитском, Курганском и Тюменском округах⁶⁶. В Шатровском районе Тюменского округа было ликвидировано два сельсовета⁶⁷. Вред, причиненный подобной практикой, заключался еще в том, что другие сельские Советы, ожидая ликвидации, ослабили свою работу, руководство колхозным строительством, борьбой с классовыми врагами.

Особую опасность подобного рода "теория" и практика представляли в связи с тем, что этим не преминули воспользоваться кулацкие и антисоветские элементы. В условиях обострения классовой борьбы, концепция ликвидации Советов давала кулачеству "теоретическое" оружие в борьбе с Советской властью. В ряде мест зажиточная верхушка деревни начала атаку на Советы, даже выдвинула лозунг "Колхозы без Советов", рассчитывая, что таким путем проще будет создавать эксплуататорские лжеколхозы. В поступившей в Уралоблисполком информации из Тюменского округа сообщалось, что в одном из сел "зажиточные захватили руководство в колхозе и ликвидировали сельсовет"⁶⁸.

Развертывание сплошной коллективизации подрывало самые основы существования кулачества. Предчувствуя свою неотвратимую гибель, деревенские эксплуататоры переходят к самым острым формам сопротивления социалистическому наступлению. Они в широких масштабах пускают в ход свое испытанное политическое оружие - террор против партийных и советских работников. Уже в 1929 г. число случаев кулацкого террора на Урале непрерывно нарастало: в январе - 66, в июне - 75, в октябре - 103, а всего за год было совершено 662 террористических ак-

та⁶⁹. В 1930 г. только за первые три месяца кулаки осуществили более 200 актов террора⁷⁰.

Для достижения своих политических целей, для борьбы за овладение Советами во время выборов и против Советов, для организации террористических актов и контрреволюционных выступлений против Советской власти кулачество повсеместно начало объединять свои силы, приступило к созданию подпольных группировок и организаций. В 1929 г. на Урале было выявлено 35 контрреволюционных групп. В 1930 г. масштабы образования антисоветских группировок возросли. На территории области их насчитывалось уже около 300 с 1913 членами. В ряде мест деревенская верхушка спланивалась в подпольные контрреволюционные организации. В 1930 г. было выявлено 27 таких организаций, которые объединяли 553 члена. Они устанавливали связь между собой и с контрреволюционными группами в городах⁷¹.

Для подавления ожесточенного сопротивления кулачества социалистическим преобразованиям в деревне, для разгрома его группировок и организаций и проведения развернутого политического наступления на сельскую буржуазию необходимо было всемерное укрепление органов диктатуры пролетариата в деревне. Этим целям и должны были послужить досрочные частичные перевыборы сельских Советов в 1930 г.

Руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б) и Советского правительства, бюро Уралобкома ВКП(б) 30 января 1930 г. принимает решение "О новых задачах Советов в связи с коллективизацией". Бюро обязало партийные организации Урала принять все меры к укреплению органов пролетарской диктатуры — Советов деревни и в кратчайший срок добиться такого перевыбора в их работе, чтобы они, сплотив вокруг себя батрацко-бедняцкую массу, возглавили движение этих масс за полную ликвидацию кулачества и осуществление задач социалистического преобразования сельского хозяйства. В этих целях бюро Уралобкома предлагало произвести перевыборы Советов в районах сплошной коллективизации и добиться их укрепления за счет колхозников, рабочего, бедняцко-батрацкого, партийного и комсомольского ядра; решительно изгнать из состава Советов классово-враждебные элементы и отозвать всех депутатов, неспособных осуществить задачи социалистического переустройства деревни и ликвидации кулачества как класса; организовать добровольный набор рабочих — членов городских и поселковых Советов для отправки их на партийную работу в деревню, в сельские Советы и райисполкомы, осуществить передвижку работников из округов и районов для укрепления низовых советских органов⁷².

В начале кампании партийные, советские и общественные организа-

ции провели массовую проверку работы сельских Советов, в ней приняло участие 4 тыс. бригад, в состав которых входило более 25 тыс. рабочих и трудящихся крестьян. Проверка вскрыла серьезные недостатки и искривления классовой линии в деятельности многих Советов. Бригады подвергли критике работу таких Советов. В Свердловском округе, по данным 12 районов, была признана неудовлетворительной работа 64 Советов. Широко практиковался отзыв классово чуждых и не проявлявших активного участия в социалистических преобразованиях депутатов. По 10 округам области было отозвано 3 185 депутатов, или 8,3% состава сельских Советов⁷³.

В укреплении сельских Советов, в проведении их досрочных выборов деревенские коммунисты и активисты получили своевременную поддержку и помощь со стороны рабочего класса городов и промышленных центров Урала. В деревню направлялись преимущественно рабочие с большим производственным стажем, наиболее политически подготовленные и обладающие опытом советской и партийной работы. Только в марте 1930 г. городские и поселковые Советы направили в сельсоветы 524 человека, в том числе 453 рабочих, 405 членов ВКП(б) и 28 комсомольцев. Уралобком ВЛКСМ мобилизовал 500 комсомольцев города для постоянной работы секретарями сельских Советов⁷⁴. Большинство членов городских и поселковых Советов были избраны председателями сельсоветов.

Все это обусловило высокую политическую активность и организованность избирателей деревни. Общая явка на выборы составила 77,1% вместо 73,4% в 1929 г. Активность женщин возросла с 65,5 до 77,7%⁷⁵.

Всего по области было переизбрано 2 757 сельских Советов из 3 090 (89,2%). Социальный состав вновь избранных Советов изменился коренным образом. Депутаты из рабочих и батраков в них занимали 13,4% (вместо 9,7% в предыдущие выборы), крестьян-бедняков - 46,3 (38,5), середняков - 34,4 (42,4), зажиточных - 0,5% (4,0%)⁷⁶. Остальные места распределялись между представителями интеллигенции, служащих, кустарей, ремесленников и прочих. Среди депутатов-крестьян от 25 до 60% мест принадлежало колхозникам. Партийная прослойка увеличилась с 13,7 до 18%, комсомольская - с 5,2 до 7,2%⁷⁷.

Таким образом, в сельских Советах кардинально упрочились позиции рабоче-батрачко-бедняцкого ядра (3/5 всех депутатов), высок был удельный вес колхозников. Существенно возросло партийно-комсомольское ядро сельских Советов. Это имело решающее значение для упрочения политического блока с середняками. Вместе с тем была сведена почти на нет роль зажиточных крестьян. Кулачество, несмотря на небь-

валую активность, потерпело сокрушительное поражение. Его политическая изоляция вступила в завершающую фазу.

Заключительным этапом борьбы за политическую изоляцию остатков эксплуататорских классов и антисоветских элементов города, кулацко-зажиточной верхушки деревни стала избирательная кампания в Советы зимой 1930/31 г. К этому времени завершался процесс разложения как класса нэпманской буржуазии. Полностью разоблачившие себя как закоренелые враги Советской власти и народа, политически обанкротившиеся остатки эксплуататорских классов и антисоветских групп города не могли оказать какого-либо влияния на ход и результаты в городских Советах.

Несколько иной была политическая обстановка в конце 1930 и в первые месяцы 1931 г. в деревне. Колхозное движение только что пережило период временного спада в своем развитии в результате допущенных ошибок и перегибов. Хотя с осени 1930 г. начался его новый подъем, но к марту 1931 г. было коллективизировано 40,2% крестьянских хозяйств Урала⁷⁸. Остальные 3/5 хозяйств еще оставались единоличными. В первые месяцы 1930 г. был осуществлен первый этап ликвидации кулачества как класса, когда раскулачиванию подверглась в основном та часть деревенской буржуазии, которая была отнесена к первой и второй категориям. Что касается третьей категории кулаков, то они оставались еще в своих селах и деревнях. Начавшийся новый подъем колхозного движения встретил ожесточенное сопротивление кулачества. Главный удар оно наносило против кадров колхозного строительства. Активную антисоветскую кампанию оно вело и в период перевыборов Советов зимой 1930/31 г. Это выразилось преимущественно в нарастании актов террора против руководителей Советов и их актива. Только за март 1931 г., по неполным данным, в области было совершено 34 террористических акта. В деревне Дударевой Ткменского района был зверски замучен член сельского Совета, в Курьинском районе бежавшие кулаки удушили председателя сельского Совета т. Шулина, руководившего раскулачиванием. В летние месяцы количество убийств на почве классовой мести увеличилось: с 15 мая по 1 августа произошло 65 убийств⁷⁹.

В этих условиях Коммунистическая партия придавала исключительное значение дальнейшему всемерному укреплению Советов, сплочению вокруг них рабочих и трудящихся крестьян для последовательного проведения генеральной линии на построение социализма, завершение развернутого наступления на оказывавших ожесточенное сопротивление классовых врагов. В декабре 1930 г. Пленум ЦК ВКП(б) специально рассмотрел вопрос "О перевыборах Советов". В резолюции Пленума говори-

лось: "Поднять роль Советов в проведении на практике ленинской политики партии - такова основная политическая задача перевыборной кампании"⁸⁰. Пленум подчеркнул, что одобренная XVI съездом политика раз-
вернутого социалистического наступления по всему фронту успешно осу-
ществляется и вместе с тем все более обостряются формы сопротивления
со стороны капиталистических элементов. Ответом на это должно быть
еще более последовательное и еще более решительное наступление социа-
лизма по всему фронту. Политическое содержание и боевые лозунги это-
го наступления даны XVI съездом партии и настоящим объединенным Пле-
нумом ЦК и ЦКК. Под знаменем этих решений партии и должны пройти пе-
ревыборы Советов⁸¹.

Партийные и советские организации Урала провели большую организа-
ционно-политическую подготовительную работу. По указанию Уралобкома
и Уралоблисполкома были проведены областные и районные совещания со-
ветских работников. Для оказания низовым Советам практической помощи
в организации избирательной кампании в районы было направлено около
400 областных работников⁸².

Накануне выборов партийные и советские организации осуществили
проверку работы низовых органов государственной власти. В этих целях
было создано в 16 городах 523 рабочих бригады, в которых участвовало
3 015 человек, а в районах 7 895 самопроверочных бригад в составе
39 790 членов; 4 208 бригад сделали 4 020 обследований и 3 326 докла-
дов о результатах проверки на массовых собраниях. В 78 районах по
предложениям бригад было отозвано 427 членов Советов и исполкомов⁸³.
Подавляющая часть руководителей бригад была избрана в составы Сове-
тов.

Избирательная кампания на Урале проходила в обстановке высокой
политической активности и организованности избирателей. В целом по
области явка на выборные собрания составила 77,4%, по 42 поселковым
Советам - 78,6, по городским - 79,3%⁸⁴.

Выборы завершились дальнейшим укреплением городских и поселковых
Советов, прежде всего за счет лучших представителей рабочего класса,
активных борцов за дело социализма. В горсоветы было избрано 47,9%
рабочих-ударников, в поселковые - 48,5%⁸⁵. Всего же в городские Сове-
ты было избрано 61,1% рабочих, в том числе 48,5% с производства,
19,5% служащих, 3,3% крестьян, 0,7% кустарей и ремесленников, 0,9%
красноармейцев, 14,5% - домохозяек, учащихся и прочих. В поселковые
Советы было избрано 63,3% рабочих, в том числе 55,4 - с производства,
17,9% служащих, 3,4% крестьян, 0,6% кустарей и ремесленников, 14,5%
домохозяев, учащихся и пр. Коммунистов в горсоветы было избрано

44,5%, комсомольцев - 5,2%, в поселковые соответственно 35,2 и 5,0%⁸⁶.

В острой политической борьбе с кулачеством и прочими антисоветскими элементами проходили выборы в деревне. Убедившись в том, что открытый террор не дает желаемого результата, оборачивается против них, вызывает ненависть к убийцам со стороны основной массы крестьянства, деревенская верхушка в процессе избирательной кампании меняет тактику. Она стремится перетянуть на свою сторону часть колеблющихся середняков, натравить их на колхозы, расширить за счет их ряды подкулачников, которые бы действовали под ее скрытым руководством. Кое-где ей удалось этого добиться. Кулаки старались не допустить в Советы наиболее преданных делу социализма активистов, а проташить в них депутатов из среды подкулачников. Так, в Махневском районе кулакам удалось вывести из состава Совета секретаря партийной ячейки под тем предлогом, что он перегружен работой. Подкулачники выступили также против выдвижения в состав Совета демобилизованных красноармейцев. В деревне Боёвка Сысертского района они пытались отвести кандидатуру бедняка. В Суверском районе подкулачники выставили список кандидатов в Совет из числа своих сторонников. В Буткинском сельсовете Буткинского района кулаки пытались провести в Совет церковного старосту⁸⁷.

Однако свои замыслы кулакам удавалось осуществить лишь в редких случаях. Коммунисты, советский актив, члены рабочих бригад, колхозники, беднота давали дружный отпор кулачеству, разоблачали его попытки проташить в Советы своих ставленников, единодушно отводили выдвигаемых им кандидатов. Так, в селе Введенском Мишкинского района члены партийной ячейки дали обличительную характеристику каждому из списка подкулачников, рассказывали о проводимой ими антиколхозной и антисоветской агитации, о попытках разложить колхоз изнутри. Подавляющее большинство избирателей отвергло список подкулачников и избрало в Совет активных бойцов за социалистические преобразования в деревне⁸⁸.

Всего в сельские Советы Уралобласти было избрано в 1931 г. 52 086 депутатов, из них 8,2% рабочих, 85,8% крестьян, в том числе 44,4% колхозников, 34,9% освобожденных от налога, уплачивающих налог до 10 рублей - 46,0, свыше 10 рублей - 4,7, из них с процентной надбавкой - 0,2, кустарей и ремесленников - 0,5%, представителей интеллигенции и служащих - 4,6%. Удельный вес коммунистов в составе сельских Советов увеличился до 18,1%⁸⁹.

В результате выборов в сельских Советах еще более упрочилось ядро рабочих, колхозников, бедноты, их союз со средним крестьянством.

вом. Советы пополнялись активными борцами за социалистическое преобразование сельского хозяйства. Это явилось важной политической предпосылкой нового подъема колхозного движения, начавшегося с осени 1930 г., и завершения на этой основе ликвидации кулачества как класса. Развернутое наступление на кулачество в области политической закончилось.

В 1926-1931 гг. коммунисты Урала в соответствии с решениями XIV, XV, XVI съездов ВКП(б) последовательно проводили линию партии на достижение полной политической изоляции эксплуататорских классов и выражающих их интересы антисоветских групп, которые стремились привлечь на свою сторону мелкобуржуазные массы города и деревни и овладеть таким образом низовыми органами власти. Целеустремленная политическая и организаторская работа коммунистов обеспечивала повышение руководящей роли рабочего класса в избирательных кампаниях, в политической жизни деревни, сплочении вокруг него трудящихся города и села. От выборов к выборам падало политическое влияние эксплуататорских классов, антисоветских групп, остатков мелкобуржуазных партий. Полная политическая изоляция буржуазных и антисоветских элементов города стала фактом уже в перевыборную кампанию Советов зимой 1928/29 г., а борьба за политическую изоляцию кулачества в основном завершилась в ходе частичных перевыборов сельских Советов 1930 г. Тем самым была создана одна из важнейших предпосылок развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни.

РУКОВОДСТВО ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА НАСТУПЛЕНИЕМ
НА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛЕ
НА РЕШАЮЩЕМ ЭТАПЕ БОРЬБЫ ПО ПРИНЦИПУ "КТО-КОГО"

I. Руководство партийных организаций классовой
борьбой на концессионных предприятиях и
ликвидация концессии "Лена Голдфилдс лимитед"

В числе основных форм классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата В.И. Ленин выделил использование буржуазных специалистов и буржуазии вообще в интересах строительства социализма. Составной частью и одним из важнейших направлений этой политики стало привлечение капитала, опыта, технических знаний зарубежной буржуазии в форме концессий для восстановления и дальнейшего развития производительных сил страны, прежде всего промышленности, осуществления плана электрификации, создания материально-технических предпосылок перехода к социализму. Поскольку в руках государства была сосредоточена подавляющая часть средств производства, постольку концессии не могли играть решающей роли в экономике страны; они являлись одним из подсобных, вспомогательных средств перевода народного хозяйства на рельсы крупного производства. Концессии являлись одной из форм госкапитализма в условиях диктатуры пролетариата, который призван был содействовать Советскому государству в установлении контроля над частнохозяйственным капитализмом.

Использование иностранного капитала в форме концессий было необычной, своеобразной формой борьбы с международной буржуазией. В.И. Ленин указывал, что концессии есть "продолжение классовой борьбы в иной форме, а никоим образом не замена классовой борьбы классовым миром"¹. Концессионные соглашения с капиталистическими фирмами, говорил он, — "это тоже своего рода война, военное состязание двух способов, двух формаций, двух хозяйств — коммунистического и капиталистического. Мы докажем, что мы сильнее... Я уверен, что Советская власть догонит и обгонит капиталистов и что выигрыш окажется у нас не только чисто экономический"².

Допущение концессий на территории нашей страны представляло собой определенную опасность, ибо концессионеры не отказывались от борьбы за полную свободу частной торговли, за частную собственность против Советской Республики, отменившей эту собственность³. Неизбежна была также классовая борьба на концессионных предприятиях между

рабочими и капиталистами, ибо последние стремились выжать максимум сверхприбыли за счет эксплуатации трудящихся. Однако, в отличие от капиталистических стран, в Советском Союзе на страже интересов рабочих стояли не только профсоюзы, но и пролетарское государство.

С переходом к индустриализации страны, социалистической реконструкции народного хозяйства в решающую фазу вступало осуществление задачи преодоления многоукладности экономики, борьба по принципу "кто-кого" между социализмом и капитализмом. Перегруппировка сил в основном была завершена, и Коммунистическая партия и Советское государство разрабатывали стратегию и тактику развернутого наступления на капиталистический сектор в экономике. Одна из директив XIV съезда ВКП(б) в области экономической политики состояла в том, чтобы "во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом..."⁴.

Однако в первые годы реконструктивного периода Коммунистическая партия считала, что возможности использования госкапитализма и частного хозяйственного капитализма, в особенности первого уклада, для развития производительных сил страны полностью еще не исчерпаны. Мелко-товарный уклад, постоянно рождавший капиталистические элементы, еще в громадной степени преобладал в сельском хозяйстве и кустарно-ремесленной промышленности. Поэтому задача направления неизбежно возникавшего анархического капитализма в русло госкапитализма по-прежнему оставалась актуальной.

Кроме того, осуществление программы индустриализации страны требовало огромных капиталовложений. В этих условиях привлечение средств, технического и организационного опыта зарубежной, отчасти непманской, буржуазии могло содействовать развитию и техническому перевооружению некоторых отраслей промышленности. Коммунистическая партия и Советское государство в целях ускорения темпов индустриализации не только мобилизовали все внутренние ресурсы и средства, но и предприняли шаги по активизации разработанной В.И. Лениным концессионной политики.

На рубеже перехода от восстановительного к реконструктивному периоду в ноябре 1925 г. был заключен договор с английской компанией "Лена Голдфилдс лимитед", которая стала самой крупной концессией на территории Советского Союза. Подписанию договора предшествовали длительные переговоры. Наблюдение за их ходом осуществляло Политбюро ЦК ВКП(б), создавшее для рассмотрения условий концессионного договора специальную комиссию, в состав которой вошли В.В. Куйбышев, А.А. Андреев и др. Результаты переговоров обсуждались также на апрельском 1924 г., январском и апрельском 1925 г. Пленумах ЦК партии. При этом

в проект договора были внесены важные поправки, которые потом удалось отстоять и включить в окончательное соглашение о концессии. Так, например, было записано обязательство "Лены Голдфилдс" об отказе от каких бы то ни было претензий на компенсацию или возмещение убытков, причиненных национализацией предприятий акционерного общества, осуществленной в первые годы Советской власти⁵.

Наряду с приисками в Сибири и горнорудными предприятиями на Алтае, концессии был передан ряд предприятий на Урале: Ревдинский, Сысертский, Бисертский, Северский металлургический и Полава-ский мадеплавильный заводы, Дегтярский и Зюзельский медные рудники, ряд лесосек и несколько позднее (1927 г.) - Бурсунская и Ключевская шахты Егоршинского угольного бассейна⁶.

В общей сложности компания "Лена Голдфилдс" получила на Урале более десятка предприятий. Количество занятой на них постоянной рабочей силы и объем производства в 1925/26-1928/29 гг. видим из таблицы 12⁷.

Таблица 12

Число рабочих и валовая продукция на уральских предприятиях концессии "Лена Голдфилдс лимитед".

Год	Число действующих заведений	Численность занятых постоянных рабочих ^х		Валовая продукция, тыс. руб.	Удельный вес в валовой продукции, %	
		абсолютная	доля от общего числа рабочих всех производств концессий, %		крупной промышленности Урала	всех производств концессий
1925/26	10	2 962	18,8	6 490,0	1,7	16,3
1926/27	12	2 943	18,4	6 667,0	1,5	11,6
1927/28	8	2 807	нет данных	9 237,5	1,8	11,3
1928/29	11	3 686	нет данных	9 765,2	1,5	9,8

^х Вместе с временными и сезонными рабочими общее число их было значительно больше: летом 1929 г. оно достигло, например, почти 8 тыс. (См.: ПАСО, ф.4, оп.7, д.292, л.50).

Из таблицы видно, что уральские объекты "Лены Голдфилдс" являлись одними из самых крупных концессионных предприятий в стране. На них была занята почти пятая часть рабочих всех производственных концессий, и они давали от 1/10 до 1/6 их общей валовой продукции.

По своей социально-экономической сущности концессионные предприятия, в том числе "Лены Голдфилдс", являлись капиталистическими, эксплуататорскими. Основной целью их производства являлась погоня за максимальными прибылями. Характеризуя социально-экономическую природу концессионных предприятий, В.И. Ленин на УШ Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. говорил: "Мы привлекаем капитал громадной прибылью. В этом отношении концессия остается чисто капиталистическим предприятием..."⁸ В этом же докладе он определял концессии как "экономически-капиталистические предприятия в социалистическом государстве"⁹.

Капиталистический характер производственных отношений со всеми их противоречиями и антагонизмами, во всей их типичности проявлялся и на предприятиях концессии "Лена Голдфилдс". Это нашло свое яркое выражение, например, в кадровой политике компании. Административно-технический персонал подбирался по строго классовому принципу: из числа эмигрировавших за границу и оставшихся в стране бывших предпринимателей, буржуазных специалистов, торговцев, а также бывших помещиков, царских чиновников, генералов, офицеров и тому подобных антиsovетских элементов¹⁰.

Концессионеры стремились создать на предприятиях путем подкупа и подачек верхушку рабочей аристократии, штрейкбрехеров, а также резервную армию безработных, внести раскол в среду рабочих и в этих целях действовали в тесном союзе с непманами, кулаками, которые формировали различные лжеартели, а также бывшими эсерами и меньшевиками.

По отношению к коммунистам, профсоюзному и рабочему активу концессионеры применяли методы слежки, дискредитации, притеснения и увольнений. Пользуясь оговоренным в концессионном договоре правом сокращения рабочей силы, они злоупотребляли им, применяя массовые локауты, прежде всего по отношению к активным общественным работникам¹¹. Так было в октябре 1927 г. на Ревдинском заводе, а в октябре 1929 г. — на Дегтярском руднике и Бурсунской каменноугольной шахте. Во всех случаях увольнения были проведены накануне годовщины Октябрьской революции и носили явно политический характер. Наиболее ретивые администраторы из "бывших" пытались возродить систему шпионажа за коммунистами и беспартийными активистами, а также "черные списки"¹².

Большие усилия правление "Лены Голдфилдс" прилагало к тому, чтобы подорвать авторитет профсоюзов, их выборных органов, ослабить их влияние на рабочих с тем, чтобы получить возможность усилить эксплуатацию трудящихся, увеличить прибыли. В этой политике нашла яркое

выражение классовой линии капиталистов по отношению к рабочим организациям.

Все это свидетельствовало о глубоких классовых противоречиях на концессионных предприятиях и выдвигало перед партийными, советскими и профсоюзными организациями задачу защиты экономических интересов трудящихся, правильного руководства классовой борьбой рабочих против концессионеров.

Наиболее концентрированно эти задачи были сформулированы в постановлении ЦК ВКП(б) от 23 августа 1926 г. "Партработа на концессионных и частных предприятиях"¹³. Главное заключалось в том, чтобы возглавить дело защиты экономических интересов рабочих и воспитания их классового самосознания. В этих целях партийные организации должны были активно бороться со стремлением предпринимателей внести разложение в среду рабочих, с увольнением под различными предложениями активных общественных работников, направить на концессионные предприятия опытных партийных и профсоюзных работников, укрепить ячейки ВКП(б), растить кадры беспартийного актива, способного влиять на всю массу рабочих, повышать политическое сознание трудящихся, крепить их классовую солидарность.

Среди партийных организаций концессионных предприятий страны уральские ячейки ВКП(б) были одними из самых крупных. Если в целом по Союзу на концессионных предприятиях в 1926 г. насчитывалось 3 600 коммунистов, то на Урале — более 300, или почти 9% от их общего числа¹⁴.

Выполняя директивы ЦК ВКП(б), руководящие партийные органы области и Свердловского округа направили на сданные в аренду "Лене Голдфилдс" заводы, рудники и шахты значительное число коммунистов, группу подготовленного партийного, профсоюзного и комсомольского актива. 29 апреля 1926 г. бюро Уралобкома ВКП(б) в качестве достигнутых положительных результатов отметило "укрепление руководящего состава в партколлективах, ячейках и завкомах"¹⁵. Ревдинская и Дегтярская организации за 1926—1929 гг. выросли со 153 до 220 коммунистов. В Ревдинском партколлективе актив составлял в эти годы 65—67 человек¹⁶.

Организация защиты экономических интересов рабочих во многом зависела от степени объединения их в профсоюзах. Этому партийные и профсоюзные организации уделяли особое внимание и на металлических и горных предприятиях добились почти полного охвата членством уже к началу 1927 г. Если на январь 1926 г. члены профсоюза составляли среди работающих на концессионных предприятиях 64,2%, то на июль —

87,7 , а на январь 1927 г. - 97%¹⁷. Значительно слабее были организованы рабочие (в основном выходя из деревень) на лесосеках (до 40% членов профсоюзов).

В завкомах, рудкомах и шахтках были созданы сильные фракции ВКП(б), укреплено ядро низового профактива. В 1927 г. на пяти предприятиях "Лены Голдфилдс" насчитывался 401 профсоюзный активист. Это составляло около 17% от общего числа рабочих. По сравнению с январем 1926 г. профактив вырос на 43,7%¹⁸.

Перестраивая и укрепляя свои ряды, сплачивая рабочий актив, партийные организации осуществляли повседневное руководство деятельностью профсоюзов по защите классовых интересов трудящихся, их борьбе против политики концессионеров, направленной на усиление эксплуатации рабочих, раскол, насаждение в их среде буржуазной идеологии и частнособственнической психологии.

Коммунисты и профсоюзные активисты вели большую воспитательную работу в массах, повышали их классовое самосознание, противопоставляли антисоциалистической агитации агентов концессионеров широкое разъяснение политики партии, характера классовых отношений на сданных в аренду иностранному капиталу предприятиях. В резолюции пленума Сисертского райкома ВКП(б) (весна 1926 г.) говорилось: "При постановке разъяснительной работы центр внимания сосредоточить на классовой сущности концессионеров и на различии между госпредприятиями и концессионными"¹⁹.

На собраниях, конференциях, пленумах завкомов трудящиеся выражали полную поддержку генеральной линии партии и ее концессионной политики, ясное понимание ими того, что сдача части предприятий в аренду иностранным капиталистам - это мера необходимая и вместе с тем временная, что это - еще одна из форм классовой борьбы с международной буржуазией. Вот что говорилось, например, в резолюции общего собрания рабочих и служащих Сисертского завода: "Со своей стороны заявляем, что, еще сильнее сплотившись вокруг своих профессиональных союзов, сумеем выдержать новое испытание до окончательной победы над капиталом"²⁰.

Партийные и профсоюзные организации остро реагировали на проявления угодничества и заискивания перед концессионерами со стороны отдельных неустойчивых элементов, давали отпор тем, кто пытался вести среди рабочих антисоветскую агитацию. Горняки Зюзельского рудника на собрании, созванном завкомом и партийкой, заклеили как недостойный поступок группы рабочих, согласившихся за вознаграждение приветствовать прибывших представителей концессионеров. В приня-

том решении говорилось: "Поименованным товарищам, позволившим себе принять подачку от концессионеров... дать выговор. Предложить ФЗК при повторении таких случаев принять к виновным самые строгие меры"²¹. Металлисты Северского завода сурово осудили группу провокаторов, подкупленных концессионерами и клеветавших на Коммунистическую партию, Советскую власть и профсоюзные органы, заявлявших, что завод рабочим не нужен, что без него скорее можно договориться с управляющим, что при концессионерах лучше работать и жить, что надо вообще вернуть всех старых хозяев, допустить полную свободу частной торговли и т.п. Наиболее злостные штрейкбрехеры были исключены из членов союза²². Подобным же образом действовали профсоюзные организации других заводов и рудников.

Борьбу за экономические интересы трудящихся профсоюзы вели на прочной основе советского трудового законодательства и коллективных договоров, ежегодно заключавшихся между профсоюзными организациями и администрацией концессий. Одним из проявлений этой борьбы как раз и были столкновения с администрацией "Лены Голдфилдс" из-за частых нарушений или невыполнения с ее стороны Кодекса законов о труде и колдоговоров. Так, на пяти уральских предприятиях "Лены" за 1926 г. произошло 298 конфликтов на почве расценки, нормы выработки, заработной платы, выплаты выходных пособий при массовых увольнениях и т.п.²³

На первых порах в силу неопытности работников РКК и комиссий по охране труда, недостатка у них юридических знаний много конфликтов выигрывали концессионеры. Учитывая это, райкомы торняков и металлистов, завкомы и рудкомы по рекомендации партийных комитетов и коммунистических фракций профсоюзных органов укрепляли состав РКК и комиссий по охране труда более опытными работниками, организовывали для их членов юридические консультации, проводили семинары и совещания по вопросам правильной постановки защиты экономических интересов трудящихся.

С каждым годом ФЗК и их комиссии действовали увереннее, грамотнее и выигрывали все большее число конфликтов. В материалах комиссии Свердловского окружкома по проверке партийной и профсоюзной работы отмечалось, что на Дегтярском руднике за январь-ноябрь 1929 г. возникло 95 конфликтов и почти все они разрешены в пользу рабочих. Даже по такому трудному вопросу, как сокращение и увольнение рабочих, ФЗК все чаще одерживали верх. Так, завком Сысертского завода в 1929 г. разрешил в пользу рабочих 8 из 14 подобного рода споров, а Сысертский рабочком "Всероботземлеса" - 15 из 20²⁴.

В борьбе за интересы рабочих профсоюзам оказывали помощь советские органы. Это значительно умеряло эксплуататорские аппетиты концессионеров. Они не могли безнаказанно нарушать законодательство о труде и заключенные договоры. В феврале 1926 г. инспекция по охране труда привлекла к уголовной ответственности четырех представителей администрации Сысертского завода, по вине которых произошел взрыв в пехе. Во время взрыва было ранено 13 рабочих. За период с мая 1928 по ноябрь 1929 г. было возбуждено и рассмотрено в народных судах и трудовых сессиях Уралобласти 22 уголовных дела против 54 представителей администрации концессии "Лена Голдфилдс лимитед". Управляющий Дегтярским рудником Романов в ноябре 1928 г. был приговорен народным судом к лишению свободы на 1 год, инженер Рихтер -- на 8 месяцев. Приговор был утвержден Верховным судом СССР. С остальных обвиняемых были взысканы различные суммы штрафов (от 400 до 2000 руб.)²⁵.

Учитывая, что коллективные договоры являются важнейшими документами, на которые опираются профсоюзы в борьбе за права рабочих, правление концессии избрало тактику затягивания заключения новых договоров. Это было выгодно капиталистам, ибо в условиях, когда старый договор уже не действовал, а новый еще не был заключен, они получали больше возможностей для манипулирования расценками, нормами выработки, в целом для усиления эксплуатации рабочих.

Уже переговоры о заключении коллективного договора на 1927 г. тянулись 4 месяца, что явилось одной из причин появления забастовочных настроений среди рабочих. Однако особенно длительная и упорная борьба с правлением концессии по этому жизненно важному для рабочих вопросу разгорелась в 1928 г. Начавшиеся переговоры между соответствующими профсоюзными органами Урала и представителями администрации "Лена Голдфилдс" вскоре были прерваны ввиду того, что концессионеры категорически отвергали основные требования рабочих и в то же время сами выдвигали неприемлемые условия. Тогда ЦК союзов металлистов и горняков решили продолжить обсуждение договора с представителями главной конторы концессии в Москве. Уралобком ВКП(б) и Уралпрофсовет согласились с этим предложением. Однако и здесь, в силу упорного отказа концессионеров удовлетворить законные требования рабочих, переговоры зашли в тупик. К апрелю 1928 г. из 125 вопросов, которые подлежали согласованию между союзом металлистов и концессией, только по 47 пунктам было достигнуто соглашение, а по остальным стороны не достигли договоренности²⁶.

Умышленно затягивая заключение коллективных договоров, концессионеры вместе с тем усилили нажим на рабочих, добиваясь интенсифи-

кации труда при сохранении старых расценок и повышения норм выработки. Однако рабочие не поддавались ни нажиму, ни провокациям капиталистов. "Несмотря на усиленное давление концессионеров на рабочих, с использованием всех форм, типичных для капиталистической системы, в целях капиталистической рационализации производства, большая часть рабочих стойко и сознательно относится к наступлению концессии и готова дать отпор", - говорилось в решении бюро Даттярской партийкеи от 25 апреля 1928 г.²⁷

Руководящие партийные и профсоюзные органы Урала сочли необходимым оказать давление на правление концессии, вплоть до объявления всеобщей забастовки. К такому выводу в апреле 1928 г. пришли Свердловский окружком и фракция ВКП(б) Уралпрофсовета. 10 апреля вопрос о забастовке рассмотрело бюро Уралобкома ВКП(б). Поскольку все шаги, предпринятые профсоюзами по ускорению заключения колдоговоров, оказались безрезультатными, бюро Уралобкома обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой оказать содействие немедленному решению этого вопроса. А в случае невозможности быстрого урегулирования спора - разрешить провести на концессионных предприятиях забастовку согласно предложению Свердловского окружкома и фракции Уралпрофсовета.²⁸

В мае 1928 г. президиум Уралпрофсовета обратился в ВЦСПС с просьбой разрешить проведение забастовки на предприятиях "Лены". ВЦСПС в свою очередь информировал ЦК ВКП(б) о том, что если концессионер будет продолжать затягивание переговоров, он вынужден будет предложить профсоюзам провести забастовку. В середине мая 1928 г. специальная комиссия коммунистической фракции ВЦСПС, учитывая переживаемые страной хозяйственные трудности, рекомендовала профсоюзу воздержаться от забастовки и принять компромиссное решение: не настаивать на обязательном изменении устаревших тарифов, но в то же время добиться увеличения зарплаты рабочим. Концессионеры продолжали упорствовать, но под угрозой всеобщей забастовки вынуждены были в конце концов по многим вопросам пойти на соглашение, и в начале июля договор был подписан.²⁹

Не менее напряженный характер носили переговоры с концессией и при заключении коллективного договора на 1929 г. На этот раз основные разногласия произошли по вопросам заработной платы и найма рабочей силы. На государственных предприятиях Урала зарплата рабочих-металлистов возросла в 1929 г. на 15%. Поэтому Уральский областной и Центральный комитеты союза металлистов требовали от концессии значительной прибавки к зарплате рабочих, ибо здесь она должна быть выше, чем на государственных предприятиях, как записано и в концес-

сионном договоре. Поэтому как ни сопротивлялись капиталисты, им пришлось удовлетворить требование профсоюза³⁰.

Еще более трудная обстановка сложилась на переговорах представителей "Лены" и ЦК союза горняков. Они затянулись до октября 1928 г., но договор так и не был подписан. С осени начался новый их тур уже по заключению договора на 1929 г., который был окончательно согласован и утвержден лишь 1 декабря³¹.

Пользуясь отсутствием действующего коллективного договора, концессионеры в целях извлечения сверхприбылей усилили эксплуатацию рабочих рудников и угольных шахт. Для этого они стали в широких масштабах применять труд временных рабочих- нечленов профсоюзов. Именно летом и осенью 1928 г. на Дегтярском, Северском, Сисертском рудниках пышно расцвела деятельность кулацко-напманских лжеартелей "Арстрой", "Труженик" и им подобных, которая наносила большой ущерб экономическим интересам рабочих, отрицательно сказывалась на их морально-политическом настроении, престиже и авторитете партийных и профсоюзных организаций. Вместе с тем внутри артелей жестокой эксплуатации подвергались бедняки и батраки.

Поэтому борьба с лжеартелями, за их роспуск и ликвидацию, стала одной из насущных социально-политических задач. Уже в постановлении бюро Свердловского окружкома ВКП(б) от 17 мая 1928 г. "О политсостоянии партийных и профсоюзных организаций на концессионных предприятиях" окружному финотделу вменялось в обязанность выявить все лжеартели и принять меры к их роспуску. Во второй половине августа бюро Дегтярской и других партячеек вновь поставили перед райкомами, Свердловским окружкомом ВКП(б) и руководящими советскими и профсоюзными органами вопрос о необходимости немедленной ликвидации лжеартелей. По просьбе обкома профсоюза горняков Центральный комитет союза направил для оказания помощи в решении этого вопроса заведующего юридическим отделом ЦК³².

Руководствуясь законодательными актами Советской власти, предписывавшими роспуск лжеартелей³³, партийные и профсоюзные организации концессионных предприятий повели борьбу за ликвидацию лжеартелей. Помимо привлечения кулацко-напманской верхушки к уголовной ответственности, коммунисты проделали большую массово-политическую работу среди рядовых членов артелей, разъясняли им эксплуататорскую сущность лжекооперативов и кабальный характер договоров, заключенных правлениями с концессией, вред той розни, которую вносили лжеартели в отношения между рабочими концессионных предприятий, бедняками и батраками, причиняя тем самым ущерб союзу рабочего класса и крестья-

яинства. На собраниях беднота и батраки сами выносили решения о роспуске лжеартелей и привлечении их главарей к ответственности³⁴.

Кроме того, в результате переговоров о заключении колдоговоров на 1929 г. и одновременно проводившихся забастовок горняков Сысертского (Усольцевского) и Дагтырского рудников концессионеры были вынуждены принять обязательство найма рабочих через биржи труда и ФЗК, которое хотя и было включено в колдоговор, но закреплено в особом протоколе³⁵.

Таким образом, борьба партийных и профсоюзных организаций за заключение коллективных договоров с концессией "Лена Голдфилдс" и их соблюдение была трудной, носила острый характер и имела большое значение в политическом воспитании трудящихся. Подобным же образом развивались события и на других концессионных предприятиях страны. Обобщая эти факты, совещание профработников, созванное ВЦСПС летом 1930 г., отметило, что "упорная борьба за каждый пункт колдоговора с частным предпринимателем доказывает, насколько данная работа является важной с точки зрения классового воспитания рабочих в духе борьбы с частным капиталом"³⁶.

При защите экономических интересов рабочих партийные и профсоюзные организации использовали и такое испытанное средство классовой борьбы, как стачка. Однако применяли его осторожно, только в тех случаях, когда все остальные средства воздействия на концессионера были исчерпаны. Принципиальные установки на этот счет были даны XIV съездом ВКП(б) и февральским 1926 г. пленумом ВЦСПС. В резолюции XIV съезда партии "О работе профсоюзов" указывалось, что к стачке на частновладельческих, в том числе концессионных, предприятиях следует прибегать лишь при невозможности разрешить спорный вопрос иными, мирными, путями³⁷. В решении пленума ВЦСПС подчеркивалась необходимость ведения гибкой политики на госкапиталистических предприятиях, давалось указание о том, что профсоюзные организации не должны групповые интересы рабочих данных предприятий ставить выше интересов общеклассовых, и повторялось положение XIV съезда партии об условиях применения стачки³⁸.

Такая тактика предписывалась рядом факторов. Во-первых, сложным международным и внутренним положением страны, заинтересованностью Советского государства в развитии экономических связей с капиталистическими странами, его стремлением избежать ненужных осложнений. Во-вторых, нельзя было давать в руки концессионеров какую бы то ни было возможность обвинить профсоюзы в дезорганизации производства и тем самым свалить на них ответственность за невыполнение и срыв кон-

пессимистического договора. Следовало иметь в виду, что капиталисты, когда это им выгодно, сознательно провоцировали рабочих на забастовки. Подобная тактика особенно настойчиво проводилась ими во второй половине 1929- начале 1930 г.

Поэтому тактика применения оружия стачки была очень гибкой и разнообразной. Когда обстоятельства побуждали пойти на конфликт, профсоюзные организации эффективно использовали кратковременные стачки, иногда в сочетании с проведением митингов протеста против действий администрации, нарушающей коллективный договор или отказывающейся выполнить законные требования рабочих. Так было на Ревдинском заводе в июне 1927 г. Иногда партийные и профсоюзные организации использовали итальянскую форму забастовки, как это было на Дегтярском руднике в ноябре 1929 г. Всего в забастовке участвовало 1 362 рабочих. Она была прекращена на следующий день (12 ноября) после того, как администрация выдала зарплату, согласилась оплатить простои и удовлетворила ряд других требований рабочих³⁹.

С каждым годом все более проявлялся хищнический характер эксплуатации природных богатств и средств производства, предоставляемых в распоряжение "Лени Голдфилдс" Советским правительством. Ради получения экстренной сверхприбыли концессионеры стремились выжать все из оборудования, почти не обновляя его, не вели необходимых разведок запасов руд и благородных металлов. Ненормальная хозяйственная деятельность концессии уже в 1929 г. вызвала серьезные финансовые трудности, невыполнение производственной программы.

Выход из создавшегося положения руководители "Лени" пытались найти в отказе от соблюдения условий концессионного и коллективных договоров, советского законодательства, за счет усиления эксплуатации трудящихся. Как отмечалось в постановлении бюро Свердловского окружкома от 20 декабря 1929 г., они всеми правдами и неправдами повышали интенсификацию труда, не проявляя должной заботы о его охране, снижали расценки, удлиняли рабочий день, отказываясь в то же время от повышения зарплаты. Сокращалась выдача спелодожки и ухудшалось ее качество, росло число несчастных случаев (за 1927/28 г. - 636, а за первую половину 1928/29 г. - 409, в том числе 3 тяжелых и 2 смертельных). Начиная с апреля 1929 г. концессионеры систематически задерживали выдачу заработной платы⁴⁰.

В этой обстановке повсеместно нарастало недовольство рабочих, их возмущение политикой концессионеров, стремление дать отпор заправившимся капиталистам. Партийные и профсоюзные организации, учитывая то, что концессионеры сознательно провоцируют забастовку, чтобы

получить возможность свалить вину за создавшееся положение на Советское правительство и профсоюзы, призывали рабочих к выдержке, стойкости, не шли на обострение конфликта, а вели трудные переговоры с правлением "Лены" об урегулировании разногласий, удовлетворении законных требований рабочих⁴¹.

Основные тактические установки в борьбе за интересы рабочих были выработаны и сформулированы июльским (1929 г.) совещанием партийных и профсоюзных работников концессионных предприятий Урала. В принятой совещанием резолюции отмечалось, что в последний год концессионеры повели последовательное наступление на рабочих, систематически ухудшают условия труда и его оплату, провоцируют конфликты. В этих труднейших условиях задача профсоюзов состоит в том, чтобы сорвать попытки капиталистов спровоцировать всеобщую забастовку и в то же время не допустить ухудшения условий труда рабочих. Тактическая линия в отношении концессии должна строиться на основе директив партии и центральных профсоюзных органов. Всякие сепаративные действия будут во вред партии, Советской власти и профсоюзам. Необходимо добиться сплоченности, классовой выдержки и дисциплины среди рабочих. "Насколько бы ни были тяжелы условия труда и его платы, — говорилось в резолюции, — насколько бы ни были нетерпимы сутяжничество и придиризм концессионера, — профсоюзы должны научить каждого рабочего: 1) не выступать против концессионера помимо союза; 2) выполнять точно взятые на себя обязательства по колдоговорам и правилам внутреннего распорядка; 3) решительно изгонять из своей среды как подхалимство, угодничество перед концессионером, соблазны на его подачки, так и хулиганство, угрозы администрации, призывы к анархическим выступлениям. Сплоченность, выдержка, единство действий всех профсоюзных организаций — вот задача сегодняшнего дня. И под этим углом должна быть построена массовая организационно-воспитательная работа профсоюзов"⁴².

Эту тактическую линию партийные и профсоюзные организации Урала последовательно проводили в жизнь, но в конце мая 1930 г. они сами призвали рабочих предприятий "Лена Голдфилдс" ко всеобщей забастовке. Этот острейший конфликт был порожден политикой концессионеров.

К весне 1930 г. "Лена Голдфилдс" оказалась в глубоком финансовом кризисе и по существу потерпела банкротство. Она по многим пунктам не выполнила концессионный договор: обязательства по капиталовложениям, в частности по строительству Дегтярского медеплавильного завода на Урале, увеличению добычи цветных и благородных металлов, выплате отчислений Советскому государству. Правление "Лены" стало допу

скать все более грубые нарушения трудового законодательства и коллективных договоров. К концу мая образовалась огромная задолженность по заработной плате — рабочие не получали ее почти два месяца. Они оказались в тяжелейшем положении — без хлеба и других продуктов. Даже в этих обстоятельствах Советское правительство лояльно относилось к концессии и шло ей на уступки по ряду важных вопросов⁴³.

Однако в начале мая заправили "Лены Голдфилдс" бросили арендованные ими предприятия на произвол судьбы: прекратили их финансирование и управление ими, лишили доверенности своих представителей, отозвали всех иностранных специалистов и служащих.

Таким образом "Лена Голдфилдс" в одностороннем порядке разорвала концессионный договор, причинив народному хозяйству нашей страны значительный ущерб и поставив рабочих арендованных предприятий в тяжелое положение, и в то же время всю ответственность за срыв договора пыталась взвалить на правительство и профсоюзы СССР.

В знак протеста против преступных действий концессионеров-дезертиров и в поддержку шагов Советского правительства, предпринятых в целях взыскания с "Лены Голдфилдс" всех причиненных убытков, а также для защиты своих экономических интересов рабочие объявили всеобщую забастовку. Руководство стачкой возглавили партийные и профсоюзные организации.

9 и 12 мая Свердловский окружком ВКП(б) и Уралпрофсовет направили секретарям Первоуральского, Полевского, Сисертского, Бисертского и Бгортинского райкомов партии, секретарям партколлективов, ячеек и фракциям фабзавкомов концессионных предприятий письма с анализом создавшейся обстановки и предложениями о мерах, которые должны быть немедленно приняты. Окружком и Уралпрофсовет рекомендовали: 1) разъяснить рабочим причины и последствия внезапного прекращения деятельности концессии, провести собрания и митинги протестов; 2) организовать охрану предприятий и контроль рабочих за производством, предотвращать возможные попытки вредительских актов и хищения имущества и продуктов концессии; 3) не вмешиваться в дела администрации; 4) предупредить возможные случаи провокационных шагов отдельных антисоветских элементов, а также экспессов в отношении административно-технического персонала; 5) райкомам партии установить тесный контакт с направленными окружкомом на предприятия партийными и профсоюзными работниками⁴⁴.

Обсудив письма Свердловского окружкома и Уралпрофсовета, партийные и профсоюзные организации концессионных предприятий начали широкую разъяснительную работу в массах. Повсеместно состоялись заседа-

ния партийных бюро, собрания активов, коммунистов, пленумы фабрично-заводских комитетов. Коммунисты и профактив провели беседы, собрания и митинги рабочих.

Общее собрание Ревдинского завода, на котором присутствовало 1 500 человек, приняло решение с 2 часов дня 27 мая начать забастовку. В этот же день объявили стачку рабочие Северского, Сысертского, Полевского заводов, 28 мая – Дегтярского рудника, несколько дней спустя – горняки Бурсунской и Ключевской шахт Егоршинского бассейна⁴⁵.

Таким образом, забастовка на концессионных предприятиях приняла всеобщий характер. Для руководства ею на местах были избраны стачкомы, а для координации их действий образованы стачкомы при обкомах союзов. После того как они выполнили свои задачи и были распущены, стачечную борьбу возглавили завкомы, рудкомы и вышестоящие профсоюзные органы. Забастовка проходила организованно, при высокой сплоченности, дисциплинированности и политическом подъеме рабочих, отсутствии штрейкбрехерства и каких-либо экспессов. По требованию самих трудящихся повсеместно была прекращена продажа спиртных напитков, все рабочие, за малыми исключениями, являлись на перерегистрацию стачечников, регулярно проводившуюся фабзавкомами 2-3 раза в неделю. Коммунисты и профактив использовали перерегистрацию для массово-политической работы – проведения собраний, лекций, докладов, бесед. Они организовали изучение тезисов ЦК ВКП(б) к XVI съезду партии, а позднее – материалов съезда, проводили беседы по вопросам текущей политики⁴⁶.

Во время обсуждений развернулась острая политическая дискуссия и идейная борьба с немногочисленным "активом" концессионеров и колеблющимися мелкобуржуазными элементами. Из их среды раздавались голоса о том, что концессионеры были вынуждены оставить предприятия из-за якобы неloyального отношения к ним государственных органов и недисциплинированности рабочих, низкой интенсивности и производительности труда, что без концессий рабочим будет хуже – повысятся нормы, урежется зарплата, строже будет дисциплина и т.п. Другие утверждали, что на государственных предприятиях тоже имеет место эксплуатация, что индивидуальные частнособственнические крестьянские хозяйства имеют преимущества перед колхозами и совхозами, что необходимо форсированно развивать не тяжелую индустрию, а легкую и мелкую промышленность. Третьи распространяли исходившие от управления концессии провокационные слухи о том, что рабочие не получают зарплату по вине Советского правительства.

Вылазки враждебных и оппортунистических элементов получили долж-

ный отпор со стороны коммунистов, профсоюзных активистов и рабочих масс. Расширенный пленум Ревдинского завкома охарактеризовал эти выступления как антипролетарские, оппортунистические, исходящие от чуждых антисоветских и капиталистических элементов. Пленум призывал трудящихся "вместе с Коммунистической партией и рабочим классом страны решительно бороться за генеральную линию партии, за пятилетку"⁴⁷. Решения пленума были обсуждены общим собранием стачечников и полностью одобрены. Рабочие Сисертского завода и Дежарского рудника выступили на собраниях с предложением о том, чтобы концессионные предприятия быстрее передать в государственный сектор. Это свое предложение они мотивировали тем, что концессионеры плохо руководят производством, не выполняют заключенных договоров, не обновляют технику и т.д., а также тем, что они (рабочие) хотят активно участвовать в индустриализации страны, движении ударников, социалистическом соревновании. Отвечая клеветникам, распространявшим версию о том, что в задержке зарплаты будто бы повинно Советское правительство, рабочий Полевского завода т.Шахмин заявил: "Не правительство надо обвинять, а концессионеров — они подорвали нас"⁴⁸. О нелепости подобных обвинений свидетельствовал тот факт, что государство за весь период забастовки выплачивало рабочим две трети их тарифных ставок и остальную треть — профсоюзы⁴⁹.

Рабочие не только высказывали свое стремление активно участвовать в социалистическом строительстве, но и делом доказывали это. Политический подъем среди стачечников нашел яркое выражение в организации субботников по оказанию помощи окружающим колхозам. Так, 7 и 8 июня по инициативе бывших красных партизан на субботники вышло около 800 рабочих Ревдинского завода. Они приняли участие в полевых и строительных работах в соседних колхозах⁵⁰. Такие субботники устраивались и в дальнейшем.

Стачка продолжалась 84 дня — до второй половины августа. Попытки советских полномочных представителей урегулировать конфликт с "Леной Голдфилдс" на взаимно приемлемых условиях не дали результата. Руководители "Лены" обратились в так называемый третейский суд, решения которого не имели под собой законных оснований⁵¹.

Между тем остановка арендованных концессией заводов и рудников неизбежно сказывалась на деятельности ряда связанных с ними государственных предприятий. Некоторые бездействовавшие шахты, рудники, заводы, особенно те, производство на которых было прекращено в результате свертывания работ концессией задолго до забастовки, начали разрушаться, их оборудование портилось. В условиях, когда Коммунистиче-

ская партия и советский народ напрягали все силы, мобилизовывали все ресурсы на дело индустриализации страны, это было ненормальным явлением.

Учитывая сложившуюся обстановку, а также то, что Госбанк отпустил кредиты для налаживания производственной деятельности бывших концессионных предприятий, президиум ВЦПС и ЦК союзов металлистов и горняков по согласованию с местными партийными и профсоюзными органами признали необходимым прекратить забастовку. 19 августа предприятия вновь заработали. Таким образом, концессия "Лена Голдфилдс" фактически прекратила свое существование в 1930 г. Она потерпела крах. Уже с февраля 1931 г. брошенные ею арендованные предприятия переходят в управление Госбанка СССР⁵², а в 1934 г. договор с ней был расторгнут официально.

Каковы же причины ликвидации концессии "Лены Голдфилдс" и других концессий в СССР в начале 30-х годов?

Исследователи госкапитализма в СССР и концессионной политики Коммунистической партии, прежде всего авторы названных работ, уже высказали ряд соображений на этот счет. Большое внимание этому вопросу уделено в работе И.Д.Брина и в статье В.И.Касьяненко, Л.Ф.Морозова, Л.К.Шкаренкова⁵³. Другие авторы лишь вкратце касаются этой проблемы, которая, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем уяснении. Попытаемся суммировать сказанное другими авторами и изложить свои соображения о причинах ликвидации "Лены Голдфилдс" и других концессий в СССР.

Некоторые авторы, в частности Е.В.Юферева, И.Д.Брин, считают, что основной причиной краха "Лены Голдфилдс" являлась ее "финансовая слабость, необеспеченность денежными средствами"⁵⁴.

Безусловно, данный фактор сыграл существенную роль в прекращении деятельности концессии. Однако, на наш взгляд, не здесь крылись главные причины краха "Лены Голдфилдс", как и других концессий. Выше уже отмечалось, что В.И.Ленин рассматривал концессии как продолжение классовой борьбы с мировой империалистической буржуазией, но не в военной форме, а в форме экономического состязания двух систем⁵⁵. Тактика привлечения иностранного капитала посредством концессий являлась одним из направлений и проявлений борьбы рабочего класса СССР против империалистической буржуазии по принципу "кто-кого." в области экономики. В развернувшемся состязании между государственным сектором и госкапиталистическим (концессии и др.) победу одержал социалистический уклад. Если в период восстановления и первые годы реконструкции народного хозяйства, используя благоприятную

для себя конъюнктуру, острый товарный дефицит на многие промышленные изделия и свое почти монопольное положение в их производстве и сбыте по высоким ценам, концессии, в том числе "Лена Голдфилдс", получали сверхприбыли и могли противостоять социалистическим предприятиям, то с переходом к осуществлению первого пятилетнего плана положение начало коренным образом меняться. В строй вступали одно за другим крупные предприятия, оснащенные новейшей по тому времени техникой, в том числе выпускающие однородную с концессиями продукцию⁵⁶.

На Урале, например, быстрыми темпами наращивались мощности Калатинского и Карабашского медеплавильных заводов, с которыми не мог сравниться уровень производства на концессионном Полевском медеплавильном заводе, завершалось сооружение нового медеплавильного завода (ныне Красноуральского), в то время как к обусловленному договором строительству Дегтярского завода концессия "Лена Голдфилдс" так и не приступила. На государственных предприятиях налаживался выпуск продукции, производимой концессионерами на Ревдинском и Северском металлургических заводах.

В результате даже крупные концессии потеряли свое преимущественное положение на рынке, уровень производительности труда на их предприятиях все более отставал от роста производительности труда на государственных заводах и фабриках, а себестоимость продукции, наоборот, становилась выше, чем на госпредприятиях⁵⁷. В этих условиях концессии лишались хищнических прибылей, не выдержали конкуренции со стороны мощных советских предприятий, построенных в процессе социалистической индустриализации страны. Не случайно то, что именно в 1929 г. началось свертывание концессионного производства и большинство концессий прекратило свое существование в 1928-1932 гг.⁵⁸

На сокращение сверхприбылей концессионеров и свертывание ими производства с начала 30-х годов непосредственным образом повлияло то, что к этому времени в СССР была ликвидирована безработица. Если в восстановительный период и в первые годы реконструкции народного хозяйства концессионеры при содействии эшманов и кулаков могли нещадно эксплуатировать приходивших из деревни крестьян, готовых ради скудного заработка трудиться на любых условиях, то в 30-е годы эта возможность исчезла.

Концессионные предприятия проиграли экономическое состязание социалистическим не только потому, что они были менее крупными и хуже оснащены новой техникой. Старые капиталистические производственные отношения тормозили развитие производства и в том отношении, что со-

вершенно не стимулировали творческую инициативу трудящихся, в то время как в социалистической промышленности она развивалась бурным потоком. Движение рационализаторов, ударных бригад, возникновение социалистического соревнования — все это обеспечило невиданные темпы роста производительности труда, выпуска продукции и снижения ее себестоимости в социалистическом секторе народного хозяйства.

Стратегия концессионеров, являвшихся представителями мировой империалистической буржуазии, допустила просчет и в другом отношении. Заключая договоры с Советским правительством, иностранные капиталисты исходили из того, что диктатура пролетариата в нашей стране долго не продлится, что в ней произойдет реставрация капитализма, с одной стороны, путем внутреннего переворота или эволюции, с другой — путем иностранной военной интервенции, которую реакционные силы империалистических держав планировали на конец 20-х — начало 30-х годов. В этом случае концессионеры надеялись получить полный простор для эксплуататорской деятельности в нашей стране.

Однако этим авантюристическим расчетам не суждено было сбыться. Планы сокрушить Советскую власть при помощи внутренней контрреволюции и внешней империалистической интервенции потерпели провал. Последовательная миролюбивая политика Советского государства, использование межимпериалистических противоречий позволили продлить мирную передышку, предотвратить в тот период угрозу иностранной интервенции. А вместо буржуазного перерождения советского строя в конце 20-х — начале 30-х годов началось решительное наступление на капиталистические элементы города и деревни с последовавшей затем их полной ликвидацией. Концессионный капитал терял в СССР почву под ногами, своего надежного союзника в лице напманской буржуазии и кулачества. На повестку дня встал вопрос о вытеснении из экономики страны и самого концессионного капитала.

Преодоление многоукладной экономики являлось закономерным процессом строительства социализма. Отсюда с объективной необходимостью вытекала неизбежность ликвидации госкапиталистического уклада, в том числе концессий. Вместе с тем, начавшийся в конце 20-х — начале 30-х годов процесс вытеснения концессий из народного хозяйства СССР был обусловлен целым рядом конкретных обстоятельств и факторов.

В директивах XV съезда ВКП(б) по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства был сформулирован научный принцип, на основе которого должны строиться экономические отношения Советского государства с капиталистическими странами. "Здесь необходимо исходить, — говорилось в резолюции съезда, — из максимально широ-

ких связей, поскольку эти связи (расширение внешней торговли, иностранного кредита, концессии, привлечение иностранных технических сил и т.д.) увеличивают хозяйственную мощь Союза, делают его более независимым от капиталистического мира, расширяют социалистическую базу дальнейшего индустриального развития Союза, — только в этих пределах можно говорить о максимально широких связях⁵⁹.

Однако к началу 30-х годов деятельность большинства концессий вступила в явное противоречие с этим принципом. Более того, концессии становились ненужным и даже вредным элементом в социально-экономическом организме Советского государства. Во-первых, не оправдались предположения, что сдавшие в аренду иностранным капиталистам и построенные ими предприятия будут образцом новой техники и организации производства, на примере которых наши инженеры и рабочие будут овладевать новейшей техникой и методами управления крупным производством⁶⁰. Как отмечалось в постановлении бюро Свердловского окружного комитета от 20 декабря 1929 г., "концессионное производство ни в какой степени не является лучшим образцом для однородных государственных предприятий. Наоборот, концессионеры пытаются использовать наши формы в целях поднятия производительности труда..."⁶¹. Концессионеры в большинстве своем оказались плохими учителями. Весьма симптоматичен в этом отношении процесс, протекавший на уральских заводах и рудниках "Лены Голдфилдс". Если в первые годы ее деятельности в сотрудничестве с ней вступило немало буржуазных инженеров и техников, которых помимо высоких окладов привлекала возможность приобретения зарубежного технического и организационного опыта, то с 1929 г., ввиду значительного отставания роста производства и техники на предприятиях "Лены", старые специалисты и квалифицированные рабочие стали в массовом порядке переходить на государственные заводы и рудники⁶².

Во-вторых, подавляющее большинство концессий не выполняло обусловленную договорами программу капитального строительства, как, например, "Лена Голдфилдс", которая должна была к 1 января 1929 г. пустить Дегтярский медеплавильный завод, а она даже не приступала к его сооружению⁶³. Кроме того, концессионеры в погоне за сверхприбылями зачастую выпускали не ту продукцию, которая была нужна нашему народному хозяйству, а ту, которая пользовалась спросом на рынке и давала высокие прибыли⁶⁴. Нарушение обязательств по вводу в строй новых предприятий, необходимых стране, отсутствие плановости в развертывании концессионного производства шло вразрез с осуществляемой Коммунистической партией и советским народом программой индустриализации страны, со всей плановой системой руководства нашей экономикой.

В-третьих, пользуясь предоставленным правом свободного ввоза валюты, концессии злоупотребляли этим и проводили спекулятивные валютные махинации, нанося ущерб интересам Советского государства. Они использовали в интересах спекулятивной наживы беспограничный ввоз импортных товаров. Так, только в 1927 г. "Лена Голдфилдс" от продажи импортных товаров получила чистой прибыли 1,5 млн. руб.⁶⁵ Сподручными концессионеров в спекулятивных сделках являлись изманы, кулацкие, лжеартели. Таким образом, концессии не только нарушали плановый товарооборот, но и вредили делу осуществления строжайшего режима экономии, решению проблемы социалистического накопления в интересах индустриализации страны. Такую же отрицательную роль играли и получаемые концессионерами сверхприбыли. Некоторые концессии, в том числе "Лена Голдфилдс", причиняли прямой материальный ущерб Советскому государству, не выплачивая своевременно долевых отчислений, подесятинных платежей и взносов по социальному страхованию⁶⁶.

В-четвертых, Коммунистическая партия и Советское государство не могли не учитывать и того факта, что управленческий и технический аппарат концессий вербовался преимущественно из враждебных нашему строю социальных слоев и элементов, которые продолжали оказывать активное сопротивление строительству социализма. Не случайно, что за ширмой крупнейшей концессии "Лены Голдфилдс" свила себе гнездо и орудовала вредительская контрреволюционная организация⁶⁷.

Обобщая все эти негативные явления и факты, руководящие советские органы пришли к выводу о хозяйственной нецелесообразности деятельности многих концессий. В обзоре информационного отдела ЦК ВКП(б) (начало 1929 г.) отмечалось, что "имеют место крупные нарушения концессионных договоров, извращающих содержание концессионной политики партии и Советской власти"⁶⁸.

В этих условиях назрела задача усиленного вытеснения концессий из советской экономики. Основу этого процесса составляли рост и укрепление отечественной индустрии, в целом социалистического сектора народного хозяйства. В результате концессии, как это было показано выше, лишались сверхприбылей. Свертыванию деятельности концессий способствовало принятие Советским правительством закона о налоге на сверхприбыли, на основе которого концессионеры обязаны были перечислять в пользу государства излишки прибыли. Тем самым достигалось значительное ограничение хищнических аппетитов концессионеров. Принимались и другие меры к вытеснению концессий из советской экономики⁶⁹. При этом Советское государство стремилось решить эту проблему, не вызывая внешнеполитических осложнений. Созданная Политбюро ЦК

ВКП(б) в начале 1930 г. специальная комиссия дала установку осуществлять расторжение концессионных договоров в порядке добровольных соглашений⁷⁰, чтобы исключить ненужные конфликты с иностранными государствами. Ликвидация концессий проводилась в результате соглашения сторон на условиях, приемлемых как для концессионеров, так и для Советского правительства.

Таковы, на наш взгляд, основные причины краха "Лены Голдфилдс" и ликвидации в целом концессионного капитала в нашей стране.

Следует также остановиться на имеющем теоретическое значение вопросе о том, почему процесс ликвидации концессионного капитала в СССР начался позднее развернутого наступления на напманскую буржуазию. Это было закономерно обусловлено рядом факторов. Во-первых, концессии были наиболее высокой формой госкапитализма — общественно-экономического уклада, который в свою очередь в экономической структуре переходного периода стоял ступенью выше частнохозяйственного капитализма по уровню обобществления производства, организации и производительности труда. Концессии были сосредоточены преимущественно в крупной промышленности и играли несомненно большую положительную роль, чем предприятия напманской буржуазии, в подготовке материально-технических предпосылок перехода к социализму, особенно в начальный период индустриализации страны. В развитии некоторых отраслей промышленности и отдельных производств концессии сыграли заметную роль⁷¹. Концессионный капитал, действовавший на основе четко обусловленных договоров, находился под более строгим контролем со стороны пролетарского государства, нежели анархический частнохозяйственный капитал, способствовал направлению последнего в русло госкапитализма. Во-вторых, привлечение концессионного капитала способствовало на определенном этапе установлению деловых экономических связей с зарубежными странами, получению от них необходимой технической помощи. В силу всех этих причин ликвидация концессионного капитала в нашей стране началась тогда, когда были исчерпаны возможности его использования для технической реконструкции народного хозяйства и созданы предпосылки его замены социалистическим производством. Это произошло в процессе выполнения первого пятилетнего плана — в 1929–1932 гг., тогда как решающее наступление на напманскую буржуазию развернулось несколькими годами раньше.

Анализ процесса и конкретных форм классовой борьбы в 1926–1930 гг. на предприятиях "Лены Голдфилдс" крупнейшей концессии на территории Советского Союза, как типичных для всех концессионных предприятий, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, еще раз подтверждается тот факт, что производственные отношения на концессионных предприятиях носили чисто капиталистический характер. Элементы социалистических или переходных отношений здесь невозможно обнаружить. Решающее значение для определения сущности того или иного явления, в данном случае типа хозяйства, имеет установление его внутренних связей, внутренних противоречий. Поэтому попытки некоторых исследователей доказать наличие полусоциалистических или переходных отношений на концессионных предприятиях тем, что "рабочие предприятий, переданных государством концессионеру во временное пользование, имели такое же отношение к общественной собственности, как и рабочие социалистических предприятий"⁷², что наравне со всем рабочим классом они осуществляли "государственное руководство обществом"⁷³, что "отношения между трудящимися на госкапиталистических предприятиях и своим рабочим государством — это внутриклассовые отношения"⁷⁴, что "часть прибавочной стоимости в виде процентов переходила в распоряжение Советского государства на общенародные нужды"⁷⁵ и т.п., не могут быть признаны состоятельными. Все это, конечно, имело большое значение для ограничения эксплуататорских устремлений иностранных капиталистов, но не изменяло социально-экономической сущности концессионных предприятий, капиталистической природы производственных отношений на них. Основной целью производства концессионеров было извлечение максимальной прибыли. И они получали эту прибыль и даже сверхприбыли⁷⁶. Без этого ни одно концессионное предприятие не могло функционировать. Нельзя поэтому согласиться с выводом З.А.Нургалина о том, что "концессионеры стремились насаждать на концессионных предприятиях капиталистические производственные отношения. Однако это стремление они не могли реализовать в полной мере..."⁷⁷. Приведенное положение нечеткое и потому неверное. Если концессионеры только стремились насаждать капиталистические отношения, то возникает естественный вопрос: какие же тогда отношения преобладали на концессионных предприятиях? Далее. Если концессионеры свое стремление насадить капиталистические отношения "не могли реализовать в полной мере", то выходит, что на концессионных предприятиях имели место... переходные отношения. Одним словом, формулировка З.А.Нургалина расплывчатая и не вносит ясности в решение проблемы. Производственные отношения складываются независимо от воли, желания, стремления людей, в том числе концессионеров, на почве объективных экономических факторов, в данном случае на базе капиталистически используемых концессионерами, переданных временно в их распоряжение Советским государством или принадлежащих им, средств производства.

Во-вторых, анализ документальных материалов показывает, что причины многочисленных конфликтов, возникавших на предприятиях "Лены" и других концессий, крылись не там, где их ищут буржуазные фальсификаторы, не в выдуманных ими "дезорганизаторских действиях" советских профсоюзов и мнимых "притеснениях" концессий со стороны советских органов. Конфликты возникали потому, что администрация концессий в целях извлечения сверхприбылей систематически нарушала концессионные и коллективные договоры, Кодекс законов о труде и другие постановления Советской власти, направленные на защиту интересов трудящихся.

В-третьих, в борьбе за свои корыстные интересы, за извлечение максимальных прибылей концессионеры искали опору среди остатков свергнутых классов, устанавливали связи и заключали соглашения с представителями нэпманской буржуазии и кулачества. Все это свидетельствовало об общности социально-экономической природы и целей борьбы иностранных концессионеров и нашей внутренней буржуазии. Они являлись естественными союзниками в общей борьбе против рабочего класса нашей страны и его государства. Это было одним из проявлений союза мирового империализма с еще сохранившимися в СССР эксплуататорскими классами.

В-четвертых, опыт классовой борьбы на предприятиях "Лены Голдфилдс" показывает, что в нашей стране на защите интересов рабочих стояли не только профсоюзы, но и пролетарское государство. В этом заключалось коренное отличие концессионного капитала в Советском Союзе от его положения в буржуазных странах. Наши рабочие в борьбе за свои интересы располагали широким арсеналом средств воздействия на концессионера, и под руководством партийных и профсоюзных организаций они умело и эффективно их использовали. При этом коммунисты руководствовались как интересами своих рабочих коллективов, так и общегосударственными интересами, строго придерживались ленинских принципов и конкретных задач концессионной политики партии.

2. Организация коммунистами наступления на частный капитал в промышленности, кустарно-ремесленном производстве, промысловой и его основные этапы

Развертывание социалистической реконструкции народного хозяйства со всей остротой поставило перед партией и Советским государством вопрос об отношении к частному капиталу. Как указывал В.И. Ленин, частнохозяйственный анархический капитализм представлял собой наибольшую опасность для строительства социализма. Проблема его регулиро-

вания, ограничения и полного вытеснения являлась одной из коренных проблем переходного периода. В ней концентрировалось основное противоречие переходного периода — борьба между социализмом и капитализмом по принципу "кто-кого". За частным капиталом стояли остатки разбитых эксплуататорских классов, новая буржуазия, их поддерживали все реакционные силы внутри и вне страны. Капитализм имел чрезвычайно широкую и имеющую глубокие и прочные корни базу в крестьянском, а также кустарно-ремесленном, мелкотоварном производстве. "На этой базе, — писал В.И. Ленин, — капитализм сохраняется и возрождается вновь — в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом"¹.

Сопротивление частнохозяйственного капитала социалистическому строительству особенно возросло после провозглашения Коммунистической партией курса на индустриализацию страны. Частный капитал все упорнее стремился уйти из-под контроля Советского государства, разворачивал подпольные формы деятельности, приобретая ярко выраженный спекулятивный характер, особенно в торговле. Он настойчиво проникал в кустарно-ремесленную промышленность и промысловую, надеясь превратить их в широкое поле своей эксплуататорской деятельности. Именно в первые годы реконструктивного периода непманская буржуазия пыталась организовать "замкнутый круг частнокапиталистического хозяйства". Это выразилось в стремлении непманов создать такую цепь хозяйственных связей, при которых процесс воспроизводства (кредитование, заготовка сырья, производство и сбыт) осуществлялся бы через частных капиталистов, по возможности без соприкосновения с государственными организациями по линии кредита, снабжения сырьем и т.д. На это делали ставку не только непманы и предприниматели внутри страны, но и эмигрантские круги русского капитала за границей, которые посредством объединения с "замкнутым кругом частнокапиталистического хозяйства" рассчитывали потеснить позиции социалистической промышленности². Все более серьезные столкновения с непманской буржуазией, которая выступала сообща с кулачеством, происходили на фронте заготовок сырья и сельхозпродуктов.

Возникла насущная необходимость парализовать эти опасные и вредные тенденции в развитии частнохозяйственного капитализма. Коммунистическая партия и Советское правительство взяли курс на более жесткое регулирование и ограничение частного капитала, организованное наступление на его позиции по всем направлениям. Руководствуясь указаниями XIV съезда ВКП(б) о всемерном обеспечении победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, апрельский 1926 г., февральский 1927 г. Пленумы ЦК и XV конференция ВКП(б) предложили

партийным, советским и кооперативным организациям обеспечить "надлежащий учет деятельности частного капитала" и "сосредоточение его работы в тех отраслях народного хозяйства, которые в наибольшей степени делают возможными регламентацию его деятельности, учет и обложение его прибылей"³, ограничение роли частного капитала в кустарной промышленности и общее сокращение его удельного веса во всех отраслях экономики⁴.

В то же время Коммунистическая партия еще не отказывалась от политики использования наемманской буржуазии в интересах строительства социализма. Февральский 1927 г. Пленум ЦК выдвинул задачу "подчинения частного капитала регулирующему влиянию пролетарского государства, в целях использования частного капитала в интересах социалистического хозяйственного строительства"⁵.

Однако осуществить на практике эту политику в более или менее широких масштабах даже в первые годы реконструктивного периода не удалось. Эта линия была преобладающей в период восстановления народного хозяйства. С переходом же к его реконструкции определяющей стала линия на полное вытеснение частнохозяйственного капитализма из экономики страны. Она была обусловлена рядом факторов. Во-первых, нежеланием наемманов сотрудничать с Советским государством, усилением их дезорганизаторской деятельности в экономике. Во-вторых, трудностями хозяйственного строительства, снабжения быстро растущего населения городов и новых индустриальных центров промышленными и продовольственными товарами, задачами решения проблемы социалистического накопления, чему препятствовали капиталистические элементы. В-третьих, обострением международной обстановки, усилением угрозы империалистической интервенции во второй половине 20-х годов, необходимостью укрепления обороноспособности страны. В связи с этим июльско-августовский 1927 г. Пленум ЦК ВКП(б) в резолюции "О хозяйственных директивах на 1927/28 год" указал, что только энергичное проведение курса партии на всемерное усиление роста социалистических элементов во всем народном хозяйстве при максимальном ограничении эксплуататорских тенденций капиталистических элементов "является основной предпосылкой для успешной экономической и политической подготовки страны к возможным столкновениям с буржуазным миром"⁶. В-четвертых, коренными задачами реконструкции народного хозяйства, преобразования многоукладной экономики в одноукладную социалистическую, построения фундамента социализма. Исходя именно из этих задач, XV съезд ВКП(б) дал директиву об усилении наступления на частнохозяйственный капитализм. "XV съезд считает, - говорится в резолюции по отчету ЦК,

- что по отношению к возросшим в своей абсолютной массе, - хотя и в гораздо меньшей степени, чем социалистический сектор хозяйства, - элементам частнокапиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения"⁷.

Это не означало, что партия ставила задачу немедленной ликвидации новой буржуазии. В 1926-1927 гг. Коммунистическая партия самым решительным образом отвергла демагогические и авантюристические предложения троцкистско-зиновьевской оппозиции о таком сверхобложении частного капитала, которое должно было привести к его немедленной ликвидации, в то время как обобществленный сектор промышленности и торговли еще не в состоянии был полностью заменить частнокапиталистическое производство и частный торговый оборот⁸.

Коммунистическая партия предусматривала планомерное вытеснение новой буржуазии из экономики страны по мере создания для этого необходимых материальных, организационных и социально-политических предпосылок⁹. При этом она строго учитывала соотношение сил между социалистическим и капиталистическим укладами как в различных отраслях, так и в различных районах страны, и намечала исходя из этого неодинаковые темпы вытеснения частного хозяйственного капитала. Процесс вытеснения новой буржуазии наиболее интенсивно разворачивался там, где это было наиболее необходимо и где имелись соответствующие предпосылки.

В первую очередь он начался в крупной промышленности. Во-первых, потому, что здесь к началу нового периода, как мы уже видели, наиболее созрели условия для полного обобществления производства. Именно в данной отрасли частный капитал начал раньше всего терпеть поражение в экономическом состязании с социалистическим укладом. Во-вторых, крупная индустрия являлась ведущей отраслью, основным звеном реконструкции всего народного хозяйства. Поэтому здесь прежде всего необходимо было преодолеть многоукладность, полностью вытеснить частнохозяйственный капитализм и утвердить окончательно социалистические производственные отношения.

На Урале для решения этой задачи сложились довольно своеобразные условия. Позиции частного капитала в крупной промышленности здесь были значительно слабее, чем в целом по стране. В 1924/25 г. в области действовало всего 26 частных ценовых предприятий (4,5% от общего числа крупных предприятий), на них было занято 356 рабочих, или 0,28% рабочей силы фабрично-заводской промышленности, и они давали 0,63% его валовой продукции¹⁰. По Союзу удельный вес частнокапиталистических заведений (собственных и арендованных) в ценовой промышленности в 1924/25 г. составлял по числу предприятий 17,4%, количес-

тву рабочих - 2,4% и по объему валовой продукции - 3,8%¹¹.

подавляющее большинство предприятий капиталистического сектора в крупной промышленности Урала являлись арендованными, и буквально считанные единицы находились в частной собственности предпринимателей¹². В основном это были мелкие заведения: из 21 обследованного в 1925 г. 18 относились к группе с числом занятых рабочих до 30 человек, два - к группе от 31 до 50 и только одно - от 51 до 100 человек¹³. Кроме того, они были сосредоточены преимущественно в тех отраслях, где развитие частного капитала не только не приносило пользы народному хозяйству, но и становилось все более нежелательным. Среди 25 частных предприятий, действовавших в 1925/26 г., было 8 кожзаводов, 6 мельниц, 5 заведений пищевой промышленности и лишь по одному предприятию в металлической промышленности и добыче и первичной обработке минералов¹⁴.

В связи с этим возможность использования частного капитала на Урале в интересах развития крупной промышленности, индустриализации страны по существу отсутствовала. Здесь в первые лет социалистической реконструкции народного хозяйства встала задача окончательного вытеснения капиталистического уклада из крупной промышленности.

В решении этой задачи главную роль сыграли меры экономического преодоления частного капитала: отвоение социалистическими предприятиями позиций у однородных с ними капиталистических заведений на основе конкуренции. Темпы роста производства продукции и производительности труда на социалистических предприятиях были несравненно выше, они выпускали более дешевые товары и лучшего качества. В 1925/26 г., когда частнокапиталистическое производство достигло высшей точки своего роста после 1922/23 г., в кожевенной промышленности Урала, где было сосредоточено около одной трети всех частных ценовых заведений области, дававших более четверти валовой продукции всей крупной частной промышленности, годовая выработка одного рабочего на государственных предприятиях была выше, чем на частных, на 60,4%, а на кооперативных - на 29,2%¹⁵. В значительной степени здесь сказывалось преимущество крупного и лучше оснащенного техникой производства. В среднем на каждый государственный кожзавод приходилось продукции в 6,7 раза, а рабочих - в 4 с лишним раза больше, чем на частный, а на кооперативный - соответственно почти в два и полтора раза¹⁶. В дальнейшем этот разрыв еще более увеличился. В 1927/28 г. производительность рабочего государственного кожзавода уже более чем в три раза превышала производительность рабочего частного заведения, а кооперативного - почти в два раза¹⁷. В силу этого и других факторов

уже в 1928/29 г. частные ценовые кожевенные предприятия прекратили свое существование.

Несколько иные исходные позиции были в 1925/26 г. в производстве кожаной обуви, которое государственные предприятия еще только осваивали. Здесь выработка одного рабочего частной фабрики превышала производительность рабочего госпредприятий на 42,8%, а кооперативных — более, чем в два раза. Однако уже в следующем году с пуском крупной Свердловской обувной фабрики на рабочего государственных предприятий приходилось продукции больше, чем на рабочего частного заведения на 51,1%. Даже кооперативные заведения в 1927/28 г. сравнились по уровню производительности труда с частной фабрикой. В 1928/29 г. частное предприятие произвело лишь 0,09% валовой продукции этой отрасли крупной промышленности¹⁸. Одна только Свердловская обувная фабрика в 1928/29 г. дала прибыли 478 тыс.руб., тогда как вся валовая продукция частного производства составила 14,1 тыс.руб.¹⁹

Значительные преимущества в борьбе с частными предпринимателями государственная кожевенно-обувная промышленность получила в результате сокращения аппарата и совершенствования системы управления. Большую работу в этом направлении проделала специальная бригада ОблКК-РКИ. По ее предложению в 1927/28 г. мелкие тресты были упразднены, а все кожевенные, овчинно-шубные и обувные предприятия (за исключением Троицкого округа) объединены в один областной кожевенный трест²⁰. Это дало существенное сокращение управленческих и накладных расходов и позволило направить большой отряд квалифицированных специалистов непосредственно на предприятия.

Процесс вытеснения капиталистических элементов из промышленности сопровождался обострением классовой борьбы на частных предприятиях. Прогнывая экономическое состязание социалистическим фабрикам и заводам и пытаясь устоять в борьбе с ними, предприниматели стремились выйти из трудного положения за счет усиления эксплуатации рабочих. Они все чаще становились на путь нарушения законодательства о труде и коллективных договоров, что неизбежно влекло за собой острые конфликты с рабочими, нередко перераставшие в забастовки. Возглавляемые профсоюзами рабочие давали должный отпор заводоладельцам и успешно защищали свои экономические интересы.

Хотя ни на одном из уральских частных предприятий не было партийных организаций²¹, борьбой рабочих руководили партийные фракции тех профсоюзов, в которых были объединены рабочие частных заведений. На более крупных из них действовали самостоятельные завкомы, а для более мелких либо создавались объединенные завкомы с профуполномочен-

ными по каждому заведению, либо рабочие-члены профсоюзов прикреплялись к завкому государственного предприятия²². Профсоюзы выступали организаторами борьбы трудящихся против возросшего нажима предпринимателей.

Росла сознательность и сплоченность рабочих. Нередно их выступления, направленные на защиту непосредственных интересов, перерастали в борьбу за определение дальнейшей судьбы предприятия, на котором они работали. Именно так произошло в 1927 г. на кожевнном заводе братьев Хлебниковых в г.Сарапуле. Причиной вспыхнувшей стачки явилось намерение хозяев сначала сократить часть рабочих, а затем полностью закрыть предприятие. Объявив забастовку, рабочие в первую очередь потребовали: "Предприятие должно быть сохранено, а рабочая сила на нем оставлена полностью"²³. Конфликт приобрел настолько напряженный характер, что вопрос о событиях на заводе рассматривал Уралобком ВКП(б). Орготдел обкома обратился со специальным письмом к Сарапульскому окружному об организации поддержки рабочим²⁴. Стачка закончилась победой рабочих. Среди других условий коллективного договора был включен пункт, предусматривавший, что вопрос о сокращении производства или ликвидации предприятия мог быть решен лишь с участием союза. Тем самым профсоюз устанавливал фактический контроль в отношении дальнейших перспектив работы завода²⁵. Вскоре Хлебниковы, испытывая финансовый кризис, претерпели крах²⁶, а предприятие перешло в руки государства.

Стачечная борьба рабочих содействовала, следовательно, вытеснению капиталистических элементов из промышленности. Однако неверно было бы делать вывод, что стачки сами по себе являлись причиной закрытия частных предприятий. Как правильно заметили В.А.Архипов и Л.Ф.Морозов, ликвидация частных заведений в конечном счете "происходила из-за их экономической несостоятельности в соревновании с социалистическим сектором народного хозяйства. Стачки же, направленные против попыток предпринимателей удержать свои позиции, за счет нарушений трудового законодательства, способствовали этому процессу"²⁷.

Процесс вытеснения частного капитала из фабрично-заводской промышленности происходил также под воздействием кредитной и налоговой политики Советского государства. Поскольку этот вопрос достаточно освещен в экономической и исторической литературе²⁸, в настоящей работе он не рассматривается. Следует лишь подчеркнуть, что усиление налогового обложения и прекращение кредитования государственными финансовыми органами частного капитала сыграло существенную роль в вытеснении его из промышленности.

В результате победы социалистических предприятий в экономическом соревновании с частным сектором, экономических мер, направленных на усиление ограничения нэпманской буржуазии, а также стачечной борьбы рабочих частный капитал был почти полностью вытеснен в 1926-1929 гг. из крупной фабрично-заводской промышленности Урала (см. табл. I3)²⁹.

Как показывают данные таблицы, максимального уровня производства за исследуемый период частнокапиталистическая промышленность как по Союзу, так и по Уралу достигла в 1925/26 г. Но поскольку темпы роста социалистической промышленности были выше, то несмотря на значительное абсолютное увеличение производства частных предприятий, их доля в валовой продукции всей ценовой промышленности все-таки уменьшилась. А с 1926/27 г. началось и абсолютное сокращение частнокапиталистического производства, причем по стране в целом - значительное. На Урале же резкое падение частнокапиталистического производства произошло годом позже. В 1928/29 г. здесь действовало всего 3 частных ценовых заведения, валовая продукция которых составила 88,5 тыс. руб., или немногим более 0,01% от всей продукции фабрично-заводской промышленности Урала. В 1930 г. в крупной промышленности области не осталось ни одного частного предприятия.

Приведенные в таблице данные позволяют сделать вывод о том, что в результате комплекса мер партии и государства, направленных на планомерное ограничение частного капитала, в 1926/27 г. резко усилилось его вытеснение, а с 1927/28 г. началось развернутое наступление на нэпманскую буржуазию в крупной промышленности.

Основная тенденция процесса вытеснения капиталистического сектора из крупной промышленности была общей для страны и Урала. Однако в Уралобласти удельный вес частного капитала в фабрично-заводском производстве был намного меньше и процесс его вытеснения шел значительно быстрее, чем в целом по Союзу. Если по стране валовая продукция частнокапиталистических предприятий составила в 1924/25 г. 3,8% всей продукции крупной промышленности, то на Урале - всего 0,63%, а в 1928/29 г. соответственно 0,3 и 0,01%³⁰. Это объясняется главным образом тем, что на Урале, как было показано выше, частный капитал был сосредоточен преимущественно в тех отраслях фабрично-заводской промышленности, в которых эта деятельность становилась не только нежелательной, но и вредной. Поэтому партийными и советскими организациями области были приняты меры к его форсированному вытеснению.

Таким образом, к началу 30-х годов в фабрично-заводской промышленности Урала, как и всей страны, установилось полное господство

Таблица 13

Изменение удельного веса частногокапиталистического сектора (собственные и арендованные предприятия) в фабрично-заводской промышленности СССР и Урала за 1924/25 - 1928/29 гг.

Год	Вся фабрично-заводская промышленность			Частнокапиталистический сектор					
	Число предприятий	Количество раб.-б-чих, тыс. чел.	Валовая продукция, тыс. руб.	Число предприятий	Количество рабочих	Валовая продукция	% к валовой продукции всей фаб.-зав. промышленности		
							абс.	абс.	
СССР	1924/25	11 172	1 850,5	1 944	17,4	46 000	2,40	254 800	3,80
	1925/26	12 520	2 347,9	2 116	16,9	67 200	2,80	363 900	3,60
	1926/27	13 160	2 332,8	1 619	12,3	49 800	2,10	204 100	1,80
	1927/28	13 121	2 527,6	945	7,2	39 100	1,10	111 200	0,50
	1928/29	13 537	2 803,0	343	2,5	23 600	0,80	45 500	0,30
Уральская область	1924/25	577	124,0	26	4,5	356	0,28	1 489	0,63
	1925/26	631	143,5	26	4,1	414	0,30	2 313	0,61
	1926/27	649	149,9	17	2,6	256	0,17	2 152	0,41
	1927/28	652	156,7	6	0,9	86	0,05	328	0,06
	1928/29	638	177,6	3	0,5	18	0,01	89	0,01

социалистических производственных отношений. Тем самым была создана одна из решающих предпосылок окончательного вытеснения и ликвидации капиталистических элементов во всех других отраслях народного хозяйства.

Более сложный и длительный характер приобрела борьба с капиталистическими элементами в мелкой кустарно-ремесленной промышленности. Во-первых, кустарное производство, являясь в основе своей мелкоотварным, как и крестьянское хозяйство, в силу внутренних законов своего развития постоянно рождало капиталистические элементы³¹. Поэтому капитализм имел здесь прочные корни. Во-вторых, кустарно-ремесленное производство было распыленным и раздробленным, и порождаемые им стихийно мелко-капиталистические элементы трудно поддавались учету и контролю советских регулирующих органов. В-третьих, в восстановительный период и в первые годы реконструкции народного хозяйства нэпманская буржуазия установила очень прочные связи с хозяйством кустарей и ремесленников, разорвать которые было нелегко. Не случайно то, что в период развернутого наступления социализма кустарные промыслы стали последней линией обороны вытесняемых из крупной промышленности и торговли нэпманов³².

Наконец, трудность борьбы с капиталистическими элементами в мелкой промышленности состояла еще и в том, что предприниматели нередко маскировали свою эксплуататорскую сущность, выступая под личиной кооператоров, проникали в промартели и разлагали их изнутри, превращая в капиталистические предприятия, или создавали лжекооперативы.

Магистральной линией борьбы с нэпманами в мелкой промышленности являлось ее социалистическое преобразование на основе ленинского кооперативного плана. Однако для массового кооперирования кустарей и ремесленников необходимо было создать материально-технические и социально-экономические предпосылки. Эта задача в основном была решена к концу 20-х годов. В первые же годы реконструктивного периода, наряду с созданием указанных предпосылок, Коммунистическая партия и Советское государство провели целый комплекс мер, направленных на более жесткое ограничение капиталистических элементов в мелкой промышленности и их вытеснение. XV конференция ВКП(б) (октябрь-ноябрь 1926 г.) указала на необходимость "установления тщательного контроля за деятельностью частного капитала, связанного с кустарной промышленностью, в целях борьбы с эксплуатацией им кустарей и ремесленников"³³. Февральский 1927 г. Пленум ЦК вновь подчеркнул громадную важность ограничения роли частных лиц в кустарной промышленности³⁴.

На Урале кустарно-ремесленное производство занимало значительное место в экономике. К началу реконструктивного периода в области на-

считывалось до 150 различных видов промыслов, а к 1929 г. - уже 200³⁵. Темпы роста мелкой промышленности во второй половине 20-х годов видны из нижеприведенной таблицы (см. табл. I4)³⁶.

Таблица I4

Рост производства мелкой кустарно-ремесленной промышленности
Уралобласти в 1924/25 - 1928/29 гг.

Годы	Число заведений	В них занято лиц		Валовая продукция	
		абс.	в % к занятым во всей промышленности	в тыс. руб.	в % к валовой продукции всей промышленности
1924/25	65 309	88 032	37,0	57 212,7	19,4
1926/27	120 657	168 453	43,5	171 011,0	27,7
1928/29	155 155	250 207	55,1	196 422,6	23,4

Как свидетельствуют приведенные данные, кустарно-ремесленная промышленность Урала развивалась в первые годы реконструктивного периода довольно высокими темпами. За четыре года число заведений увеличилось в 2,4 раза, количество занятых в них лиц - почти в 3 раза, а валовая продукция - в 3,4 раза. Как отмечалось в сборнике материалов, изданном ВСНХ РСФСР и Всекоопромсоюзом в 1929 г., Урал, наряду с Центрально-Промышленной, Ленинградской областями и Северо-Кавказским краем, являлся "средоточием наибольших по абсолютной численности масс кустарей и важнейших гнездовых промыслов"³⁷.

К началу реконструктивного периода мелкая промышленность, как и вся экономика страны, оставалась многоукладной. Преобладал в ней, как и в сельском хозяйстве, частный сектор³⁸.

В условиях нэпа мелкое кустарно-ремесленное производство неизбежно выделяло капиталистические элементы, порождало капиталистическую тенденцию развития. В 1926/27 г. на Урале по указанию партийных и советских органов было проведено обследование 106 819 промысловых заведений, принадлежащих частному сектору. Материалы проверки дают представление о применении наемного труда в мелкой частной промышленности и об удельном весе в ней капиталистических элементов. Из общего числа обследованных заведений 97 065 (90,8%) принадлежали ремесленникам и кустарям, не применявшим наемного труда, т.е. мелким товаропроизводителям, 9 126 заведениями (8,6%) владели кустари и ремесленники, имевшие одного-двух наемных рабочих. Они производили

около четверти продукции обследованных предприятий. Это был зажиточный слой кустарей и ремесленников, близко примыкавший к предпринимательской верхушке. Наконец, владельцами 637 заведений (0,6%) являлись мелкие капиталисты, имевшие трех и более наемных рабочих, и раздатчики, использовавшие труд части кустарей-надомников. Составляя лишь 0,6% обследованных заведений, они давали 5,2% их валовой продукции и 4,8% продукции всей мелкой промышленности (без мукомольной и маслодельной). А если учесть еще изделия кустарей-надомников, работающих на частника из его сырья, и мелких товаропроизводителей, сбывающих продукцию скупщикам, то в руках частного капитала сосредоточивалось до 15,8% валовой продукции обследованных предприятий и 14,4% продукции мелкой промышленности (без мукомольной и маслодельной). Если же взять всю мелкую промышленность, включая мукомольное и маслодельное производство, то частнокапиталистические заведения давали около 4,4% ее валовой продукции³⁹.

Одновременно в этой отрасли хозяйства Урала на основе претворения в жизнь политики Коммунистической партии и Советского государства, ленинского кооперативного плана развивались социалистические формы производства. Последние были представлены государственными предприятиями, заведениями общественных организаций и кооперации, дававшими в 1924/25 г. 37,2% валовой продукции всей мелкой промышленности (см. табл.3 на с.33 настоящей работы). За первые годы реконструкции народного хозяйства соотношение между обобществленным и частным сектором несколько изменилось. В 1926/27 г. заведения социалистического сектора (включая простые формы кооперации) дали 39,4% валовой продукции всей мелкой промышленности⁴⁰.

Одним из основных направлений борьбы с капиталистическим сектором в мелкой промышленности, как и в крупной, являлось состязание социалистических заведений с частнокапиталистическими по принципу "кто-кого". Хотя здесь преимущества социалистических предприятий из-за отсталой техники и меньших масштабов производства давали себя знать не так быстро, как в фабрично-заводской промышленности, однако эта тенденция отчетливо проявилась на Урале уже в первые годы реконструктивного периода.

Ноябрьский 1926 г. пленум Уралобкома ВКП(б), отметив небольшой удельный вес частного капитала в производстве области, поставил задачу дальнейшего сужения его роли в ряде отраслей. Пленум подчеркнул, что решающее значение в этом деле имеет улучшение качества работы государственных и кооперативных предприятий, в том числе в тех отраслях, где роль частного капитала продолжает оставаться весомой⁴¹.

Советские и хозяйственные организации, коммунисты, профсоюзный актив государственных предприятий, члены правлений и актив кооперативных предприятий мелкой промышленности области, как и крупной, сделали в первые годы реконструктивного периода большую работу по совершенствованию структуры управления, сокращению хозяйственного аппарата, проведению режима экономии, повышению производительности труда, рационализации производства, снижению себестоимости продукции. На основе этих достижений в 1926/27 г. цены на изделия местной промышленности Урала были снижены на 5-10%⁴².

Это значительно упрочило позиции обобщественного сектора и обеспечило большие преимущества в борьбе с частнокапиталистическими заведениями. Уже в 1926/27 г. в целом по мелкой промышленности выработка на одного работника в социалистическом секторе, исключая простейшие формы кооперации, члены которой работали на дому, в 2,9 раза превышала выработку на одно занятое лицо в частнокапиталистическом секторе. В 1928/29 г. немногочисленные легально действующие частнокапиталистические заведения остались лишь в тех промыслах, где доходы были высоки и нэпманы еще имели возможность как-то противостоять социалистическим предприятиям, либо в тех, где деятельность частника еще приносила некоторую пользу (например, в производстве стройматериалов) и где предпринимателям предоставлялись некоторые льготы. Но и в этих промыслах уровень производительности труда и масштабы производства на предприятиях обобщественного сектора значительно превосходили показатели частных заведений⁴³.

Весьма ощутимо сказались на свертывании капиталистического производства в кустарно-ремесленной промышленности мероприятия партийных, государственных и кооперативных органов, направленные на резкое ограничение деятельности нэпманской буржуазии в кожевенном, мукомольном, маслобойном и некоторых других производствах.

Быстрое вытеснение частного капитала из кожевенной промышленности, как и некоторых других отраслей, было обусловлено рядом специфических факторов. К началу реконструктивного периода существование частного сектора в этой отрасли ввиду быстрых темпов наращивания мощностей государственных предприятий стало нецелесообразным для народного хозяйства. Государственная кожевенная промышленность в результате реконструкции и расширения предприятий, внедрения на них новой технологии намного увеличила свои производственные возможности. Однако ввиду того, что значительная часть сырья скупалась частными предпринимателями и кустарями, она работала с большой недогрузкой. В

письме ирбитского окружного финансового отдела работникам налогового аппарата на местах говорилось, что "частник совершенно срывает работу госзаготовителей и создает угрозу срыва плана заготовок кожсырья"⁴⁴. По данным ВСНХ РСФСР, в первой половине 1927/28 г. мощности государственных кожевенных предприятий республики недоиспользовались на 10-15%. На Урале это противоречие сказалось уже в 1926/27 г., но особенно остро стало проявляться с 1927/28 г. К началу января 1928 г. государственные организации области не выполнили план заготовок кожсырья на 30-40%⁴⁵.

При этом частные скупщики и заводовладельцы, особенно крупные, закупали кожсырье на крестьянском рынке в массовом порядке, превышая установленные государством заготовительные цены, а затем перепродавали сырье и сбывали готовые кожтовары по спекулятивным ценам, получая огромные сверхприбыли. Вот что сообщал в сентябре 1928 г. Уралобкому ВКП(б) о "деяниях" одного из нэпманов, некоего Симакова В.П., Ишимский окружком партии. Имея кожевенный завод производительностью 1500 кож в год, этот делец закупал сырье значительно больше для перепродажи. Заготовку сырья производил по ценам, превышающим синдцированные на 20-50%, а готовый кожтовар продавал крестьянам и кустарям втридорога. Но особую опасность он представлял как негласный руководитель частных скупщиков и мелких предпринимателей в борьбе против государственных и кооперативных организаций на сырьевом рынке. Он организовал нечто вроде синдиката, который устанавливал единые цены на сырье, выделанные кожи, определял способы организованной скупки и сбыта сырья, готовой продукции. Нелегальный "синдикат" имел своих агентов как в г.Ишиме, так и в районах и селах. Симаков и К^о, изымая на рынке львиную долю сырья, наносили серьезный ущерб государственным заготовительным организациям, строго соблюдавшим установленные Наркоматом торговли цены⁴⁶.

В этих условиях партийные и советские органы Урала, руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б) и правительства, приняли меры к более жесткому ограничению частника в кожевенной промышленности. Уже ноябрьский (1926 г.) пленум Уралобкома ВКП(б) предложил регулирующим органам ограничить его деятельность "в тех отраслях, где он конкурирует с госпромышленностью и отрицательно влияет на рынок (кожевенное производство, мукомольное, обработка волокна, переработка маслосемян), а также полностью подчинить его контролю государства"⁴⁷. Зимой 1927/28 г. Уралобком дал указание советским организациям принять решительные меры, вплоть до чрезвычайных, по отношению к спекулятивным и частным скупщикам-дезорганизаторам сырьевого рынка.

Уральский областной финансовый отдел в декабре 1927 и январе 1928 г. разослал на места приказы и предписания, в которых потребовал провести обследование всех частных и мелких кустарных кожевенных заводов, выявить объем скупки и продажи их владельцами кожаных товаров, провести переобложение промысловым и подоходным налогом в соответствии с подлинными доходами, подвергнуть штрафу и привлечь к ответственности всех, кто нарушает советские законы, ведет нелегальную скупку и перепродажу кожи и кожевенных товаров⁴⁸.

Выполняя эти предписания, работники финансового и налогового аппарата совместно с советской и кооперативной общественностью провели тщательную проверку и выявление оборотов и доходов владельцев кожевенных заводов, а также кустарей-кожевников. В ходе проверки было установлено, что у многих владельцев кожзаводов имеются излишки сырья, а сумма оборотов и доходов значительно превышает ту, с которой им начислены налоги и сборы. Комиссии, проводившие обследование, привели в соответствие размер налогов с действительными доходами, а те заводладельцы (вроде В.П.Симакова), которые злостно спекулировали и нарушали советские законы, были оштрафованы на крупные суммы либо привлечены к судебной ответственности с конфискацией предприятий и части имущества. С 20 декабря 1927 г. по 16 января 1928 г. по Ирбитскому участку был наложен штраф на трех владельцев кожзаводов за нарушение цен по заготовке и сбыту кожи и готовых товаров. В Ирбите закрылось 6 частных кожевенных предприятий⁴⁹.

Эти меры сопровождались свертыванием деятельности частного капитала как в мелкой кустарно-ремесленной, так и в ценовой кожевенной промышленности области.

Не меньший вред наносил частный капитал, орудовавший в мукомольной промышленности. Здесь изманы имели тесную связь с кулачеством и совместно с ним выступали против хлебозаготовительных мероприятий государственных и кооперативных организаций. Частные мельницы являлись производственной базой хлеботорговцев, спекулянтов и кулаков. Так, в период хлебозаготовок 1925/26 г., проходивших в обстановке хозяйственных трудностей и острой борьбы с частными скупщиками, в Троицком округе активно действовали три частные фирмы: "Промторг", "Дернов и К^о", Придворов и К^о" и крупный торговец И.И.Тузмаков. Они при посредничестве кулаков ежедневно скупали у крестьян до 500 пудов зерна, которое перерабатывали затем на мельницах, принадлежащих "Промторгу" и Тузмакову. Муку и частично зерно эти фирмы по спекулятивным ценам (на 200-220% выше установленных) сбывали в городах Уральской области и в других районах⁵⁰. Подобным же образом действовали вла-

дельцы частных мельниц и хлеботорговцы в других округах. Особенно острая борьба на хлебозаготовительном фронте развернулась в 1927/28 г., когда кулаки в тесном союзе с нэпманами организовали настоящую "хлебную стачку".

В этих условиях партийные, советские и кооперативные организации Урала, руководствуясь директивами Центрального Комитета ВКП(б) и Советского правительства, приняли действенные меры по пресечению спекулятивных операций частных лиц. По указанию Уралобкома ВКП(б) был установлен жесткий контроль за частными мельницами. К их проверке были привлечены Советы, кооперативные и общественные организации⁵¹. В целях ограничения частного капитала в мукомольном производстве Совет Труда и Оборона СССР признал необходимым резко сократить количество мельниц, находящихся в аренде у частных лиц, с передачей их государственным организациям⁵². В результате расторжения арендных договоров либо конфискации у собственников, злостно нарушающих советские законы и не уплачивающих налоги, в 1927-1929 г. на Урале прекратили свое существование большинство частных мельниц⁵³.

Упорядочение аренды государственных предприятий частными лицами происходило не только в кожевенной, мукомольной, но и в других отраслях мелкой промышленности. Это было вызвано тем, что нэпман-арендаторы хищнически эксплуатировали вверенные им предприятия и нередко доводили их до полного развала. В таких случаях советские органы аннулировали арендные договоры с частником. В связи с этим количество сданных в аренду мелких предприятий из года в год сокращалось. Если в 1925/26 г. на Урале было сдано в аренду частным лицам 568 предприятий районного значения, то в 1926/27 г. - 532, а в 1927/28 г. - 454. Особенно интенсивно расторжение арендных договоров началось в 1928/29 г.⁵⁴

В результате всех этих мер позиции частнокапиталистического сектора в мелкой промышленности в 1926-1929 гг. были основательно подорваны. В целом изменение удельного веса различных социально-экономических укладов в мелкой промышленности Урала за 1924/25 - 1928/29 гг. показывают данные нижеприведенной таблицы (см. табл. I5)⁵⁵. Уже в 1928/29 г. кооперативные предприятия и объединения давали почти половину валовой продукции мелкой промышленности, а вместе с государственными и общественными - две трети, тогда как заведения мелкотоварного сектора - 33,4%, а частнокапиталистического - менее 0,8% (вместе с товаропроизводителями, сбывающими свои изделия частнику - около 2%)⁵⁶. В целом по стране доля социалистического уклада в валовой продукции мелкой промышленности (без мукомольной) в 1928/

Таблица 15

Изменение удельного веса общественно-экономических укладов в мелкой промышленности Урала в 1924/25 - 1928/29 гг.

Уклад	Количество заведений		Численность занятых лиц		Валовая продукция	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1924/25 г.						
Социалистический	3 612	5,5	12 220	13,9	21 229,8	37,1
Мелкотоварный	61 047	93,5	72 712	82,6	32 796,1	57,4
Капиталистический	650	1,0	3 110	3,5	3 186,6	5,5
1926/27 г.						
Социалистический	10 275	8,5	24 866	14,8	67 483,4	39,4
Мелкотоварный	109 463	90,7	138 896	82,4	95 994,9	56,2
Капиталистический	946	0,8	4 601	2,8	7 532,8	4,4
1928/29 г.						
Социалистический	41 925	27,0	106 290	42,5	129 233,2	65,8
Мелкотоварный	113 087	72,9	142 917	57,1	65 678,4	33,4
Капиталистический	143 ^x	0,1	996	0,4	1 511,0	0,8

^x По переписи 1930 г. частнокапиталистических промзаведений насчитывалось 67. Количество остальных заведений, отнесенных нами к разряду предприятий типа частных раздаточных контор, приблизительно, подсчитано нами.

29 г. составила 52%, мелкотоварного - 45% и частнокапиталистического - 3%⁶⁷.

Следовательно, и в мелкой промышленности Урала процесс вытеснения частного капитала шел значительно быстрее, чем в целом по стране.

Решающую роль в полной ликвидации капиталистических элементов в кустарно-ремесленной промышленности сыграло ее социалистическое преобразование на основе претворения в жизнь ленинского кооперативного плана применительно к хозяйствам кустарей и ремесленников. Как известно, главным содержанием ленинского плана являлось кооперирование крестьянства. Однако во многих своих работах, особенно в статье "О кооперации", В.И. Ленин проводит идею кооперирования не только крестьян, но и поголовно всего населения⁶⁸, в том числе кустарей и ремесленников - одного из наиболее многочисленных слоев мелких товаропр-

изводителей. Поэтому составной частью ленинского кооперативного плана, как это аргументированно показано в ряде исследований⁵⁹, являлось преобразование путем кооперирования мелких предприятий кустарей и ремесленников в крупные социалистические промышленные предприятия, основанные на индустриальных методах труда и современной машинной технике.

Задача создания необходимых материально-технических и социально-экономических предпосылок социалистического преобразования мелкой промышленности и развертывания массового кооперирования кустарей и ремесленников в основном была решена в годы построения фундамента социализма. Этот процесс был теснейшим образом связан с осуществлением политики социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

В настоящей работе не представляется возможным подробно осветить деятельность партийных организаций по кооперированию кустарной промышленности в период построения фундамента социализма. Это тема специального исследования, и она уже освещена в ряде статей уральских историков и экономистов, к которым мы и отсылаем заинтересованного читателя⁶⁰. Укажем лишь на основные итоги этой работы. В 1926/27 г. в мелкой промышленности Урала было занято 168,5 тыс. лиц, из них 18 тыс. наемных рабочих. Непосредственно кустарей и ремесленников насчитывалось 150,4 тыс., из них кооперировано 15,6 тыс., или 10,4%. В 1928/29 г. было занято 250,2 тыс. лиц, в том числе 31,9 тыс. наемных. Из 218,3 тыс. кустарей и ремесленников различными формами кооперации охвачено 69,2 тыс., или 31,7%⁶¹. Можно считать, таким образом, что с 1928/29 г. началось массовое кооперирование кустарей и ремесленников и вместе с тем развернутое наступление на напманскую буржуазию в мелкой промышленности, поскольку ее социалистическое преобразование на основе ленинского кооперативного плана в корне подрывало сами основы существования капиталистических элементов.

В начале 30-х годов на Урале в широких масштабах развернулось капитальное строительство, требовавшее огромного количества рабочих. В условиях, когда безработица в стране была ликвидирована, многие тысячи кустарей и ремесленников, как наиболее подготовленный и ценный резерв рабочей силы, ушли на новостройки и влились в промышленность. "Бурный рост промышленности на Урале, — отмечал первый секретарь Уралобкома ВКП(б) И.Д. Кабаков, — сопровождался огромным ростом состава рабочего класса, громаднейшей передвижкой массы из одного уклада в другой, из индивидуального хозяйства в социалистический сектор"⁶². Очевидно, что И.Д. Кабаков имел в виду не только крестьян, но

также кустарей и ремесленников. Прямых данных, насколько сократилось к концу первой пятилетки общее количество кустарей, нет, но об этом говорят косвенные данные. В мае 1931 г. Уралобком ВКП(б) отмечал, что в промысловую кооперацию вовлечено 49% кустарей области⁶³. По другим данным, на I октября 1930 г. насчитывалось около 80 тыс., а на I ноября 1931 г. — 91 тыс. членов промкооперации⁶⁴. Отсюда можно заключить, что в 1931 г. всего в Уральской области числилось примерно 175–180 тыс. кустарей. В первой половине 1932 г. промкооперацией было охвачено уже 102,6 тыс. кустарей и ремесленников⁶⁵, или около 68–70% их общего числа. Кроме того, значительная часть кустарей (в 1930 г. — свыше 9%⁶⁶) работала в промзаведениях других видов кооперации, в частности потребительской, лесной и др.

Следовательно, к концу первой пятилетки основная масса кустарей и ремесленников, не ушедших на новостройки и в промышленность, была вовлечена в кооперацию. Это наносило решающий удар по позициям капиталистических элементов в мелкой промышленности. В 1933 г. в целом социалистический сектор дал не менее 90% ее валовой продукции⁶⁷.

Однако развитие процесса массового кооперирования кустарей и ремесленников, подрывавшего базу возрождения и существования частнокапиталистических элементов в мелкой промышленности, сопровождалось вместе с тем возникновением новых форм борьбы с напманской буржуазией. Эта борьба резко обострилась внутри самой кооперации.

Хотя в целом промысловая кооперация являлась в то время, безусловно, социалистической формой хозяйства, однако полностью влияние и проникновение в нее капиталистических элементов не было преодолено, отдельные ее звенья находились еще в их руках. Более того, решительное наступление с переходом к реконструкции народного хозяйства на напманскую буржуазию вызвало со стороны последней, вытесняемой из крупной промышленности и торговли, усиленные попытки перенести сферу своей деятельности и капитал не только в кустарные промыслы, но и в промкооперацию.

Эта тенденция отчетливо прослеживается и на Урале. Борьба с капиталистическими элементами в промкооперации во второй половине 20-х — начале 30-х годов заметно обострилась.

Напманы и кулаки стремились закрепить свои позиции в кооперативах, разложить их изнутри, превратить их в орудие наживы и эксплуатации трудящихся. В этих целях они применяли целый арсенал средств, приемов и методов проникновения в кооперацию. Особенно привлекали участников так называемые "дикие" артели, не входившие в промысловые союзы и другие кооперативные объединения. Напманы и кулаки старались

приобрать их к рукам, зачастую под видом "диких" артелей создавались лжекооперативы. В этом заключалась одна из причин возрастания числа "диких" артелей на Урале во второй половине 20-х годов. Если на 1 октября 1926 г. их насчитывалось около 100, объединявших до 4 500 членов, то к декабрю 1928 г. — 148 (6 383 члена)⁶⁶. Лжекооперативы возникали иногда и в системе промкооперации⁶⁹.

Все это не могло не привести к значительному засорению кустарно-промысловых кооперативов напманами и кулаками. Исчерпывающих обобщающих данных об удельном весе капиталистических элементов в промкооперации Урала нет, но имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют составить хотя бы приблизительное представление об этом.

В ряде кооперативов удельный вес капиталистических элементов был значительным. Так, в обследованных в 1929 г. Всекооппромсоюзом на Урале 34 промартелях, насчитывавших 4 354 члена, было зарегистрировано 173 напмана и кулака (3,9%). По 64 артелям Тименского промсоюза капиталистические элементы занимали среди их членов 6,6%, а по 74 кооперативам Пермского — 6%⁷⁰.

В целом по стране удельный вес кулацко-напманских элементов в промкооперации составлял 2,3% (1928/29 г.)⁷¹. Подобное же явление наблюдалось и в других формах кооперации. Приведенные данные полностью подтверждают вывод XV съезда ВКП(б) о том, что в кооперации "наблюдается ряд нездоровых явлений, сигнализирующих искривление партийной политики. Состав кооперации, в общем и целом безусловно бедняцко-средняцкий, тем не менее нередко обнаруживает относительно слабую кооперированность бедноты и непропорционально высокую кооперированность зажиточной верхушки...". Съезд указал также на такой недостаток организационной работы, как "наличие массы так называемых "диких" кооперативов, все еще не вовлеченных в общую централизованную систему кооперации" и на "факт существования лжекооперативов, служащих маскировкой кулацких "товариществ", использующих все права и привилегии кооперации"⁷².

Тенденция некоторого роста и усиления позиций кулацко-напманских элементов в промкооперации могла стать, если ее не предотвратить, серьезным тормозом в деле социалистического преобразования кустарно-ремесленной промышленности. Между тем к этому времени созрели все необходимые предпосылки для усиления наступления на капиталистический сектор в народном хозяйстве страны. Учитывая это, XV съезд ВКП(б) взял курс на более решительное вытеснение частного капитала из всех отраслей экономики, в том числе из кустарной промышленности и промкооперации⁷³.

Директивы XV съезда партии были конкретизированы применительно к промысловой кооперации в ряде специальных постановлений ЦК ВКП(б) и Советского правительства. 3 сентября 1928 г. Центральный Комитет принимает постановление "О мерах по усилению кооперирования кустарей и о массовой работе кулспромкооперации". В нем, наряду с другими мерами, предлагалось всемерно вовлечь бедноту в кооперативы, улучшить их социальный состав, очищать от классово чуждых элементов⁷⁴. В постановлении СНК СССР (декабрь 1928 г.) определялись классовая сущность лжекооперативов и меры борьбы с ними⁷⁵. В резолюции Кооперативного совещания при ЦК ВКП(б) от 14 июля 1929 г., утвержденной Оргбюро ЦК 16 февраля 1930 г., обращалось внимание партийных и кооперативных организаций на наличие в аппарате промкооперации кулацко-непманских элементов и необходимость его чистки. В принятом в этот же день постановлении "О кустарно-промысловой кооперации" ЦК рекомендовал "полностью исключить в систему "дикие" артели, тщательно очищая их от кулацко-непманских элементов"⁷⁶.

Указания ЦК ВКП(б) и Советского правительства последовательно проводились в жизнь партийными организациями Урала, вплотную занявшимися проблемами улучшения социального состава промкооперации и ее выборных органов. 25 сентября 1928 г. бюро Уралобкома ВКП(б) рассмотрело вопрос о состоянии и перспективах промкооперации. Бюро отметило наличие в области значительного числа "диких" кооперативов, предложило партийным организациям, комфракциям и всем коммунистам усилить вовлечение в промысловые союзы бедноты и батрачества. В феврале 1929 г. Уралобком указывал местным партийным и кооперативным органам на необходимость обследовать "дикие" артели, выявить среди них лжекооперативы, провести решительную чистку кооперации от классово чуждых и разложившихся элементов⁷⁷. В декабре 1930 г. бюро Уралобкома в постановлении "О состоянии и перспективах развития промкооперации" вновь напомнило всем парткомам, фракциям и коммунистам, что они должны "организовать систематическую проверку социального состава низовых кооперативов, полностью обеспечить проведение в жизнь постановления правительства об исключении из рядов организованных кустарей лишенцев и кулаков"⁷⁸.

Проверка социального состава промкооперации на первых порах проходила очень медленно и недостаточно организовано. Это объяснялось тем, что коммунисты и кооперативные работники на местах не располагали точными критериями, определяющими социальное положение кустаря, а также недооценкой всей важности этой работы со стороны актива пер-

вичных кооперативов, окружных союзов и руководства Уралпромкредсоюза. Решение этого важного вопроса настолько затянулось, что фракция ВКП(б) Уралпромкредсоюза даже в январе 1929 г. вынуждена была констатировать, что "учет социального состава членов промкооперативов еще не проведен"⁷⁹. Подобное же положение на начальном этапе складывалось при обследовании "диких" артелей.

В связи с этим Уралобком ВКП(б) 17 марта 1928 г. направил окружкомам партии директивное письмо, в котором отмечалась неудовлетворительная организация проверки "диких" кооперативов и выявления лжекооперативов, указывалось на дальнейший рост их числа. Уралобком потребовал от окружкомов, райкомов, фракций и коммунистов-кооператоров придать обследованию кооперативов самое серьезное значение. Учитывая недостаток инструкторских сил в промсоюзах, обком рекомендовал окружкомам оказать кооперативным органам всю необходимую помощь и содействие "вплоть до непосредственного участия в этой работе инструкторов окружкомов". Одновременно органам печати предлагалось активно включиться в мероприятия "по выявлению "диких" и лжекооперативов, мобилизовать на это партийную, советскую и кооперативную общественность"⁸⁰.

В порядке проверки выполнения директив ЦК и Уралобкома ВКП(б), Советского правительства Президиум Уралоблисполкома 11 июля 1928 г. заслушал доклад Уралпромкредсоюза о проделанной работе. Орготдел УПКС составил детальный план обследования и инструкцию к нему, согласованные с ОблРКИ. Эти материалы направили на места, но недостаток инструкторских сил тормозил начатую работу. В постановлении указывалось на то, что обследование артелей, не входящих в промкооперацию, все еще не завершено, и предлагалось принять решительные меры к тому, чтобы закончить работу к 15 сентября. Вслед за тем Уралоблисполком направил окрисполкомам циркулярное распоряжение об оказании всесторонней помощи окружным кустпромсоюзам в организации обследования социальной природы "диких" кооперативов⁸¹.

Реализуя эти указания, парткомы и исполкомы на местах приняли необходимые меры. Президиум Тюменского окрисполкома 13 августа создал комиссию по обследованию артелей, не входящих в систему кустпромкооперации. В ее состав вошли представители от орготдела и пром-отдела окрисполкома, внуторга, финотдела, кустпромсоюза. Вслед за тем такие же комиссии были сформированы и в районах⁸².

Наиболее четко и методично проходила проверка в Свердловске. По указанию окружкома ВКП(б) в обследовании принимали участие не только коммунисты, советский и кооперативный, но также и профсоюзный актив.

Здесь было выявлено наибольшее среди городов области количество "диких" артелей - 35⁸³.

Начатое еще весной обследование закончилось в октябре-ноябре 1928 г. Его результаты были таковы. Всего по области обнаружено 148 "диких" артелей с 6 383 членами. Только 20 из них можно было включить в систему промкооперации, 39 состояли членами кредитных товариществ, у 15 социальная природа оставалась не выясненной. Половина же обследованных объединений представляла собой лжекооперативы. 37 из них распались или были распущены в ходе проверки, столько же подлежало ликвидации, так как в них верховодили кулацко-нэпманские элементы, эксплуатировавшие остальную массу членов артели - трудящихся кустарей и крестьян⁸⁴.

Эти и подобные им "кооперативы" по существу представляли собой замаскированные капиталистические предприятия, главной целью производства которых являлось извлечение предпринимательской прибыли. Приспосабливаясь к условиям, меняя тактику, используя кооперативную форму, они возрождали в сформированных или захваченных ими артелях буржуазные, частнособственнические отношения, эксплуатацию одних другими, дух наживы, стяжательства. В силу этих причин неизбежно обусловлена была ликвидация лжекооперативов.

С введением обязательной регистрации вновь образуемых артелей возможность для нэпманов и кулаков организовывать лжекооперативы сократилась до минимума, этот путь проникновения в промкооперацию социально чуждых элементов в значительной мере был закрыт. Однако нэпманы и кулаки находили другие обходные пути.

Выявление и роспуск лжекооперативов нанесли сильный удар по частному капиталу, но его корни окончательно еще не были вырваны. Впереди предстояла напряженная борьба за его полное вытеснение из промкооперации. Одним из эффективных методов решения этой задачи стала проверка социального состава и чистка от кулацко-нэпманских элементов артелей и товариществ, входящих в систему промкооперации.

Необходимость этой меры вызывалась тем, что проникшие в промкооперацию классовые враги стремились разложить ее изнутри, внести в нее дух предпринимательства, утвердить частнособственническую психологию среди членов-пайщиков и здесь создать лжекооперативы. В артели "Урал" Тименского промсоюза правление, состоявшее из зажиточных, так распределяло сырье между членами-пайщиками: бедняку - на 184 руб., середняку - на 510, а кулаку - на 1 510 руб. (т.е. в 8 раз больше, чем бедняку). В результате первые заработали по 56 руб., вторые - по 334, а кулаки - по 717 руб., или почти в 13 раз больше, чем бедня-

ки⁸⁵. Вместе с тем капиталистические элементы использовали льготы, предоставляемые государством кооперации, укрывались от налогообложения, орудя под именем членов-пайщиков.

Впервые в Уралобласти проверка социального состава промкооперации началась в ходе отчетно-перевыборной кампании 1928/29 г., когда явно капиталистические хозяйства были исключены из кооперативов⁸⁶. Однако, несмотря на прямые указания Уралобкома ВКП(б), повсеместно эта работа проведена не была.

Следующий решающий этап проверки и чистки промкооперации Урала относится к ноябрю 1929 – февралю 1930 г. Эту работу начала бригада сотрудников Всекооппромусоюза. Однако вскоре по указанию Уралобкома ВКП(б) к ней подключилась целая группа местных партийных, советских и кооперативных работников. В первую очередь были обследованы кооперативы Пермского, Сарапульского, Ирбитского, Тименского и Тобольского промсоюзов, затем все остальные. Наиболее организованно с привлечением партячек, советской и кооперативной общественности, групп бедноты прошла чистка артелей в Шадринском округе. По 13 союзам в процессе проверки из кооперативов было исключено 2 805 бывших предпринимателей, торговцев, кулаков, а также лишенных избирательных прав и разложившихся элементов. Это составляло 4,3% к числу членов-пайщиков⁸⁷.

Несмотря на отдельные недостатки и факты искривления партийной линии, проверка и чистка промкооперации зимой 1929/30 г. сыграла несомненную положительную роль в борьбе с капиталистическими элементами, в улучшении социального состава кооперации, ее организационном и политическом укреплении. Эти результаты закрепило новое обследование низовой сети Уралпромкредсоюза, в том числе и ее социального состава, проведенное в декабре 1930 – январе 1931 г. ОблРКИ по заданию Наркомата РКИ РСФСР и Уралобкома ВКП(б)⁸⁸.

Борьба с капиталистическими элементами в промкооперации, за вытеснение их из этой формы хозяйства шла не только путем ее чистки и ликвидации лжекооперативов. Один из основных и решающих методов подрыва их позиций и влияния, а затем и полного вытеснения заключался в улучшении социального состава кооперации, вовлечении в нее основной массы трудящихся кустарей и ремесленников и прежде всего беднейших слоев. Только с осени 1929 г. по весну 1930 г. бедняцко-батрацкая прослойка в составе членов-пайщиков возросла с 56,9 до 62,9%⁸⁹. В дальнейшем в связи с успехами сплошной коллективизации сельского хозяйства и массового кооперирования кустарных промыслов социальный состав промкооперации Урала продолжал улучшаться. Это видно из нижеприведенной таблицы (см. табл.16)⁹⁰.

Социальный состав промкооперации Урала в 1930-1931 гг., %

Социальная группа	На I апреля 1930 г.	На I апреля 1931 г.
Города и рабочие поселки:		
Бывшие рабочие	63,6	56,4
Кустари, не применявшие наемный труд	31,3	39,7
Кустари, применявшие наемный труд	0,7	0,4
Служащие	3,9	3,5
Прочие	0,5	-
Сельская местность:		
Колхозники	-	32,6
Бедняки	55,9	33,8
Батраки	6,3	5,0
Середняки	37,3	28,6
Кулаки	0,5	-

Как видим, в городской местности за год снизился на 7,4% удельный вес рабочих. Это объясняется уходом части рабочих в крупную промышленность, массовым кооперированием кустарей и ремесленников, не применявших наемного труда (беднота и середняки). Их доля в общей массе членов-пайщиков возросла на 8,4%. В то же время почти наполовину сократился и составлял всего 0,4% удельный вес зажиточной верхушки. В сельской местности процент бедняков и батраков вместе с колхозниками (последних в начале 1930 г. не было в составе промкооперации) за тот же период возрос с 62,2 до 71,4%, середняков снизился на 8,7%, а кулаки, которых весной 1930 г. насчитывалось еще 0,5%, были вытеснены из промкооперации полностью. В связи с этим бюро Уралобкома ВКП(б) в своем решении от I июня 1931 г. отметило значительное улучшение социального состава промысловой кооперации⁹¹.

Таким образом, наступление на напманскую буржуазию в крупной и мелкой промышленности, а также промкооперации Урала в 1926-1932 гг. завершилось полным ее вытеснением. При этом развернутое наступление на капиталистический сектор в крупной промышленности было осуществлено партийными, советскими и общественными организациями области в

1927-1929 гг. Что касается мелкой промышленности, то и здесь в эти же годы позиции частного капитала были основательно подорваны. Однако развернутое наступление на напманскую буржуазию в кустарно-ремесленном производстве и промкооперации началось с 1929 г. на основе развернувшегося в годы первой пятилетки массового кооперирования кустарей и ремесленников. Борьба в промкооперации Урала закончилась к концу первой пятилетки решительной победой социалистической тенденции ее развития и полной ликвидацией капиталистических элементов.

3. Осуществление партийными организациями политики вытеснения напманской буржуазии из торговли

Переход к индустриализации страны, социалистической реконструкции народного хозяйства сопровождался развертыванием наступления на позиции напманской буржуазии в торговле. Объективная необходимость более жесткого ограничения и вытеснения частного капитала из товарооборота была обусловлена как указанными выше общими, так и некоторыми специфическими причинами.

Осуществление политики социалистической индустриализации страны требовало всемерного укрепления планового начала в руководстве экономикой на основе расширявшего сферу своего действия закона планового пропорционального развития народного хозяйства, в том числе в организации товарооборота и преодолении рыночной стихии. Частный же торговый капитал отчаянно сопротивлялся проводимым партией и государством в этом направлении мерам и все более превращался в дезорганизатора хозяйственной жизни страны.

Рост государственной легкой промышленности, производившей товары широкого потребления в целях более полного удовлетворения потребностей трудящихся, требовал все в возрастающих размерах плановых заготовок и поставок сырья. А частные торговцы и скупщики совместно с предпринимателями дезорганизовывали сырьевой рынок, срывали плановые заготовки государственных и кооперативных организаций, как это мы видели на примере деятельности частных в кожевенной промышленности в 1927-1928 гг.

Одной из кардинальных задач, которые решала партия, претворяя в жизнь политику социалистической индустриализации страны, являлась проблема социалистического накопления. Коммунистическая партия осуществляла по всей стране строжайший режим экономии в расходовании средств. Между тем в результате использования частными торговцами обострившегося дефицита ряда промышленных и продовольственных товаров происходила утечка накоплений в карманы напманов¹.

Руководствуясь основным экономическим законом социализма, Коммунистическая партия решала задачу обеспечения "расширенного потребления рабочих и крестьянских масс"², повышения их благосостояния на основе роста и совершенствования социалистического производства. Важную роль в решении этой задачи играла политика снижения цен на промышленные товары и поддержания в целом стабильных цен на сельскохозяйственную продукцию. В то же время частный торговый капитал, все более становясь спекулятивным, взвинчивал на них цены, причиняя ущерб материальным интересам трудящихся. Так, например, в 1927/28 г. цены на сельскохозяйственные продукты в частной торговле повысились в среднем на 21,8%, а за 10 месяцев 1928/29 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года — еще на 49,6%. Следовательно, менее чем за два года цены частной торговли на сельскохозяйственные продукты повысились примерно на 80%³.

Наконец, с переходом к осуществлению политики социалистической индустриализации страны Коммунистическая партия продолжала огромное внимание уделять дальнейшему развитию торговой связи между городом и деревней, промышленностью и крестьянской экономикой. Частный же торговый капитал становился все большей помехой в решении этой важной задачи.

В этих условиях Коммунистическая партия и Советское правительство разработали комплекс мер, направленных на усиление ограничения частного торгового капитала и вытеснение его из товарооборота. Как выше уже говорилось, задача немедленной ликвидации нэпманской буржуазии не преследовалась. Развивалось планомерное наступление на позиции частного капитала в области товарооборота.

Борьба с частником в торговле носила упорный характер, ибо эта отрасль экономики являлась главной сферой деятельности нэпманской буржуазии. В начале реконструктивного периода торговцы составляли 72% всей нэпманской буржуазии, а их доход равнялся 3/4 дохода всего класса капиталистов⁴. Из более чем миллиардного капитала, принадлежащего всей нэпманской буржуазии, на долю торговцев приходилось 810 млн., или более 80%⁵.

Устремление частников в торговлю не было случайным явлением. В обстановке острого товарного голода использование капиталов в торговле сулило легкое обогащение за счет вздутая цен при сравнительно небольших вложениях средств. Кроме того, частник не был уверен в устойчивости своего положения в условиях советского строя и поэтому предпочитал держать свои капиталы в наиболее подвижном состоянии и

избегал долгосрочных капиталовложений. Торговля тем и привлекала напманов, что обеспечивала высокую маневренность капитала, возможность в короткий срок перевести его из одной сферы в другую, быстро извлечь прибыли.

В силу этих обстоятельств позиции частного капитала, наряду с буржуазным сектором в сельском хозяйстве в лице кулацкого производства, были наиболее сильны именно в торговле. Хотя к началу реконструктивного периода частный капитал в товарообороте страны был уже основательно потеснен, он еще занимал значительное место в этой отрасли хозяйства. В 1924/25 г. новой буржуазии принадлежало 77,9% всех торговых заведений, которые давали 25% общего и 43% розничного товарооборота страны⁶.

Капиталистические элементы хорошо знали механизм торговли, имели в вопросах ее организации богатейший опыт, накапливавшийся веками. Частник отличался исключительной изворотливостью, гибкостью, способностью использовать любые легальные и нелегальные возможности для своего обогащения, умело приспосабливаться к запросам и вкусам потребителя, стремился укрепиться на тех рынках, где влияние государственной и кооперативной торговли было недостаточно сильным.

Все это предопределило упорный характер борьбы за жесткое ограничение и вытеснение частного капитала из торговли в период построения фундамента социализма.

В этом плане партийные, советские и торгово-кооперативные организации Урала находились в более предпочтительном положении, поскольку позиции частного капитала в торговле области, как это показано в первой главе настоящей работы, были значительно слабее, чем в целом по стране. В 1924/25 г. на долю напманов приходилось 71,3% всех торговых заведений, 14,2% общего и 31,1% розничного товарооборота Урал-области⁷. Отсюда видно, что на Урале значительно сильнее была развита торговая сеть государственного и кооперативного сектора и более чем на 10% выше его удельный вес как в общем, так и розничном товарообороте. К этому следует добавить, что здесь в еще большей степени, чем в целом по стране, среди частных торговых заведений преобладали мелкие и значительно меньше было крупных торговых предприятий. Если по Союзу на одно частное розничное заведение в 1924/25 г. приходилось 11,5 тыс.руб. оборота, а в 1925/26 г. - 12,3 тыс.руб.⁸, то на Урале соответственно 4,3 и 5,6 тыс.руб.⁹

Следовательно, на Урале к началу реконструктивного периода предпосылки для развития наступления на частный торговый капитал были более благоприятными, чем в ряде других районов страны.

В пелях правильного проведения политики ограничения частного торгового капитала применительно к конкретным условиям Урала партийные и советские организации приняли меры к выполнению решения XV конференции ВКП(б) об установлении надлежащего учета за его деятельностью. По указанию Уралобкома ВКП(б) и Облисполкома советские финансовые органы и Уралстатуправление дважды — летом 1927 г. и в январе-феврале 1928 г. — провели всестороннее обследование частных торговых заведений¹⁰.

Итоги обследования показали, что в 1925/26 г. — первом году реконструктивного периода — частный торговый капитал на Урале вырос не только абсолютно, но и относительно, несколько увеличился его удельный вес как в торговой сети, так в общем и розничном товарообороте (соответственно на 2,8, 1,9 и 2,1%)¹¹.

Если исходить из формального сопоставления цифр, то можно прийти к неверному выводу о том, что торговая буржуазия на Урале временно перешла в контрнаступление. Однако в действительности дело обстояло иначе. Увлечение некоторых советских работников административными мерами в борьбе с частным капиталом в 1924-1925 гг. привело в ряде мест к неоправданно быстрому свертыванию деятельности частных заведений. В итоге за 1924/25 г. удельный вес частного торгового капитала сократился в общем обороте с 26,8 до 14,2%, а в розничном — с 54,6 до 31,1%, или более чем в полтора раза¹². При этом во многих районах государственные и кооперативные предприятия не в состоянии были заменить свертывавшие свою деятельность частные торговые заведения.

Учитывая это обстоятельство и руководствуясь решениями апрельского 1925 г. Пленума ЦК и XIV конференции партии об устранении административных препятствий для частной торговли и преодолении ее экономическими мерами¹³, партийные и советские организации Урала приняли меры к устранению административных рогадок и предоставлению частному капиталу, там где это было необходимо, больших возможностей для функционирования¹⁴.

Однако доля частной торговли на Урале по-прежнему оставалась значительно меньшей, чем в целом по стране (в розничном товарообороте, например, соответственно 32,2 и 40,7%)¹⁵. Уральские советские организации несколько забежали вперед в наступлении на частный капитал. Поэтому они временно должны были приостановить форсированное вытеснение частника с тем, чтобы подготовить условия и вновь начать наступление.

В первые годы реконструктивного периода партийные и советские

организации Урала большое внимание уделяли последовательному проведению кредитной политики партии и правительства. Государственный кредит являлся мощным орудием в борьбе за вытеснение частного капитала.

Партийные организации направляли деятельность советских финансовых учреждений на ограничение частника, добивались строгого соблюдения классовой линии в кредитовании торговли. В 1926 г. частные торговцы были лишены кредитов под залог дефицитных товаров, а Госбанк прекратил непосредственное кредитование нэпманской буржуазии, стал отпускать ссуды только через Общества взаимного кредита (ОВК)¹⁶, представлявшие собой объединения мелких торговцев, отчасти промышленников, и выполнявших функции частных банков. На Урале в 1926-1927 гг. действовало II ОВК¹⁷.

Кредитную политику в области торговли приходилось осуществлять в условиях острой борьбы с оппортунистами как "слева", так и справа. Коммунистическая партия и ее уральские организации решительно отвергли предложения троцкистов и зиновьевцев об изъятии всех госкредитов из обобщественного сектора торговли и направлении их в промышленность в целях "сверхиндустриализации"¹⁸. Практически это означало, что на Урале в 1926 г. у предприятий госторговли надо было изъять 41,4% всех средств, а кооперации - 70%. Процент изъятия из оборотных средств еще более возрастал¹⁹. Подобная операция в корне подорвала бы финансовую базу социалистического сектора торговли и привела к свертыванию его товарооборота, предоставив широкое поле деятельности для нэпманской буржуазии. По существу это означало передачу всего внутреннего рынка в руки частного капитала, разрыв экономической смычки между социалистической промышленностью и крестьянской экономикой. Естественно, что "сверхиндустриализаторы" получили единодушный отпор со стороны партии, рабочего класса и всех трудящихся, в том числе Урала.

С такой же решительностью Коммунистическая партия отвергла требования правых оппортунистов-бухаринцев о предоставлении полной свободы развития частной торговли и об отказе от регулирующей роли Советского государства на рынке²⁰. Партийные организации Урала вели непримиримую борьбу с проявлениями правого уклона в практической деятельности некоторых советских финансовых и торговых организаций, делавших значительные уступки частному торговому капиталу, нарушая при этом государственные интересы.

В 1928 г. серьезные извращения директив партии допустили руководящие работники Свердловского, Челябинского, Курганского и других

окружных и районных финансовых отделов. С их санкции торговцам были предоставлены значительные суммы кредитов на льготных условиях. Уралобком и окружные комитеты ВКП(б) приняли оперативные меры по оздоровлению обстановки и укреплению руководства в этих организациях²¹. В тесных связях с частником оказалось в 1929 г. правление "Уралторга", которое до 50% своего товарного кредита предоставляло нэпманам, снабжая их кожевенными и железоскобяными товарами, в то время как свои магазины работали с недогрузкой. Первый райком партии Свердловска потребовал от фракции "Уралторга" решительно пресечь связи с частником, усилить контроль за торговой деятельностью "Уралторга"²².

19 октября доклад о положении в "Уралторге" был рассмотрен на объединенном заседании бюро Уралобкома и президиума ОблКК ВКП(б). Участники заседания одобрили инициативу газеты "На смену!", которая своевременно обратила внимание общественности на искривление классовой линии в практике "Уралторга". ОблРКИ совместно с Облторгом и редакцией "На смену!" было предложено продолжать расследование, прокуратуре проверить все сделки "Уралторга" с частниками и привлечь виновных к ответственности. В принятом решении категорически запрещалась продажа дефицитных товаров частникам²³.

В результате последовательного проведения политики кредитного ограничения удельный вес ссуд частному капиталу в общей сумме банковского кредита на Урале из года в год снижался. Если в 1925 г. он составлял 0,9%, в 1926 г. - 0,6, то в 1928 - 1929 гг. - 0,3%²⁴. При этом в последние два года подавляющую часть кредита предоставил Коммунальный банк на частное жилищное строительство. Госбанк же в 1928 г. выдал частным лицам и фирмам ссуд всего 3 тыс. руб., а в 1929 г. - полностью прекратил их финансирование²⁵. Это крайне ослабило экономические позиции частного торгового капитала в борьбе с социалистическим сектором и ускорило процесс его вытеснения из товарооборота.

Одним из наиболее действенных орудий ограничения и вытеснения торговой буржуазии являлась налоговая политика Советского государства, носившая ярко выраженный классовый характер. Главные налоговые тяготы возлагались на капиталистические элементы посредством подоходно-прогрессивного обложения.

Для обеспечения твердой классовой линии в проведении налоговой политики партийные организации Урала активизировали работу по подбору, расстановке и воспитанию кадров советских финансовых органов, по укреплению их коммунистами и очищению от антисоветских и оппортунистических элементов. В течение 1926-1932 гг. по указанию Уралобкома и

1
окружком ВКП(б) органы КК-РКИ провели несколько проверок работников аппарата финотделов. С особой тщательностью проверялись те организации, которые допускали извращение директив партии (Свердловский, Курганский, Златоустовский, Челябинский и другие финансовые отделы²⁶), а также состав налоговых инспекторов; были переизбраны налоговые комиссии.

В областном, окружных и районных финансовых отделах были укреплены фракции ВКП(б) за счет опытных партийных работников, выдвиженцев-коммунистов из рабочих. Их аппарат пополнился специалистами из рабочих и крестьян, окончивших советские вузы, техникумы, совпартшколы, курсы.

С переходом к социалистической реконструкции народного хозяйства доля изъятия из доходов торговой буржуазии неуклонно возрастала. В сентябре 1926 г. были изданы новые законы, увеличивавшие прогрессивное обложение лиц, получавших нетрудовые доходы. В результате налоговые изъятия из доходов торговцев повысились на 40%²⁷. В конце 1927 и августе 1928 г. в положения с подоходным и промысловым налогами были вновь внесены изменения в сторону усиления обложения непманской буржуазии²⁸.

Партийные организации направляли деятельность Советов и их налогового аппарата на последовательное проведение классовой линии в налогообложении. Ноябрьский 1926 г. пленум Уралобкома потребовал от коммунистов и фракций ВКП(б) регулирующих органов строго проводить линию на сокращение накоплений частного сектора хозяйства, особенно в области торговли, и в этих целях активизировать работу по выявлению и полному обложению нетрудовых доходов²⁹. Усилили контроль за деятельностью налогового аппарата низовые партийные организации. 25 августа 1926 г. бюро Ревдинского партколлектива заслушало доклад фракции ВКП(б) сельского Совета и отметило, что налоговая комиссия не учитывает всех доходов частных торговцев и они недообложены. Бюро вошло во фракцию Первоуральского райисполкома с предложением пересмотреть сумму уравнительного сбора, наложенного на частных торговцев, и привлекать к учету их оборотов более опытных работников³⁰.

Финансовый и налоговый аппарат Советов стал более четко и тщательно выявлять доходы частного торгового капитала. За 1925/26 г. в Ирбитском округе оклад по промысловому налогу на частный капитал составил 106 тыс.руб., в 1926/27 г. - 208,3 тыс.руб., в 1927/28 г. - 265,3 тыс.руб., в два раза выросла сумма подоходного налога³¹. В Курганском округе в 1926/27 г. 818 торговцев уплатили 108,6 тыс.руб. уравнительного сбора, а в 1927/28 г. 577 владельцев торговых заведе-

ний - 168,7 тыс.руб., или в 2,2 раза больше на каждого напмана, чем в предыдущем году. На торговую буржуазию приходилась львиная доля подоходного налога. В 1926/27 г. на Урале частные торговцы выплатили 74,1% всей суммы подоходного налога³².

В 1926 г. был введен налог на сверхприбыль, которую получали преимущественно частные торговцы в результате спекулятивных операций. На Урале поступления от налога на сверхприбыль в 1925/26 г. дали 25 тыс.руб., в 1926/27 г. - 422 тыс.руб., в 1927/28 г. - 104,5 тыс.руб., в 1928/29 г. - 559,4 тыс.руб.³³ Из всей суммы налога на сверхприбыль около 9/10 падало на торговую буржуазию³⁴.

В результате усиления налогообложения резко пошла на убыль накопления в частной торговле. Если в 1925/26 г. абсолютная сумма накопления частного торгового капитала на Урале составила 4 724 тыс.руб., то в 1926/27 г. она сократилась до 2 278 тыс.руб., или более чем в два раза³⁵.

Таким образом, в период подготовки развернутого наступления социализма, когда деятельность частного торгового капитала начала принимать характер злостной спекуляции, налоговое обложение оказалось одним из эффективных средств обуздания и вытеснения новой буржуазия.

Одной из кардинальных экономических проблем, решение которой вело к укреплению обобщественной торговли и ослаблению и вытеснению частной, являлось снижение цен на промышленные товары. Центральный Комитет партии указывал, что в тот период в проблеме цен перекрещивались все основные экономические, а следовательно, и политические проблемы Советского государства³⁶. Политика цен в конечном счете определяла рамки ограничения частнокапиталистического накопления.

Между тем в 1925/26 г. повсеместно наблюдался значительный рост розничных цен на промышленные товары. Это произошло, во-первых, из-за возникшего острого товарного голода, создавшего возможность получения чрезмерно высоких прибылей для торгующих организаций, которые поддались психологии накопительства в связи с благоприятной конъюнктурой и оказывали сопротивление снижению цен. Во-вторых, из-за непомерных накладных расходов и нерациональной организации товаропроводящей сети обобщественной торговли.

В результате образовались так называемые "ножницы" - значительный разрыв, с одной стороны, между отпускными ценами промышленности и розничными, с другой - между ценами на промышленные товары и сельскохозяйственные продукты. Это могло повредить смычке между промышленностью и сельским хозяйством, союзу рабочего класса с крестьянством. Высокие розничные цены в обобщественной торговле не позволя-

ли ей успешно конкурировать с частниками. А эспманы, используя возникший в связи с общим ростом цен рыночный ажиотаж, взвинчивали цены, повышая доходность и конкурентоспособность своих предприятий.

Вопросы политики цен явились предметом пристального внимания XV конференции партии (октябрь-ноябрь 1926 г.) и февральского 1927 г. Пленума ЦК ВКП(б). Конференция признала необходимым "продолжать со всей энергией начатую партией кампанию за снижение розничных цен..."³⁷, а февральский Пленум ЦК поставил конкретную задачу: добиться снижения цен на все промышленные товары не менее чем на 10%³⁸. В марте 1927 г. ЦК ВКП(б) вынес постановление "О вовлечении широких масс в дело снижения розничных цен"³⁹.

В марте 1927 г. собрался пленум Уралобкома ВКП(б). Он обобщил положительный опыт и недостатки работы партийных, советских и торгово-кооперативных организаций по снижению цен и ориентировал их на закрепление и всемерное развитие достигнутых успехов⁴⁰. Выступая в конце февраля 1927 г. на пленуме Свердловского окружкома с докладом "Об итогах работы февральского Пленума ЦК ВКП(б)", первый секретарь Уралобкома Д.Б.Сулимов подчеркнул, что к решению задачи снижения цен надо привлечь и частный капитал⁴¹.

В течение всего 1927 г. к вопросу снижения цен было приковано внимание партийных организаций. Только за первые шесть месяцев Уралобком ВКП(б) рассматривал решение этой проблемы 8 раз⁴², бюро окружкомов и райкомов партии - от 4 до 8 раз. С этой же повесткой дня повсеместно прошли пленумы партийных комитетов, партактивы и собрания ячеек.

В апреле-мае 1927 г. были созваны областной съезд уполномоченных потребительской кооперации, пленумы Советов, Уралпрофсовета, обкома союза совторгслужащих, на которых были разработаны конкретные меры по выполнению решений партии и правительства. Целеустремленно и планомерно, с привлечением широкого актива вели работу по снижению цен Свердловский горсовет, его торгово-кооперативная секция, профсоюзные организации города. Их опыт был одобрен Уралобкомом ВКП(б), Уралпрофсоветом и ЦК союза совторгслужащих и рекомендован для использования всем советским и общественным организациям области. Большая рационализаторская работа была проведена в системе потребительской кооперации. Следствием ее явилось сокращение торговых расходов и наложений на товары в различных звеньях потребительской кооперации на 15-20%⁴³.

Постановлением облисполкома от 8 апреля 1927 г. отпускные цены на продукцию местной промышленности были снижены на 5-10%. Одновре-

менно устанавливались почти по всем группам промтоваров предельные наложения по каждому звену товаропроводящей сети, а также предельные торговые расходы и нормы прибыли⁴⁴.

На основе снижения себестоимости продукции стало возможным и снижение отпускных цен промышленности. Как отметила УШ Уральская областная конференция ВКП(б) (ноябрь 1927 г.), к 10-й годовщине Октября промышленные предприятия снизили отпускные цены в среднем на 6%, перевыполнив установленный правительством план (5%)⁴⁵. Это существенно облегчило дело снижения цен в розничной торговле.

Советы, органы КК-РКИ, общественные организации следили за тем, как снижаются цены в государственной и кооперативной торговле. С работников, нарушающих постановления правительства и областного Совета, строго взыскивали. В уголовном и административном порядке привлекались к ответственности частные торговцы за несоблюдение предельных надбавок на установленные цены. По представлению Уралоблторготдела с начала марта по 10 июня народные суды привлекли к ответственности за злостное нарушение цен 23 торговца⁴⁶. Именно летом 1927 г. было проведено широкое обследование частной торговли на Урале, охватившее более 800 заведений⁴⁷ и способствовавшее снижению цен в частном секторе.

Общим итогом проделанной работы явилось выполнение поставленных партией и правительством задач по осуществлению политики цен. К 1 ноября 1927 г.⁴⁸ было достигнуто общее снижение розничных цен по Уралу на 10,3%. Опыт уральских партийных, советских, профсоюзных, торгово-кооперативных и общественных организаций в проведении кампании снижения цен получил высокую оценку Наркомторга СССР и был использован в других районах страны⁴⁹.

Под воздействием усиленного контроля финорганов и общественных организаций и снижения цен в обобщественном секторе торговли напманы тоже были вынуждены снижать цены на промтовары. Так, если в октябре 1926 г. индекс цен на промышленные товары в частной торговле составлял 2,38, то в июле 1927 г. — 2,25, а с октября того же года по апрель 1928 г. — 2,23. Даже на базарах за этот же промежуток времени последовательно снижались цены на промышленные товары⁵⁰.

В борьбе за вытеснение из торговли напманов 1926/27 г. явился переломным. Начинается абсолютное сокращение удельного веса частного капитала в товарообороте, перешедшее в последующие годы в стремительное свертывание частной торговли на Урале. Если в 1925/26 г. на напманскую буржуазию приходилось 16,1% общего и 32,2% розничного товарооборота, то в 1926/27 г. — соответственно 13,6 и 27,9%. В абсо-

лутных числах общий товарооборот частных торговцев сократился со 171 400 тыс.руб. до 162 120 тыс.руб.⁵¹

Однако тенденция на снижение цен в частном секторе торговли продолжалась недолго. Не выдерживая конкуренции с государственно-кооперативными предприятиями в условиях снижения цен, воспользовавшись нарастанием хозяйственных трудностей и обострением классовой борьбы, торговая буржуазия уже с весны 1928 г. стала резко повышать цены как на промышленные товары, так и особенно на сельскохозяйственные продукты⁵², все более скатываясь на путь спекуляции.

Исходя из того непреложного факта, что частный капитал становится все более вредным элементом в народнохозяйственном организме, что завершается создание предпосылок для полного обобществления товарооборота⁵³, и руководствуясь решениями XV съезда об усилении вытеснения частнокапиталистических элементов, Коммунистическая партия и Советское государство перешли в решительное наступление на нэпманскую буржуазию в торговле.

Дезорганизаторская роль частного торгового капитала во всей неприглядности проявилась в период хлебозаготовительных трудностей 1927/28 г., когда нэпманы выступили единым фронтом с кулачеством, пытавшимся организовать "хлебную стачку" и сорвать заготовительные мероприятия государственных и кооперативных организаций.

Это единство действий не было случайным. Помимо общности классовых интересов у городской и сельской буржуазии в борьбе против диктатуры пролетариата, в данном случае их совместное наступление было обусловлено и конкретными факторами. Во-первых, в начале реконструктивного периода еще значительна была доля частного сектора в торговле хлебом и сельскохозяйственными продуктами. В 1925/26 г. оборот продажи сельхозпродуктов и съестных припасов составил около 40% всего товарооборота частного торгового капитала на Урале⁵⁴.

Во-вторых, вытесняемые из городской торговли нэпманы с конца восстановительного и в первые годы реконструктивного периода все более интенсивно стали перемещать свои операции, с одной стороны, в кустарную промышленность, как это мы уже видели, а с другой - в деревню. Уже XIV съезд ВКП(б) отметил эту тенденцию⁵⁵.

За 1925/26 г. на Урале товарооборот нэпманской буржуазии в целом вырос на 93,2%, а в сельской местности - на 174,6%. Удельный вес товарооборота частного торгового капитала в уральской деревне увеличился с 16,8 до 23,5%⁵⁶.

Наконец, выступая вместе с кулачеством на хлебозаготовительном и сырьевом фронте против государственных и кооперативных организаций,

нэпманы надеялись закрепить свои позиции на деревенском рынке, монополизировать в своих руках торговлю многими сельхозпродуктами, наладить сбыт изделий частной кустарной промышленности и создать таким образом важнейшую предпосылку "замкнутого круга частнокапиталистического хозяйства".

Развертывание наступления социализма на капиталистические элементы на основе решений XV съезда ВКП(б) вызвало со стороны последних ожесточенное сопротивление. В стране обострилась классовая борьба. Саботаж хлебозаготовок являлся одной из основных форм борьбы кулацких слоев деревни в союзе с нэпманами против социалистических преобразований.

Частные торговцы, воспользовавшись просчетами, ошибками и промахами плановых, финансовых, заготовительных и кооперативных организаций, в массовом порядке скупили хлеб у крестьян. Так, в январе 1928 г. в Троицком округе имел место большой наплыв частных скупщиков из Златоустовского округа, что привело к дезорганизации государственных заготовок. Подобное же явление наблюдалось в Тюменском округе, где орудовала масса частных скупщиков из Тобольского округа, и в других зерновых районах области. В проведении спекулятивных операций с хлебом нэпманы повсеместно опирались на деревенскую верхушку. Кулаки села Мокроусово Курганского округа производили массовые закупки зерна у крестьян и через торговцев сбывали его в Тюмени и Тобольске⁵⁷. В деревнях Урвановой Туринского района, Сопегиной Байкаловского района Ирбитского округа, саботируя хлебозаготовки, кулаки заявили: "Мы не дураки отдавать свое добро государству по 1 руб. 10 коп. за пуд, когда 8 пелковых получить можно"⁵⁸. И продавали хлеб городским торговцам и спекулянтам.

Не менее острая борьба, как уже говорилось, развернулась и на фронте заготовок сельскохозяйственного сырья.

Тенденция превращения частной торговли в обычную злостную спекуляцию, проявившаяся уже на предыдущем этапе, возобладала теперь окончательно. Деятельность частного капитала в торговле становилась все более несовместимой с интересами советского общества.

Коммунистическая партия и Советское государство приняли оперативные меры по ликвидации кулацко-нэпманского саботажа заготовок хлеба и сырья. В директивах, данных на места в декабре 1927 - феврале 1928 г., Центральный Комитет ВКП(б) определил конкретную программу действий для местных партийных, советских, кооперативных и общественных организаций⁵⁹, в том числе предложил пересмотреть налоговое обложение торговцев хлебом, нарушающих установленные заготови-

тельные пены, применить к злостным спекулянтам ст.107 Уголовного кодекса РСФСР. В данном случае ЦК ВКП(б) руководствовался указаниями В.И.Ленина о том, что органы советского правосудия обязаны "ограничить, обуздать, контролировать, ловить на месте преступления, карать внушительно всякий капитализм, выходящий за рамки государственного капитализма ... карать беспощадно ... и быстро за злоупотребления новой экономической политикой."⁶⁰.

Уральские партийные и советские организации со всей ответственностью подошли к выполнению указаний ЦК ВКП(б). В решениях от 7, 19, 23 и 30 декабря 1927 г., 2 января и 17, 18 февраля 1928 г. Уралобком потребовал от фракций Уралоблисполкома и ОблфО строго проводить в жизнь меры исчерпывающего налогового обложения частных скупщиков хлеба и сырья. Вслед за тем Уралобком предложил органам суда и прокуратуры "привлечь по ст.107 лиц, злостно спекулирующих крупными партиями хлеба"⁶¹, придать этим процессам широкое общественно-политическое звучание.

Областной финансовый отдел в письмах и инструкциях, разосланных на места в первой половине января 1928 г., предлагал окружным и районным финансовым отделам, всему налоговому аппарату и налоговым комиссиям установить строжайший контроль за торговцами хлебом, мясом, скупщиками зерна, кожсырья и других сельхозпродуктов, полный учет их прибылей и пересмотр обложения в соответствии с действительными доходами⁶².

Уже в декабре 1927 г. на местах приступили к выполнению решений руководящих партийных и советских органов. В Тюмени окружком ВКП(б), Окрисполком и ОкрфО созвали совещание представителей заготовительных организаций, инспекторов по обложению и заведующих районными финчастями, на котором были обсуждены методы борьбы с частными скупщиками. В районы были направлены специальные уполномоченные Окрисполкома, помощники фининспекторов и налоговые агенты ОкрфО. Советские и общественные организации взяли под постоянный контроль рынки, постоянные дворы и другие предполагаемые места скупки зерна, кожсырья и других сельхозпродуктов. За декабрь 1927 г. и две декады января 1928 г. было составлено 249 протоколов на беспатентных скупщиков с наложением 26 840 руб. штрафа⁶³.

В Ирбитском округе для борьбы со спекуляцией на хлебном и сырьевом рынке были мобилизованы все работники аппарата ОкрфО, налоговой инспекции, административных отделов, а также советский актив. С 4 по 11 января 1928 г. повсеместно была проведена проверка выполнения решений партии и правительства по этому вопросу. Только в Ирбите было

1
выявлено 29 предприятий, доходы которых значительно превышали первоначально определенную сумму. До середины февраля по округу подверглись штрафу за беспатентную торговлю, скупку хлеба и сырья 218 человек. В результате усиления налогообложения и мер по борьбе со спекуляцией с октября 1927 по февраль 1928 г. в округе закрылось 77 частных заведений⁶⁴.

Однако, уплачивая штрафы, многие частные торговцы и скупщики с лихвой компенсировали эти убытки за счет спекуляции хлебом, другими дефицитными сельхозпродуктами и промтоварами, цены на которые в частной торговле росли бешеными темпами. С октября 1927 по сентябрь 1929 г. индекс цен на сельхозпродукты увеличился в частном секторе торговли Урала с 1,96 до 4,70, или почти в 2,5 раза, а на базарах соответственно с 2,0 до 5,97, или в 3 раза⁶⁵.

Используя благоприятную для себя конъюнктуру на частном рынке, торговцы нередко скупали сельхозпродукты в государственных, кооперативных магазинах и перепродавали их затем, оставаясь в барыше.

В борьбе с этим злом партийные и советские организации Урала, руководствуясь директивами ЦК ВКП(б) и Советского правительства, принимали чрезвычайные меры. За неуплату налогов, спекуляцию и другие нарушения советских законов к частным торговцам и спекулянтам стали применяться репрессивные меры. На основании ст.107 УК РСФСР у лиц, виновных в спекуляции и создании чрезмерных запасов хлеба и товаров, производилась конфискация имущества, сами они привлекались к судебной ответственности. Этим процессам придавался широкий общественно-политический резонанс, они освещались в печати, радиопередачах, с сообщениями о них активисты выступали на собраниях трудящихся. Так, в Яткульском районе Челябинского округа был осужден крупный спекулянт Шелепов, державший в тайниках 2 тыс. пудов отборного зерна. В январе-феврале 1928 г. в Тименском округе было осуждено 10 торговцев, Тобольском - 35, Пермском - 18 с конфискацией части имущества и лишением свободы на различные сроки. В Сарапульском округе за 1928 г. прокуратурой было привлечено к судебной ответственности 411 частных торговцев⁶⁶.

Таким образом, союзнику кулачества по организации "хлебной стачки" - напману и спекулянту - был нанесен сокрушительный удар. Применение репрессивных мер к дезорганизаторам хлебного и сырьевого рынка сопровождалось массовым закрытием частных торговых предприятий.

Другой действенной мерой борьбы со спекуляцией, преодоления производственных трудностей и улучшения снабжения продуктами питания и промтоварами трудящихся городов, промышленных центров и новостроек

стало введение, как временной меры, нормированной продажи товаров широкого потребления. В рабочих кооперативах были введены заборные книжки (или карточки), которые выдавались только членам кооперации.

В некоторых районах на карточную систему стали переходить уже в 1928 г., но повсеместно она была введена в первые месяцы 1929 г. На Урале вопрос о нормированном снабжении рабочих и служащих хлебом был решен 1 марта 1929 г. В этот день бюро Уралобкома ВКП(б) рассмотрело и утвердило предложение Уралоблисполкома о нормах выдачи хлеба различным категориям трудящихся⁶⁷. Позднее были установлены нормы снабжения другими продуктами и товарами.

В основу карточной системы был положен классово-производственный принцип. Заборные книжки выдавались только лицам, источником существования которых были трудовые доходы. На Урале в 1928/29 г. на централизованном плановом снабжении находилось 1 644 ты.человек, а в 1929/30 — 3,5 млн. Фактически в 1930 г. на государственном нормированном снабжении состояло все рабочее городское и более 1 млн. сельского населения, за исключением нетрудовых элементов, непманов⁶⁸.

Продажа хлеба, других сельхозпродуктов и промтоваров нетрудовым слоям населения, не получавшим заборных книжек, производилась по повышенным ценам, что не могло не сокращать накоплений непманов. Но самое главное заключалось в том, что введение строго нормированной продажи хлеба, сельхозпродуктов и дефицитных промтоваров резко ограничивало возможности торговой буржуазии в проведении спекулятивных операций. Совершенно не олучаеи тот факт, что с переходом к карточной системе и нормированной продаже товаров ускорились темпы свертывания торговой сети частного сектора⁶⁹.

Резкое сужение сферы деятельности частного торгового капитала, особенно в сельской местности, было обусловлено также поступательным ростом плановых заготовок сельхозпродуктов. Максимальное увеличение государственных фондов сельскохозяйственной продукции достигалось путем усиления роли государственного и кооперативного заготовительного аппарата, ожесточенной борьбы с частными заготовителями и последовательного их вытеснения.

В целях улучшения работы государственных и кооперативных заготовительных организаций на основе решений апрельского 1928 г. Пленума ЦК ВКП(б) была проведена унификация их аппарата: вместо многих параллельно действующих государственных заготовительных организаций образовано мощное общесоюзное акционерное общество "Союзхлеб"⁷⁰ с отделениями на местах. По большинству остальных сельхозпродуктов число основных заготовителей свелось также к одному государственному и

двум кооперативным в лице потребительской и сельскохозяйственной кооперации. Так, 30 июня 1927 г. бюро Уралобкома ВКП(б) в целях оздоровления мясного рынка в области признало целесообразным создание акционерного общества "Уралмясо" и предложило Уралоблисполкому практически решить этот вопрос⁷¹.

Эти мероприятия были направлены на образование подлинного единого фронта заготовительных организаций в борьбе с частным скупщиком.

Существенную роль в ослаблении позиций капиталистического сектора на заготовительном рынке сыграло также изъятие у нэпманов предприятий по первичной переработке сельскохозяйственных продуктов, в особенности мельниц, маслобоек, кожзаводов, о чем выше уже говорилось.

Помимо совершенствования структуры заготовительного аппарата изменялись и методы его работы. В период борьбы за социалистическую реконструкцию народного хозяйства, особенно после XV съезда ВКП(б), основным методом централизованных заготовок сельскохозяйственных продуктов становится контрактация. Сначала она применялась при заготовке технических культур, затем распространилась на заготовку хлеба, скота и других продуктов.

Сущность метода контрактации обстоятельно раскрыта в исторической и экономической литературе. Поэтому здесь отметим, что главное преимущество с точки зрения рассматриваемой нами проблемы заключалось в том, что посредством контрактации устанавливались прямые связи между социалистической промышленностью, государством и крестьянским хозяйством, что резко сужало поле деятельности для частного посредника.

На Урале метод контрактации получает широкое развитие с 1928/29 г., когда договорами было охвачено 41,8% площади зерновых хлебов, 10,6% - технических культур, 30,4 тыс. голов крупного рогатого скота, 30 тыс. овец и т.д. В 1929/30 г. контрактационные договора охватывали уже 92% посева яровых и озимых культур⁷².

В результате сфера действия частного капитала все более сужалась, плановый охват заготовок сельхозпродуктов постоянно возрастал. Если в 1925/26 г. организованные закупки сельхозпродуктов в Уралобласти составляли 55,8%, то в 1928/29 г. - 78,3% и в 1929/30 г. - 83,9%. В том числе плановая заготовка хлеба поднялась с 65,4% в 1925/26 до 88% в 1929/30 г., продуктов животноводства соответственно с 25,6 до 78,1%. В материалах к отчету Уралобкома ВКП(б) десятой партконференции отмечалось, что "частник в текущем году (1930) был почти полностью устранен с рынка сырьевых заготовок"⁷³.

В целях борьбы со спекуляцией промтоварами Уралобком ВКП(б) дал указание сбытовым органам государственной промышленности о полном прекращении или сведении до минимума отпуска изделий частникам. Так, "Уралмет" в 1924/25 г. отпускал частникам 2,8% металлоизделий, в 1926/27 г. - 2,2%, а в 1927/28 г. прекратил совсем. Отделение Всероссийского текстильного синдиката в 1924/25 г. продавало частным торговцам 18,5% товаров, в 1926/27 г. - 3,7%, а с 1927/28 г. отпуск товаров был полностью прекращен. Отделение Всероссийского кожсиндиката сократило свои операции с изпманами с 21,8% в 1924/25 г. до 2% в 1927/28 г. (только в обмен на сырье), отделение "Резинотрест" соответственно - с 13,7 до 1,1%⁷⁴.

Развернутое наступление на частный торговый капитал путем усиления налогообложения, почти полного прекращения товароснабжения из фондов социалистического сектора, принятия административных мер, введения нормированного распределения товаров, развития социалистических форм торговли и прогрессивного возрастания их удельного веса в товарообороте и заготовках сельхозпродуктов предопределило форсированное вытеснение частного капитала из торговли как по всей стране, так и на Урале. Темпы свертывания частной торговли хорошо демонстрирует таблица 17⁷⁵.

Данные таблицы говорят о том, что общий и оптовый товарооборот социалистического сектора торговли на Урале вырос за четыре года почти в два раза, а розничный - на 77%. За то же время общий оборот частного сектора сократился в 2,3 раза, розничный - в 2,2 раза, а из оптового изпманы были полностью вытеснены. Удельный вес частного капитала в общем товарообороте сократился с 16,2 до 4,4%, а в розничном - с 29 до 9,4%. К лету 1930 г. его доля в общем товарообороте Уралобласти составляла около 3%, а к концу 1931 г. осталось всего 184 частных торговых заведения⁷⁶, которые не играли уже никакой роли в товарообороте.

Из данных таблицы вытекает вывод о том, что резкое свертывание операций частного капитала в товарообороте произошло в 1928-1929 гг. Можно обоснованно считать, что именно в этот период началось развернутое наступление на изпманскую буржуазию в торговле.

Вместе с тем сравнительные данные показывают, что на протяжении всего очерченного периода удельный вес частного капитала в товарообороте, особенно в оптовом, был на Урале значительно ниже, чем в целом по Союзу. Это еще раз подтверждает наш вывод о том, что предпосылки для развернутого наступления на новую буржуазию на Урале были подготовлены лучше, чем в ряде других районов страны.

Однако вытеснение частного капитала из организованного товарооборота не означало, что с ним полностью покончено и он совсем ушел с рынка. У нэпманов оставался еще последний резерв, последний клапан, с помощью которого они пытались найти выход и выжить, — это нелегальная торговля и спекуляция на черном рынке.

Противозаконная деятельность частного капитала имела место и раньше — в годы восстановления народного хозяйства и в начале реконструктивного периода. Но массовый переход нэпманов к нелегальным формам торговли определился в период развернутого наступления социализма на нэпманскую буржуазию в конце 20-х — начале 30-х годов.

Борьба с подпольными формами торговли носила длительный и очень упорный характер. Коммунистической партии и Советскому государству пришлось приложить значительные усилия, чтобы искоренить спекуляцию на черном рынке. Поэтому данная проблема заслуживает большего внимания со стороны исследователей.

Между тем в опубликованной исторической и экономической литературе она либо совсем не рассматривается, либо ей отведено слишком мало места. Так, в указанных работах Г.А.Дихтяра, Г.Л.Рубинштейна, в коллективных монографиях "Построение фундамента социалистической экономики в СССР", "Основные закономерности построения социалистической экономики", "История социалистической экономики СССР" (т.3), в которых освещению борьбы с частным капиталом в торговле отведено значительное место, вопрос о борьбе с нелегальными формами торговли даже не ставится⁷⁷. Авторы данных исследований ограничиваются выводом о том, что в 1931 г. "частный капитал был полностью вытеснен из сферы товарооборота"⁷⁸. Но такое категорическое утверждение может породить неверное представление о том, что с нэпманской буржуазией на этом было полностью покончено, тогда как в действительности борьба с нелегальной частной торговлей и спекуляцией продолжалась еще несколько лет, захватив и начало второй пятилетки. В самой общей форме, без анализа конкретно-исторического материала, эта проблема поставлена и кратко рассмотрена в работах Л.Ф.Морозова, И.Я.Трифонов и в УШ томе "Истории СССР с древнейших времен до наших дней"⁷⁹. Лишь в монографии В.А.Архипова и Л.Ф.Морозова этому вопросу уделено несколько большее внимание⁸⁰. Однако эта проблема требует более обстоятельного изучения.

К скрытым формам торговли новая буржуазия стала все больше прибегать с развертыванием наступления на нее. В массовом порядке к нелегальным формам торговли нэпманы стали переходить с 1928 г. в условиях поражения в состязании на рынке с социалистическим сектором

торговли, усиления налогового нажима, введения карточной системы и нормированной продажи сельскохозяйственных продуктов и промтоваров. В период преодоления трудностей на хлебозаготовительном и сырьевом рынке в 1927 – 1929 гг. было выявлено и большое количество беспатентных скупщиков, торговцев и злостных спекулянтов. В дальнейшем эта тенденция в развитии частного торгового капитала усилилась. Приведем данные на этот счет по Свердловску и Перми, извлеченные нами из докладной записки Уральского областного финансового отдела, направленной в апреле 1932 г. в Наркоматы финансов СССР и РСФСР (см. табл. I8)⁸¹.

Таблица I8

Количество выявленных нелегальных торговых предприятий
в Свердловске и Перми в 1928/29 – 1932 гг.

Город	1928/29	1929/30	1931		1932
			всего	IV кв.	I кв.
Свердловск	325	673	3295	1922	2401
Пермь	279	380	1289	243	293

Из таблицы видно, что за три года (1928/29–1931) количество нелегальных торговых предприятий увеличилось по Свердловску в 10 раз и достигло почти 3 300, по Перми – в 4,6 раза и составило почти 1 300. В первом квартале 1932 г. эта тенденция продолжала развиваться. Если учесть, что в 1924/25 – 1927/28 гг. в Свердловске выбирало патенты от 1,5 до 2 тыс. частных торговцев⁸², то станет ясно, что подпольная торговля в конце первой пятилетки приняла довольно широкие размеры.

Каковы же основные причины роста нелегальной торговли и спекуляции в 1930–1932 гг.? Главные из них, по нашему мнению, заключаются в следующем.

Прежде всего это объясняется ожесточенным сопротивлением отживающего свой век класса наступлению социализма, его упорнейшим нежеланием уходить с исторической арены, его агонией и вырождением. Не выдерживая экономического состязания с социалистическими заведениями в условиях снижения цен, сокращения денежных и товарных кредитов, усиленного налогового обложения и т.п., напманы усиленно искали возможность выжить, сохранить и приумножить свой капитал. Единственный выход избежать налогообложения и продавать товары по высоким спекулятивным ценам они видели в уходе из контролируемого государством товарооборота в нелегальную торговлю.

К этому следует добавить, что в нелегальную торговлю устремились

не только торговцы, но и другие группы разбитых эксплуататорских классов: средние и мелкие промышленники, бежавшие из деревень кулаки, а также "вычищенные" из советского аппарата старые буржуазные кооператоры, оказывавшие сопротивление социалистическим преобразованиям антисоветские элементы и т.п. Такая концентрация "бывших" в сфере подпольной торговли придавала ей определенный размах и потребовала серьезных усилий со стороны партии и государства по ее ликвидации.

Питательной почвой для спекуляции и подпольной торговли являлись некооперированные мелкие собственники, удельный вес которых оставался еще в 1930-1932 гг. довольно значительным. При этом в колхозы и промкооперативы не вошли крестьяне и кустари, наиболее приверженные к частной собственности, к мелкому индивидуальному хозяйству. С одной стороны, они были труженики, а с другой - торгаши и спекулянты⁸³. Неслучайно то, что из выявленных в Свердловске и Перми в IV квартале 1931 г. нелегальных торговых заведений 152 принадлежали крестьянам-единоличникам и некооперированным кустарям, а в I квартале 1932 г. - 159⁸⁴.

Развитию скрытых форм торговли способствовала засоренность аппарата некоторых финансовых, торговых и кооперативных организаций классово чуждыми и разложившимися элементами, правыми оппортунистами, которые выступали за свободу торговли для частного капитала, отказывались от решительной борьбы с ним. В результате происходило сращивание этих звеньев госаппарата с нелегально действующими напманами и спекулянтами.

Росту нелегальной торговли способствовали также леваческие извращения в практике работы торгово-кооперативного аппарата. В условиях, когда были достигнуты решающие успехи социалистического сектора народного хозяйства в борьбе с частным капиталом, было введено нормированное снабжение населения, многие руководящие работники торговли и кооперации, а также некоторые экономисты пришли к ошибочному выводу об отмирании торговли и необходимости ее замены прямым продуктообменом. Были предприняты попытки теоретически обосновать этот тезис. В докладе Центросоюза "Потребительская кооперация и ее работа за два года (1928/29 и 1929/30)" говорилось: "Значительный рост промышленности и достигнутая степень обобществления сельского хозяйства изменили экономическое содержание товарооборота в направлении все большего отмирания рыночных форм его и перехода к социалистическому продуктообмену и распределению"⁸⁵.

Некоторые экономисты рассматривали в связи с этим систему нормированного снабжения как проявление тенденции перехода к продуктооб-

мену, как идеальную систему. По их мнению, от системы заборных книжек должен был совершиться переход не к свободе выбора товара на основе товарно-денежных отношений, а к "свободе выбора продуктов" на основе системы продуктообмена⁸⁶.

Применение этих левацких "теорий" на практике вело к чрезмерному увлечению нормированием отпуска товаров, игнорированию потребительского спроса, чрезмерной централизации и регламентации снабжения, механическому распределению товаров. Местные регулирующие органы и торговые организации начали применять нормированный отпуск даже недефицитных товаров, в результате чего происходило замораживание товарооборота, ухудшение обслуживания населения.

При этом был утрачен интерес к организации правильной, бесперебойной торговли, ко все более полному удовлетворению потребностей населения. Процветали бюрократизм и безынициативность. В этом отношении особенно пострадала деревня. Лавочная сеть развивалась здесь значительно медленнее, чем в городе; крестьяне, имея деньги, не могли приобрести нужные товары. Нарушалась торговая связь социалистической промышленности с индивидуальным крестьянским хозяйством. Кооперация недостаточно овладевала внутридеревенским товарооборотом. Многие местные товары, особенно кустарного производства, проходили мимо сети потребительской кооперации. А так как другой системы советской торговли на селе не было, то эти товары проходили через нелегальную торговлю, носившую спекулятивный характер⁸⁷.

Колхозы после выполнения плана хлебозаготовок и распределения доходов не всегда имели возможность организованно сбыть оставшиеся излишки хлеба и других сельхозпродуктов и нередко продавали их частным спекулянтам и скупщикам. В некоторых колхозах под влиянием кулацких и правооппортунистических элементов возобладала тенденция ставить свои узкогрупповые интересы выше интересов государства. Их руководители отказывались сдавать излишки хлеба и других сельхозпродуктов государству и в то же время зачастую сбывали их спекулянтам и нелегальщикам.

Всеми этими недостатками в организации советской торговли воспользовался частник и спекулянт. Рост нелегальной торговли и черного рынка представлял серьезную опасность для социалистического строительства. Победенная в борьбе по принципу "кто-кого" и вытесненная из организованного и контролируемого Советским государством товарооборота напманская буржуазия при поддержке разбитого кулачества и всех антисоветских элементов делала последнюю отчаянную попытку приостановить развернутое социалистическое наступление. Хотя

эта попытка и была обречена на провал, но она могла нанести значительный ущерб народному хозяйству, ухудшить материальное положение трудящихся, прежде всего рабочего класса.

Коммунистическая партия и Советское государство взяли твердую линию на искоренение скрытых форм торговли и спекуляции. Особой остроты борьба с подпольной торговлей достигла в последние годы первой пятилетки. Она заняла место в одном ряду с борьбой против контрреволюции и вредительства. В постановлениях декабрьского 1930 г. объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) ("По докладу Центросоюза о работе потребкооперации"), октябрьского 1931 г. ("О развертывании советской торговли и улучшении снабжения рабочих") и сентябрьско-октябрьского 1932 г. ("О развитии советской торговли") Пленумов ЦК ВКП(б) были вскрыты серьезные недостатки в работе торгово-кооперативных организаций и поставлены задачи перехода к развернутой советской торговле, организации колхозной торговли, полного очищения аппарата госторговли и потребкооперации от враждебных эсеров-меньшевистских, оппортунистических и разложившихся элементов, усиления борьбы с хищениями товаров и их утечкой "в руки нэпманских и чуждых элементов"⁸⁸, "искоренения частников и перекупщиков-спекулянтов, питающихся наживаться на колхозной торговле"⁸⁹. В августе 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление "О борьбе со спекуляцией", которое предусматривало как минимальное наказание за нее лишение свободы на 5 лет и конфискацию имущества⁹⁰.

Баскомпромиссную борьбу с нелегальной торговлей и спекуляцией вели партийные, советские и торгово-кооперативные организации Урала. Еще в мае 1928 г. по предложению Уралобкома ВКП(б) было проведено областное совещание финансовых и налоговых работников совместно с представителями советских и общественных организаций. Совещание обобщило опыт борьбы зимой и весной 1927/28 г. с частным капиталом, действующим в скрытой форме. Совещание рекомендовало вести в будущем работу по выявлению нелегально действующего частного капитала систематически, а не особыми ударными кампаниями; в этих целях добиться четкого взаимодействия между финотделами, их налоговым аппаратом, внутроторгами, кооперативными организациями, органами суда, уголовного розыска, ОПТУ, профсоюзными, комсомольскими и другими общественными организациями; установить тщательное наблюдение за капиталами закрывшихся частных торговых заведений и дальнейшими путями их реализации. В первом квартале 1928/29 г. была проведена проверка того, как выполняется постановление совещания. В последующие годы эта работа приобрела планомерный, постоянный характер. В 1930-1932 гг.

регулярно проводились областные и районные совещания советского актива, органов сыска, милиции, юстиции, госторговли и кооперации по обобщению опыта и разработке дальнейших мер борьбы со спекуляцией⁹¹.

Практика выявления нелегалов показала, что основными каналами питания крупных частных лиц являлись хищения и злоупотребления на тех складах, базах, магазинах госторговли и кооперации, которые оказывались засоренными чуждыми и разложившимися элементами и где не был надлежащим образом поставлен учет и контроль. В результате у некоторых нелегальных торговцев обнаруживались целые тайные склады промтоваров, многие тонны муки, мыла, сахара, тысячи метров мануфактуры и т.д. Другим путем являлась скупка товаров с помощью сети агентов в очередях. Для борьбы с нелегально действующим в торговле частником повсеместно в помощь налоговому аппарату были созданы специальные инспекторские участки. В Свердловске в 1931-1932 гг. действовало два особых инспекторских участка. Вокруг них был создан широкий актив из представителей общественных организаций. В тесном контакте с ними действовали органы милиции и ее актив. С добровольными помощниками в борьбе со спекуляцией была налажена систематическая работа, созывались совещания по обмену опытом, для инструктажа. Лучшим активистам выдавались премии и вознаграждения за раскрытие подпольных торговых заведений. Вовлечение в борьбу с черным рынком не только государственных, но и общественных организаций, широкого актива трудящихся дало ожидаемый эффект, были выявлены, как мы видели, сотни и тысячи крупных и мелких спекулянтов. Только по Свердловску и Перми в 1931 г. было раскрыто около 4 600 нелегальных торговых заведений, а в первом квартале 1933 г. - до 2 700⁹².

Серьезный удар подпольному рынку был нанесен также в результате чистки в 1929-1932 гг. аппарата торгово-кооперативных организаций от классово-чуждых, контрреволюционных и оппортунистических элементов, растратчиков и расхитителей. Первый этап ее развернулся на основе решений XVI партконференции и октябрьского 1929 г. пленума Уралобкома ВКП(б), специально рассматривавшего вопрос "О чистке советского аппарата"⁹³. Всего за 1929-1930 гг. чистку прошло около 20 тыс. работников госторговли и кооперации, из них освобождено от занимаемой должности около 4,5 тыс. человек. Только в Свердловском округе в 1930 г. уволенными оказались 500 сотрудников потребкооперации⁹⁴. В 1931-1932 гг. проверка кооперативно-торговых организаций была продолжена. Отстраненными от занимаемых должностей оказались люди, замешанные в злоупотреблениях, связях с частником, прямых преступлений, среди них бывшие торговцы, буржуазные кооператоры, чиновники

парского аппарата, офицеры, жандармы, полипейские, а также взяточники, расхитители, растратчики.

Важную роль в борьбе с подпольным рынком сыграли меры по выполнению решений ЦК ВКП(б) об исправлении серьезных ошибок и недостатков в деятельности торговых и кооперативных организаций, о переходе к развернутой советской торговле. Особое значение имела организация новой формы социалистической торговли — колхозной. Она дала выход на организованный рынок излишкам продукции колхозов, колхозников и крестьян-единоличников без частных посредников и тем самым лишила перекупщиков возможностей совершать спекулятивные операции с сельхозпродуктами.

Однако генеральным направлением борьбы с частным капиталом вообще, в том числе на организованном и черном рынке, являлось осуществление ленинского кооперативного плана во всех его составных частях: все больший охват трудящихся потребительской кооперацией, проведение коллективизации сельского хозяйства, кооперирование кустарно-ремесленной промышленности. Только социалистическое преобразование мелкотоварного производства ликвидировало почву, которая порождала и питала частный, в том числе торговый, капитал, спекуляцию на черном рынке.

На протяжении всего исследуемого периода кооперация являлась основным товаропроводящим звеном обобщественного сектора в розничном товарообороте, где главным образом и развернулась борьба с частным торговым капиталом. Коммунисты Урала в период построения фундамента социализма проделали большую работу по вовлечению трудящихся в потребительскую кооперацию. Если на 1 октября 1925 г. потребительская кооперация Уралобласти объединяла 583 тыс. членов-пайщиков, или 15,2% самодеятельного населения, то в 1932 г. соответственно 3 346 тыс. и 69,5%⁹⁵.

Все это решающим образом подорвало экономическую базу существования и функционирования частного торгового капитала.

Однако оставшееся к концу пятилетки значительное число невовлеченных в социалистические формы хозяйства мелких товаропроизводителей и ряд других указанных выше факторов сохраняли еще некоторые лазейки и возможности для агонизирующей напманской буржуазии, которая устремилась в нелегальную торговлю и спекуляцию. Борьба с этими отчаянно сопротивлявшимися остатками капиталистических элементов имела место не только в первой пятилетке, но и в начале второй. Неслучайно январский 1933 г. Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) снова подчеркнул необходимость ведения систематической борьбы за искоренение спеку-

ляпии в торговле⁹⁶. В силу этого как одну из основных политических задач второго пятилетнего плана ХУП конференция выдвинула задачу окончательной ликвидации капиталистических элементов и причин, порождающих эксплуатацию⁹⁷.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что хотя развернутое наступление на нэпманскую буржуазию в торговле началось в 1928-1929 гг., острая борьба с капиталистическими элементами в области товарооборота продолжалась все последующие годы первой пятилетки и окончательно завершилась только во вторую пятилетку.

Таким образом, создание предпосылок и развертывание решающего наступления на различные отряды нэпманской буржуазии, а также концессионный капитал, в промышленности и торговле осуществлялось разновременно, неодинаковыми темпами. Раньше всего условия для окончательного вытеснения капиталистических элементов созрели в ведущей отрасли народного хозяйства — крупной промышленности. Но и здесь развернутое наступление началось в 1927 г. прежде всего на нэпманскую буржуазию и лишь несколько лет спустя — на концессионный капитал. Более упорный и длительный характер борьба за ликвидацию капиталистических элементов носила в мелкой кустарно-ремесленной промышленности и торговле. Развернутое наступление на нэпманскую буржуазию здесь началось в 1928-1929 гг. и завершилось к концу первой пятилетки. На Урале процесс вытеснения капиталистических элементов из промышленности и торговли шел более высокими темпами, чем в целом по стране.

Г л а в а I V

ОРГАНИЗАЦИЯ НАСТУПЛЕНИЯ НА КУЛАЧЕСТВО И ЕГО ЛИКВИДАЦИЯ КАК КЛАССА

I. Руководство партийных организаций наступлением на экономические позиции капиталистической верхушки деревни

Для осуществления развернутого наступления на кулачество Коммунистическая партия считала необходимым подготовить всю совокупность предпосылок, прежде всего в области экономической. Суть их состояла, во-первых, в том, чтобы шаг за шагом все более ограничивать эксплуататорские тенденции кулачества, ослабить его экономические позиции, что имело и большое политическое значение. Во-вторых, помочь беднякам и середнякам укрепить свое хозяйство, ослабляя их экономическую зависимость от кулаков. В-третьих, осуществляя строительство совхозов и вовлекая крестьянские массы в кооперативно-колхозное движение, развивать крупное социалистическое хозяйство с тем, чтобы подготовить замену кулацкого производства сельскохозяйственной продукции производством обобщественного социалистического сектора.

В данном разделе мы рассмотрим преимущественно два первых направления деятельности Коммунистической партии и ее уральских организаций по проведению экономического наступления на сельскую буржуазию.

Одним из основных средств ограничения эксплуататорских тенденций кулачества, ослабления его экономических позиций и вместе с тем оказания помощи бедняцким хозяйствам являлось проведение классовой налоговой политики Коммунистической партии.

XIV конференция партии (апрель 1925 г.) утвердила резолюцию "О едином сельскохозяйственном налоге". Конференция одобрила постановление СНК СССР и сессии ЦИК Союза по этому вопросу. В резолюции подчеркивалось, что размер налога необходимо поставить "в полное соответствие с мощностью хозяйств"¹, чтобы прогрессия обложения вполне обеспечивала интересы бедноты и середняков и давала бы "возможность защиты интересов тех слоев в деревне, кои являются опорой Советской власти"².

В мае 1925 г. Президиум ЦИК СССР, руководствуясь решениями XIV партконференции, утвердил новое "Положение о едином сельскохо-

зяйственном налоге на 1925/26 год". По этому Положению на 100 млн. руб. снижались платежи крестьян. Предусматривались большие льготы бедноте и на 30% увеличивалось обложение зажиточных элементов³.

Партийные и советские организации Урала провели большую разъяснительную работу среди крестьянства о новом законе по сельхозналогу, осуществляли контроль за тем, чтобы при налогообложении строго были соблюдены интересы бедняков и середняков. Списки хозяйств, освобожденных от налога и получающих льготы, обсуждались на бедняцких собраниях с привлечением широкого середняцкого актива, после чего утверждались на пленумах Советов. В результате 18 тыс. бедняцких хозяйств, или 14,7% всех хозяйств области были освобождены от сельхозналога. В целях ограничения роста капиталистических элементов деревни значительно увеличилось налогообложение кулацко-зжиточных групп крестьянства. В 1925/26 г. на Урале они выплачивали вместо 17,7 около 30% всей суммы налога⁴.

Окружные и районные комитеты партии исправляли ошибки и неправильные действия местных финансовых органов при проведении налогообложения. Так, в Златоустовском округе в некоторых районах завышались обязательства для середняков и занижались для кулацких хозяйств. Бюро окружкома обязало фракцию окрисполкома принять меры по ликвидации допущенных искривлений в налоговой политике. Подобные же ошибки были вскрыты Курганским, Шадринским, Ирбитским и другими окружками ВКП(б)⁵.

Практика проведения единого сельхозналога в 1925/26 г. показала, что он имел ряд недостатков: не всегда правильно распределялась тяжесть налога, у кулацко-зжиточных хозяйств учитывались не все объекты обложения.

В связи с этим апрельский 1926 г. Пленум ЦК ВКП(б) дал указания по разработке новой системы сельхозналога⁶. Реализуя решения Пленума ЦК, ЦИК СССР в апреле 1926 г. утвердил новый закон о сельхозналоге, по которому возрастало число освобождаемых от налога бедняцких хозяйств, снижались платежи для 60% середняцких хозяйств и значительно вырос налог с кулацких хозяйств — с 12 до 20-23% дохода⁷.

Усиление экономического нажима на кулацко-зжиточную верхушку вызвало с ее стороны сопротивление, проявлявшееся в различных формах. Она вела агитацию среди крестьянства против новой системы обложения, приравнивала ее к продразвертке, заявляла, что новый сельхозналог изведет кустарные промыслы, побочные отрасли сельско-

го хозяйства — огородничество, пчеловодство и сократит отход на заработки. Деревенские богатеи старались скрыть объекты обложения, переписывали часть посевов и скота на родственников и т.д.⁸

Партийные и советские организации Урала противопоставили попыткам кулачества восстановить крестьянство против новой системы обложения массово-политическую и организаторскую работу по проведению в жизнь нового закона о сельхозналоге. Райкомы и сельячейки созывали собрания бедноты с привлечением актива середняков, общие собрания крестьян, пленумы сельских Советов, на которых разъяснялось содержание закона и намечались меры по его проведению. Так, под руководством партячейки села Кочнево Баженовского района собрание бедноты внесло свои рекомендации по вопросу о том, какие хозяйства должны быть освобождены от сельхозналога, наметило меры по более полному выявлению объектов обложения кулацких хозяйств.⁹

Всего в 1926/27 г. было освобождено от налога 23,8 тыс. бедняков, или 1/5 всех хозяйств области.¹⁰

Новый этап экономического наступления на кулачество, в том числе и усиления его налогового обложения, начался после XV съезда ВКП(б), определившего курс на коллективизацию сельского хозяйства, на создание для его осуществления всех необходимых предпосылок.

"Вся политика пролетарского государства — финансовая, налоговая, кредитная, экономическая политика вообще направлена к тому, — говорилось в резолюции съезда, — чтобы поддерживать всеми доступными мерами бедняцкие и середняцкие слои деревни и — в зависимости от условий — по-разному ограничивать эксплуататорские стремления сельскохозяйственной буржуазии"¹¹. Съезд дал директиву "развивать дальше наступление на кулачество и принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму"¹².

После XV съезда партии, предложившего перейти к наиболее полному прогрессивному обложению растущих доходов наиболее зажиточных слоев деревни¹³, налоговая система была усовершенствована. 21 апреля 1928 г. сессия ЦИК СССР приняла новое положение о сельскохозяйственном налоге. Закон еще более облегчил налоговые тяготы бедноты и маломощных середняков и увеличил обложение зажиточной верхушки деревни. Согласно закону, наиболее мощные кулацкие хозяйства облагались в индивидуальном порядке с высоким процентом изъятия доходов.¹⁴

Бюро Уралобкома ВКП(б), обсудив вопрос о реформе сельхознало-

га, предложило фракции Облисполкома разработать порядок проведения нового закона применительно к условиям и особенностям Урала, "установить необлагаемый минимум и фонд льгот, которые бы обеспечили освобождение от налога бедняков в размере 32% от числа всех хозяйств"¹⁵. В июне бюро Уралобкома рассмотрело представленный Облисполкомом проект предложений о проведении сельхозналога и утвердило его. Был установлен необлагаемый минимум доходности для освобождения от налога бедняцких хозяйств дифференцированно по всем округам области. Для кулацко-зажиточных хозяйств, имеющих доходность свыше 500 руб., применялась специальная надбавка от 5 до 25%¹⁶.

Партийные организации развернули широкую массово-разъяснительную работу по вопросу налоговой политики Советского государства. Налоговая кампания проходила при высокой политической активности трудящегося крестьянства. Для проведения учета доходности крестьянских хозяйств создавались сельские учетно-налоговые комиссии, в которые входили наиболее активные бедняки и середняки. С самого начала налоговой кампании пришлось преодолевать яростное сопротивление кулачества. Кулаки стремились скрыть объекты обложения, снизить учетную доходность хозяйства. Нередко они сокращали свои посевы, поголовье скота, количество машин. Так, в 1928 г. 120 кулацко-зажиточных хозяйств Макушинского района Курганского округа сократили посевную площадь на 587,7 дес. по сравнению с 1927 г., рабочего скота — с 380 голов до 265, крупного рогатого скота — с 473 до 385. В Шадринском округе было зарегистрировано до 50 фактов свертывания хозяйств кулаками и зажиточными. За 1928 г. кулацкая часть деревни сократила посев на 44% по сравнению с 1927 г.¹⁷ Сокращая посевы, кулачество пыталось не только уйти от высокого налога, но и оставить Советское государство без хлеба.

Однако сопротивление кулачества было парализовано активной поддержкой налоговой политики трудящимися массами крестьянства. Были выявлены злостные укрыватели посевов, скота и инвентаря. В Курганском районе, например, учетные комиссии при содействии крестьян-бедняков выявили в 19 хозяйствах 12,7 дес. скрытого посева, в Лебяжьевском — скрытых от учета 15 дес. посева, 3 уборочных машины, 4 ветряных мельницы, 4 молотилки¹⁸. Укрыватели объектов обложения подвергались штрафу, а особенно злостные — судебному преследованию.

Поскольку проведение нового налога оказалось делом довольно

сложным, то местными работниками было допущено немало ошибок, Уже в сентябре в руководящие партийные органы стали поступать тревожные сигналы. При проверке 1% хозяйств по 10 округам Урала выяснилось, что маломощные середняцкие хозяйства с доходом от 300 до 450 руб. получили повышение обязательств на 29% по сравнению с прошлым годом. Налогообложение середняцких хозяйств с доходом в 450 руб. и выше поднялось на 88%¹⁹. Вместе с тем многие кулацкие хозяйства были недообложены.

Допущенное переобложение значительной части среднего крестьянства вызвало его серьезное недовольство. Этим не замедлили воспользоваться кулаки, развернувшие бешеную агитацию против налоговой политики партии и Советского государства, стремясь восстановить против нее основную массу среднего крестьянства. Партийные организации приняли решительные меры по исправлению допущенных ошибок.

Результаты проверки были обсуждены 15 сентября на заседании Уралобкома ВКП(б). В постановлении бюро констатировало, что в ряде районов советские и финансовые работники при начислении налога завысили ставки для части крестьянства, привлекли к индивидуальному обложению определенную группу середняков, а некоторых кулаков освободили от него. Бюро потребовало от окружных, районных комитетов партии и всех сельских коммунистов незамедлительно ликвидировать перегибы в работе по налогообложению. В целях предупреждения повторения ошибок бюро утвердило предложенные Облисполкомом ориентировочные суммы налога и примерные размеры дохода для применения индивидуального обложения по каждому округу²⁰.

По указанию Уралобкома ВКП(б) в округа для оказания непосредственной помощи и всестороннего инструктирования низовых организаций были направлены 15 работников из областного партийного и советского актива, в том числе члены президиума Облисполкома²¹. Округомы в свою очередь также послали на места большое число работников. Из Перми в районы выехало 30 человек, из Кургана — 15. Вскоре обком партии направил вторую группу членов областного актива и специалистов. С помощью командированных областных и окружных работников и партийных организаций районные и сельские налоговые комиссии пересмотрели налоговые суммы у 400 тыс. крестьянских хозяйств Урала²². Особенно внимательно пересматривали налогообложение середняков. По Пермскому округу в 8 861 середняцком хозяйстве налог был уменьшен на 13 668 руб., полностью было освобождено от

уплаты сельхозналога 47 219, или 39,1% бедняцких хозяйств, частичные льготы получили 12,8% хозяйств округа. По Курганскому округу, не включая полностью освобожденную бедноту, налоговые суммы были снижены на 544 тыс.руб.²³

Быстрая ликвидация извращений в налоговой политике оздоровила обстановку в деревне, устранила недовольство той части среднего крестьянства, в отношении которой были допущены перегибы. Это выбило почву из-под кулацкой антисоветской агитации, обусловило дальнейшую изоляцию кулака от среднего крестьянства.

Ошибки при проведении нового закона о сельхозналоге имели место во многих районах страны. Следует поэтому подчеркнуть, что коммунисты Урала одними из первых их обнаружили и начали исправлять. Опыт их работы оказал хорошую помощь всей партии.²⁴

Общие итоги проведения сельхозналога были таковы: число освобожденных от сельскохозяйственного налога крестьянских хозяйств увеличилось с 25,6% в 1927/28 г. до 32,9% в 1928/29 г. 19 тыс. кулацких дворов (1,6% всех хозяйств области) были обложены в индивидуальном порядке и уплатили 15,7% всей суммы сельскохозяйственного налога, а на долю всей кулацко-зажиточной верхушки (12,2% хозяйств) пришлось около 2/3 всего налога.²⁵

Октябрьско-ноябрьский 1928 г. пленум Уралобкома ВКП(б) обобщил опыт работы по проведению нового законоположения о сельхозналоге. Пленум отметил, что налоговая кампания текущего года, несмотря на трудности и ошибки, в целом прошла в полном соответствии с директивами партии и "способствовала дальнейшему укреплению союза рабочих и бедноты с середняцкой массой деревни", усилению наступления на капиталистическую верхушку в сельском хозяйстве.²⁶

В феврале 1929 г. ЦИК и СНК СССР в постановлении "О едином сельскохозяйственном налоге и облегчении обложения середняцкого хозяйства" предоставили дополнительные льготы для середняцкой части крестьянства, усилив тяжесть налогового обложения кулачества.²⁷ XVI конференция ВКП(б) в апреле 1929 г. в резолюции "О путях подъема сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка" одобрила основные принципы налоговой политики Советского государства.²⁸

Бюро Уралобкома ВКП(б) 26 мая рассмотрело вопрос "О сельхозналоге на 1929/30 г." и признало необходимым привлечь к обложению

в индивидуальном порядке до 3% хозяйств, установить предельный процент индивидуального обложения конкретно по каждому округу и району, предупредить возможность искривления линии партии в отношении среднего крестьянства²⁹.

Приобретенный опыт и своевременная и тщательная подготовка помогли коммунистам Урала еще более успешно провести в 1929/30 г. кампанию по налогообложению деревни. Достаточно сказать, что если на I декабря 1928 г. крестьяне уплатили половину всей суммы налога, то на тот же период 1929 г. — 93%. В соответствии с решениями партии и Советского правительства усилился налоговый нажим на кулачество. В 1929/30 г. 2,3% кулацких хозяйств области уплатили 4 992 тыс.руб. налога, или около 26% всей его суммы, а в следующем году 1% кулацких хозяйств внес 12% всей суммы налога³⁰.

Классовая налоговая политика партии и Советского государства основательно ослабляла экономическую мощь кулачества. Наоборот, позиции бедноты и середняков укреплялись, их хозяйственная зависимость от сельской буржуазии сходилa на нет. Говоря о классовом принципе налогового обложения, Председатель Президиума ЦИК СССР М.И.Калинин указывал, что "сельскохозяйственный налог является в наших руках одним из важнейших инструментов для изменения социально-экономической структуры крестьянства: мы облагаем верхушку по принципу подоходной прогрессивности, не давая ей вырастать... Вместе с тем, так сказать, с другого конца, мы увеличиваем относительный вес и значение бедноты и середняков. Ослабля верхушечную часть деревни, мы поддерживаем и поднимаем крестьянские низы"³¹.

Другим путем, по которому осуществлялось экономическое наступление на кулачество, являлось проведение классовой кредитной политики партии и государства. Соблюдение классовой линии в распределении государственных и кооперативных кредитов играло существенную роль в борьбе за ослабление экономических позиций кулачества.

С переходом к социалистической реконструкции народного хозяйства главным звеном в решении экономических задач являлось осуществление социалистической индустриализации страны. На решение этой центральной хозяйственной проблемы Коммунистическая партия и Советское государство направляли основные средства и ресурсы страны. Вместе с тем партия, претворяя в жизнь научно обоснованную экономическую политику, отчетливо сознавала, что подъем социалистической промышленности прямо и непосредственно зависел от соблюдения правильных взаимоотношений между развивающейся индустрией и

крестьянской экономикой, от упрочения смычки между городом и деревней. Апрельский 1926 г. Пленум ЦК ВКП(б) подчеркнул в своем решении, что подъем промышленности может быть достигнут только в том случае, если будет обеспечено и дальнейшее развитие сельского хозяйства³².

Исходя из этой принципиальной установки, Коммунистическая партия и Советское государство, наряду с решением проблемы социалистического накопления для осуществления индустриализации страны, с каждым годом увеличивали выделение средств на развитие сельского хозяйства. Одним из направлений этой политики являлось кредитование единоличного крестьянского хозяйства, которое оставалось господствующим в данной отрасли до начала сплошной коллективизации. В проведении кредитной политики соблюдался строго классовый подход: ссуды должны были предоставляться преимущественно бедняцким и середняцким хозяйствам для подъема их производства и ограничения эксплуататорских устремлений кулачества, для освобождения бедноты и середняков от кулацкого ростовщичества.

За 1926 и 1927 гг. крестьянам Урала было предоставлено кредита на 26,7 млн. руб. Значительно возросли долгосрочные ссуды, составлявшие в 1925 г. 21% от всей суммы, а в 1927 г. — 33%³³.

Распределение кредита осуществлялось под контролем партийных организаций, добивавшихся, чтобы основную массу средств получали бедняки и середняки. При этом им приходилось преодолевать нездоровую тенденцию со стороны финансовых органов и некоторых кооперативов, предоставлявших вопреки указаниям партии значительную долю кредита зажиточным хозяйствам как более платежеспособным.

В 1925/26 г. кулацко-зажиточная верхушка деревни получила 16,4% всей суммы ссуды. Особенно неблагоприятно обстояло дело с долгосрочными ссудами. По 9 кооперативам Троицкого округа бедняки получили 17,8, середняки — 37,8, а зажиточные и кулаки — 44,4% всего кредита. Шадринское отделение Сельхозбанка выдало в 1926 г. 17,6% долгосрочного кредита кулацким хозяйствам³⁴.

Партийные организации решительно выступили против подобных тенденций. Бюро Троицкого окружкома ВКП(б) потребовало от кредитующих организаций строго соблюдать классовый принцип при выдаче ссуд, отдавая преимущество беднякам и середнякам, существующим коллективным объединениям и оказывая содействие организации новых. Райкомам партии и сельячейкам было предложено усилить контроль за деятельностью кооперативов, а фракции окружного исполнительного

комитета — пересмотреть инструкторский состав кредитосоюза и сельхозбанка³⁵. В 1926/27 г. бедняцким и середняцким хозяйствам Урала было предоставлено более 9/10 всего сельхозкредита. На долю кулацко-зажиточной верхушки пришлось около 10% ссуд³⁶.

На основе директив партии и правительства и постановления июньского пленума Уралобкома ВКП(б) 1926 г. был создан специальный фонд кредитования бедноты, который к концу 1927 г. превысил 1 млн. руб. За счет его была оказана помощь хозяйствам бедняков в приобретении рабочего скота, инвентаря, машин, семян, удобрений, проведении землеустройства. Для достижения большего экономического эффекта кредит из спецфонда был концентрированно размещен в трех округах: Шадринском, Сарapulьском и Коми-Пермяцком. Всего кредиты получили 3 223 хозяйства³⁷.

Для Катайского района Шадринского округа была отпущена ссуда в 352 тыс.руб. Кредит был предоставлен 1 763 бедняцким индивидуальным и объединенным в кооперативы хозяйствам. В результате посевная площадь по району выросла на 1 230 десятин, а у хозяйств, получивших кредит, — на 34%. Значительно сократилась сдача земли в аренду беднотой³⁸.

После XV съезда ВКП(б), взявшего курс на усиление наступления на кулачество, кредитование сельской буржуазии резко сократилось. Партийные организации, руководствуясь решениями съезда, усилили контроль за предоставлением ссуд, непримиримо относились к нарушителям директив партии. 9 апреля 1928 г. Курганский окружком ВКП(б) вынес строгий выговор с предупреждением заведующему кредитным отделом окружного союза сельскохозяйственной кооперации за неправильное распределение средств по социальным группам крестьянства и потребовал от райкомов и райисполкомов "установить точный учет отпускаемых кредитов по социальным группам населения и организациям"³⁹. Случаи преимущественного кредитования кулаков и зажиточных были обнаружены в Чудиновском районе Челябинского округа. После поездки члена окружкома ВКП(б) в район вопрос о нарушении кредитной политики был обсужден на заседании бюро, которое потребовало четкого проведения классовой линии в распределении ссуд, "чтобы кредит поднимал бедняцко-середняцкие хозяйства, а не служил средством обогащения классово чуждых элементов"⁴⁰. Искривления в проведении кредитной политики были вскрыты и устранены в Полтавском районе Троицкого округа, Ленинском и Сивинском районах Пермского округа, в ряде районов Кунгурского, Сарapulьского и Курганского округов⁴¹.

В 1929 г. по решению Уралобкома и ОблКК ВКП(б) были созданы комиссии с привлечением рабочего актива для проверки того, насколько правильно финансовые органы проводят налоговую и кредитную политику. В сентябре расширенное заседание бюро Уралобкома и президиума ОблКК с участием областного актива рассмотрело вопрос "О задачах партийных организаций в изживании болезненных явлений". В принятом постановлении отмечалось, что обследование вскрыло искривления классовой линии в Свердловском, Златоустовском, Курганском, Челябинском окрфинотделах, выразившиеся в преимущественном кредитовании кулаков низовой кредитной сетью. Заседание предложило всем органам печати решительно вскрывать искривления классовой линии, "независая на лица", всем партийным организациям стоять на страже генеральной линии партии, со всей непримиримостью бороться с искажениями ленинской политики партии⁴².

В октябре 1929 г. комиссия Наркомзема РСФСР во главе с Э.И. Квириным обследовала работу земорганов Уралобласти. Комиссия отметила, что классовая направленность сельхозкредита улучшается, но все еще имеются серьезные нарушения линии партии и Советского государства — выдача более крупных ссуд зажиточным и кулакам. Подобные факты имели место в Троицком округе и других районах. Бюро Уралобкома ВКП(б) по докладу Э.И.Квирина признало работу облЗУ, Курганского, Троицкого и Пермского окрЗУ в тех вопросах, где имелись грубые нарушения классовой линии партии, неудовлетворительной. Бюро постановило провести проверку личного состава земорганов, очистить их от классово чуждых элементов и сотрудников, неспособных обеспечить проведение линии партии, укрепить земорганы новыми кадрами из рабочих, батраков и бедняков⁴³.

Усиление контроля партийных и советских организаций за распределением кредита привело в 1928/29 г. к резкому сокращению ссуд, получаемых кулацко-зажиточной верхушкой деревни. В 1927/28 г. в целом по Уралу из общей суммы сельхозкредита, предоставленного индивидуальному сектору, бедняки получили 56,3%, середняки — 42,3, и зажиточные и кулаки — 4,1%. В 1928/29 г. беднякам и середнякам было предоставлено 98,9% всей суммы кредита, а кулакам — 1,1%⁴⁴. В 1930 г. кредитование кулачества вообще прекратилось.

За счет кредитов крестьяне бедняки и середняки приобретали рабочий и продуктивный скот, сельхозинвентарь, повышали урожай, увеличивали посевные площади. Тем самым сводились на нет попытки кулачества нанести удар Советской власти путем сокращения посевных пло-

щадей. Вместе с тем государственные и кооперативные кредиты освобождали бедноту и маломощных середняков от кулацкой кабалы.

Меры по ограничению и вытеснению кулачества проводились партией и Советским государством и в области снабжения сельскохозяйственными машинами и инвентарем. Наступление на кулачество на этом участке усилилось после определения партией курса на коллективизацию сельского хозяйства. В резолюции XV съезда ВКП(б) "О работе в деревне" курс на ограничение снабжения кулацких хозяйств сельскохозяйственными машинами определен совершенно четко: "В целях ограничения снабжения сельскохозяйственными машинами кулацких элементов. выработать для этого соответствующие нормы (уменьшение доли кулаков в общей сумме реализуемых машин, расплата наличными и т.д.)"⁴⁵.

Необходимость этих мер усилилась в связи с тем, что в 1928 г. кулачество резко сократило посевные площади (до 44,5%) и стало широко практиковать сдачу внаем беднякам и середнякам инвентаря, особенно сельхозмашин, что стало одним из основных источников доходов деревенской буржуазии.

В связи с этим советско-кооперативные органы в 1928 г. резко сократили продажу кулакам сложных сельхозмашин, а в течение 1928-1929 гг. у них были изъяты или выкуплены все тракторы. Только весной 1928 г. уральские колхозы получили 91 трактор, изъятый у кулаков⁴⁶.

В марте 1929 г. решением секретариата Уралобкома ВКП(б) была запрещена продажа единоличным хозяйствам таких сельскохозяйственных машин, как триеры, сортировки, сноповязалки, сложные молотилки. Продажа сенокосилок единоличникам была ограничена до 10% общего плана. В 1927/28 г. зажиточная верхушка деревни из всех машин, распределенных в индивидуальном секторе, получила 5,4% против 17% в 1926/27 г. А в 1928/29 г. кулацко-зажиточные хозяйства получили всего 1,5% всех распределенных среди единоличников сельхозмашин⁴⁷.

Политика ограничения, а затем и запрещения продажи кулакам сложных сельскохозяйственных машин также способствовала ослаблению их экономической мощи, сужала возможности эксплуатации бедняцких хозяйств.

Наступление на кулачество осуществлялось также по линии ограничения аренды земли. В соответствии с решениями XV съезда партии срок аренды был ограничен одним севооборотом не свыше 6 лет. Хозяйствам, сдающим ежегодно землю в аренду, срок сдачи был сокращен, а всякие виды субаренды (передача права аренды третьему лицу)

каралась как уголовное преступление⁴⁸. Эти меры были закреплены новым земельным законом, принятым сессией ЦИК СССР 15 декабря 1928 г. Согласно этому закону, сдававшаяся в аренду кулацким хозяйствам земля в качестве субаренды изымалась и передавалась земельным обществам. Сельские Советы получили большие права в деле регулирования земельной аренды⁴⁹.

Большая ответственность ложилась на партийные организации, особенно сельские, за претворение этого закона в жизнь и вскрытие всякого рода кабальных арендных сделок с последующим их расторжением. Вопрос об арендных отношениях специально был обсужден на бюро Кунгурского окружкома партии, когда стали известны случаи скрытой аренды и субаренды в некоторых районах округа. Бюро обязало сельсоветы усилить учет арендных сделок, возложив на райкомы и ячейки ВКП(б) контроль за выполнением этого решения и развертывание разъяснительной работы о сущности законодательства по вопросу аренды и найма рабочей силы⁵⁰. Скрытая аренда земли зажиточными на кабальных условиях была выявлена коммунистами Мамоновской ячейки ВКП(б) Сергинского района Пермского округа⁵¹.

Уже в 1928 г. число кулацко-зажиточных хозяйств, арендующих землю, резко сократилось. Если в 1927 г. к аренде пашни прибегали 82,6% хозяйств с более чем 25 дес. земли, то в 1928 г. число их сократилось до 78,9%. В 1929 г. землю арендовали 49,7% кулацких хозяйств. Сократились и размеры арендуемой пашни. В Тюменском округе, например, в 1928 г. было сдано в аренду на 68,5% земель меньше, чем в 1927 г. Выборочное обследование кулацких хозяйств показало, что в 1929 г. в Шучанском районе Челябинского округа размер арендованной земли сократился по сравнению с 1927 г. до 36,3%, по Еткульскому району того же округа — до 30,3%, по Степному району Троицкого округа — до 31,1%, а по Макушинскому району Курганского округа — до 27,5%⁵².

Важной мерой наступления на кулака партия считала ограничение его возможностей по найму рабочей силы. Ограничение это выразилось в том, что устанавливались определенные сроки найма рабочих в индивидуальных хозяйствах продолжительностью не более одного года с обязательным заключением договоров с батраками и регистрацией этих договоров в сельских Советах. Кулачество, пытаясь приспособиться к новым условиям, обойти законодательные меры государства, всячески изворачивалось, маневрировало, искало новые источники эксплуататорского существования. Стремясь уйти от заключения трудовых договоров

и учета со стороны налогового аппарата, кулаки резко сокращали использование сроковых рабочих, увеличивали наем поденных рабочих, прибегали к замене взрослых батраков подростками и к всевозможным скрытым формам эксплуатации: к лжесупруге, усыновлению батраков-подростков, вступлению во временный брак с батрачками и т.д. Но все эти уловки разоблачались, виновные наказывались. Число хозяйств, имеющих наемных рабочих, сократилось с 3,8% в 1926 г. до 1,9% в 1929 г.⁵³ Уменьшилось число дней найма рабочей силы на одно хозяйство. Если в 1927 г. в Шучанском районе Челябинского округа на одно кулацкое хозяйство приходилось 185, то в 1929 г. только 6,7 дней найма. В Макушинском районе Курганского округа оно сократилось с 289 до 33,1 дня, в Степном районе Троицкого округа — со 184 до 27,8 и т.д.⁵⁴

Как происходило сокращение наемной рабочей силы в индивидуальных крестьянских хозяйствах области в 1927-1930 гг., дает представление таблица⁵⁵.

Таблица 19

Сокращение наемной рабочей силы в единоличных крестьянских хозяйствах Уралобласти в 1928-1930 гг.

Год	Число наемных рабочих	
	Абс.	%
1927	106 159	100
1928	87 219	82,1
1929	55 108	52,9
1930	17 993	16,9

Данные свидетельствуют о том, что за три года (1928-1930) количество наемных рабочих в единоличных крестьянских хозяйствах сократилось в 6 раз. Наиболее резкое сокращение произошло в 1929 и особенно в 1930 г., когда началось развернутое наступление на кулачество и первый этап его ликвидации как класса на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Таким образом, в 1926-1929 гг. партийные и советские организации Урала последовательно претворяли в жизнь политику наступления на экономические позиции деревенской буржуазии. В осуществлении этой политики четко выделяются два этапа: первый — 1926-1927 гг. и

второй — после XV съезда ВКП(б), взявшего курс на усиление наступления на капиталистическую верхушку деревни.

В результате проведенного наступления экономические позиции кулачества были основательно подорваны, начался прогрессирующий процесс свертывания и самоликвидации значительной части хозяйств деревенской верхушки. Ее удельный вес в производстве товарного хлеба, например, сократился с 30% в 1927/28 г. до 14% в 1928/29 г. В обследованных кулацких хозяйствах зауральских округов к июню 1929 г. по сравнению с июнем 1927 г. число лошадей сократилось на 10-30%, коров — на 20-35%⁵⁶.

Наряду с сокращением в кулацких хозяйствах основных элементов сельскохозяйственного производства (посевные площади, валовое и товарное производство зерна, скот, машины), резко сократились аренда земли и наем рабочей силы. Все это создавало одну из важнейших экономических предпосылок перехода к развернутому наступлению на кулачество и его ликвидации как класса.

2. Организация коммунистами разгрома кулацкой "хлебной стачки". Отпор попыткам сельской буржуазии остановить массовое колхозное движение

Курс XV съезда ВКП(б) на коллективизацию сельского хозяйства и решительное наступление на капиталистические элементы города и деревни вызвал отчаянное сопротивление со стороны враждебных социализму сил. Это сопровождалось резким обострением классовой борьбы. Наиболее острые классовые столкновения произошли в деревне с сильным и многочисленным врагом — кулачеством, вставшим в 1927/28 г. на путь организации саботажа хлебозаготовок.

К январю 1928 г. в стране было заготовлено хлеба на 128 млн. пудов меньше, чем планировалось¹. Отставание распыленного крестьянского сельского хозяйства от быстрорастущей промышленности явилось объективной экономической основой трудностей на хлебозаготовительном фронте. Попытка кулачества организовать "хлебную стачку" усугубила положение, затруднения на этом важном хозяйственном участке переросли в хлебозаготовительный кризис.

Момент выступления кулачества определился стечением ряда обстоятельств. Выше уже говорилось, что на базе мелкотоварного производства неизбежно происходил некоторый рост кулацко-закиточной

верхушки деревни. Она не только увеличивалась численно, но и усиливалась экономически. Ряд урожайных лет позволил ей накопить большие запасы хлеба, сосредоточить в своих руках значительные средства производства. В 1926/27 г. на долю кулацко-зажиточных слоев уральской деревни приходилось 30,3% всех средств производства единоличных крестьянских хозяйств и 49,8% полевого инвентаря и машин².

Рост и экономическое укрепление кулачества вели к усилению его сопротивления политике партии, направленной на социалистическое преобразование деревни. Активизация антисоветских действий кулаков находилась в прямой связи с антипартийной подрывной деятельностью троцкистско-зиновьевского блока и напряженным внешнеполитическим положением СССР, создавшимся в 1927 г. в результате провокаций империалистов. Деревенская буржуазия решила дать открытый бой Советской власти, сорвать выполнение решений XV съезда ВКП(б).

• Выступлению классового врага способствовали ошибки и просчеты, допущенные советскими планирующими, кооперативными и другими органами. Верхушка деревни, разбогатевшая в результате ряда урожайных лет, была недостаточно обложена налогом. В условиях роста денежных накоплений в деревне и повышения спроса на промышленные изделия во многие сельскохозяйственные районы несвоевременно завезли промтовары, были завышены цены на технические культуры и продукты животноводства и, наоборот, занижены цены на зерно. Советские организации не позаботились о своевременном сборе обязательных сельскохозяйственных платежей. К тому же государственные и кооперативные заготовительные организации действовали разобщенно, конкурировали между собой, вместо того, чтобы единым фронтом выступить против кулаков, спекулянтов и частных торговцев. Все эти ошибки имели место и на Урале³.

Партийные и советские организации на местах не уделили необходимого внимания проведению заготовок, понадеялись, что кампания пройдет самотеком. Силы коммунистов были отвлечены также на борьбу с троцкистско-зиновьевским блоком. Но все эти ошибки и недочеты не привели бы к столь серьезным затруднениям с хлебозаготовками, если бы этими ошибками не воспользовались кулаки, спекулянты и частные торговцы.

Трудности на хлебозаготовительном фронте представляли собой угрозу общехозяйственного кризиса. Чтобы предотвратить его, необходимо было сломить кулацкий саботаж хлебозаготовок, а также полн-

тически разгромить кулачество, ибо только в этом случае можно было вывести массы трудового крестьянства на широкую дорогу социалистических преобразований в деревне. Борьба за хлеб сливалась, таким образом, с борьбой за социализм.

Настоящая битва с кулачко-зажиточной верхушкой деревни развернулась и на Урале. Здесь хлебозаготовки проходили в условиях ежегодного прироста валового сбора и товарной части зерновых. С 1922 по 1928 г. область не знала ни одного неурожайного года. Урожайность пшеницы, ржи и овса к 1927/28 г. увеличилась по сравнению с дореволюционным периодом на 10-15 пудов с десятины. Валовой сбор зерновых в 1927 г. составил 4 302 599 т против 4 040 553 т в 1926 г. и 3 715 550 т в 1925 г.⁴ В связи с этим кулачко-зажиточная верхушка уральской деревни накопила особенно большие запасы хлеба и денежных средств.

На ходе хлебозаготовок сказалось также то обстоятельство, что прослойка кулаков и зажиточных середняков в области была значительно больше, чем в целом по стране и оказывала более сильное влияние на остальное крестьянство. В связи с этим борьба на хлебозаготовительном фронте приняла на Урале исключительно острый характер.

Кулаки задерживали собственные излишки зерна и повсеместно скупали за бесценок хлеб у бедняков и середняков, а затем втридорога перепродавали его в городах и рабочих поселках области. Зажиточные крестьяне села Нижняя Кича Чернушкинского района Сарапульского округа систематически спекулировали, скупая хлеб у крестьян по 2 руб. за пуд и продавая его на рынке в г.Осе по 4 руб.⁵ Активными союзниками кулаков в дезорганизации хлебного рынка выступили, как мы видели, городские торговцы и спекулянты.

Кулаки повели среди крестьян бешеную антисоветскую агитацию, распускали провокационные слухи о том, что коммунисты вновь вводят продразверстку, о наступлении в скором времени войны и падении Советской власти. Они убеждали крестьян "повременить сдавать хлеб государству", подождать "лучших времен", которые скоро наступят. Во многих районах Тюменского и Ишимского округов кулаки призывали крестьян начать открытую борьбу с Советской властью, "напомнить коммунистам 1921 год" "Скоро будет война, — заявляли они, — по всему видно, что Советская власть существует последние дни. Пора и мужикам начинать восстание"⁶.

Антисоветская агитация кулаков оказала воздействие на средние слои крестьянства. В январе 1928 г. Верхне-Камский окружком ВКП(б)

сообщал в ЦК партии, что кулаки и зажиточные открыто выступают против хлебозаготовок на крестьянских собраниях и в некоторых селах "их влияние настолько сильно, что другие крестьяне к ним присоединяются"⁷. Часть середняков, прежде всего зажиточные, тоже перестали продавать хлеб государству по твердым ценам. На 1 января 1928 г. план хлебозаготовок был выполнен всего на 34,8%⁸.

Директивами, данными в декабре 1927 - январе 1928 г., Центральный Комитет потребовал в кратчайший срок исправить ошибки, допущенные советскими и заготовительными организациями, круто повернуть внимание всех коммунистов на решение хлебной проблемы, мобилизовать весь сельский актив и сплотить бедняцко-середняцкий блок для разгрома кулачества, перестроить в соответствии с этими задачами всю работу советских, кооперативных и заготовительных организаций в деревне, применить к злостным укрывателям хлеба ст. 107 Уголовного Кодекса РСФСР.

Уралобком ВКП(б) принимает практические меры по ликвидации кулацкого саботажа хлебозаготовок. Этот вопрос становится в центре внимания партийных организаций. Достаточно сказать, что с декабря 1927 по июль 1928 г. он дважды обсуждался на пленуме и 35 раз на бюро Уралобкома ВКП(б)⁹. Для руководства хлебозаготовительной кампанией создается чрезвычайная тройка Уралобкома ВКП(б). Такие же тройки создаются при бюро окружкомов ВКП(б). Проводится срочная мобилизация партийных сил. В помощь сельским парторганизациям были посланы лучшие коммунисты. По решению Уралобкома в основные сельскохозяйственные округа выехало 60 руководящих партийных работников, в том числе секретари и члены бюро областного комитета партии во главе с Н.М.Шверником¹⁰. Наиболее опытных организаторов послали в села окружные комитеты ВКП(б). Пермский окружком направил в феврале 1928 г.

для организации хлебозаготовок 219 работников из партийного и советского актива¹¹. Челябинский, Курганский и Шадринский окружкомы командировали в помощь местам по 100-150 коммунистов. "Все члены бюро (окружкома), президиума окрисполкома и контрольной комиссии, - сообщал представитель Уралобкома из Челябинска, - выехали на места"¹². Был мобилизован и весь районный партактив. В наиболее крупных селах Кунгурского округа, где было особенно сильно влияние классового врага, работали группы актива в составе 10-25 человек¹³.

Партийный актив проделал на местах большую организаторскую и массово-политическую работу. Повсеместно были проведены пленумы партийных комитетов, партактивы, совещания секретарей и собрания

деревенских ячеек, на которых всесторонне обсуждались меры и методы борьбы за хлеб. Вопросы хлебозаготовок стали предметом регулярного обсуждения на собраниях партийных ячеек. Пермская ячейка ВКП(б) Белоярского района Кунгурского округа провела 21 собрание, Скятинская ячейка того же района — 29 собраний, на которых тщательно обсуждался ход заготовок хлеба. Партийные организации сел Боровское, Кориново и Шутино Катайского района Шадринского округа для решения срочных вопросов и выработки мероприятий немедленно созывали бюро или партийные собрания, руководили всем ходом хлебозаготовок, спланировали бедноту и поднимали ее на борьбу с кулачеством, выявляли излишки зерна и места, куда кулаки прятали хлеб¹⁴.

Для мобилизации деревенской общественности на борьбу с саботажем хлебозаготовок повсеместно были созваны пленумы райисполкомов, сельских Советов, собрания бедноты, членов кооперации, земельных обществ, комсомольцев. По далеко не полным данным, в области прошло 729 собраний беспартийного крестьянского актива с участием 26 700 человек. Зимой и весной 1928 г. в Уралообласти на крестьянских собраниях, посвященных главным образом хлебозаготовкам и борьбе с кулаками, присутствовало около 400 тыс. человек¹⁵. Из крестьян бедняков, батраков и середняков, а также комсомольцев повсеместно создавались комиссии и группы содействия хлебозаготовкам. В совместной борьбе за хлеб против кулачества креп блок бедноты с середняцкими массами деревни. "Маломощный середняк, — сообщал Марайский райком ВКП(б), — является также, как и бедняк, наиболее активной фигурой кампании. Имея небольшие излишки и сдав их в первую очередь, он втянулся в работу с беднотой и стал тем общественным прессом, который помог вскрыть ямы и заставить кулака сдать свои излишки"¹⁶.

Активным помощником сельских парторганизаций в борьбе за хлеб выступил уральский комсомол. Члены ВЛКСМ участвовали в комиссиях содействия и ударных группах уполномоченными по хлебозаготовкам, организовывали красные обозы. Силами комсомольцев только в 7 округах области было создано 242 ударные бригады, организовано 142 обоза, заготовлено 133 454 пуда хлеба¹⁷.

Большую роль в хлебозаготовительной кампании играло батрачество. Сельские пролетарии повсеместно входили в комиссии содействия хлебозаготовкам. Только по 8 округам Урала в таких комиссиях насчитывалось 1 162 батрака. Здесь же действовали (по неполным данным) 52 батрацкие бригады в составе 253 человек. Батраки деревни

Гусевой Тюменского округа помогли обнаружить 2 тыс. пудов хлеба в кулацких тайниках, в деревне Падериной — 450 пудов, в деревне Митяшиной Шадринского округа — 300 пудов, в селе Велижавы I 500 пудов¹⁸.

Парторганизации добились более оперативной деятельности заготовительного аппарата, улучшили его социальный состав, устранили нездоровую конкуренцию между заготовителями. Советские, кооперативные и заготовительные организации подверглись основательной чистке от чуждых, погрязших в связях с классовым врагом элементов. За период заготовительной кампании от работы в общественных организациях деревни было отстранено I 157 человек¹⁹. При этом Уралобком ВКП(б)

требовал осторожного и внимательного отношения к работникам низового аппарата. В постановлении бюро обкома от 30 января 1928 г. подчеркивалось, что меры административного взыскания "должны применяться в крайнем случае, после того, как исчерпаны меры помощи низовым партийным, советским, кооперативным работникам"²⁰.

В результате политико-массовой и организаторской деятельности коммунистов были созданы необходимые условия для ликвидации хлебозаготовительного кризиса. Курганский окружком ВКП(б) отмечал, что в итоге большой организаторской работы коммунистов "мы имеем более дисциплинированный, более работоспособный аппарат по всем линиям, так как слабые, негодные и разложившиеся элементы при проведении кампании легко себя выявили и были устранены. А полученный опыт, обогативший и низовой и окружной партийно-советский аппарат, позволяет сделать вывод, что теперешние кадры актива и аппарата значительно лучше, чем полгода тому назад, справятся и с последующими, возможно, более грандиозными задачами"²¹.

Советские и заготовительные организации Урала, преодолевая хлебозаготовительные трудности, во-первых, пересмотрели цены на зерно и другие сельхозпродукты и установили более правильные. Во-вторых, до 80% промтоваров и мануфактуры направили в основные хлебпроизводящие округа. В-третьих, обеспечили быструю мобилизацию денежных средств сельского населения путем сбора сельхозналога, платежей по госстраху, сельхозкредиту, землеустройству и пр., широкого распространения Второго займа индустриализации и укрепления крестьянского хозяйства, а также в результате проведения закона о самообложении, принятого ЦИК СССР 7 января 1928 г. К середине апреля налоги и платежи были собраны на 100%, а заем укрепления крестьянского хозяйства от общей суммы в 12 млн. руб. размещен на 90%²².

Гораздо труднее оказалось провести в жизнь закон о самообложении, так как основная его тяжесть должна была лечь на зажиточную верхушку. По Уралу предполагалось собрать 7,5 млн. руб. Кулаки развернули бешеную агитацию против самообложения, и часть середняков проявила колебания. В Ирбитском округе 350 земельных обществ распределили самообложение, а на 26 собраниях кулаки и зажиточные провалили принятие решения по этому вопросу²³. "В работе по самообложению, — говорил Н.М.Шверник, — мы встретились с самым бешеным сопротивлением со стороны кулацкой верхушки деревни"²⁴.

Но подавляющее большинство трудового крестьянства активно поддержало новый закон Советского правительства. Благодаря политической и организаторской работе коммунистов и единству действий бедняков и середняков, саботажническая политика кулачества провалилась. На апрельском 1928 г. пленуме Уралобкома ВКП(б) Н.М.Шверник отмечал, что партийные организации при активной поддержке трудовых масс крестьянства "разбили попытки кулаков сорвать проведение закона о самообложении"²⁵. К 15 апреля 1928 г. было собрано почти 100% всей суммы самообложения.

Мобилизация денежных накоплений деревни значительно улучшила дело заготовок. Политическая и организаторская работа коммунистов и партийного актива привела к падению влияния кулачества. Основная масса крестьянства стала добровольно и организованно сдавать хлеб государству. По всем районам Уральской области широко распространилась, наряду с индивидуальной, коллективная продажа крестьянами хлеба заготовительным организациям. Большую инициативу в этом деле проявили кооперативы, организуя красные обозы для сдачи излишков хлеба членами-пайщиками. С особой силой это движение развернулось в феврале-марте 1928 г. Коллективная сдача хлеба в Тюменском округе началась по инициативе коммунистов и беспартийных активистов Исетского района, где в один день крестьяне продали государству более 90 возов хлеба. Только за первую половину февраля по округу было организовано 12 красных обозов более чем на 4 тыс. подвод²⁶.

В организации красных обозов активное участие принимали середняки. Председатель Челябинского окрисполкома сообщал, что середняки играли видную роль в организации красных обозов, выступали на собраниях с агитацией за сдачу хлебных излишков. Средняки Варламовского района посылали во все села и деревни своих делегатов, которые призывали крестьян сдавать хлеб²⁷.

Движение в низах за коллективную сдачу хлеба подхватили партийные организации и распространили по всей области. Бюро обкома в решении от II марта 1928 г. обязало окружкомы и райкомы партии "максимально использовать кооперативную общественность в деле организации коллективной ссылки хлеба"²⁸.

В результате напряженной работы партийных и советско-кооперативных организаций за январь-март 1928 г. в области было заготовлено 18 575 тыс. пудов хлеба против 16 415 тыс. пудов за этот же период 1927 г. и 10 296 тыс. пудов за предыдущие три месяца²⁹.

Классовый враг перешел к террористическим актам против представителей партии и Советской власти, коммунистов, деревенских активистов и передовой сельской интеллигенции. В деревне Федюшиной Юргамышского района кулаки 16 марта 1928 г. убили секретаря сельсовета Федюшина, в селе Мишкино Челябинского округа - члена комиссии по хлебозаготовкам Юрина, в селе Щучье - коммуниста-бедняка Куликова. В деревне Половинка Ивановского сельсовета Пермского округа террористы зверски расправились с секретарем партийной А.М. Аликиным. Вступив в партию в 1917 г., Аликин был преданным ее членом, организатором бедноты. Он постоянно разоблачал махинации и козни классовых врагов, пользовался уважением и авторитетом среди крестьян-бедняков и середняков. В 1928 г. в Уральской области кулаки совершили 1 027 террористических актов, из них несколько сот убийств³⁰.

Террор и антисоветские действия кулаков вызвали волну возмущения в широких крестьянских массах Урала. Трудовое крестьянство требовало обуздания классового врага.

В этой обстановке партийные и советские организации области во исполнение постановления Центрального Комитета партии и Советского правительства провели ряд чрезвычайных мер, направленных на разгром антисоветских выступлений кулачества. По отношению к участникам террористических актов и злостным укрывателям хлеба были приняты меры репрессивного характера. Кулаков-бандитов постигла суровая кара. На местах над саботажниками хлебозаготовок и участниками террористических актов устраивались открытые общественно-показательные суды. 10 февраля 1928 г. в Шумихинском районе Челябинского округа состоялся открытый суд над кулаком Савиковым, скрывшим 1 620 пудов хлеба. В Яткульском районе этого же округа был осужден некий Шелехов, державший в тайниках 20 тыс. пудов отборного зерна. С января по июль в области было осуждено по ст. 107 УК РСФСР 675

кулаков и зажиточных с конфискацией у них 335 тыс. пудов хлеба и части имущества более чем на 4 млн. руб.³¹

На основе решения Советского правительства 25% конфискованного у кулаков хлеба предоставлялось в виде льготного кредита или безвозмездно деревенской бедноте. Это активизировало борьбу с кулачеством. Крестьяне-бедняки оказывали всемерную поддержку и содействие заготовителям, особенно при вскрытии кулацких тайников с хлебом. В Марийском районе Курганского округа беднота за короткий период обнаружила 56 ям с хлебом. Крестьяне-бедняки Манчажского района Кунгурского округа организовали около 20 групп по 20-30 человек и ходили по полям в поисках кулацких тайников. Подобным же образом действовали группы бедняков во многих районах Шадринского округа³².

Состоявшийся 21-26 апреля 1928 г. объединенный пленум Уралобкома и ОблКК ВКП(б) отметил, что исключительное напряжение сил всей парторганизации и непосредственное вмешательство коммунистов в хлебозаготовки обеспечило в конце января перелом на этом участке работы и преодоление хлебозаготовительного кризиса. Хлебозаготовительная кампания показала авторитет партии и Советской власти среди широких крестьянских масс, "с еще большей силой обнаружила тягу бедноты и середняков к коллективизации своих хозяйств, укрепила союз рабочего класса с основной массой крестьянства - беднотой и середняками, нанеся поражение кулацким элементам деревни"³³.

После апрельского пленума Уралобкома ВКП(б) борьба с кулачеством еще продолжалась. Классовый враг, сопротивляясь из последних сил, продолжал всеми мерами удерживать остатки товарного зерна. Наибольшего напряжения последний этап борьбы на хлебозаготовительном фронте достиг в июне. В наступление на зажиточную верхушку двинулось все трудовое население деревни. По инициативе масс именно в это время возник урало-сибирский метод хлебозаготовок - метод самообложения. Суть его состояла в том, что деревенский актив сам распределял, кому какое количество хлеба сдать в счет выполнения планового задания. Это решение актива выносилось затем на обсуждение общего собрания села и здесь окончательно утверждалось. Активисты распределялись по десятидворкам, и на них возлагался контроль и ответственность за сдачу хлеба этими хозяйствами. К злостным саботажникам применялись меры общественного воздействия и бойкота, они по требованию самих крестьян предавались суду по ст. 107.

Первыми на Урале применили этот метод крестьяне Ленинского района Пермского округа. Затем по инициативе партийных организаций он быстро распространился по всей области. Так, крестьяне деревни Турпаново Тюменского округа постановили: сдать товарное зерно в течение июня. На тех, кто имеет хлеб, но уклоняется от сдачи, воздействовать всем обществом³⁴. Метод самообложения повсеместно и успешно применялся в следующую хлебозаготовительную кампанию.

Опыт и уроки, полученные в 1927/28 г., были учтены партийными организациями Урала в период хлебозаготовок 1928/29 г. Они проходили более организованно.

Руководствуясь решениями июльского 1928 г. Пленума ЦК ВКП(б), бюро Уралобкома 20 июля специально обсудило вопрос "Об итогах хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. и о мероприятиях по подготовке к кампании 1928/29 г." Бюро обязало все советские, заготовительные и общественные организации провести всестороннюю политическую и организационную подготовку к предстоящей кампании, мобилизовать весь актив и широкие крестьянские массы на отпор продолжавшей оказывать ожесточенное сопротивление кулацко-зажиточной верхушке деревни, обеспечить помощь со стороны рабочего класса в проведении заготовок. Вскоре Уралобком ВКП(б) одобрил предложение фракции облисполкома об установлении дифференцированных порайонных цен на хлеб. В сентябре Уралобком постановил направить в деревню не менее 65% планового поступления промтоваров, принять меры к максимальному обеспечению рынка товарами местной и кустарной промышленности³⁵.

Кулачество с самого начала кампании повсеместно пыталось сорвать меры партийных, советских и заготовительных организаций по выполнению плановых заданий. Несмотря на то, что в 1927/28 г. ему был нанесен сильный удар и позиции его ослабли, окончательно его сопротивление еще не было сломлено. Оно располагало еще возможностями препятствовать нормальному ходу хлебозаготовок. При этом кулачество прибегало к испытанным методам — проводило подпольные собрания, выпускало воззвания, листовки и даже подпольные газеты с призывами к оружию, пыталось организовать массовые антисоветские выступления. Разлилась новая волна кулацкого террора. Вместе с тем кулачество меняло способы и методы своей борьбы. Продолжая укрывать хлебные излишки, кулаки всеми мерами добивались поддержки середняков и бедняков. Они использовали новые формы обработки бедняков: созывали "бедняцкие собрания", создавали "комиссии помощи бедноте",

предоставляли ей хлеб. На собраниях деревенские богатеи действовали в основном через подкулачников, сами оставаясь в тени. Они также широко использовали перегибы, допущенные в некоторых местах в отношении середняков, пытались внушить, что повышение заготовительных цен на хлеб, осуществленное Советским государством, недостаточно, и убеждали середняков требовать дальнейшего повышения цен, а до тех пор хлеб не сдавать. Поддавшись этой пропаганде, часть середняков придерживала хлеб. Об этом сообщали Пермский и Шадринский окружкомы ВКП(б)³⁶, но подобные факты наблюдались повсеместно. Положение усугублялось тем, что на руку кулачеству действовали правые оппортунисты, также требовавшие повышения цен на хлеб. Эти настроения захватили и часть сельских коммунистов. "Очевидно, — говорили они, — наша экономическая уступка середняку в ценах не удовлетворяет крестьянство, оно хочет большего"³⁷. Отдельные сельячейки плелись в хвосте кулацких и правооппортунистических настроений.

Однако подавляющее большинство партийных организаций занимали боевые позиции, последовательно проводили линию партии на сплочение масс для отпора кулачеству, на выполнение государственного плана хлебозаготовок. Повсеместно были проведены пленумы Советов, совещания актива при райисполкомах. На основе решения Уралобкома ВКП(б) во второй половине октября состоялись окружные и районные конференции бедноты, обсудившие задачи хлебозаготовительной и налоговой кампаний³⁸.

Широкое применение в период хлебозаготовительной кампании 1928/29 г. получили методы общественного воздействия на кулачество, в первую очередь урало-сибирский метод и тактика бойкота зажимщиков хлебных излишков. По инициативе партячеек и сельсоветов повсеместно созывались общие собрания крестьян. Собрания принимали решения о создании комиссий по выявлению излишков зерна, об организации красных обозов, о лишении промтоваров тех, кто спекулирует хлебом, объявляли бойкот кулакам и зажиточным, не сдавшим хлеб государству³⁹.

Гораздо более активное участие в этой кампании приняли общественные организации, особенно профсоюзы. Так, союзом сельскохозяйственных и лесных рабочих, по сведениям семи округов, было организовано 48 хлебозаготовительных бригад. Рабочком Макушинского зерносовхоза командировал в Большемартинский куст, объединяющий 5 сельсоветов, бригаду из трактористов. К моменту приезда бригады хлебо-

заготовки были выполнены всего на 35%. Бригада за 24 октября – 5 ноября добилась выполнения плана на 101%. Кроме того, рабочим совхоза руководил хлебозаготовками в Обезьяновском сельсовете и добился выполнения плана на 112%⁴⁰.

Значительную помощь оказали в хлебозаготовках 1928/29 г. городские профессиональные союзы. Ими было послано (по 8 округам) 204 бригады с числом более 1 000 рабочих и 130 работников профорганов для непосредственного участия в хлебозаготовках. Стали практиковаться массовые выезды рабочих промышленных предприятий в деревню для помощи сельским активистам. Так, рабочие Лыминского лесозавода организовали 4 красных обоза в 1 117 пудов зерна, Полевского химзавода – 3 (3 161 пуд), депо Свердловска в Бердюзском районе – 3 из 262 подвод. В Щучанском районе действовала бригада челябинских рабочих в составе 158 человек. Бригада охватила своей деятельностью 6 крупных сельсоветов (Щучанский, Белоярский, Пивкинский, Пуктышский, Красноярский, Чумлякский) и 15 населенных пунктов. Посланцы города активно включились в хлебозаготовительную кампанию. За время их пребывания на селе сумма самообложения была собрана на 87,3%, на заготовительные пункты поступило 11 038 пудов зерна⁴¹. Всего в борьбе на хлебозаготовительном фронте в 1928/29 г. участвовало более 1 500 рабочих⁴².

К 1 июля 1929 г. Уральская область выполнила годовой план по хлебозаготовкам на 93,6%⁴³.

Хлебозаготовительные кампании 1927/28 г. и 1928/29 г. были важным узловым пунктом экономической и политической борьбы с кулачеством. В ходе этой борьбы экономические позиции и политическое влияние капиталистических элементов были значительно подорваны, что сыграло существенную роль в подготовке развернутого наступления на кулачество.

Как выше уже отмечалось, объективной причиной возникших трудностей на хлебозаготовительном фронте являлось отставание мелкого раздробленного крестьянского хозяйства, особенно его зерновой отрасли, от быстрых темпов роста социалистической промышленности. Распыленные крестьянские хозяйства располагали ограниченными возможностями и не могли удовлетворить растущие потребности страны в сырье и продуктах питания. Вместе с тем мелкотоварное крестьянское производство, в силу внутренних законов своего развития, постоянно рождало капиталистические элементы. А это предопределяло и в дальнейшем их ожесточенное сопротивление строительству социа-

лизма, перманентные трудности на хлебозаготовительном фронте.

Советское государство и строительство социализма не могли дольше базироваться на двух разных основах — на базе крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе раздробленного мелкотоварного крестьянского хозяйства. Отставание сельского хозяйства становилось тормозом развития всего народного хозяйства и строительства социализма. Возникла насущная необходимость создания в деревне новых, социалистических производственных отношений, которые дали бы простор развитию производительных сил, ликвидировали основу возрождения капитализма.

Программу дальнейшего строительства социализма в СССР разработал XV съезд Коммунистической партии, состоявшийся в декабре 1927 г. Учитывая назревшие потребности развития советского общества, опираясь на успехи в индустриализации страны и руководствуясь ленинским кооперативным планом, XV съезд партии определил курс на коллективизацию сельского хозяйства. В резолюции съезда "По отчету Центрального Комитета" говорилось: "Необходимо поставить в качестве первоочередной задачи на основе дальнейшего кооперирования крестьянства постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли на основе интенсификации и механизации земледелия), всемерно поддерживая и поощряя ростки обобщественного сельскохозяйственного труда"⁴⁴.

В 1928—1929 г. Коммунистическая партия последовательно проводила в жизнь курс на коллективизацию сельского хозяйства, на создание предпосылок массового колхозного движения.

По всем направлениям вели под руководством коммунистов в 1928—1929 гг. напряженную работу по подготовке сплошной коллективизации сельского хозяйства советские и кооперативные организации Урала. Все это обусловило постепенное нарастание темпов колхозного строительства в крае. В конце 1927 г. в области насчитывалось 573 колхоза. К маю 1928 г. число колхозов увеличилось до 1 643, т.е. возросло почти в три раза. К середине лета 1929 г. имелось уже 3 026 производственных кооперативов в составе 61 584 хозяйств, а к октябрю — 3 520 колхозов, объединявших 114 161 семью, или 8,8% всех крестьянских хозяйств области⁴⁵.

Таким образом, со второй половины 1929 г. на Урале, как и во всей стране, начинается период массового перехода крестьян на путь коллективного ведения хозяйства, период сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Состоявшийся в ноябре 1929 г. Пленум ЦК ВКП(б) отметил, что СССР вступил в полосу развернутого социалистического переустройства деревни и строительства крупного социалистического земледелия. "Вслед за бедняками в колхозы двинулась и середняцкая масса. С вовлечением миллионных масс деревни колхозное движение приобретает решающее значение в осуществлении ленинского кооперативного плана ... Начинается новый исторический этап социалистического преобразования сельского хозяйства ..."⁴⁶

Колхозное движение развивалось в условиях острой классовой борьбы с кулачеством, которое поставило своей целью любыми средствами сорвать социалистические преобразования в деревне. Ничему так ожесточенно не сопротивлялись деревенские богатеи, как строительству колхозов. Это и понятно, здесь затрагивались самые жизненные интересы классового врага, подрывалась основа его существования, основа эксплуатации чужого труда и обогащения. Следует учитывать, что влияние кулачества и колебания середняка в уральской деревне сказывались сильнее, чем в других районах страны. Это создавало дополнительные трудности в работе партийных организаций.

Во-первых, сельские эксплуататоры стремились дискредитировать коллективизацию, вели оголтелую антиколхозную агитацию, клеветнически утверждали, что будто бы партия и Советское государство ставят своей целью обобрать крестьян, лишить их имущества, скота, инвентаря, превратить их в безземельных пролетариев. В информации Трицкого окружкома в Уралобком партии сообщалось, что "кулацкая часть деревни и все антисоветские элементы ведут ожесточенную агитацию против новых форм социалистического хозяйства"⁴⁷. В Покровском, Мосинском, Белоносовском, Кисловском, Мариинском и Переборском сельских Советах имели место открытые антиколхозные выступления кулаков. Они пытались сорвать собрания по организации колхозов, агитировали за роспуск созданных сельхозартелей и ТОЗов, выпускали антиколхозные листовки⁴⁸.

Во-вторых, кулачество осуществило самую настоящую диверсию в области сельскохозяйственного производства. Помимо резкого сокращения посевных площадей, оно приступило к массовому забою скота и призывало к этому все крестьянство. Деревенские богатеи вели злостную пропаганду среди трудящихся села, поворачивавших на путь коллективного труда, о том, что государство отнимет лично принадлежащий скот, что в колхозы его ни в коем случае передавать не надо,

что лучше его забить и продать или пустить на личные потребности. Иначе все отберут и у крестьян ничего себе не останется. Эта агитация была направлена на то, чтобы разжечь частнособственническую, торгашескую психологию крестьян и тем самым подорвать основы создаваемого общественного животноводства. Она возымела действие на часть середняков, особенно их зажиточную верхушку. В результате этой диверсии забой скота в уральской деревни принял массовый характер. По сведениям Уралобкома ВКП(б), за период с весны 1929 по март 1930 г. в 13 округах (без Нижнетагильского и Челябинского) области было уничтожено 2 570,7 тыс. голов скота, его общая численность сократилась с 8 032,8 тыс. до 5 462,1 тыс. голов, или на 32,1%. Стадо рабочих лошадей за это время снизилось на 411 тыс. голов, или почти на 30%, коров — на 300 тыс., или на 20%, овец — на 1 367,6 тыс., или на 32,2%, свиней — на 494 тыс., или на 61,5%⁴⁹. Это был сильный удар, нанесенный сельскохозяйственному производству области, отрицательные последствия которого сказывались в течение длительного времени, в том числе и на состоянии обществленного животноводства.

В-третьих, кулаки повсеместно начали прямую атаку на колхозы, стремились любыми средствами нанести им материальный ущерб, подорвать экономическую и техническую базу. Они уничтожали посевы, зерно, скот, поджигали колхозные постройки и склады, выводили из строя сельскохозяйственные машины и тракторы. В Медведевском колхозе Сарапульского округа враги пытались испортить трактор, в Чистовском колхозе сломали молотилку. Четырежды кулаки поджигали колхоз в Сухаринском сельсовете Шадринского округа, а всего по округу только за месяц было совершено 14 поджогов, в селе Каргополье сгорело два скотных двора. В деревне Новой, когда колхозники тушили пожар, кулаки напали на них с топорами. В огне погибло 300 ц хлеба⁵⁰.

В-четвертых, классовый враг обрушил жестокий террор против организаторов и руководителей коллективных хозяйств. Так, в Суксунском районе кулаки убили бедняка Ташкинова, который вел активную работу по организации колхоза. В этом же районе кулаки совершили террористические акты на 6 коммунистов, 6 бедняков, 2 колхозников и 15 сельских активистов, которые вели среди крестьян работу по вовлечению их в коллективные хозяйства. В Троицком округе в 1928 г. было совершено 7 террористических актов против организаторов и руководителей колхозов, а в 1929 г. — 37 и 69 угроз применить тер-

пор⁵¹. Расправы над активистами колхозного строительства классовый враг совершал во всех районах области.

В-пятых, меняя свою тактику борьбы, кулаки с осени 1929 г. стали переходить к скрытым, замаскированным действиям, проникать в колхозы, чтобы развалить их изнутри. В докладе председателя комиссии Наркомзема РСФСР по обследованию земорганов Урала Э.И.Квиринга на бюро Уралобкома ВКП(б) 28 октября 1929 г. отмечалось, что в результате проверки обнаружена засоренность многих колхозов кулацкими элементами. В частности, в Дубровинском сельсовете Пермского округа руководство колхозным движением находится в руках зажиточной верхушки, в коллективные хозяйства принимают лишенных избирательных прав, торговцев. Подобные же явления имели место в колхозе "Тигант" Ирбитского округа и др. При обсуждении вопроса о результатах обследования работы Шадринской окружной парторганизации на бюро Уралобкома ВКП(б) 21 ноября 1929 г. было отмечено, что в колхозах округа почти 2% зажиточных и кулаков. Пробравшиеся к руководству кооперативами кулаки, в целях дискредитации обобщественного производства, методично вели дело к развалу колхозов, хищническому уничтожению общественного добра. Большой ущерб был нанесен сельхозартели "Красная звезда", где погибло 50 телят, 150 овец, 1 тыс. голов птицы, 600 ц картофеля. Председателем колхоза оказался сын кулака. В деревне Неупокоевой Журавлевского сельсовета Тюменского округа часть кулаков вошла в колхоз и, заняв руководящие посты, осуществляла вредительство; кулаки морили скот, распускали его по дворам, нещадно эксплуатировали бедноту и батрачество, хотели убить бедняка М.Кузьминых за то, что не давал растаскивать скот и был активным организатором колхоза⁵².

Наконец, сельские эксплуататоры, стремясь уйти от налогов, обеспечить самосохранение своих хозяйств, продолжать эксплуатировать батрачество и бедноту, а также получить государственные и кооперативные кредиты для дальнейшего обогащения, начали использовать в этих целях коллективную форму ведения хозяйства, создавать лжеколхозы. В этом им помогали прокулацкие, антисоветские, оппортунистические элементы, засеившие в некоторых окружных и районных земельных органах. Чтобы обеспечить бесконтрольность эксплуатации батраков и бедняков в лжеколхозах, кулаки организовывали по преимуществу так называемые "дикие", т.е. нигде не зарегистрированные, сельхозартели и ТОЗы. Такой лжеколхоз был создан в селе Благовещенском Шумихинского района Челябинского округа. Вышеупомянутая

комиссия Наркомзема РСФСР при обследовании обнаружила лежколхозы во многих районах области⁵³.

Развернутый классовым врагом "крестовый поход" против колхозов начисто опровергал теории правых оппортунистов о "затухании классовой борьбы" и "мирном вращении кулака в социализм", неопровержимо доказывал, что сельские эксплуататоры остаются непримиримыми врагами социалистического преобразования сельского хозяйства.

Наступлению кулачества на колхозное движение необходимо было дать сокрушительный отпор. Ноябрьский 1929 г. Пленум ЦК ВКП(б) дал директиву развивать решительное наступление на кулака, всячески преграждая и пресекая попытки проникновения кулаков в колхозы, последовательно проводить курс на сплочение бедняцко-батрацкого ядра в колхозах, на быстрое объединение индивидуальных бедняцко-среднекрестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства. "В условиях обострившейся классовой борьбы, — говорилось в резолюции Пленума ЦК, — особое значение приобретает последовательное проведение мероприятий по борьбе с лежколхозами, являющимися средством маскировки и орудием кулацких элементов деревни"⁵⁴.

Расширенное заседание бюро Уралобкома и президиума ОблКК ВКП(б) 23 ноября 1929 г. приняло по докладу первого секретаря обкома И.Д. Кабакова резолюцию "Об итогах ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б)", в которой перед коммунистами области была поставлена задача всесторонне разъяснять решения Пленума ЦК широким массам рабочих и трудящихся крестьян и мобилизовать их на практическое осуществление выдвинутых Центральным Комитетом задач⁵⁵. 14 января 1930 г. бюро Уралобкома принимает решение "О партработе в совхозах и в колхозах", в котором отметило, что наблюдаются недопустимые случаи приема кулаков в колхозы, что некоторые партийные ячейки колхозов зачастую не замечают процессов классовой борьбы внутри колхозов и недостаточно борются со всякими видами замаскированной, скрытой эксплуатации батрачества и бедноты в некоторых кооперативах. Бюро потребовало от партийных организаций коренным образом перестроить работу с беднотой и батрачеством, еще более сплотить их в борьбе с кулачеством, организовать повсеместно при колхозах бедняцко-батрацкие группы, всемерно крепить производственно-политический блок с середняком в целях окончательного выкорчевывания капиталистических элементов деревни, решительной борьбы с извращениями политики партии, с терпимым отношением к кулачеству⁵⁶.

Преодоление нараставшего сопротивления кулачества представляло

собой одно из решающих условий успеха в проведении коллективизации. Руководствуясь решениями ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) и указаниями Уралобкома партии, коммунисты Урала возглавили борьбу масс против "крестового похода" кулачества на колхозы. Организация коммунистами отпора классовому врагу проходила путем усиления политической разъяснительной работы в массах, разоблачения клеветнических измышлений кулачества. Ячейка сельхозартели "Заря" Ачитского района в целях пресечения кулацкой клеветы о колхозной жизни специально созвала собрание крестьян, где был подробно разъяснен колхозный устав, а также порядок управления и организации труда, права и обязанности членов артели. Вскоре в сельском клубе коммунисты провели вечер вопросов и ответов на темы колхозной жизни. Провокационным вопросам кулаков и их враждебным вылазкам были противопоставлены убежденность руководителей колхоза в правоте своего дела и факты об успехах коллективного ведения хозяйства. Многие из присутствующих крестьян бедняков и середняков тут же подали заявления о приеме в артель⁵⁷.

Борьба с кулачеством шла также по линии чистки земельных органов от чуждых элементов, искажающих классовую линию партии в колхозном строительстве, потворствовавших приему кулаков в колхозы, созданию лжеколхозов. Первая проверка земорганов на Урале прошла летом 1929 г. Однако, как показало обследование комиссии Наркомзема осенью того же года, чистка была проведена формально, без контроля и руководства парторганизации и не дала желаемых результатов. На основе решения бюро Уралобкома ВКП(б) от 26 октября 1929 г. была проведена повторная чистка земельных органов Урала⁵⁸. Она началась с 20 ноября. На этот раз формирование проверочных комиссий и их работа проходили при непосредственном участии и контроле партийных комитетов. Многие комиссии возглавляли члены бюро райкомов и окружкомов, ответственные работники КК-РКИ⁵⁹. Повторная чистка аппарата земорганов освободила его от разложившихся, прокулацких и оппортунистических элементов, лишила кулачество возможности использовать его в своих целях.

Действенной мерой обуздания классового врага явились чистка коллективных хозяйств от кулаков и ликвидация кулацких лжеколхозов, организованная парторганизациями Урала на основе указаний ноябрьского 1929г. Пленума Центрального Комитета ВКП(б).

1 января 1930 г. Шатровский райком ВКП(б) принимает решение о проведении отчетно-выборной кампании в колхозах и чистке их от кулац-

ких и антисоветских элементов. Райком предложил обеспечить в составе правлений колхозов преобладающие позиции батраков, рабочих и бедняков. Подобные же решения в это время принимают Исетский, Киясовский, Ламенский, Лопатинский, Нытвенский и другие райкомы партии. В Ламенском районе из колхозов было исключено 12 кулацких хозяйств, в Нытвенском районе — 28 хозяйств. В Чудиновском районе Челябинского округа при проверке 21 колхоза было исключено 27 кулацких хозяйств, райисполком распустил два лжеколхоза. В Невьянском районе Свердловского округа уже в первые дни чистки было исключено около 60 кулаков и враждебных элементов. В Шатровском районе Тюменского округа из колхозов лишь нескольких сельсоветов было вычищено 40 кулацких хозяйств, распущено 3 лжеколхоза, из Ермутлинского крупного колхоза исключили 18 хозяйств⁶⁰.

Чистка политически укрепила коллективные хозяйства, помогла сплотить колхозный актив. Чистка колхозов проходила одновременно с отчетно-выборной кампанией. В руководящие органы колхозов были избраны наиболее преданные делу социалистического преобразования представители крестьянства. По Лопатинскому району в правления колхозов было введено 14% батраков, 50% бедняков, 34% середняков, 2% рабочих и служащих, 22% коммунистов и 6% комсомольцев. В Ординском районе в состав руководящих органов колхозов было избрано 12,3% рабочих и батраков, 59,3% бедняков, 25,3% середняков, 3,1% служащих, 28,4% коммунистов и 3,7% комсомольцев. В целях организационного и политического сплочения бедняцко-батрацкого ядра при колхозах создавались группы бедноты. К середине марта 1930 г. по 7 округам области группы бедноты начали действовать при 562 колхозах⁶¹.

Важную роль в борьбе с классовым врагом сыграли открытые судебные процессы, повсеместно проведенные над кулаками — участниками террористических актов, вредительства, поджогов и т.п. Так, в марте 1930 г. был осужден кулак Дубровин из села Дубровино Ярковского района за покушение на председателя колхоза⁶². В "Уральской областной крестьянской газете" за 3 декабря 1929 г. сообщалось о 5 открытых судебных процессах, проведенных над кулаками в Златоустовском, Шадринском, Пермском и Коми-Пермяцком округах. Из 16 подсудимых 6 человек приговорены к расстрелу⁶³. Эти и многие другие процессы показали крестьянским массам, что диктатура пролетариата сурово карает преступников, поднимающих руку на активных борцов за дело социализма.

Таким образом, партийные организации Урала сплотили трудящих-

ся деревни и по всем направлениям развернули контрнаступление против "крестового похода" кулачества на массовое колхозное движение. Они разоблачали злостную антиколхозную агитацию классового врага, разъясняли широким крестьянским массам на конкретных фактах преимущества коллективного труда, всеми средствами доносили до масс сущность ленинского кооперативного плана. Была организована чистка земельных органов от враждебных и оппортунистических элементов, помогавших кулачеству в его антиколхозной деятельности, проведена чистка колхозов от пробравшихся в них кулаков, стремившихся их разложить изнутри, распущены кулацкие лжеколхозы. Организаторы террористических актов против колхозных руководителей и актива были заслуженно наказаны.

Однако все эти меры оказались недостаточными для того, чтобы окончательно сломить сопротивление кулачества. Оно продолжало ожесточенную борьбу против нарастающего колхозного движения. Чем далее обострялась классовая борьба в деревне, тем яснее становилось, что необходимы кардинальные меры, направленные на подавление контрреволюционных выступлений кулачества и его агентуры. Только так можно было обеспечить дальнейшее поступательное развитие сплошной коллективизации сельского хозяйства. В ходе острейшей классовой борьбы трудящиеся массы крестьянства на собственном опыте убедились в необходимости обуздания кулачества и повсеместно выдвигали требования о пресечении его антисоциалистической, антиколхозной деятельности. Сама жизнь ставила вопрос о переходе в развернутое наступление на самый многочисленный эксплуататорский класс, о ликвидации кулачества как класса.

3. Деятельность партийных организаций по осуществлению развернутого наступления на кулачество и его ликвидации как класса

К решению вопроса о кулачестве как об одном из самых многочисленных эксплуататорских классов Коммунистическая партия подходила, руководствуясь объективными законами строительства социализма. Эти закономерности требовали замены частной собственности на орудия и средства производства обобществленной собственностью, преобразования многоукладной экономики переходного периода в одноукладную социалистическую, ликвидации капиталистического уклада в промышленности, сельском хозяйстве, торговле, ликвидации эксплуататорских классов, в том числе и кулачества, и причин, порождавших эти классы.

Исходя из общих закономерностей, Коммунистическая партия вместе с тем учитывала специфические особенности возникновения и развития, природы каждого эксплуататорского класса, который предстояло ликвидировать в процессе строительства социализма. Она с научной точностью учитывала, насколько созрели все необходимые, прежде всего социально-экономические, предпосылки для осуществления этой исторической задачи. Если для ликвидации класса помещиков и крупной буржуазии созрели социально-экономические, политические и идеологические предпосылки к моменту Октябрьской социалистической революции и процесс экспроприации этих эксплуататорских классов завершился немедленно после установления Советской власти, то иначе решалась эта задача по отношению к кулачеству. Это объясняется особыми социально-экономическими условиями развития и природой данного класса. Дело в том, что кулачество являлось таким буржуазным классом, который имел глубокие экономические и социальные корни во всей системе мелкотоварного крестьянского производства, в силу внутренних закономерностей своего развития рождающего капиталистические, кулацкие элементы стихийно, постоянно и в массовом масштабе. Поэтому пока продолжало существовать мелкотоварное производство в сельском хозяйстве, до тех пор на этой почве продолжалось закономерное возрождение кулацких элементов из среды крестьянства, несмотря на ограничительные меры Советской власти. В первой главе настоящей работы этот процесс обстоятельно показан на материалах Урала. Поэтому победивший пролетариат, экспроприировав немедленно капиталистов и помещиков, не мог сразу же экспроприировать класс кулаков. "... Экспроприация даже крупных крестьян, — писал В.И. Ленин, — никоим образом не может быть непосредственной задачей победившего пролетариата, ибо для обобществления таковых хозяйств нет еще материальных, в частности технических, а затем и социальных условий"^I.

Следовательно, основополагающей предпосылкой перехода в развернутое наступление на кулачество, которое должно было завершиться его ликвидацией как класса, являлось социалистическое преобразование мелкотоварного крестьянского хозяйства на основе ленинского кооперативного плана. В вышеприведенном ленинском положении речь идет также о подготовке материально-технических предпосылок решения этой задачи. В.И. Ленин придавал первостепенное значение крупной социалистической промышленности, новейшей технике, электрификации в революционном преобразовании деревни, считал это основным экономиче-

ским условием, при котором кооперирование может подвести крестьянство к социализму, решающим образом способствовать делу "переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков"². "Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, — говорил В.И. Ленин, — оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца"³. Тем самым высокоразвитая социалистическая индустрия создавала материальные условия для того, чтобы окончательно уничтожить саму экономическую основу, которая рождает и питает эксплуататорский класс в сельском хозяйстве. "Если ты можешь дать крестьянину машины, — говорил В.И. Ленин, — этим ты поднимешь его, и когда ты дашь машины или электрификацию, тогда десятки или сотни мелких кулаков будут убиты"⁴.

Подготовка экономических условий для развернутого наступления на кулачество заключалась также в ослаблении его экономических позиций, о чем выше уже сказано, в замене товарного хлеба, производимого кулаками, производством товарного зерна социалистическим сектором сельского хозяйства — совхозами и колхозами.

Все эти предпосылки к осени 1929 г. — началу 1930 г. имелись налицо.

На основе последовательного осуществления курса XIV съезда ВКП(б) на индустриализацию страны, первого пятилетнего плана, принятого XVI партийной конференцией в апреле 1929 г., шел интенсивный процесс создания материально-технических предпосылок перевода индивидуальных крестьянских хозяйств на путь коллективизации, обобщественного производства.

В стране все шире развертывалось строительство предприятий сельскохозяйственного машиностроения, началось сооружение крупных тракторных, комбайновых заводов. В 1929 г. отечественная промышленность произвела машин и орудий сельскохозяйственного назначения в 3,6 раза больше, чем в 1913 г., а в 1929/30 г. — уже в 6 раз⁵. Если до революции на Урале сельхозмашиностроения не было, то в 1928/29 г. уже 12 предприятий выпускали орудия и машины для сельского хозяйства. В 1925/26 г. в области было произведено машин и орудий на 10 024 тыс. руб., а в 1928/29 г. — на 31 137 тыс. руб. По тресту "Уралсельмаш" только за 1928/29 г. валовая продукция выросла с 17,7 до 26,8 млн. руб.⁶

Решающим фактором технического перевооружения сельскохозяйственного производства являлась тракторизация. Советское сельскохозяйственное машиностроение освоило производство тракторов уже в первые годы индустриализации. За 1926–1929 г. их было выпущено 5 тыс., в 1930 г. – 9 тыс., а в 1931 г. – 37,9 тыс. тракторов и 3,5 тыс. зерноуборочных комбайнов. Кроме того, Советское государство закупало значительное количество тракторов за границей. Общее число тракторов в сельском хозяйстве страны увеличилось с 24,5 тыс. в 1927 г. до почти 35 тыс. в 1929 г.⁷, на Урале соответственно с 721 до 1 923⁸. В 1929 г. на Урале началось строительство Челябинского тракторного завода.

В целях более рационального и производительного использования крупной машинной техники создавались вначале тракторные колонны, а затем машинно-тракторные станции (МТС), которые стали важнейшим не только техническим, но и организационным и социально-политическим рычагом Советского государства в социалистической перестройке сельского хозяйства. Осенью 1929 г. началось строительство четырех государственных машинно-тракторных станций на Урале – Шучанской, Шумихинской, Петуховской и Лебяжьевской. В следующем году в Уралобласти функционировало уже более 50 МТС⁹.

МТК и МТС были средством помощи бедноте и середнякам в организации коллективного хозяйства, они подрывали влияние кулацких хозяйств в деревне. Бедняцкие и середняцкие хозяйства, заключая договоры с МТС на обработку земли, освобождались от сдачи ее в аренду кулачеству, от кабальной аренды у сельских эксплуататоров средств производства.

Социальные условия коллективизации единоличных крестьянских хозяйств подготавливались последовательным проведением в жизнь ленинского кооперативного плана, развитием и укреплением сельскохозяйственной кооперации. Если в 1926/27 г. сельхозкооперацией было охвачено 27,6% крестьянских хозяйств Уралобласти, то в 1928/29 г. – более 60%. Количество кооперативов с 6 тыс. в 1926/27 г. увеличилось до 11 тыс. в 1928/29 г., а число членов в них с 586 тыс. до 833 тыс.¹⁰

На основе создания всех необходимых предпосылок в основных сельскохозяйственных районах страны, в том числе и на Урале, со второй половины 1929 г. началось массовое колхозное движение. Развернувшаяся сплошная коллективизация сельского хозяйства, знаменовавшая собой коренной поворот основных масс крестьянства на путь кол-

лективного, общественного производства, на путь социализма, создавала решающую предпосылку перехода в развернутое наступление на кулачество, его ликвидации как класса. Революционное преобразование мелкотоварного производства в крупное социалистическое ликвидировало почву и те глубинные корни, на которых постоянно возрождались капиталистические элементы в сельском хозяйстве.

Быстрые темпы формирования социалистического сектора в сельском хозяйстве — организация колхозов и совхозов — создавали предпосылки для замены товарного хлеба, производимого в кулацких хозяйствах, зерновой продукцией колхозов и совхозов. Они становились главными производителями зерна и уже в 1929 г. опередили по хлебу кулацкие хозяйства. Если в 1927 г. кулацкие хозяйства производили более 617 млн. пудов зерна, в том числе около 126 млн. пудов товарного, то совхозы и колхозы производили всего около 89 млн. пудов, в том числе товарного хлеба около 35,8 млн. пудов. Во второй половине 1929 г. социалистические предприятия в земледелии произвели не менее 400 млн. пудов зерна, в том числе более 130 млн. пудов товарного. В 1930 г. социалистический сектор дал уже 600 млн. пудов товарного хлеба¹¹. Колхозы Урала, объединяя в 1930 г. около четверти крестьянских хозяйств области, дали 37% заготовленного хлеба, 57% масла, 37% овощей, 29% заготовленных технических культур¹².

Во второй главе настоящей работы было показано, что к осени 1929 — началу 1930 г. были созданы политические предпосылки перехода в развернутое наступление на кулачество — достигнута его полная политическая изоляция. Партия разгромила правый оппортунизм и буржуазные и мелкобуржуазные теории капиталистического развития сельского хозяйства в нашей стране.

Переход в решительное наступление на кулачество диктовался также его ожесточенным сопротивлением социалистическому преобразованию сельского хозяйства, его бешеными атаками на массовое колхозное движение, как это было показано в предыдущем параграфе настоящей работы. В этой обстановке стало невозможным дальнейшее сосуществование двух противоположных секторов в сельском хозяйстве — капиталистического и социалистического. К тому же бедняки и середняки, объединившиеся в колхозы, по собственной инициативе во многих местах начали ликвидацию кулацких хозяйств. На основе решений общих собраний колхозников они стали изымать у кулаков лучшие земли, конфисковывать у них рабочий скот, сельхозинвентарь, машины для обработки колхозных полей. Так было, например, в районе сплошной коллек-

тивизации — Краснополянском Ирбитского округа, где в декабре 1929 г. и начале января 1930 г. было раскулачено более 500 хозяйств, или 4% общего числа хозяйств района¹³. Следовательно, экспроприация кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации являлась уже не простой административной мерой, а самостоятельной инициативой колхозных масс, жизненно необходимым делом и составной частью процесса сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Таким образом, Коммунистическая партия, исходя из общих закономерностей строительства социализма и учитывая коренное изменение соотношения классовых сил в деревне, правильно, научно обоснованно определила момент "последнего и решительного боя" с кулачеством, момент перехода в развернутое наступление на самый многочисленный эксплуататорский класс. В решениях ноябрьского 1929 г. Пленума ЦК ВКП(б) была выдвинута задача развернуть "решительное наступление на кулака"¹⁴, проводить "выкорчевывание корней капитализма в сельском хозяйстве"¹⁵. В заключительной части резолюции Пленума "Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства" говорилось: "Развертывая по всему фронту наступление на капиталистические элементы и всемерно укрепляя производственную смычку социалистической индустрии с сельским хозяйством, партийные организации должны своевременно мобилизовать силы для проведения предстоящей посевной кампании, поставив во главу угла задачу дальнейшего развития массового производственного кооперирования, коллективизации крестьянских хозяйств и развертывания строительства совхозов"¹⁶.

Из приведенных положений ноябрьского 1929 г. Пленума ЦК вытекает совершенно определенный вывод о том, что со второй половины — осени 1929 г., когда произошел коренной поворот основных масс крестьянства на путь колхозов, начался этап развернутого наступления на кулачество, что отразил в своих документах Пленум ЦК.

В этих условиях перед Коммунистической партией встал вопрос, каким способом довести этот "последний и решительный бой" с кулачеством до окончательной победы. Этот вопрос, как и ряд других принципиальных вопросов колхозного строительства, было поручено рассмотреть и решить специальной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с наркомом земледелия СССР А.Я.Яковлевым, созданной в декабре 1929 г. После тщательного изучения опыта колхозного строительства и классовой борьбы в деревне комиссия пришла к единодушному выводу о необходимости ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации, о необходимости применения к кулакам мер

государственного насилия путем лишения их всех прав частной собственности на орудия и средства производства и выселения за пределы коллективизированных районов. В документах комиссии вскрывались исторические, экономические и социальные причины, которые обуславливали необходимость ликвидации кулачества как класса¹⁷. Опираясь на выводы комиссии, И.В.Сталин в речи на I Всесоюзной конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. теоретически обосновал новую классовую политику партии в деревне¹⁸. Окончательно эта политика получила закрепление в историческом постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. "О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству". В нем говорилось, что развертывание сплошной коллективизации сельского хозяйства и наличие материальных и других предпосылок "дало партии полное основание перейти в своей практической работе от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса"¹⁹.

Исходя из изложенного, мы не можем согласиться с точкой зрения И.Я.Трифорова и Ф.М.Ваганова, которые относят начало развернутого наступления на кулачество к 1928 г.²⁰ Вызывает также возражение мнение С.П.Трапезникова о том, что "с переходом партии к новой классовой политике было положено начало развернутому наступлению социализма по всему фронту"²¹. Этой же точки зрения придерживаются авторы монографии "Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление". Они считают, что лишь с переходом к ликвидации кулачества как класса "наступление социализма стало развернутым и всеохватывающим"²². На самом деле начало развернутого наступления социализма по всему фронту следует отнести к моменту перехода крестьянства на путь сплошной коллективизации, т.е. к осени 1929 г.

Дальнейшую конкретизацию новая классовая политика получила в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. "О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации". Согласно постановлению все кулацкие хозяйства были распределены на три категории. К первой относились кулаки, ведущие активную контрреволюционную деятельность, организаторы террористических актов, антисоветских групп и массовых антиколхозных выступлений. Они привлекались к судебной ответственности. Вторую составляли крупные кулаки и бывшие полупомещики, подлежащие выселению в отдаленные районы страны. В третью входили остальные кулацкие эле-

менты. Их рекомендовалось переселять в пределах района на новые, специально отводимые за пределами колхозных массивов земли. ЦК ВКП(б) устанавливал, что количество кулацких хозяйств, подлежащих ликвидации в районах сплошной коллективизации, "должно строго дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств" и не должно превышать в среднем 3-5% всех крестьянских хозяйств²³.

Законодательно практические меры по ликвидации кулачества как класса были закреплены в постановлении ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. "О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством". В целях практического осуществления новой классовой политики и организованного проведения ликвидации кулачества как класса постановление отменяло действие закона о разрешении аренды земли и найме рабочей силы. Областным и краевым исполнительным комитетам предоставлялось право принять в районах сплошной коллективизации по отношению к кулацким хозяйствам и их членам все необходимые меры вплоть до конфискации средств производства, скота, хозяйственных построек, имущества и выселения кулаков за пределы данных областей и краев²⁴.

Следовательно, сущность политики ликвидации кулачества как класса заключалась в уничтожении экономических основ существования кулацких хозяйств - в экспроприации средств производства, лишении их права найма рабочей силы, которую они использовали в эксплуататорских целях для получения предпринимательской прибыли, и аренды земли. Что касается выселения части кулацких семей в отдаленные районы, то это было обусловлено ожесточенным характером классовой борьбы в деревне, бешеным сопротивлением кулачества социалистическому преобразованию сельского хозяйства.

Руководствуясь постановлениями партии и правительства, партийные, советские и общественные организации Урала приступили к практическому проведению новой классовой политики в деревне. Поскольку процесс ликвидации кулачества как класса на Урале достаточно полно освещен в указанных в первой главе работах Н.В. Ефременкова, остановимся на наиболее принципиальных сторонах этой проблемы и выскажем по ряду вопросов свои соображения.

Прежде всего следует отметить, что в целом ликвидация кулачества как класса на Урале развернулась в районах сплошной коллективизации сельского хозяйства и на ее основе. Меры по ее практическому

му проведению были всесторонне разработаны руководящими партийными и советскими органами области и осуществлялись под воздействием их повседневной направляющей деятельности.

Бюро Уралобкома ВКП(б) совместно с президиумом Уралоблисполкома 21 января 1930 г. приняли решение, в котором перед окружками партии и окрисполкомами были поставлены задачи в области политикомассовой и организаторской работы по подготовке ликвидации кулачества как класса. Уралобком и Облисполком призвали местные партийные и советские органы сплотить, мобилизовать и организовать на борьбу с кулачеством силы рабочего класса, батрачества, бедноты и середняков. Руководителями этой борьбы должны выступить деревенские партийные организации и Советы²⁵.

Одновременно бюро Уралобкома поручило фракции Облисполкома составить инструктивные указания о порядке учета, оценки, передачи колхозам и использования ими конфискованных средств производства и имущества кулаков, определить количество выселяемых кулаков исходя из конкретных особенностей каждого округа. Общее число выселяемых из области хозяйств первоначально устанавливалось в пределах 15 тыс. Облисполком должен был определить районы для расселения кулаков (преимущественно отдаленные места севера области)²⁶.

Таким образом, в начале третьей декады января Уралобком ВКП(б) и Уралоблисполком дали местным партийным и советским органам установку на всестороннюю подготовку к ликвидации кулачества как класса.

Агитационно-пропагандистский отдел Уралобкома ВКП(б) 27 января обратился ко всем окружкам и райкомам с письмом, в котором разъяснялись многие вопросы, связанные с практическим осуществлением новой классовой политики. В письме говорилось о долге и обязанности партийных организаций и каждого коммуниста возглавить всю работу по ликвидации кулачества как класса. Решить эту исторической важности задачу административными мерами невозможно. Поэтому задача партийных организаций состоит в том, чтобы сплотить и мобилизовать батрацко-бедняцкие массы, поднять на борьбу с кулаком большинство середняков. Партийным организациям рекомендовалось повсеместно провести собрания коммунистов и комсомольцев с обсуждением вопросов осуществления новой классовой политики, активизировать работу бедняцко-батрацких групп, усилить работу среди середняков с целью вовлечения их в осуществление мер по ликвидации кулачества, всемерно укреплять Советы, решительно пресекая попытки их ликвида-

ции, превратить их в штабы по руководству борьбой против кулачества, за сплошную коллективизацию²⁷.

Принятые Уралобкомом ВКП(б) и Уралоблисполкомом документы в целом правильно ориентировали местные партийные, советские и общественные организации в основных направлениях мобилизации масс на ликвидацию кулачества как класса. В них не содержалось лишь конкретных указаний о том, как поступить с различными категориями кулацких хозяйств. Это было сделано после принятия Политбюро ЦК ВКП(б) 30 января и ЦИК и СНК СССР 1 февраля 1930 г. соответствующих постановлений. На их основе Уралобком ВКП(б) 5 февраля 1930 г. принял развернутое решение "О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией"²⁸. Постановление разъясняло важнейшее положение о том, что ликвидация кулацких хозяйств должна происходить как неразрывная составная часть процесса сплошной коллективизации. Поэтому бюро обязало партийные, советские и общественные организации проводить мероприятия по ликвидации кулачества в районах сплошной коллективизации. Оно осудило получившую распространение в некоторых районах практику раскулачивания посредством одних административных методов, без привлечения широких масс крестьянства и указало местным партийным и советским организациям, что постановления о конфискации средств производства и имущества кулацких хозяйств и о выселении их семей должны приниматься на общих собраниях членов колхозов, бедноты, батрачества и середняков. В постановлении перечислялись меры, которые должны были применяться к первой, второй и третьей категориям кулаков. К первой категории было отнесено 5 тыс. хозяйств, ко второй — 15 тыс., или 1,6% всех крестьянских хозяйств области²⁹. При определении количества кулацких хозяйств каждой категории учитывалось их фактическое число в округе и районе. Так, в Челябинском и Троицком округах — по 2250 кулацких хозяйств второй категории, Курганском — 1800, Ишимском — 1700, Тюменском — 1500, Шадринском — 1300, Сарапульском — 1100, Пермском — 900, Ирбитском — 800, Свердловском — 700 и т.д.³⁰ Списки кулаков второй категории райисполкомы должны были утверждать только на основе постановлений совместных собраний бедняков, батраков и колхозников. Вопрос о переселении кулаков третьей категории решали окрисполкомы. Выселяемым семьям предоставляли необходимые предметы домашнего обихода, запасы продовольствия, денег до 500 руб. и средства труда в соответствии с характером работы на новом месте. Особое внимание в постановлении уделялось трудоустройству кулаков

второй и третьей категорий на новых местах, созданию условий для их перевоспитания, особенно молодежи, в процессе трудовой деятельности. Для кулаков третьей категории предусматривалась возможность организации особого вида сельскохозяйственных артелей и других объединений.

В специальном разделе постановления детально определялся порядок распоряжения конфискованным кулацким имуществом. Ответственность за его сохранность возлагалась на сельские Советы. "Конфискуемые у кулаков средства производства и их имущество, — говорилось в постановлении, — передаются существующим и вновь организуемым колхозам в качестве взносов бедняков с зачислением конфискованного в неделимый фонд колхозов ..."³¹ Передача кулацкого имущества в единоличные хозяйства или покупка его членами партии и комсомольцами категорически воспрещалась. Руководителям колхозов предлагалось рационально использовать передаваемые им средства производства, хозяйственные и жилые постройки, полностью засеять переданные в колхозы бывшие кулацкие земельные участки.

В заключительном разделе постановления бюро Уралобкома ВКП(б) обязывало партийные организации со всей ответственностью подойти к выполнению своей руководящей роли в деле ликвидации кулачества как класса, соблюдать твердую большевистскую дисциплину и организованность, проявлять политическую бдительность, усилить агитационно-разъяснительную работу среди крестьянства. Бюро предупредило коммунистов об опасности недооценки трудностей, связанных с осуществлением мероприятий по ликвидации кулачества, о недопустимости их распространения на середняцкие хозяйства. Бюро Уралобкома выразило уверенность в том, что "при активном участии всех организаций в деревне, комсомола, делегатских собраний, при самой широкой организации батрачества, бедноты и при сплочении под руководством партии и Советов бедняцко-середняцких масс на основе коллективизации будет успешно решена задача по социалистическому переустройству деревни ... и по ликвидации кулачества"³².

Получив четкие и ясные указания Центрального Комитета и Уралобкома ВКП(б), Советского правительства, партийные организации на местах приступили к практическому осуществлению новой классовой политики в деревне. Уже в середине января принимают решения о переходе к политике ликвидации кулачества как класса Свердловский, Троицкий, Тюменский, Пермский и другие окружкомы ВКП(б), 23 января — бюро Магнитного райкома партии Троицкого округа³³ и другие

парткомы. Повсеместно наступление на кулачество развернулось в феврале 1930 г.

Последовательно и организованно приступили к проведению новой классовой политики в деревне партийные, советские и общественные организации округа сплошной коллективизации на Урале — Челябинского. Решения о ликвидации кулачества как класса окружком ВКП(б) и райкомы передовых районов сплошной коллективизации — Челябинский и Шумихинский — приняли еще в январе 1930 г. Но широкая политическая и организаторская работа началась в феврале. В течение двух недель было проведено около 800 собраний бедноты, батрачества и середняков, в которых приняло участие до 50 тыс. человек, и 362 собрания колхозников с 41 тыс. участников. На собраниях обсуждался один вопрос: сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса. Трудающиеся массы крестьянства в подавляющем большинстве активно поддерживали линию партии и правительства, сплоченно выступили за ликвидацию кулачества, конфискацию у него средств производства и выселение из районов сплошной коллективизации. Попытки отдельных групп подкулачников взять эксплуататоров под защиту встретили отпор со стороны большинства крестьян. В селе Щучьем Ялано-Катайского района после собрания, посвященного раскулачиванию, бедняки, батраки и колхозники провели демонстрацию под лозунгом "Немедленно выселить кулаков — врагов колхозного строя!" По решению собраний в Челябинском округе было намечено к выселению до 3 тыс. кулацких хозяйств, а конфискация средств производства и имущества проведена у 1 700 хозяйств³⁴.

В целом организованно шел процесс ликвидации кулачества как класса и в других округах и районах области. В нем принимали активное участие широкие массы труженников деревни. Батраки, бедняки и колхозники, выступая единым фронтом с середняками, требовали положить конец контрреволюционной, антиколхозной, вредительской деятельности кулачества, развязанному им террору против сельского актива, экспроприировать деревенских богатсеев, нажившихся за счет эксплуатации бедноты и батрачества. "Политику партии и Советской власти, направленную на ликвидацию кулачества как класса, — говорилось в постановлении собрания крестьян села Останино Режевского района Свердловского округа, — считаем правильной. Осудив вредительскую, контрреволюционную деятельность кулаков, собрание постановляет ликвидировать их как класс путем конфискации имеющихся у них сельхозинвентаря, имущества, построек и домов, выселить из пределов райо-

на, как особо вредных элементов. Конфискованное имущество — дома, постройки, скот, сельскохозяйственный инвентарь, машины и т.д. передать по описи в неделимый капитал колхоза³⁵.

В результате последовательного проведения партийными и советскими, общественными организациями Урала мер по осуществлению новой классовой политики к июню 1930 г. на Урале было раскулачено около 30 тыс. хозяйств, или 2,3% всех крестьянских хозяйств области³⁶. Конфискованные у них средства производства и имущество на сумму 10,6 млн. руб. вошли в состав неделимых фондов колхозов. В неделимых фондах колхозов кулацкие средства производства и имущество составили 30,5%³⁷.

В первой главе настоящей работы приведены данные о том, что на Урале в 1927 г. кулацкие хозяйства составляли 4% всех крестьянских хозяйств области. В связи с усилением политики вытеснения капиталистических элементов деревни после XV съезда ВКП(б), начавшимся процессом самоликвидации кулацких хозяйств к началу сплошной коллективизации удельный вес кулацких хозяйств сократился на Урале примерно до 3,5%. Исходя из этих данных, можно сделать вывод о том, что к лету 1930 г. большая часть кулацких хозяйств (около 2/3 их общего числа) была ликвидирована. Таким образом, уже на первом этапе развернутого наступления на капиталистические элементы деревни кулачеству был нанесен решающий удар, основная его масса была экспроприрована.

Говоря о положительных результатах деятельности партийных, советских и общественных организаций Урала по проведению в жизнь новой классовой политики, нельзя пройти мимо тех ошибок, которые были допущены коммунистами области в решении сложной задачи. Эти ошибки были совершены одновременно с теми перегибами, которые имели место в процессе осуществления сплошной коллективизации сельского хозяйства. В основном они сводились к следующему.

Во-первых, ряд районных и сельских партийных организаций и советских работников, часть деревенского актива пытались осуществить ликвидацию кулачества как класса, вопреки указаниям партии и Советского правительства, посредством чисто административных мер, без активного участия широких крестьянских масс, в отрыве от решения задачи развития массового колхозного движения. Так, бюро Шадринского окружкома ВКП(б) отмечало, что в ряде районов и сельсоветов наметился формальный подход к осуществлению политики ликвидации кулачества как класса, коммунисты не ведут политико-массовой рабо-

ты, решения собраний бедноты, батрачества и колхозников о раскулачивании подменяются голым администрированием. Подобные факты имели место в Ольховском, Катайском, Камышловском, Богдановичском, Пышминском и Каргопольском районах. В обзоре Уралобкома ВКП(б) говорилось, что тенденция к ликвидации кулачества административно-судебными мерами наблюдалась в Ишимском, Троицком, Свердловском округах³⁸.

Во-вторых, наиболее грубая ошибка заключалась в том, что некоторые партийные и советские организации стали распространять меры, предназначенные в отношении кулачества, на часть середняков. Как отмечал Шадринский окружком, в Покровском, Багарякском и Каменском районах для выселения намечались семьи середняков и красноармейцев. Факты конфискации имущества у середняков приводились на пленуме Магнитного райкома ВКП(б). В районе под раскулачивание подвели 83 середняцких хозяйства, в Верхне-Уральском — 80. В Таборинском районе местными властями был раскулачен середняк, имевший 3,5 десятины посева, одну лошадь и плативший 7 руб. 75 коп. сельхозналога³⁹. Подобные факты имели место во всей области.

Причины допущенных ошибок в процессе ликвидации кулачества как класса были общими с теми, которые привели к перегибам в ходе осуществления сплошной коллективизации в январе-феврале 1930 г. Они обстоятельно раскрыты в исторической литературе⁴⁰. На Урале распространению перегибов содействовало ошибочное постановление декабрьского 1929 г. пленума Уралобкома ВКП(б), в котором местным партийным организациям было дано указание уже в 1930 г. коллективизировать не менее 80% крестьянских хозяйств области⁴¹. Это привело к форсированию темпов коллективизации, административным перегибам в отношении средняцких хозяйств, в том числе "раскулачиванию", лишению избирательных прав и т.д.

В дополнение к имеющимся по этому вопросу точкам зрения следует добавить ряд моментов, в особенности заострить внимание на социальной природе этих ошибок. Этот вопрос в опубликованных работах освещен, на наш взгляд, недостаточно.

Прежде всего, о применении административных мер в процессе раскулачивания некоторыми низовыми партийными и советскими организациями. Помимо указанных причин, в данном случае определенную отрицательную роль сыграл имевшийся у партийных, советских, кооперативных и общественных организаций опыт проведения многочисленных в то время кампаний — хлебозаготовительной, налоговой, посевной, уборочной, по выборам в Советы и т.д. Определенная часть низовых партий-

ных и советских работников восприняла решение грандиозной по своим масштабам и сложности задачи перевода миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств на путь коллективизации как очередную краткосрочную кампанию. В особенности это касалось ликвидации кулачества как класса. Отсюда и возникла тенденция решения этого сложного вопроса административным путем без вовлечения масс, без политической и организаторской работы среди них.

Что касается распространения рядом партийных и советских организаций мер, предназначавшихся против кулачества, на некоторую часть среднего крестьянства, то эта ошибка, как и другие перегибы, допущенные в процессе сплошной коллективизации (форсирование темпов колхозного движения, административные меры по отношению к середняку, насаждение коммун, гигантомания в колхозном строительстве), помимо раскрытых в литературе причин, имела глубокие социальные корни. Все эти ошибки носили левацкий характер. Это не случайное явление, а отражение влияния и давления мелкобуржуазной идеологии и психологии особенно на низовые звенья партии, советских и кооперативных организаций. Дело в том, что на путь социалистических преобразований повернули, лавиной двинулись в колхозы многомиллионные массы мелких товаропроизводителей, мелких буржуа, для которых характерны постоянные колебания, шарахания и крайности, а также революционные порывы и стремления, не считаясь с объективными условиями, немедленно вступить в социализм. Эти мелкобуржуазные устремления не могли не оказать влияния на низовые партийные, советские и колхозно-кооперативные организации.

В отчетном докладе Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) И.В.Сталин следующим образом охарактеризовал "левые" загибы, имевшие место в партии в области колхозного движения. "Они представляют некоторую, правда, бессознательную, попытку возродить у нас традиции троцкизма на практике, возродить троцкистское отношение к среднему крестьянству". Несколько ниже он вновь назвал "левые" перегибы в колхозном строительстве "остатками троцкизма и их отрывками на практике"⁴².

Конечно, в содержании ошибок в период сплошной коллективизации, в том числе и антисредняцких перегибах в процессе раскулачивания, было нечто общее с троцкизмом — их мелкобуржуазное происхождение. Но характеризовать их как попытки возрождения традиций троцкизма, троцкистского отношения к среднему крестьянству, отрывки троцкизма на практике было бы, по нашему мнению, неверно. Ну

что общего с трокизмом могло быть у Нагульнова из "Поднятой целины" М. Шолохова. Правильно сказал новый секретарь райкома: "Путаник, но ведь свой же". А таких Нагульновых по стране, в том числе и на Урале, было немало. Поэтому тот сверхреволюционный вихрь, который охватил значительную часть местных партийных организаций в январе-феврале 1930 г., в том числе антисередняцкие перегибы в процессе ликвидации кулачества как класса, представляли собой своеобразное, невиданное ранее проявление влияния мелкобуржуазной идеологии и психологии на определенную часть низовых партийных и советских работников, сельских коммунистов и активистов. В.И. Ленин отмечал, что "каждый своеобразный поворот истории вызывает некоторые изменения в форме мелкобуржуазных шатаний", которые проявляются "в невиданном раньше облачении или окружении, в оригинальной ... обстановке"⁴³. Это ленинское методологическое положение дает ключ к пониманию социальной природы и своеобразия "левых" ошибок и перегибов, допущенных частью низовых партийных и советских кадров, деревенских активистов в январе-феврале 1930 г. в процессе раскулачивания.

На почве левоавантюристических ошибок к весне 1930 г. в деревне создавалась сложная обстановка, чреватая весьма тяжелыми последствиями. Самая серьезная опасность заключалась в том, что во многих районах страны и на Урале стало наблюдаться серьезное недовольство среднего крестьянства. Искривления линии партии, в том числе раскулачивание части середняков, создавали угрозу разрыва союза рабочего класса со средним крестьянством.

Опасность эта возрастала в связи с тем, что перегибы в отношении середняка были немедленно использованы классовым врагом. Кулаки открыто провоцировали крестьян на антисоветские, антиколхозные выступления. А левые "загибщики" по существу пособничали им в этом, ибо их действия были на руку врагам. В самом деле, кулаки, запугивая середняка, говорили ему: "Сегодня я, а завтра ты будешь раскулачен", а те коммунисты и деревенские активисты, которые допускали перегибы, словно подтверждая эту кулацкую клевету, зачисляли часть середняков в кулаки, лишали их избирательных прав и подвергали раскулачиванию.

Во многих районах антиколхозная кулацкая агитация оказала воздействие на часть крестьян-середняков, они начали выходить из колхозов. Об отливе от колхозов под влиянием кулацкой агитации сообщали Тименский, Курганский, Шадринский окружки партии⁴⁴. В Дубровинском сельсовете Петуховского района кулаки собрали группу женщин-колхозниц около 100 человек и с угрозами наброси-

лись на местный актив, требуя распустить колхоз, возвратить весь скот, сельхозинвентарь. Часть скота была разведена по домам. Кулаки подбивали крестьян на прямые антисоветские выступления. В деревне Северная 8 марта 1930 г. кулаки вместе с частью середняков схватили группу коммунистов и милиционера и закрыли в здании сельского Совета. Установив свою стражу, кулаки предлагали крестьянам поджечь дом, на что большинство жителей деревни не согласилось. Как потом выяснилось, здесь длительное время организованно действовала кулацкая группировка в составе 6 человек, вела злобную антисоветскую и антиколхозную агитацию, угрожала террором деревенским коммунистам и активистам, оказывала сильное влияние на середняцкую часть крестьянства. Допущенные в период раскулачивания деревенскими активистами перегибы привели к тому, что созданный ими колхоз под влиянием кулацкой агитации начал распадаться. На помощь сельским коммунистам и активистам Нижнетагильский окружком направил бригаду рабочих, которая провела среди крестьянства большую политическую и организаторскую работу. Кулацкая группировка была разгромлена, ее вожаки арестованы, остальные раскулачены и высланы. Антисередняцкие перегибы были ликвидированы, вовлечение крестьян в коллективное хозяйство стало осуществляться на здоровой основе⁴⁵.

Борьба с искривлениями партийной линии в колхозном строительстве и ликвидации кулачества как класса приобрела неотложный характер. Центральный Комитет партии принял энергичные меры по исправлению допущенных ошибок. 2 марта 1930 г. была опубликована статья И.В.Сталина "Головокружение от успехов", написанная по поручению Политбюро ЦК ВКП(б). Особо важное значение имело постановление Центрального Комитета от 14 марта 1930 г. "О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении". В этих документах вскрывались причины и характер допущенных ошибок, указывалось на их серьезную опасность для дела социалистического преобразования сельского хозяйства. ЦК ВКП(б) сосредоточивал внимание партийных организаций на борьбе с искривлениями, которые стали основным тормозом колхозного движения и оказывали прямую помощь классовым врагам, стремившимся сорвать коллективизацию. "В ряде районов, — отмечалось в постановлении, — добровольность заменяется принуждением к вступлению в колхозы под угрозой раскулачивания, под угрозой лишения избирательных прав и т.п. В результате в число "раскулаченных" попадает иногда часть середняков и даже бедняков, причем в некоторых районах процент "раскулаченных" доходит до 15, а процент лишенных из-

бирательных прав — до 15-20"⁴⁶. Чтобы решительно положить конец перегибам в проведении ликвидации кулачества как класса, ЦК ВКП(б) потребовал от партийных организаций: "Проверить списки раскулаченных и лишенных избирательных прав и немедленно исправить допущенные в этой области ошибки в отношении середняков, бывших красных партизан и членов семейств сельских учителей и учительниц, красноармейцев и краснофлотцев (рядовых и командных)"⁴⁷.

Постановление Центрального Комитета резко изменило отношение партийных организаций к решению сложных вопросов коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Они взялись за исправление допущенных ошибок и ликвидацию перегибов. В обращении Уралобкома ВКП(б) от 18 марта ко всем партийным организациям области предлагалось широко разъяснять постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта в массах, самым решительным образом пресечь административный произвол, методы принудительной коллективизации, перегибы при раскулачивании в отношении середняков. Состоявшийся 3-7 апреля пленум Уралобкома признал свое постановление, принятое в декабре 1929 г. о коллективизации в 1930 г. 80% крестьянских хозяйств, ошибочным и идущим вразрез с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. и призвал коммунистов сделать все для того, чтобы выправить положение, ликвидировать искривления линии партии в колхозном строительстве⁴⁸.

Борьба с искривлениями партийной линии развернулась повсеместно. Поскольку эта проблема достаточно освещена в литературе, в том числе на материалах Урала, в первую очередь в работах Н.В.Ефременкова, остановимся кратко лишь на вопросе об искоренении извращений в процессе ликвидации кулачества как класса. Наряду с комиссией ЦК ВКП(б) для рассмотрения жалоб на неправильное раскулачивание на местах, в том числе и на Урале, были созданы временные комиссии⁴⁹. Они тщательно рассмотрели все поступившие жалобы и заявления. Проверка незаконно экспроприированных и высланных семей к лету 1930 г. была завершена. Все "раскулаченные" и лишенные избирательных прав середняцкие хозяйства (а таких оказалось 6-10% от всех экспроприированных и высланных), были восстановлены в правах, перегибы и извращения политики партии в ликвидации кулачества были устранены.

В процессе ликвидации перегибов, роспуска созданных административным путем колхозов, а также в результате колебаний определенной части середняков начался массовый выход крестьянских хозяйств из колхозов. В Уральской области отлив из колхозов продолжался до конца лета 1930 г. В итоге процент коллективизации упал с 70,5 до 26,3⁵⁰.

В этой связи представляется необходимым высказать свою точку зрения по рассматриваемому в историко-партийной и исторической литературе вопросу о хронологических рамках первого этапа ликвидации кулачества как класса. В работе "Колхозное строительство на Урале в 1917-1930 годах" Н.В.Ефременков пишет: "К концу 1930 г. на Урале завершился первый этап раскулачивания. За время, прошедшее с начала ликвидации кулачества, было описано и конфисковано имущество у кулаков первой и второй категорий, а сами они выселены в северные районы области. Были приняты и соответствующие меры по отношению к кулакам третьей категории"⁵¹. По существу этой же точки зрения придерживаются авторы коллективной монографии "Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление". На странице 108 работы говорится: "К октябрю 1930 г. была выселена 115 231 кулацкая семья. Расселение кулаков третьей категории началось после окончания весеннего сева. К концу 1930 г. оно было закончено. Тем самым завершился первый этап ликвидации кулачества в районах, перешедших к сплошной коллективизации"⁵².

Эти положения вызывают определенные возражения и требуют уточнения. Прежде всего необходимо исходить из того обстоятельства, что закономерный процесс ликвидации кулачества как класса мог происходить и происходил только на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства. Но поскольку с апреля 1930 г. в связи с ликвидацией перегибов и колебаниями части середняков начался массовый отлив из колхозов крестьянских хозяйств, продолжавшийся до конца лета 1930 г., то процесс ликвидации кулачества как класса неизбежно приостановился. Одна из существенных ошибок партийных, советских и общественных организаций в том и заключалась, что ликвидацию кулачества они пытались проводить в отрыве от массового колхозного движения, а некоторые из них даже стремились вопросы сплошной коллективизации решать на основе ликвидации кулачества как класса. Не случайны поэтому неоднократные указания и предупреждения Центрального Комитета о том, чтобы партийные организации ликвидацию кулачества как класса проводили исключительно на основе сплошной коллективизации⁵³. Не случайно и то, что ЦК ВКП(б) и Советское правительство в связи с ликвидацией искривлений линии партии и необходимостью организованной подготовки колхозов к весенней посевной кампании 1930 г. дали указания о временной приостановке процесса ликвидации кулачества как класса⁵⁴.

Далее. Если "были приняты меры и по отношению к кулакам третьей категории"⁵⁵, если расселение кулаков третьей категории началось после окончания весеннего сева и "к концу 1930 г. оно было закончено"⁵⁶, как утверждают авторы коллективной монографии "Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление", то отсюда следует, что завершился не "первый этап ликвидации кулачества в районах, перешедших к сплошной коллективизации"⁵⁷, а в целом завершилась ликвидация кулачества как класса в этих районах. Но это не соответствует действительному ходу событий. Сами же авторы несколькими страницами ниже пишут, что "1931 год явился решающим в деле ликвидации кулачества", хотя это положение тоже сомнительно.

Нам представляется более правильным, соответствующим действительному развитию событий, мнение Н.А.Ивницкого. Он пишет, что "ликвидация кулацких хозяйств наиболее интенсивно проводилась в период наибольшего подъема колхозного движения зимой 1930 г. и в период нового прилива крестьянских масс в колхозы с осени 1930 г. С весны до осени 1930 г., т.е. в период исправления перегибов и ошибок в колхозном строительстве, раскулачивание практически прекратилось и производилось лишь выселение и расселение уже раскулаченных кулацких хозяйств"⁵⁸. В этом, в основе своей правильном, положении вызывает возражение два момента. Во-первых, то, что ликвидация кулацких хозяйств интенсивно проводилась осенью 1930 г. В дальнейшем автор не приводит на этот счет фактического материала, а пишет о втором этапе ликвидации кулачества как класса в 1931-1932 гг. И это правильно. Во-вторых, период с весны до осени 1930 г. был не только временем исправления ошибок и перегибов, но и периодом закрепления успехов в колхозном строительстве, подготовки нового подъема колхозного движения и второго этапа ликвидации кулачества как класса.

Главным и определяющим в процессе ликвидации кулачества как класса являлась экспроприация у него основных средств производства, лишение его права аренды земли и найма рабочей силы. Что касается выселения кулаков второй категории и расселения отнесенных к третьей категории, то эти меры являлись составной частью ликвидации последнего эксплуататорского класса, однако имели второстепенное значение.

Исходя из этого мы считаем, что первый и главный этап ликвидации кулачества как класса на Урале и в других районах сплошной коллективизации произошел зимой и весной 1930 г., когда были лик-

видированы кулацкие хозяйства первой категории и экспроприрована подавляющая часть кулаков второй категории. Если значительная часть кулаков второй категории и не была выселена, они продолжали проживать в прежних местах, то их хозяйства перестали быть эксплуататорскими. Кроме того, сокрушительный удар был нанесен по наиболее контрреволюционной, антисоветски настроенной и активно сопротивляющейся социалистическим преобразованиям в деревне части кулачества.

Вызывает также возражение положение, содержащееся в работе Н.А.Ивницкого о том, что весной 1931 г. "начался второй этап генерального наступления на кулачество в потребляющих и в зерновых районах СССР"⁵⁹. Этап генерального или, точнее, развернутого наступления на кулачество был единым. Он начался со второй половины — осени 1929 г. и завершился в 1932 г. Никакой приостановки наступления на кулачество в этот период не было. Об этом со всей определенностью было сказано в политическом отчете Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б), с которым выступил И.В.Сталин. Возражая тем, кто считал, что отлив одной части крестьян из колхозов означает "отлив революции", приостановку наступления, он говорил, что это, конечно, неверно. "Говорить на этом основании о приостановке или провале наступления — значит не понимать существа наступления. Не было и не может быть успешного наступления без перегруппировки сил в ходе самого наступления, без закрепления захваченных позиций, без использования резервов для развития успеха и доведения до конца наступления"⁶⁰. В резолюции XVI съезда по отчету ЦК ВКП(б) переживаемый период был охарактеризован как "период развернутого по всему фронту наступления на капиталистические элементы..."⁶¹.

Отсюда можно сделать вывод о том, что целостный период развернутого наступления на капиталистические элементы деревни имел два этапа ликвидации кулачества как класса. О первом выше уже сказано. Второй начался на основе нового подъема массового колхозного движения осенью 1930 г. и резкого обострения в связи с этим классовой борьбы в деревне.

В результате ликвидации ошибок и перегибов в колхозном строительстве, первых шагов по организационно-хозяйственному укреплению колхозов на основе Примерного Устава сельхозартели, успешного проведения весенней посевной кампании 1930 г., более высоких показателей обобщественного производства по сравнению с единоличными хозяйствами, широкой политической и организаторской работы коммунистов, советского и колхозного актива массовое колхозное движение на

Урале, как и во всей стране, вновь пошло на подъем. Темпы сплошной коллективизации поступательно нарастали, особенно в первой половине 1931 г. К июлю процент коллективизации вырос до 63,7⁶². Таким образом, почти 2/3 крестьянских хозяйств вступили на путь социализма. Сплошная коллективизация на Урале в основном победила.

Пока в колхозном движении имел место временный отлив, классовый враг особой активности не проявлял. Он надеялся, что политика коллективизации потерпит крах. Но когда кулачество увидело, что его расчеты не оправдываются, а колхозное движение вновь набирает силу, оно стало, как и прежде, оказывать ожесточенное сопротивление социалистическим преобразованиям в деревне. Классовая борьба вновь обострилась.

В конце 1930 — начале 1931 г. кулачество еще представляло значительную силу, хотя его наиболее контрреволюционная часть была разгромлена в ходе сплошной коллективизации в первые месяцы 1930 г. Дело в том, что часть кулаков второй категории, будучи экспроприированной, не была выселена с мест жительства. Оставались в своих районах и кулаки третьей категории. Кроме того, часть высланных кулаков бежала и возвратилась в свои села и деревни. Остатки кулачества не хотели сдавать своих позиций без боя, не могли примириться со своим положением, люто ненавидели колхозы, сознавали, что дальнейшее развертывание коллективизации несет им окончательную гибель и оказывали ей ожесточенное сопротивление.

Классовый враг на разных этапах колхозного движения применял различные формы и методы борьбы против колхозов. В конце 1930 — первой половине 1931 г. он направил основной удар против колхозных кадров и прежде всего против организаторов и руководителей колхозов. И в этом был свой резон, ибо проблема кадров в условиях развертывания сплошной коллективизации была одной из самых насущных. Колхозы испытывали острый недостаток в квалифицированных кадрах, и выведение из строя части их наносило ощутимый удар по коллективным хозяйствам. Кулацкому террору подвергались председатели колхозов, бригадиры, полеводы, рабочие-двадцатипятилетичники, колхозные активисты. Только за март 1931 г., по неполным данным, в области было совершено 34 террористических акта. В Тугулымском районе кулацкая вооруженная банда производила систематические нападения на колхозных руководителей, ее участники дважды ранили председателя колхоза Якова, а также члена правления колхоза Демину. В ночь с 20 на 21 января 1931 г. в Сладковском сельсовете Макушинского

района была убита кулаками колхозница-активистка Санина, разобла-
чившая разлагающую деятельность врагов. В летние месяцы количество
террористических актов возросло. С 15 мая по 1 июля кулаки соверши-
ли 54 убийства, в том числе председателя колхоза "Заря Восхода" Бе-
лозерского района⁶³.

Другой формой борьбы с колхозами, которую в это время применя-
ло кулачество, являлся подрыв экономики колхозов путем вредительст-
ва, уничтожения средств производства — сельхозмашин, рабочего ско-
та, инвентаря, а также продуктивного стада, хозяйственных построек,
хлеба и т.д. Таким путем кулаки рассчитывали в корне подорвать эконо-
мику обобщественного производства и тем самым дискредитировать
систему коллективного труда. Только за первую половину мая было за-
регистрировано 20 случаев поджогов, в том числе в Лопатинском, Ча-
щинском, Куединском, Манчажском районах. С 15 мая по 15 июля заре-
гистрировано 64 случая поджогов имущества колхозов. Сгорели около
800 домов, здания правлений колхозов, хлебные амбары, склады и т.д.
Только в деревне Санко-Сарайской Чащинского района кулаками было
сожжено 108 домов колхозников, большое количество инвентаря, машин
и т.д. В Кишертском районе кулацкая группа совершала поджоги кол-
хозных амбаров с хлебом и порчу сельхозмашин и инвентаря в Усть-
Кишертском, Смолянском, Андреевском, Мазуевском сельсоветах. В
селе Городище Мокроусовского района кулаки подожгли село и скирды
с хлебом⁶⁴. В первой половине 1931 г. примерно шестая часть колхо-
зов СССР, в том числе и Урала, подверглись нападениям со стороны
кулачества и других антисоветских элементов⁶⁵.

Наряду с террористическими актами и явным вредительством, кула-
чество все более стало прибегать к скрытым формам борьбы, к попыт-
кам разложить колхозы изнутри. Эта тактика имела место не только в
1931, но и в 1932 г. и стала на данном этапе главной формой сопро-
тивления классового врага наступлению социализма. В Шепелевском
сельсовете Мокроусовского района вошедшие в колхоз кулаки растас-
кивали колхозное имущество и уморили 14 лошадей. В колхозе села
Пичугино Бешкильского района группа кулаков и антисоветчиков заня-
ла руководящие посты членов правления, счетовода, полевода, кла-
довщика, кулаки систематически расхищали общественный хлеб, иму-
щество, срывали государственные планы заготовок. В селе Ягут Бело-
ярского района по вине кулака-хозяйственника осталось под снегом
600 га посева, утеряно 24 теленка, выведено из строя 17 лучших ло-
шадей, заморено и потеряно 38 свиней⁶⁶. В селе Дуброво Еловского

района и колхоз, и его правление были засорены кулацко-антисоветскими элементами. У трех коноводов-кулаков было обнаружено 103 пуда ржаной муки, полученной ими для подсытки в корм лошадям. Из 185 голов пала 41 лошадь, 16 оказались искалеченными, остальные доведены до истощения. С голода же погибли десятки телят. Все кулаки имели собственные посеы, на работу не выходили. Видя засилье кулаков, бедняки-колхозники говорили: "Мы здесь не хозяева", а бедняки и середняки-единоличники, которых в селе оставалось 200 хозяйств, не вступали в колхозы, заявляя: "Мы к кулакам снова в батраки не пойдем"⁶⁷. В колхозах Сарапульского района ("Красный боец" и др.) кулаки активно выступали против введения сдельщины, за уравниловку в оплате труда, утверждая, что "сдельщина - та же барщина"⁶⁸. Подобная же агитация и практика имела место в колхозах Курганского, Петуховского и других районов.

Проникновение в часть колхозов классово-враждебных элементов и их вредительская деятельность оказались возможными потому, что ряд коммунистов и парторганизаций недооценивали кулацкой опасности, не проявляли должной классовой бдительности к саботажу кулаков, которые действовали осмотрительно, вели дело так, чтобы выдать свои вредительские акции за недостатки, присущие вообще коллективным хозяйствам.

Новый подъем колхозного движения, начавшийся осенью 1930 г., и возросшее в связи с этим сопротивление кулачества со всей непреклонностью поставили вопрос об окончательной ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации, в том числе и на Урале. Местные партийные и советские организации обращались в ЦК ВКП(б) и Советское правительство с просьбами разрешить производить временно приостановленное раскулачивание и выселение кулацких хозяйств из районов сплошной коллективизации.

Одновременно по собственной инициативе партийные и советские организации мобилизовали актив колхозников на борьбу с кулацким вредительством, на очищение коллективных хозяйств от классово чуждых элементов. Бюро Уралобкома в начале 1931 г. принимает специальное постановление об усилении политико-воспитательной работы среди колхозников, о мерах по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и о борьбе с кулацким вредительством⁶⁹. Руководствуясь решением Уралобкома, партийные и советские организации возглавили работу по чистке колхозов от кулацких элементов. Так, в Верхне-Уральском районе с конца 1930 по май 1931 г. из колхозов исключили 102 ку-

лака, а по данным 40 районов, из коллективных хозяйств в первые месяцы 1931 г. было вычищено свыше тысячи кулацких хозяйств. Чистка колхозов продолжалась и в 1932 г. Всего за год было исключено 4 150 хозяйств, или 0,5% состава колхозов⁷⁰.

Были приняты также меры по привлечению к уголовной ответственности участников террористических актов и тех, кто наносил серьезный ущерб колхозному добру. В течение 1931 г., по неполным данным, через областную прокуратуру прошло до 700 дел кулаков, вредивших в колхозах и совхозах и совершавших акты террора. В 1932 г. было привлечено к судебной и административной ответственности 6,6 тыс. кулаков, в том числе осуждено — 2,7 тыс.⁷¹

Но, как показывало развитие событий, этих мер оказалось недостаточно, чтобы окончательно сломить сопротивление кулачества. Этого можно было достигнуть только путем завершения ликвидации кулачества как класса. Чтобы вновь не совершить перегибов и ошибок в решении этой задачи, местные партийные организации провели тщательную подготовку этого важного политического мероприятия. Выявление и включение в списки подлежащих экспроприации и выселению кулацких хозяйств производилось под строгим контролем партийных организаций, причем вопрос о выселении раскулаченных семей за пределы данного района решался только с санкции ЦК ВКП(б)⁷².

Практическое осуществление второго этапа ликвидации кулачества как класса началось с середины марта 1931 г. Оно охватило многие районы страны, в том числе и Уральскую область. Для руководства деятельностью партийных и советских организаций по ликвидации кулачества как класса и осуществления контроля за ее ходом 11 марта 1931 г. ЦК партии образовал специальную комиссию во главе с заместителем председателя СНК СССР А.А. Андреевым. В состав комиссии вошел секретарь ЦК ВКП(б) П.П. Постышев⁷³. Все вопросы, связанные с раскулачиванием, выселением и трудоустройством кулаков, решались комиссией ЦК, в том числе и предложения уральских партийных и советских организаций.

В Уральской области второй этап ликвидации кулачества как класса развернулся в начале мая 1931 г. После тщательно проведенной подготовительной работы райкомы ВКП(б) и райисполкомы вошли с соответствующими предложениями в Уралобком партии. На основе этих предложений секретариат Уралобкома постановил в течение мая 1931 г. провести переселение 4 тыс. кулацких семей и одновременно утвердил инструкцию "О порядке переселения кулаков из районов Уральской об-

ласти". В инструкции разъяснялось, что переселению подлежат все кулацкие семьи, в отношении которых имеются соответствующие постановления райисполкомов. Не подлежали выселению семьи красноармейцев, командиров, учителей, врачей, агрономов и инженерно-технических работников⁷⁴. Вплоть до лета 1932 г. продолжалось расселение и кулаков третьей категории. В общей сложности на втором этапе ликвидации кулачества как класса на Урале было экспроприировано около 15 тыс. кулацких хозяйств, или 1,2% всех крестьянских хозяйств области.

Таким образом, к концу первой пятилетки процесс ликвидации кулачества как класса на Урале завершился. Был доведен до окончательной победы "последний и решительный бой" с самым многочисленным эксплуататорским классом, завершилось полным успехом развернутое наступление на капиталистические элементы деревни.

В результате подготовки всех необходимых материально-технических, социально-экономических, политических и идеологических предпосылок со второй половины – осени 1929 г. на Урале, как и во всей стране, развернулось массовое колхозное движение. Оно положило начало широкому наступлению на кулачество. В ходе его на основе разработанной партией новой классовой политики и сплошной коллективизации начался процесс ликвидации кулачества как класса, который был осуществлен в два этапа: зимой – весной 1930 г. и в 1931–1932 гг. Решающий удар по кулачеству на Урале, да и во всех районах сплошной коллективизации, был нанесен на первом этапе, когда были раскулачены и осуждены кулаки первой категории и экспроприированы и в значительной части высланы отнесенные ко второй категории. Завершилась ликвидация кулачества как класса на Урале и в других районах сплошной коллективизации на втором этапе – в 1931–1932 гг. И хотя большая часть кулаков второй категории была выслана и произошло расселение основной массы кулаков третьей категории именно в этот период, все-таки данный этап не являлся решающим в ликвидации кулачества как класса, как это утверждают некоторые исследователи⁷⁵. Решающим был первый этап. Прежде всего, потому, что именно зимой – весной 1930 г. были ликвидированы и осуждены кулаки первой категории и полностью экспроприированы (хотя и не все высланы) кулаки второй категории. Кроме того, на первом этапе был нанесен решающий удар по наиболее контрреволюционной, особенно активно и ожесточенно сопротивлявшейся социалистическому наступлению части кулачества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение исторического опыта Коммунистической партии и ее уральских организаций по руководству подготовкой и проведением развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни в 1925–1932 гг. и их окончательной ликвидации позволяет сделать общий вывод о том, что решение этой сложной задачи осуществлялось на основе научно разработанной политики, на базе ленинского теоретического наследия и его творческого развития, с учетом объективных закономерностей строительства социализма.

Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет творчески развили ленинское положение о "последнем и решительном бое" с капитализмом, всесторонне разработали и обосновали курс развернутого наступления социализма по всему фронту и политику развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни. По своему содержанию они не являлись идентичными, хотя и имели общность целей и ряда практических мероприятий для их достижения. Развернутое наступление социализма по всему фронту охватывало несравненно более широкий комплекс мероприятий в области социально-экономической, политической и идеологической. Не совпадали эти два процесса полностью и хронологически.

Политику наступления на капиталистические элементы города и деревни Коммунистическая партия разрабатывала на основе всестороннего и объективного учета соотношения классовых сил и изменения этого соотношения на новом этапе социалистического строительства. Явно в пользу социализма изменилось соотношение основных общественно-экономических укладов переходного периода. На Урале эта тенденция проявилась в большей степени, чем в целом по стране, особенно в промышленности и торговле. Значительное сокращение удельного веса капиталистического сектора в ведущей отрасли народного хозяйства убедительно свидетельствует о том, что уже в конце восстановительного периода в основном завершилась перегруппировка сил и началось наступление на частнохозяйственный капитал в промышленности и торговле. На Урале имелись более благоприятные предпосылки для развертывания наступления на изпманскую буржуазию. В то же время в мелкой кустарно-ремесленной промышленности и сельском хозяйстве в громадной степени преобладало мелкотоварное производство, сильны были позиции мелко-капиталистической верхушки, особенно в деревне.

Для выработки научно обоснованной и целенаправленной социальной политики Коммунистическая партия и ее уральские организации строго

учитывали классовый состав населения. Его особенностью на Урале в начале реконструктивного периода являлось то, что здесь был выше, чем в целом по стране, удельный вес рабочего класса и меньше почти в два раза доля нэпманской буржуазии. Это благоприятствовало наступлению на нэпманов и кулачество.

Налицо имелись важнейшие политические предпосылки перехода к социалистической реконструкции народного хозяйства и усиления наступления на буржуазию города и деревни. Общая политическая обстановка в стране и на Урале определялась успехами Коммунистической партии и Советского государства в восстановлении народного хозяйства, упрочении экономической смычки между городом и деревней, улучшении материального положения трудящихся, консолидации сил рабочего класса, укреплении его союза с крестьянством.

Наряду с большими позитивными сдвигами, политическая обстановка в стране и на Урале в конце восстановительного периода характеризовалась рядом негативных явлений, порожденных противоречиями многоукладной экономики, некоторым ростом нэпманской буржуазии и кулачества, неизбежным нарастанием классовых противоречий и усилением колебаний мелкобуржуазных слоев, прежде всего среднего крестьянства. Этим не замедлили воспользоваться кулаки и антисоветские элементы. Они сделали ставку на то, чтобы привлечь на свою сторону мелкобуржуазные слои и подчинить таким образом местные Советы своему влиянию. Предпринимались попытки образовать легальную организацию, противопоставленную Коммунистической партии, — "Крестьянский союз", легальными средствами осуществить пресловутый лозунг "Советы без коммунистов", создавались подпольные группы и организации, активизировались остатки эсеров-меньшевистского и анархистского охвостья.

Во время избирательных кампаний в Советы в 1927–1931 гг. классовые противники избрали своей тактикой спекуляцию на трудностях хозяйственного строительства и снабжения населения, возлагали ответственность за них на Коммунистическую партию и Советское правительство, требовали "равных" для всех выборов, полной свободы предпринимательской деятельности и торговли, подхватили и на свой лад перепевали бухаринскую "теорию" затухания классовой борьбы, проповедовали общность интересов всех слоев населения и необходимость их сотрудничества в Советах якобы для "общенародного блага". В период развернутого наступления социализма кулачество переходит к массовому террору против партийных и советских работников, колхозных активистов, созданию контрреволюционных группировок и организаций. Ухватилось оно также за оппортунистическую "теорию" отмирания Советов в условиях сплошной

коллективизации, которую в ряде мест стали применять на практике.

Партийные организации Урала последовательно проводили политическую линию партии, направленную на то, чтобы ликвидировать колебания мелкобуржуазных слоев, среднего крестьянства, сплотить их вокруг рабочего класса, упрочить бедняцко-средняцкий блок, развернуть политическое наступление на кулачество и антисоветские элементы. Идеино-воспитательная и организаторская работа коммунистов обеспечила повышение руководящей роли рабочего класса в политической жизни города и деревни, укрепление его союза с мелкобуржуазными, прежде всего крестьянскими массами, политическое и организационное сплочение бедноты и батрачества и упрочение их блока с середняком, вовлечение в деятельность Советов актива колхозников. Возникли такие формы политической мобилизации масс и руководства общественной жизнью деревни со стороны рабочего класса, как соревнование-переключка коллективов предприятий и сельских Советов за лучшее проведение выборов, формирование и посылка в села и деревни рабочих бригад, создание бригад по проверке работы Советов. Была осуждена оппортунистическая "теория" и практика ликвидации Советов в районах сплошной коллективизации. В городских, поселковых и сельских Советах упрочилось пролетарское ядро за счет выдвижения в их состав передовых рабочих и батраков, резко возросла роль колхозников, сошло на нет влияние кулацко-зажиточной верхушки. В избирательную кампанию 1928/29 г. в основном завершилась политическая изоляция эксплуататорских классов города, а в ходе частичных перевыборов сельских Советов 1930 г. — кулачества.

С переходом к социалистической реконструкции народного хозяйства началась решающая фаза борьбы за вытеснение из промышленности и торговли капиталистического сектора. Наступление на эксплуататорские классы города развивалось планомерно, по мере создания необходимых предпосылок. Они возникали в результате последовательного проведения партийными организациями политики индустриализации, развития и укрепления социалистических форм хозяйства, осуществления ленинского кооперативного плана в мелкой кустарно-ремесленной промышленности и сфере товарооборота, вытеснения социалистическими предприятиями соревнования с частным капиталом по принципу "кто-кого". Важную роль в ослаблении экономических позиций нэпманской буржуазии сыграло последовательное проведение классовой налоговой и кредитной политики, меры по решительному пресечению спекуляции и нелегальной торговли частников, чистке промкооперации от кулацко-нэпманских элементов и ликвидации лжекооперативов, развитию плановых заготовок сельхозпродук-

тов, введению нормированного снабжения населения по классовому принципу, развитию колхозной торговли.

Решающее наступление на различные отряды нэпманской буржуазии, а также концессионный капитал осуществлялось одновременно, неодинаковыми темпами. Раньше всего развернутое наступление на капиталистический сектор началось в ведущей отрасли народного хозяйства — крупной промышленности. В этой отрасли с 1927 г. нарастающими темпами развивался процесс форсированного вытеснения нэпманской буржуазии, а несколькими годами позднее началась ликвидация концессионного капитала. Более упорный и длительный характер носила борьба с нэпманской буржуазией в мелкой кустарно-ремесленной промышленности и торговле. С 1928 г. началось развернутое наступление на частнокапиталистический сектор в торговле, а с 1929 г. — в мелкой промышленности, которое завершилось к концу первой пятилетки. На Урале процесс вытеснения нэпманской буржуазии из мелкой промышленности и торговли развивался более высокими темпами, чем в целом по стране.

Одна из самых трудных задач заключалась в подготовке и проведении развернутого наступления на самый многочисленный эксплуататорский класс — кулачество. Составной частью этой задачи являлась организация наступления на экономические позиции деревенской буржуазии. В этих целях коммунисты Урала последовательно осуществляли классовую налоговую и кредитную политику партии и Советского государства. Особую роль сыграло индивидуальное обложение кулачества с высоким процентом изъятия доходов на основе решений XV съезда ВКП(б). Важным средством ограничения эксплуататорских устремлений деревенской верхушки стало сокращение ее машиноснабжения, ограничение аренды земли и найма рабочей силы. В осуществлении партийными и советскими организациями Урала политики наступления на экономические позиции деревенской буржуазии в 1926–1929 гг. четко выделяется два этапа: первый — 1926–1927 гг. и второй — после XV съезда ВКП(б), взявшего курс на решительное ограничение кулачества. В результате экономическая мощь сельских эксплуататоров была основательно подорвана. Это создало одну из важных предпосылок перехода к развернутому наступлению на кулачество и его ликвидации как класса.

Особое значение в подготовке решающего наступления на сельскую буржуазию имел разгром кулацкой "хлебной стачки" в 1928–1929 гг. На Урале борьба на хлебозаготовительном фронте приобрела исключительно острый характер. Здесь кулацко-зажиточная верхушка крестьянства была многочисленной, экономически мощной. В течение ряда урожайных лет она накопила большие запасы хлеба, скупала за бесценок зерно у бедняков

и середняков и втридорога его перепродавала. Кулаки саботировали хлебозаготовки и сумели привлечь на свою сторону зажиточных крестьян. Возникла реальная угроза срыва плана хлебозаготовок и общехозяйственного кризиса. Партийные организации приняли энергичные меры по ликвидации кулацкого саботажа хлебозаготовок. В помощь сельским парторганизациям и Советам был направлен областной, окружной и районный партийный, советский, комсомольский актив. Большую роль в борьбе с кулачеством сыграли комиссия содействия хлебозаготовкам из сельских активистов, группы бедноты. По отношению к злостным укрывателям хлеба и спекулянтам были применены чрезвычайная мера — привлечение к судебной ответственности по ст.107 Уголовного кодекса РСФСР. В наступление на зажиточную верхушку двинулись все трудящиеся деревни, по их инициативе проходили коллективная сдача хлеба государству (красные обозы), хлебозаготовки по урало-сибирскому методу (самообложения). Из городов и промышленных центров в помощь сельским коммунистам и активистам были направлены сотни рабочих бригад. Сопротивление кулачества было сломлено. В ходе борьбы на хлебозаготовительном фронте экономические позиции и политическое влияние деревенской буржуазии оказались основательно ослаблены, что сыграло существенную роль в подготовке развернутого наступления на кулачество.

Главной предпосылкой перехода к "последнему и решительному бою" с кулачеством являлось массовое колхозное движение, подготовленное Коммунистической партией и развернувшееся со второй половины 1929 г. Начало этого коренного революционного переворота в развитии сельского хозяйства, ликвидировавшего саму почву и глубинные корни постоянного возрождения капиталистических элементов, стало началом развернутого наступления на кулачество. Возник вопрос о дальнейшей судьбе сельской буржуазии, о ее ликвидации как класса.

Ликвидация кулачества как класса была обусловлена объективными законами строительства социализма. Переход в решительное наступление на сельских эксплуататоров диктовался также их ожесточенным сопротивлением социалистическому преобразованию сельского хозяйства. Учитывая коренное изменение соотношения классовых сил в деревне, Коммунистическая партия провозгласила переход от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике его ликвидации как класса в форме насильственной экспроприации деревенских эксплуататоров.

Руководствуясь решениями партии и правительства, партийные, советские и общественные организации Урала приступили к практическому проведению новой классовой политики в деревне. Они разъяснили ее сущность широким массам крестьянства, мобилизовали на ее проведение

весь актив. Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации была осуществлена на Урале в два этапа. Решающий удар по нему был нанесен зимой и весной 1930 г., когда экспроприации подверглись 2/3 всех кулацких хозяйств, наиболее экономически мощных и активно сопротивляющихся социалистическим преобразованиям в деревне. Второй этап ликвидации кулачества как класса развернулся в 1931-1932 гг. на основе нового подъема колхозного движения. К концу первой пятилетки на Урале завершилось полной победой развернутое наступление на капиталистические элементы деревни.

Исторический опыт Коммунистической партии и ее уральских организаций по подготовке и проведению развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни свидетельствует о том, что гарантией успеха в решении этой сложной задачи явилось неразрывное единство теоретической, идеологической, политической и организаторской деятельности партии и ее местных организаций. Проведение наступления на буржуазию города и деревни осуществлялось на основе объективных закономерностей строительства социализма и точного учета конкретно-исторических условий, соотношения классовых сил на каждом этапе борьбы. Генеральным направлением наступления на эксплуататорские классы являлось претворение в жизнь ленинского плана построения социализма в СССР. Вместе с тем была разработана научно обоснованная политика ограничения, вытеснения и ликвидации применительно к каждому эксплуататорскому классу, определены методы, способы, средства и формы ее практического осуществления. Наступление на буржуазию города и деревни развертывалось по мере создания для этого всех необходимых предпосылок поэтапно в крупной и мелкой промышленности, торговле, сельском хозяйстве.

Исторический опыт Коммунистической партии и ее местных организаций, накопленный в период подготовки и проведения развернутого наступления на эксплуататорские классы и их окончательной ликвидации, имеет непреходящее историческое значение. Как и на всех этапах борьбы за революционное преобразование общества, законом деятельности Коммунистической партии в современных условиях является глубокое научно-теоретическое обоснование ее политического курса, всесторонний, объективный, реалистический анализ достигнутого и выдвижение назревших задач дальнейшего развития советского общества. Образом такого подхода служит разработка Центральным Комитетом и принятие XXVII съездом новой редакции третьей Программы партии - программы планомерного и всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения

советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны, программы борьбы за мир и социальный прогресс¹. В ней говорится, что КПСС и впредь будет последовательно "повышать научную обоснованность своей политики"².

В документах XXУП съезда КПСС, имеющих огромное теоретическое и политическое значение, дан глубочайший научный анализ соотношения классовых, политических сил на международной арене. В них сделан оптимистический вывод о том, что единство действий всех революционных, прогрессивных, демократических сил в состоянии обуздать силы империалистической реакции и агрессии, отстоять дело прогресса человечества, отвратить угрозу уничтожения мировой цивилизации в ракетно-ядерной катастрофе³.

Исторический опыт КПСС и ее уральских организаций, приобретенный на решающем этапе борьбы с капиталистическими элементами города и деревни, имеет международное значение, он творчески применялся и используется коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран в переходный период от капитализма к социализму, революционно-демократическими партиями стран социалистической ориентации в процессе создания предпосылок строительства нового общества, в котором будет ликвидирована эксплуатация человека человеком. При этом учитываются конкретно-исторические и национальные особенности движения этих стран по пути к социализму.

Во всех социалистических странах наступление на капиталистические классы осуществлялось на основе претворения в жизнь плана построения социализма, начиналось с завоевания командных экономических высот в экономике и продолжалось путем постепенного обобществления производства и товарооборота. Существенная особенность организации наступления на капиталистические элементы города и деревни здесь состояла в том, что оно проводилось в условиях взаимного сотрудничества социалистических стран, благодаря которому обобществленный уклад хозяйства опирался на объединенную мощь экономики социалистического содружества, на крупномасштабную экономическую помощь со стороны Советского Союза. Социалистические страны Европы были полностью ограждены от экспансии и интервенции со стороны империалистических держав. Поэтому классовая борьба в переходный период, несмотря на сопротивление средней буржуазии и капиталистической верхушки деревни социалистическим преобразованиям, не носила здесь столь ожесточенного характера, как в СССР. Это позволило коммунистическим и рабочим партиям использовать преимущественно "мирные", экономические средства ограничения, вытеснения и ликвидации капита-

листического уклада в промышленности, торговле и сельском хозяйстве, в основном избежать административных мер воздействия на капиталистические элементы. Они использовали такие испытанные средства, как прогрессивное налогообложение эксплуататорских классов, предоставление им кредита на развитие производства и товарооборота под строгим контролем государства. Более широкое применение здесь получили различные формы госкапитализма (за исключением концессий): сдача в аренду частникам промышленных и торговых заведений, передача в управление государству частных предприятий, создание смешанных государственно-частных и государственно-кооперативно-частных предприятий. В широких масштабах здесь применялось такое средство преобразования капиталистических заведений в социалистические, как выкуп государством средств производства и обращения у капиталистов. По отношению к капиталистической верхушке деревни здесь не пришлось применять такую крайнюю меру, как насильственная экспроприация и высылка кулацких семей в отдаленные районы. Принадлежащие им средства производства обобществлялись путем приема кулаков в кооперативы, лишения их на определенное время права занимать руководящие посты в коллективных хозяйствах. Одним из решающих методов преобразования частнохозяйственного уклада в социалистический являлось вовлечение мелких и средних товаропроизводителей и торговцев в различные кооперативные объединения.

Существенной особенностью наступления на капиталистические элементы города и деревни в европейских социалистических странах являлось то, что подавляющее большинство представителей бывших эксплуататорских классов не эмигрировало за границу, как это было в Советской России в период гражданской войны и иностранной интервенции, а осталось внутри страны. Они сохраняли некоторые свои позиции, даже будучи лишеными большей части средств производства, оказывали определенное влияние на мелкобуржуазные элементы города и деревни. Тем самым сохранялась почва для активизации при определенном стечении обстоятельств контрреволюционных, антисоциалистических сил и обострения классовой борьбы. Об этом свидетельствуют события в Венгрии 1956 г., Чехословакии 1968-1969 гг., Польше в начале 80-х годов. Социальные корни политического кризиса в Польской Народной Республике кроются в том, что в сельском хозяйстве этой страны преобладает мелкотоварный уклад, что неизбежно ведет к росту капиталистической верхушки деревни. Причины кризисных явлений и активизации контрреволюционных сил в указанных социалистических странах заключались также в том, что коммунистические и рабочие партии ослабили борьбу с бур-

1
жуазной и ревизионистской идеологией, допустили разбухание своих рядов за счет неустойчивых мелкобуржуазных элементов. Прежнее руководство Польской объединенной рабочей партии совершило также серьезные ошибки в экономической политике, которые приняли затяжной характер, в течение длительного времени не исправлялись.

В современных условиях борьба между социализмом и капитализмом по принципу "кто-кого" развернулась в международном масштабе. При этом КПСС исходит из того, что исторический спор между двумя противоположными общественными системами, на которые разделен современный мир, может и должен решиться мирным путем. Социализм доказывает свои преимущества не силой оружия, а силой примера во всех областях общественной жизни -- динамичным развитием экономики, науки и культуры, повышением жизненного уровня трудящихся, углублением социалистической демократии⁴. Реализуя свои преимущества, социализм выигрывает состязание с капитализмом на путях мирного соревнования. Крупным этапом в достижении этой цели станет реализация программных задач, выдвинутых в Политическом докладе Центрального Комитета XXVI съезду КПСС и новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза.

П Р И М Е Ч А Н И Я

ВВЕДЕНИЕ

¹ Горбачев М.С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С.108; Лигачев Е.К. Речь на XXVI съезде КПСС // Правда. 1986. 28 февр.; Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14-15 июня 1983 г. М., 1983. С.71.

² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.45. С.87.

³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.45. С.83.

⁴ Правда. 1984. 10 нояб.

⁵ Свердловская областная организация КПСС. 1903-1973 гг. Свердловск, 1973. С.46-47; Партийный архив Свердловского обкома КПСС (ПАСО), ф.4, оп.9, д.251, л.100; оп.11, д.3, л.5,6.

⁶ Социалистическое строительство Урала за 15 лет: (основные показатели). Свердловск, 1932. С.4-5, 7.

⁷ Кустарная промышленность и промысловая кооперация РСФСР: Сб. мат-лов. М., 1929. С.16.

⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т.3. С.246.

⁹ Иоэльсон М. Итоги и задачи нашей концессионной политики // Большевик. 1925. № 8; Ландау А.Г. Иностранный капитал в дореволюционной России и в СССР. М.;Л., 1925; Бутковский Вл. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М.;Л., 1928; Эвентов Л.Я. Иностранные капиталы в русской промышленности. М.;Л., 1931.

¹⁰ Частный капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927; Частная торговля Союза ССР. М., 1927; Крон Ц.М. Частная торговля в СССР. М., 1926; Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927; Копалкин В.М. Частная промышленность СССР. М.; Л., 1927; Мишулин И. Пути развития частного капитала. М., 1927; Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.;Л., 1927; Рязунов Н.Н. Вытеснение частного посредника из товарооборота. М., 1930; Налетов Н. Частный банк на Урале // Хозяйство Урала. 1927. № 1; Исупов Г. Частный капитал в торговле Урала // Там же. 1928. № 5-6; Алексеев Н. Частная торговля // Там же. № 10; Мудрик М. О частном капитале в торговле на Урале // Уральский коммунист. 1928. № 6.

¹¹ Буянов В. Трудовые конфликты и практика профсоюзов. М., 1925; Он же. О работе профсоюзов на частных и концессионных пред-

приятнях. М.;Л., 1927; Топоровская Г. Завком на частном предприятии. М.;Л., 1927; и др.

¹² Моисеев В., Лаповнер Н. На страже революционной законности. М., 1926; Колесников Л. Лицо классового врага. М., 1928; Кондурушкин И.С. Частный капитал перед советским судом. М.;Л., 1927; Фабричный А. Частный капитал на пороге пятилетки: Классовая борьба в городе и государственный аппарат. М., 1930; и др.

¹³ Яковлев Я.А. Расслоение деревни. М., 1925; Крицман Л.Н. Классовое расслоение в советской деревне. М., 1925; Грандов М. О классовом расслоении в деревне и о положении деревенской бедноты. М.;Л., 1926; Гайстер А.И. Расслоение советской деревни. М., 1928; Ишмаев Н. О классовом расслоении уральской деревни // Хозяйство Урала. 1926. № 10-11; Он же. О классовом расслоении крестьянства на Урале. // Уральский коммунист. 1927. № 28-29; Казанский Ф. О структуре и динамике крестьянских хозяйств на Урале // Уральский коммунист. 1927. № 26-27; Он же. Социально-классовая структура уральской деревни // Хозяйство Урала. 1929. № 1; Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. Свердловск, 1929; Федин М. Классовая борьба с деревне. Воронеж, 1929; Ангаров А. Классовая борьба в деревне и сельсовет. М., 1929; Комаров Н. Лицо классового врага. Классовая борьба в деревне во время перевыборов сельских Советов в 1929 г. Л., 1929; Азизян А. Аренда земли и борьба с кулаком. М.;Л., 1929; Караев А. Классовая борьба в условиях сплошной коллективизации // Уральский коммунист. 1929. № 15; Сирсон А.Я. На борьбу с остатками вражеских классов. Свердловск, 1933; и др.

¹⁴ Варейкис И. О сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Воронеж, 1930; Хатаевич М.М. О ликвидации кулачества как класса. Самара, 1930; Эйхе Р.И. Ликвидация кулачества как класса. Новосибирск, 1930; Еддокимов А.Е. В развернутое наступление на кулака. Л., 1930; Лаповнер Н.О., Роднянский А.К. Социалистическое наступление на кулацкий террор. М., 1930; Гожанский А. В развернутое наступление на кулака. Л., 1931; Сиротин Н. Кулак отступает с боем. М.;Л., 1931; Кабаков И.Д. Очередные задачи Уральской парторганизации. Свердловск, 1930; Ликвидация кулачества как класса // Уральский коммунист. 1930. № 2; и др.

¹⁵ Морозов Л.Ф. Госкапитализм в освещении советских исследователей // Вспр.истории. 1962. № 10; Погудин В.И. Проблемы ликвидации кулачества как класса в советской историографии // Вспр.истории. 1965. № 4; Он же. Путь советского крестьянства к социализму.

Историографический очерк. М., 1975; Трифонов И.Я., Овсянкин В.А. Проблемы ликвидации эксплуататорских классов в СССР в советской историографии // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967. Ч.2; Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. Введение; В.И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; Зак Л.М., Лельчук В.С., Погудин В.И. Строительство социализма в СССР: Историографический очерк. М., 1971; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. Введение; Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле (20-е – начало 30-х годов). М., 1978. Введение; Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне. 1921–1929. М., 1978. Введение; Ваганов Ф.М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. 1928–1930. М., 1977. Введение; Куликов В.М. Некоторые итоги и задачи изучения классовой и внутрипартийной борьбы на Урале в период построения фундамента социализма // Классовая борьба на Урале (1917–1932 годы). Свердловск, 1974; и др.

¹⁶ Трифонов И.Я. В.И. Ленин о классовой борьбе в период перехода от капитализма к социализму // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. История языка и литературы. 1961. № 8. Вып. 2; Морозов Л.Ф., Погудин В.И. В.И. Ленин о ликвидации эксплуататорских классов в СССР // Вопр. истории КПСС. 1970. № 5; Селунская В.М. В.И. Ленин о классовой борьбе в период перехода от капитализма к социализму // Вопр. истории КПСС. 1970. № 6; В.И. Ленин и история классов и политических партий в России; Коссой А.И. Разработка В.И. Лениным проблем госкапитализма в условиях социалистического строительства // Новая экономическая политика: Мат-лы Всесоюз. науч. сессии. М., 1971. Вып. 2.

¹⁷ Брин И.Д. Государственный капитализм в СССР в переходный период от капитализма к социализму. Иркутск, 1959; Сеид-Гусейнов А.Г. Государственный капитализм в переходный период от капитализма к социализму. М., 1960; Левин А.Я. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму (государственный капитализм и частный капитализм). М., 1967; Юферова Е.В. Ленинское учение о госкапитализме в переходный период к социализму. М., 1969; Коссой А.И. Государственный капитализм в условиях строительства социализма. М., 1975; Касьяненко В.И., Морозов Л.Ф., Шкаренков Л.К. Из истории концессионной политики Советского государства // История СССР. 1959. № 3; и др.

¹⁸ Глезерман Г. Ликвидация эксплуататорских классов и преодо-

ление классовых различий в СССР. М., 1949; Абрамов Б.А. Партия большевиков – организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса. М., 1952; Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией. М., 1960; Он же. К вопросу о периодизации истории борьбы с нэпманской буржуазией // Вопр. истории. 1964. № 12; Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле (20-е – начало 30-х годов); Дробижев В. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1966; Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921–1937). М., 1960; Он же. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Ч.2: Подготовка наступления на новую буржуазию. Л., 1969; Он же. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР; Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932). М., 1968; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса; Коныхов Г.А. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928–1929). М., 1960; Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне. М., 1978; и др.

¹⁹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т.3, кн. I. М., 1970; кн.2. М., 1971; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т.8; Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926–1932. М., 1960; История социалистической экономики СССР. М., 1977. Т.3; Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. М., 1972; От капитализма к социализму: Основные проблемы истории переходного периода в СССР. М., 1981. Т. I, 2; Ленинский план социалистической индустриализации и его осуществление. М., 1969; Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М., 1969; Селунская В.М. Борьба КПСС за социалистическое преобразование сельского хозяйства (1917–1934). М., 1961; Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1974. Т.2; Очерки истории идеологической деятельности КПСС. 1917–1937 гг. М., 1985; Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973; Бузлаева А.И. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности СССР. М., 1969; Лебакова Э.Р. Опыт КПСС по приобщению мелкой буржуазии города к строительству социализма. М., 1970; и др.

²⁰ Морозов Л.Ф. Госкапитализм в освещении советских исследователей; Погудин В.И. Проблемы ликвидации кулачества как класса в советской историографии; Он же. Путь советского крестьянства к социализму: Историографический очерк; Трифонов И.Я., Овсянкин В.А. Проб-

лемы ликвидации эксплуататорских классов в СССР в советской историографии; Селунская В.М. Разработка некоторых вопросов классовой структуры советского общества в советской историографии // История СССР. 1975. № 6; В.И. Ленин и история классов и политических партий в России; Чинчиков А.М. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства СССР. М., 1971; Зак Л.М., Лельчук В.С., Погудин В.И. Строительство социализма в СССР: Историографический очерк; и др.

²¹ Елохов П.Л. Социалистическое преобразование мелкой и кустарной промышленности на Урале // Вопросы экономической истории и экономической географии. Свердловск, 1964; Сердюков А.А. Социалистическое преобразование мелкотоварного производства в промышленности Урала (1926-1928 гг.) // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1971. Сб.9; Он же. Деятельность Уральской партийной организации по вовлечению в социалистическое строительство кустарей и ремесленников в годы первой пятилетки // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1972; Куликов В.М., Сердюков А.А. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению политики вытеснения капиталистических элементов из промысловой кооперации в период построения фундамента социализма // Совершенствование форм и методов партийного руководства промышленностью и сельским хозяйством: (На материалах партийных организаций Урала). Свердловск, 1974.

²² Ячменев Ф.Ф. Начало деятельности английской концессионной кампании "Лена Голдфилдс лимитед" на Урале // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1969. Сб.8; Бакунин А.В., Гранин В.Г. В.И. Ленин о роли государственного капитализма в переходный период: (На примере организации концессий на Урале) // В.И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала. Свердловск, 1970. Вып. I; Куликов В.М. Руководство партийных организаций Урала классовой борьбой рабочих на концессионных предприятиях (1926-1930) // Уральские партийные организации в борьбе за развитие промышленности. Свердловск, 1978.

²³ Лимонов Г.А. Борьба партийных организаций Урала за преодоление хлебозаготовительных трудностей в 1977-1928 г. // Тр. Урал. политехн. ин-та. 1957. Вып. 86; Плотников И.Е. Роль Советов Урала в преодолении хлебозаготовительных трудностей в 1927-1929 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1971. Сб.3.

²⁴ Плотников И.Е. Выборы в Советы Уральской области в 1930-1931 гг. // Вопросы истории Урала. Пермь, 1966; Он же. Выборы в сельские Советы Урала в 1928-1929 гг. // Историческая наука на Ура-

ле за 50 лет. 1917–1967. Свердловск, 1967; Он же. Досрочные частичные выборы в Совети Уральской области в 1930 г. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1969. Вып.3.

²⁵ Иванова Е.А. Борьба с кулачеством в ходе строительства коллективных форм хозяйства в деревне (Тюменский округ). // Учен. зап. Могилев. пед. ин-та. 1956. Вып.2; Бергауз Р.Г. Из истории классовой борьбы на Урале в период развернутого наступления социализма на капиталистические элементы в деревне (1929–1931) // Тр. Свердл. с.-х. ин-та. 1957. Вып.86; Она же. Из истории борьбы Уральской партийной организации против капиталистических элементов в деревне (1929–1931) // Тр. Свердл. с.-х. ин-та. 1960. Т.9.

²⁶ Ефременков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1917–1930 годах // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1966. Сб.1; Он же. Колхозное строительство на Урале в 1931–1932 гг. // Там же. 1968. Сб.2; Он же. Деятельность партийных организаций Урала по ликвидации кулачества и трудовому воспитанию бывших кулаков // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. Свердловск, 1968; Он же. Ликвидация кулачества и первые шаги трудового перевоспитания бывших кулаков на Урале // Мат-лы межвуз. науч. конф. по проблеме ист.-социол. исслед. села. Калинин, 1968.

²⁷ Куликов В.М. Некоторые итоги и задачи изучения классовой и внутрипартийной борьбы на Урале в период построения фундамента социализма.

²⁸ Нургалли З.А. О классовой борьбе на государственно-капиталистических предприятиях в годы нэпа // Вопр. истории КПСС. 1968. №3; Архипов В.А. Партийное руководство классовой борьбой трудящихся на частных и арендованных предприятиях промышленности и торговли в годы нэпа (1921–1929 гг.) // Вопр. истории КПСС. 1974. №6.

²⁹ См.: Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. Гл.3, 5, заключение; Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне. Заключение; Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. Гл.6,7,8; Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т.2, гл.7, §2; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. Гл.4, 5; Ваганов Ф.М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. Введение. Гл.2, §1; и др.

³⁰ См.: Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. Гл.7.

31 См.: Ваганов Ф.М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. С.6, 33, 42.

32 См.: Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне. С.217.

33 Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т.2. С.191.

34 См.: Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. Гл.4, § 3.

35 Впервые в историко-партийной литературе обстоятельный анализ сущности политики развернутого наступления социализма по всему фронту дан в коллективной монографии: Очерки истории идеологической деятельности КПСС. 1917-1937 гг. С.296-311.

36 См.: Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т.2. С.211; Очерки истории идеологической деятельности КПСС. 1917-1937 гг. С.298-299.

37 См.: КПСС в резолюциях ... Т.3-5. М., 1970, 1971.

38 Справочник партийного работника. М.;Л., 1928. Вып.6, ч.2. С.240-241; Известия ЦК ВКП(б). 1929. 20 марта.

39 Известия ЦК ВКП(б). 1928. 26 марта.

40 Справочник партийного работника. Вып.6, ч.2. С.289-291.

41 Стенографический отчет УП Уральской областной конференции РКП(б). Свердловск, 1925; Стенографический отчет УШ областной партийной конференции. Свердловск, 1927; IX Уральская областная конференция ВКП(б): Стеногр.отчет. Свердловск, 1929; X Уральская областная конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стеногр. отчет. Свердловск; М, 1931; XI Уральская областная конференция ВКП(б): Стеногр.отчет. Свердловск;М, 1932; Политическое и хозяйственное состояние области и работа парторганизации Урала: Отчет Уралобкома РКП(б) УП Уральской областной партконференции. Свердловск, 1925; Два года работы: Материалы к отчету Уральского обкома ВКП(б) к УШ областной партконференции. Свердловск, 1927; Год социалистического строительства на Урале: Материалы к отчету Уральского областного комитета ВКП(б) к IX областной конференции. Свердловск, 1929; Материалы к отчету Уральского областного комитета десятой областной партийной конференции. Свердловск, 1930; Под знаком большевистского наступления: Материалы к отчету Уралобкома на XI областной конференции. Свердловск, 1932; Отчет Уральской областной Контрольной Комиссии ВКП(б) и Рабоче-Крестьянской инспекции. Свердловск,

1927; Отчет Уральской областной Контрольной Комиссии ВКП(б) и Рабоче-Крестьянской инспекции за период октябрь 1926 - июль 1928 г. Свердловск, 1928; и др.

⁴² Шестой Уральский областной съезд Советов, 28 марта - 4 апреля 1927 г.: Стеногр. отчет. Свердловск, 1927; Седьмой Уральский областной съезд Советов, 28 апреля - 6 мая 1929 г.: Стеногр. отчет. Свердловск, 1929; Стенографический отчет 8-го Уральского областного съезда Советов, 12-20 февраля 1931 г. Свердловск, 1931; Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов У созыва. 1925-март 1927. Свердловск, 1927; Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К.Д. VI созыва, 1927-апрель 1929. Свердловск, 1929; Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К.Д. VII созыва, 1929-февраль 1931. VIII съезд Советов. Свердловск, 1931.

⁴³ Избирательная кампания в Советы в 1925-1926 году (основные итоги). Свердловск, 1926; Перевыборы Советов на Урале в 1926/27 году. Свердловск, 1927.

⁴⁴ Уральское хозяйство в цифрах, 1926: Краткий стат. справочник. Свердловск, 1926; Уральское хозяйство в цифрах, 1927: Краткий стат. справочник. Свердловск, 1927; Уральское хозяйство в цифрах, 1928: Краткий стат. справочник. Свердловск, 1928; Уральское хозяйство в цифрах, 1929: Краткий стат. справочник. Свердловск, 1929; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. I: Социальная статистика; вып. 2: Промышленность; вып. 3: Труд на Урале; вып. 4: Сельское хозяйство; вып. 5: Обращение; вып. 6: Районы. Свердловск, 1930; Уральское хозяйство в цифрах. 1931-1932 гг.: Стат. справочник. Свердловск, 1933; Экономика Урала в таблицах и диаграммах за 1925/26 - 1928/29 гг. Свердловск, 1929; Социалистическое строительство Урала за 15 лет; и др.

ГЛАВА I

I. Экономическое положение в стране и на Урале к концу восстановительного периода

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 427.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 39.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 99. См. также т. 39. С. 276-

282.

- ⁴ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.24. С.363.
- ⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.43. С.99.
- ⁶ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.31. С.132.
- ⁷ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.43. С.131.
- ⁸ История Коммунистической партии Советского Союза. Т.4, кн.1. С.371.
- ⁹ Там же. С.371-372; Промышленность СССР: Стат.справочник. М., 1957. С.31.
- ¹⁰ Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. М., 1961. С.238.
- ¹¹ Подсчитано нами по кн.: Уральское хозяйство в цифрах, 1926. С.286, 292; Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.308.
- ¹² См.: Уральское хозяйство в цифрах, 1926. С.256; ПАСО, ф.4, оп.3, д.6, л.8.
- ¹³ В процентах подсчитано нами по кн.: Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.354.
- ¹⁴ Уральское хозяйство в цифрах, 1926. С.281.
- ¹⁵ Там же. С.264-265 (в процентах подсчитано нами).
- ¹⁶ Пути развития и основные задачи хозяйства Урала: Материалы к докладу Уралсовета Совнаркому РСФСР. Свердловск, 1926. С.9.
- ¹⁷ Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.280; Уральское хозяйство в цифрах, 1928. С.240-241. Процент восстановления производства валовой продукции всей промышленности подсчитан нами.
- ¹⁸ Таблица составлена на основе: Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.308-309.
- ¹⁹ ПАСО, ф.4, оп.3, д.6, л.2.
- ²⁰ Там же, л.23.
- ²¹ Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.5. С.2, 627.
- ²² Уральское хозяйство в цифрах, 1926. С.4-5.
- ²³ ПАСО, ф.4, оп.3, д.6, л.2. Процент роста заработной платы рабочих за 1925/26 г. подсчитан нами на основе: Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.110. В связи с некоторым ростом розничных цен в 1925/26 г. реальная зарплата рабочих увеличилась на 17%. (См.: Стенографический отчет VIII областной партийной конференции. С.102).
- ²⁴ ПАСО, ф.4, оп.3, д.6, л.9.
- ²⁵ Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.440-441; Уральское хозяйство в цифрах, 1928. С.380-381 (в процентах подсчитано нами).
- ²⁶ См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.45. С.78.
- ²⁷ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.44. С.161.

- 28 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.45. С.76.
29 Там же. С.77-78.
30 Там же.
31 Там же. С.96.
32 Там же. С.95.
33 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.52.
34 См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т.4, кн.І. С.376.

2. Социально-экономические уклады в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и классовый состав населения Уральской области к началу реконструктивного периода

¹ Таблица составлена на основе: Советское народное хозяйство в 1921-1925 гг. М., 1960. С.186-187; Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.270-271.

² Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.270-271 (в процентах подсчитано нами).

³ В процентах подсчитано нами на основе того же источника.

⁴ Подсчет произведен на основе: Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.270; Уральское хозяйство в цифрах, 1928. С.241; Уральское хозяйство в цифрах, 1929. С.178, 182-183.

⁵ Таблица составлена нами. Показатели приблизительные, ориентировочные. Они подсчитаны на основе прямых и косвенных данных, опубликованных в следующих источниках: Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.292, 302-303; Уральское хозяйство в цифрах, 1928. С.214-217, 230-231; Уральское хозяйство в цифрах, 1929. С.224, 228-230, 232-233, 238-239.

⁶ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.39. С.21.

⁷ Советское народное хозяйство в 1921-1925 гг. С.201.

⁸ При составлении таблицы нами использованы следующие источники: Сталин И.В. Соч. М., 1952. С.309; Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.270-271; а также данные табл.3 настоящей работы.

⁹ ПАСО, ф.4, оп.4, д.131, л.110; Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф.239, оп.2, д.563, л.28, 29. В 1928 г. в области остался 51 совхоз (См.: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. В вып.4. С.302).

¹⁰ Таблица составлена и проценты подсчитаны нами на основе: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.4. С.19, 140-141, 182-183, 224.

¹¹ В 1925/26 г. социалистический сектор производил 0,8% валовой продукции сельского хозяйства (См.: Экономика Урала в таблицах и диаграммах за 1925/26 – 1928/29 гг., табл. № 44). За год удельный вес социалистического сектора вырос незначительно – не более чем на 0,1–0,2%.

¹² Уральское хозяйство в цифрах, 1926. С.153; ПАСО, ф.4, оп.5, д.327, л.64, 152; Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг. С.292.

¹³ Данилов В.П. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства // Из истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963. С.49–80.

¹⁴ Зак Л.М., Лельчук В.С., Погудин В.И. Строительство социализма в СССР: Историогр. очерк. С.103.

¹⁵ Селунская В.М. Разработка некоторых вопросов классовой структуры советского общества в новейшей историографии // История СССР. 1971. № 6. С.19.

¹⁶ См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.45. С.373–376.

¹⁷ Файн Л.Е. История разработки В.И.Лениным кооперативного плана. М., 1970. С.302–303.

¹⁸ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.45. С.371.

¹⁹ История социалистической экономики СССР. М., 1976. Т.2. С.363.

²⁰ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.45. С.375.

²¹ См.: Анистратенко В.П., Куликов В.М. Социально-экономическое развитие уральской деревни в конце восстановительного периода // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1971; Сашенкова Л.П. К вопросу о социально-экономических отношениях в уральской деревне в 1924–1925 гг. // Тр.Челяб.ин-та механизации и электрификации сельского хозяйства. 1965. Вып.22; Ефременков Н.В. Социально-экономические отношения в уральской деревне накануне коллективизации // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып.4; Муравьев В.Е. Социальный состав уральской доколхозной деревни середины 20-х годов // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1971. Вып.3.

²² КПСС в резолюциях ... Т.3. С.248.

²³ См.: Казанский Ф. Социально-классовая структура уральской деревни // Хозяйство Урала. 1929. № 1. С.27–28; Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. С.29; Уральское хозяйство в

цифрах, 1929. С.502.

²⁴ Таблица составлена на основе: Тяжесть обложения в СССР. М., 1929. С.72-75; Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С.89; Левин А.Я. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму. С.132, 134; Казанский Ф. Социально-классовая структура уральской деревни. С.27; Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. С.29; Данные по Уралу и Зауралья за 1925 г. ориентировочные, подсчитаны нами по кн.: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. I: Социальная статистика. Приложения 3, 4. С.173, 191; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.4. С.26.

²⁵ Проценты подсчитаны и таблица составлена нами по кн.: Состояние сельского хозяйства и работы в деревне на Урале. С.29; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.4. С.26, 472, 475, 479, 481, 490, 492, 493, 496, 497.

²⁶ Уральское хозяйство в цифрах, 1926. С.286, 282. Разбивка по общественно-экономическим укладам произведена и проценты подсчитаны нами.

²⁷ В 1925/26 г. обобществленный сектор экономики Урала (включая лесное хозяйство) давал 38,5% всей валовой продукции, а частный сектор (уклады: мелкотоварный, частнохозяйственный капитализм и госкапитализм) - 61,5% (См.: Экономика Урала в таблицах и диаграммах, табл.44).

²⁸ Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.5. С.6-7 (в процентах подсчитано нами).

²⁹ Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.5. С.6.

³⁰ Там же.

³¹ Внутренняя торговля Союза ССР за X лет. М., 1928. С.40-41; Советская торговля: Стат.сб. М., 1956. С.14.

³² Тринадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1963. С.294.

³³ Вопросы истории КПСС. 1968. № 12. С.85.

³⁴ КПСС в резолюциях ... Т.3. С.246.

³⁵ В.И. Ленин и история классов и политических партий в России. С.440.

³⁶ Кузьмин В.И. Новая экономическая политика и смычка социалистической промышленности с мелкокрестьянским хозяйством // Вопр. истории КПСС. 1967. № 2. С.49.

³⁷ В.И. Ленин и история классов и политических партий в России. С.440-441.

- 38 См.: Вопр. истории. 1971. № 5. С. 164.
- 39 Советское народное хозяйство в 1921-1925 гг. С. 186-187.
- 40 Тринадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 293; Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 г. М., 1928. С. 483; Уральское хозяйство в цифрах, 1926. С. 120; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 5. С. 6-7.
- 41 КПСС в резолюциях ... Т. 3. С. 166-167.
- 42 Советское народное хозяйство в 1921-1925 гг. С. 456-457.
- 43 В.И. Ленин и история классов и политических партий в России. С. 441.
- 44 См.: Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. С. 97-136, 231.
- 45 См.: Там же. С. 196.
- 46 Там же. С. 201.
- 47 См.: Там же. С. 185.
- 48 КПСС в резолюциях ... Т. 4. С. 32.
- 49 Кузьмин В.И. Указ. ст.
- 50 Социальная статистика Урала, 1924-1925 гг. Свердловск, 1926. Сер. 6. Т. 1; Уральское хозяйство в цифрах, 1926. С. 4-5; Лебедев Ф. Социально-экономическая структура населения Уралобласти // Хозяйство Урала. 1928. № 7; Занятия населения Уральской области: (По данным разработки Всесоюзной переписи населения 1926 г.). Свердловск, 1929; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 1; и др.
- 51 Социальная статистика Урала. 1924-1925 гг. С. 28; Уральское хозяйство в цифрах, 1926. С. 4-5.
- 52 Занятия населения Уральской области. С. 3; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 1. Приложения. С. 170, 188.
- 53 В названных в предыдущей сноске источниках указано 348 733 "самостоятельных рабочих". Однако в это число не включены безработные, рабочие-пенсионеры, красноармейцы. Кроме того, по графе "младший обслуживающий персонал" в число служащих неправильно включены курьеры, сторожа, уборщицы, сиделки, санитары, банщики, а также личная прислуга. Все эти категории трудящихся включены нами в число рабочих.
- 54 Занятия населения Уральской области. С. 31, 61.
- 55 По материалам переписи населения 1926 г. - 862 097 человек. Приведенное нами число включает несамодеятельных членов семей безработных, прислуги, пенсионеров, младшего обслуживающего персонала.
- 56 Подсчет произведен нами по кн.: Занятия населения Уральской

области. С.7-9, 24-25, 43, 46-50; Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.210; Кустарно-промысловая кооперация Урала, 1927-1928 гг. Свердловск, 1929, С.16-17; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 5. С.6.

⁵⁷ Подсчитано нами на основе тех же источников.

⁵⁸ По материалам переписи 1926 г., число интеллигенции и служащих составляло всего 490,4 тыс. человек, в том числе 209,7 тыс. самодеятельных (см.: Занятия населения Уральской области. С.24). Нами из этого числа исключены и включены в состав рабочих лица, отнесенные к младшему обслуживающему персоналу и личной прислуге. В то же время в состав служащих включена часть безработных, пенсионеров и др.

⁵⁹ Подсчитано нами на основе тех же источников.

⁶⁰ Таблица составлена и проценты по Уралу подсчитаны нами на основе: Проблемы изменений социальной структуры советского общества. М., 1968. С.19; Социальная статистика Урала. 1924-1925 г. С.28; Кустарно-промысловая кооперация Урала. 1927-1928. С.16-17; Уральское хозяйство в цифрах, 1926. С.4-5; Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.210; Занятия населения Уральской области. С.7-9, 24-25, 43, 46-50; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.5. С.6.

⁶¹ Сокращение доли самодеятельного населения рабочих и служащих по переписи 1926 г. отнюдь не опровергает отмеченной тенденции. Дело в том, что при исчислении самодеятельного населения в 1925 г. и в ходе переписи 1926 г. были приняты различные критерии. При переписи рамки самодеятельных были намного расширены, особенно для сельской местности. Если в 1925 г. соотношение всего и самодеятельного населения выглядело как 2,4:1, то в 1926 г. — как 1,7:1, в городе соответственно 2,8:1 и 2,37:1, в сельской местности — 2,33:1 и 1,5:1. Этим и объясняется снижение удельного веса самодеятельного населения рабочих и служащих по переписи 1926 г. и возрастание доли мелкой буржуазии и кулаков.

⁶² Тяжесть обложения в СССР. С.14; Левин А.Я. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму. С.134.

⁶³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.40. С.23.

ГЛАВА II

I. Политическая обстановка на Урале в середине 20-х годов. Курс партии на социалистическую реконструкцию народного хозяйства и

тактика борьбы с капиталистическими элементами на новом этапе строительства социализма

¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.42. С.278.

² Уральский статистический ежегодник за 1923 г. Свердловск, 1923. С.255-256; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.3, С.3.

³ Уральское хозяйство в цифрах. 1926. С.86. Число членов производственных союзов подсчитано нами.

⁴ Профработа и труд на Урале в 1925/26 г.: Отчет Уралпрофсовета, Уралстрахкассы, Облотдела труда и Уралоблсоюза кооперативов IV областному съезду профсоюзов Урала. Свердловск, 1926. С.19.

⁵ Избирательная кампания в Советы Уралобласти в 1925-1926 году (Основные итоги). С.24, 30-31, 38; табл. 17. С.140-141. Количество рабочих - членов сельских Советов и райисполкомов подсчитано нами.

⁶ Мкртчян К., Тараторкин Н. Ленинский призыв в Коммунистическую партию на Урале. Свердловск, 1960. С.30, 39.

⁷ ПАСО, ф.4, оп.3, д.6, л.59; оп.5, д.3, л.67-68; Мкртчян К., Тараторкин Н. Указ.соч. С.30.

⁸ Трифонов И. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы напа. С.106.

⁹ Избирательная кампания в Советы Уралобласти в 1925-1926 году. С.24, 30-31; Отчет о деятельности Уральского областного Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов У созыва. С.59.

¹⁰ Партийный Урал (в цифрах). Вып.5. Свердловск, 1925. С.9-10; ПАСО, ф.4, оп.3, д.6, л.59; оп.5, д.3, л.67-68.

¹¹ Уральский рабочий. 1922. 14 июля.

¹² Правда. 1923. 17 апр.; Советская правда. 1923. 25 апр.

¹³ Стенографический отчет I (У) Уральской областной конференции РКП(б). Екатеринбург, 1924. С.21.

¹⁴ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф.17, оп.57, д.17, л.1; оп.67, д.288, л.66; оп.69, д.21, л.119; Партийный архив Челябинского обкома КПСС (ПАЧО), ф.317, оп.1, д.476, л.56, 57, 78, 79; Уральский рабочий, 1926. 23 февр.

¹⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.35. С.199.

¹⁶ ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.31, д.185, л.3; д.188, л.10; оп.32, д.34, л.16; оп.67, д.290, л.7, 8; оп.69, д.8, л.1-7, 16; Правда. 1926. 10 апр.; Уральский рабочий. 1926. 29 янв., 9 марта.

- 17 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.67, д.288, л.125.
- 18 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.36. С.258.
- 19 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.67, д.288, л.66; оп.69, д.8, л.5; ПАСО, ф.4, оп.5а, д.185, л.54-57.
- 20 См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.39. С.277-278.
- 21 ПАСО, ф.4, оп.4, д.280, л.91; ф.6, оп.1, д.341, л.23.
- 22 Отчет о деятельности Уральского областного Исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К.Д. У созыва. С.22-23.
- 23 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.16, д.1684, л.71.
- 24 ПАСО, ф.6, оп.1, д.341, л.58-59.
- 25 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.16, д.1684, л.112.
- 26 Стенографический отчет I (У) Уральской областной конференции РКП (б). С.27.
- 27 См.: Там же. С.32, 33, 35, 36, 42-44.
- 28 ПАСО, ф.4, оп.2, д.321, л.270; оп.3, д.8, л.6; ф.8, оп.1, д.109, л.51; ф.50, оп.1, д.9, л.13.
- 29 Партийный архив Пермского обкома КПСС (ПАПО), ф.65, оп.1, д.27, л.32; д.33, л.99; д.128, л.25; ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.2, д.448, л.26.
- 30 КПСС в резолюциях ... Т.3. С.248.
- 31 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.16, д.1684, л.71.
- 32 ПАСО, ф.4, оп.3, д.8, л.3, 10, 11.
- 33 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.6/н, д.211, л.50; Уральский рабочий, 1925. 8 мая.
- 34 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.32, д.19, л.236-244; д.99, л.17; ПАСО, ф.4, оп.2, д.320, л.2, 30; ф.8, оп.1, д.105, л.51; ф.50, оп.1, д.9, л.13.
- 35 ПАСО, ф.4, оп.3, д.8, л.3.
- 36 ПАСО, ф.8, оп.1, д.14а, л.35, 51-52; д.104, л.136-137.
- 37 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.39. С.280.
- 38 ПАСО, ф.4, оп.2, д.83, л.37; оп.3, д.8, л.5; ф.8, оп.1, д.104, л.181; д.105, л.51-56.
- 39 История СССР с древнейших времен до наших дней. Т.8. С.333; Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921-1932). С.165; Избирательная кампания в Советы Уралобласти в 1925-1926 году. С.20.
- 40 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.67, д.287, л.7, 10, 12-17, 21-22; оп.6/н, д.211, л.198.
- 41 ПАСО, ф.8, оп.1, д.14а, л.35, 51-52; д.104, л.136-137.

- 42 ЦПА ИМЛ, ф. I7, оп. 67, д. 287, л. 7, I7-20.
- 43 См.: КПСС в резолюциях ... Т. 3. С. 48-50, 64-65, 67-73, 75-90, I35-I40, I59-I68, I73-I86, I89-205, 230-234.
- 44 Стенографический отчет УП Уральской областной конференции РКП(б). С. 29I.
- 45 ПАСО, ф. 4, оп. 5, д. 6, л. 94.
- 46 Казанский Ф. Социально-классовая структура уральской деревни. С. 28.
- 47 ЦПА ИМЛ, ф. I7, оп. 68, д. 205, л. 67.
- 48 ЦПА ИМЛ, ф. I7, оп. 68, д. 205, л. 67; оп. I6, д. I684, л. I50.
- 49 Там же, л. I5I-I52.
- 50 ЦПА ИМЛ, ф. I7, оп. 32, д. 47, л. 3, 4, 27, 28.
- 5I ЦПА ИМЛ, ф. I7, оп. 32, д. 48, л. IO, I2.
- 52 См.: КПСС в резолюциях ... Т. 3. С. 230-234.
- 53 См.: Избирательная кампания в Советы Уралобласти в I925-I926 году. С. 30-3I. Социальный состав депутатов-крестьян, как отмечается в источнике, приблизительный.
- 54 Избирательная кампания в Советы Уралобласти в I925-I926 году. С. 30-38; ПАСО, ф. 4, оп. 4, д. 5, л. 230; Выборы в Советы РСФСР в I925-I926 году: (Предварительные итоги). М., I926. Ч. I. С. 232; Приложение, табл. 4.
- 55 ПАСО, ф. 4, оп. 4, д. 5, л. 230-23I.
- 56 Подсчитано на основе: ПАСО, ф. 4, оп. 5, д. 280, л. 96; Перевыборы Советов на Урале в I926/27 году. С. 87.
- 57 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, С. 9.
- 58 См.: КПСС в резолюциях ... Т. 3. С. 247.
- 59 Там же. С. 248.
- 60 Там же. С. 249.
- 6I См.: Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (I92I-I937). С. I52-I64.
- 62 ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. IO2, л. 82-I20.
- 63 ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. IO2, л. IO6.
- 64 ЦПА ИМЛ, ф. I7, оп. 32, д. 99, л. I7.
- 65 ЦПА ИМЛ, ф. I7, оп. 32, д. 99, л. 23, 24; оп. 67, д. 288, л. 80.

2. Политическая борьба с антисоветскими элементами и кулачеством в ходе перевыборов Советов

I КПСС в резолюциях ... Т. 3. С. 3I2.

- 2 Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне.
С.163.
- 3 ПАСО, ф.4, оп.4, д.122, л.46.
- 4 ПАСО, ф.4, оп.5, д.280, л.92.
- 5 Перевыборы Советов на Урале в 1926/27 году. С.78.
- 6 ПАСО, ф.4, оп.5, д.3, л.49.
- 7 Там же.
- 8 Перевыборы Советов на Урале в 1926/27 году. С.92.
- 9 Там же. С.87; ПАСО, ф.4, оп.5, д.3, л.49.
- 10 Перевыборы Советов на Урале в 1926/27 году. С.61.
- 11 Там же.
- 12 См.: КПСС в резолюциях... Т.3. С.328-331.
- 13 ПАСО, ф.4, оп.4, д.5, л.351.
- 14 ПАСО, ф.4, оп.5, д.135, л.27, 28; д.235, л.43; д.327, л.139,
- 140.
- 15 ПАСО, ф.6, оп.1, д.1113; л.221.
- 16 ПАСО, ф.4, оп.5, д.327, л.9.
- 17 Там же.
- 18 ПАСО, ф.4, оп.5, д.250, л.17.
- 19 ПАСО, ф.4, оп.5, д.327, л.47, 50.
- 20 ПАСО, ф.4, оп.5, д.3, л.55.
- 21 ПАСО, ф.4, оп.5, д.6, л.107, 108; д.135, л.22; д.83, л.45.
- 22 Седьмой Уральский областной съезд Советов: Стеногр.отчет.
Бюллетень № 6. С.8.
- 23 Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного
комитета Советов Р.К.К. и К.Д. VI созыва. С.13.
- 24 Избирательная кампания в Советы Уралобласти в 1925-1926 го-
ду. С.30-31; Перевыборы Советов на Урале в 1926/27 году. С.54, 57;
Стенографический отчет УШ областной партийной конференции. С.328;
ПАПО, ф.156, оп.1, д.218, л.170; ГАСО, ф.88, оп.1, д.87, л.12 (в
процентах подсчитано нами).
- 25 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.63.
- 26 См.: Там же.
- 27 Уральский рабочий. 1928. 3 ноябр.
- 28 См.: Экономическая роль местных Советов Урала. Свердловск,
1970. Вып.4. С.28.
- 29 Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного
комитета Советов Р.К.К. и К.Д. VI созыва. С.26.
- 30 Известия Уралоблисполкома. 1929. № 16. С.10.

- 31 Уральский рабочий. 1928. 9 дек.
- 32 Там же. 8 дек.
- 33 Сборник аспирантских работ по вопросам государства и права. Свердловск, 1962. С.15-16.
- 34 Уральский рабочий. 1928. 20 дек.
- 35 Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К.Д. VI созыва. С.18.
- 36 Там же.
- 37 ПАСО, ф.4, оп.5, д.3, л.49; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930-1931 гг. М., 1931. С.106-107.
- 38 Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К.Д. VI созыва. С.11.
- 39 Партийный архив Курганского обкома КПСС (ПАКО), ф.13, оп.1, д.1624, л.37.
- 40 ПАЧО, ф.75, оп.1, д.573, л.277.
- 41 Там же, л.47.
- 42 ПАЧО, ф.75, оп.1, д.575, л.216.
- 43 Уральский рабочий. 1929. I, 6 янв.
- 44 ПАКО, ф.13, оп.1, д.1593, л.23.
- 45 Известия Уралоблисполкома. 1929. № 3. С.6.
- 46 Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне. С.191.
- 47 ПАСО, ф.4, оп.6, д.7, л.340.
- 48 ГАСО, ф.339, оп.1, д.145, л.392; Отчет о деятельности областного исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К.Д. VI созыва. С.10.
- 49 ПАЧО, ф.75, оп.1, д.575, л.129, 232.
- 50 ПАКО, ф.13, оп.1, д.1593, л.25; ПАЧО, ф.75, оп.1, д.573, л.30; ПАСО, ф.4, оп.6, д.481, л.70; Уральский рабочий. 1929. 20 янв., 17 февр.
- 51 Уральский рабочий. 1929. II и 20 янв.
- 52 Известия Уралоблисполкома. 1929. № 10. С.18.
- 53 ПАСО, ф.4, оп.7, д.313, л.165, 217; оп.8, д.12-а, л.60; ГАСО, ф.339, оп.1, д.145, л.391.
- 54 ГАСО, ф.339, оп.1, д.145, л.391; Известия Уралоблисполкома. 1929. № 47. С.4; 1930. № 56. С.5.
- 55 Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К.Д. VI созыва. С.18.
- 56 ПАЧО, ф.75, оп.1, д.573, л.151.
- 57 Седьмой Уральский областной съезд Советов: Стеногр. отчет. Бюллетень № 6. С.8. По Советскому Союзу на выборы явилось 59%

сельских избирателей (см.: Правда. 1929. 24 февр.), по РСФСР - 60,7% (см.: Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне. С.193).

⁵⁸ Данные составлены и подсчитаны на основе: Перевыборы Советов на Урале в 1926/27 году. С.54, 57; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930-1931 гг. С.26-27; Отчет Уральского областного исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К.Д. УП созыва. С.161; ПАО, ф.156, оп.1, д.218, л.170; ГАСО, ф.88, оп.1, д.87, л.12.

⁵⁹ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930-1931 гг. С.26, 27; Отчет Уральского областного исполнительного комитета Советов РКК и КД УП созыва. С.19-27.

⁶⁰ Седьмой Уральский областной съезд Советов. Бюллетень № 6. С.8.

⁶¹ Правда. 1929. 16 июня.

⁶² И.Е.Плотников утверждает, что в сельских Советах Урала в 1929 г. было 62,6% середняков (см.названную статью, с.53). Это завышенные данные.

⁶³ И.Е.Плотников в упомянутой статье сначала приводит данные о том, что в сельских Советах Урала в 1929 г. было 13,8% зажиточных (с.44), а несколько страниц спустя говорит, что их было 4% (с.54 - эти данные правильные). Таким образом, он сам себе противоречит и эти противоречивые цифры никак не объясняет.

⁶⁴ Плотников И.Е. Досрочные частичные выборы в Советы Уральской области.

⁶⁵ ПАСО, ф.4, оп.9, д.185, л.11; Социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1957. С.189.

⁶⁶ Известия Уралоблисполкома. 1930. № 3. С.13; Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне. С.202-203.

⁶⁷ ПАСО, ф.4, оп.9, д.185, л.11; Социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1957. С.189.

⁶⁸ Известия Уралоблисполкома. 1930. № 3. С.13.

⁶⁹ ПАСО, ф.4, оп.8, д.104, л.50.

⁷⁰ Социалистическое строительство на Урале. С.186.

⁷¹ ПАСО, ф.4, оп.8, д.104, л.50; оп.9, д.49, л.26.

⁷² ПАСО, ф.4, оп.8, д.32, л.24-26.

⁷³ Отчет Уральского областного исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К.Д. УП созыва. С.161; Плотников И.Е. Указ. ст. С.50.

⁷⁴ ПАСО, ф.4, оп.8, д.32, л.36; Известия Уралоблисполкома. 1930. № 15. С.21.

75 Материалы к отчету Уральского областного комитета десятой областной партийной конференции. С.64.

76 Данные составлены и подсчитаны на основе: Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930-1931 гг. С.26-27; Материалы к отчету Уральского областного комитета десятой областной партийной конференции. С.64; Отчет Уральского областного исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К.Д.УП созыва. С.161; ПАО, ф.156, оп.1, д.218, л.170; ГАСО, ф.88, оп.1, д.87, л.12.

77 Отчет Уральского областного исполнительного комитета Советов РКК и КД УП созыва. С.161.

78 Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб.2. С.28.

79 ПАСО, ф.4, оп.9, д.217, л.66, 135, 184, 220; оп.10, д.13, л.25.

80 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.506.

81 См.: Там же.

82 Плотников И.Е. Выборы в Советы Уральской области в 1930-1931 годах // Вопросы истории Урала. С.352.

83 Отчет Уральского областного исполнительного комитета Советов РКК и КД УП созыва. С.190.

84 Там же. С.192.

85 ПАСО, ф.4, оп.9, д.1, л.47.

86 Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930-1931 г. С.106-107.

87 Плотников И.Е. Выборы в Советы Уральской области в 1930-1931 годах. С.355.

88 ПАСО, ф.4, оп.10, д.111, л.77.

89 Данные составлены и проценты подсчитаны на основе: Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930-1931 г. С.26-27.

Глава III

I. Руководство партийных организаций Урала классовой борьбой рабочих на концессионных предприятиях и ликвидация концессии "Лена Голд-филдс лимитед"

1 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.43. С.224.

2 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42. С.75-77.

3 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42. С.76, 78, 109, 114; Т.43. С.177.

4 КПСС в резолюциях ... Т.3. С.247.

⁵ См.: Касьяненко В.И., Морозов Л.Ф., Шкаренков Л.К. Из истории концессионной политики Советского государства // История СССР. 1959. № 4. С.39.

⁶ ПАСО, ф.4, оп.6, д.271, л.34; оп.7, д.292, л.50.

⁷ Таблица составлена и проценты подсчитаны нами на основе: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып.2. С.100-107; Статистический справочник СССР. 1927 г. М., 1927. С.215; Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929. С.324; Фабрично-заводская промышленность Союза ССР. М., 1929. С.62; Фабрично-заводская промышленность Союза ССР за 1927/28 и 1928/29 гг. М., 1930. С.136.

⁸ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.42. С.107 (подчеркнуто нами. - В.К.).

⁹ Там же. С.114.

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.68, д.377, л.23; оп.69, д.124, л.72; ПАСО, ф.4, оп.5, д.316, л.133; оп.6, д.110, л.118, 119; оп.7, д.292, л.22; Северский завод. Свердловск, 1959. С.62.

¹¹ ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.68, д.377, л.102, 103, 147; ПАСО, ф.4, оп.4, д.16, л.92, 93.

¹² ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.69, д.124, л.75, 76; ПАСО, ф.4, оп.6, д.110, л.79, 80, 119, 120; д.310, л.81; оп.7, д.292, л.22, 58; ф.6, оп.1, д.1690, л.13; д.1768, л.2, 14; Уральский рабочий. 1928. 4 июля.

¹³ Справочник партийного работника. М., 1928. Вып.6, ч.1. С.510-511; Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 37-38. С.4.

¹⁴ Подсчитано нами на основе архивных источников.

¹⁵ ПАСО, ф.4, оп.4, д.16, л.94.

¹⁶ Подсчитано на основе: ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.2а, д.526, л.10; оп.68, д.377, л.10; оп.69, д.124, л.80; ПАСО, ф.4, оп.6, д.110, л.84, 86, 125; оп.7, д.292, л.53; ф.75, оп.1, д.113, л.1, 113; д.142, л.18; д.147, л.182-196; д.136, л.63, 66; д.211, л.50; д.188, л.103-106.

¹⁷ ПАСО, ф.4, оп.5, д.316, л.139; оп.6, д.110, л.82.

¹⁸ ПАСО, ф.4, оп.5, д.316, л.140.

¹⁹ ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.69, д.39, л.93.

²⁰ Там же, л.89.

²¹ ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.69, д.377, л.59, 103.

²² ПАСО, ф.6, оп.1, д.834, л.67; ф.81, оп.1, д.3, л.70.

²³ ПАСО, ф.4, оп.5, д.316, л.137, 138.

²⁴ ПАСО, ф.4, оп.7, д.292, л.58; ф.6, оп.1, д.1690, л.9, 15.

- 25 ЦИА ИМЛ, ф.17, оп.68, д.377, л.57; ПАСО, ф.6, оп.1, д.1746, л.94, 95; ф.4, оп.6, д.292, л.4, 5.
- 26 ПАСО, ф.81, оп.1, д.3, л.69; ф.4, оп.6, д.29, л.48; ЦГАОР СССР, ф.5451, оп.12, д.809, л.17.
- 27 ПАСО, ф.4, оп.1, д.136, л.54.
- 28 ПАСО, ф.4, оп.6, д.29, л.125; ф.75, оп.1, д.211, л.209.
- 29 ПАСО, ф.6, оп.1, д.1476, л.22; Нургалин З.А. Указ.соч. С.72.
- 30 Нургалин З.А. Указ.соч. С.72-73.
- 31 ПАСО, ф.4, оп.6, д.332, л.65; оп.7, д.292, л.3; ф.75, оп.1, д.136, л.58.
- 32 ПАСО, ф.6, оп.1, д.1476, л.41, 62; д.1746, л.3, 4; ф.75, оп.1, д.136, л.58, 59.
- 33 См.: Известия ЦИК и ВЦИК. 1928. 27 июля. № 173; Труд. 1928. 30 авг.
- 34 ПАСО, ф.6, оп.1, д.1476, л.41-44; ф.75, оп.1, д.136, л.69; д.145, л.26, 27.
- 35 Нургалин З.А. Указ.соч. С.73; ПАСО, ф.4, оп.7, д.292, л.56; ф.6, оп.1, д.1690, л.14; ф.75, оп.1, д.211, л.197, 198.
- 36 Вопр.истории КПСС. 1968. № 3. С.73; ЦГАОР СССР, ф.5451, оп.10, д.120, л.1.
- 37 КПСС в резолюциях ... Т.3. С.274.
- 38 См.: Брин И.Д. Указ.соч. С.83.
- 39 ПАСО, ф.75, оп.1, д.142, л.44; д.211, л.233-235; ф.4, оп.7, д.292, л.66, 67; ф.6, оп.1, д.1746, л.96-109.
- 40 ПАСО, ф.4, оп.7, д.292, л.22, 58.
- 41 ПАСО, ф.6, оп.1, д.1966, л.6-28.
- 42 ПАСО, ф.4, оп.7, д.292, л.9.
- 43 Подробнее об этом см.: Брин И.Д. Указ.соч. С.92-103; Юферева Е.В. Указ.соч. С.123-126.
- 44 ПАСО, ф.6, оп.1, д.1966, л.50-51.
- 45 Там же, л.70-72.
- 46 ПАСО, ф.4, оп.8, д.483, л.14, 33, 34; ф.6, оп.1, д.1966, л.70; ф.75, оп.1, д.256, л.145.
- 47 ПАСО, ф.6, оп.1, д.1966, л.81; ф.75, оп.1, д.249, л.16-18.
- 48 ПАСО, ф.6, оп.1, д.1966, л.81.
- 49 ПАСО, ф.4, оп.8, д.483, л.14.
- 50 Там же; ф.75, оп.1, д.249, л.17, 18.
- 51 Подробнее об этом см.: Брин И.Д. Указ.соч. С.104-107.
- 52 ПАСО, ф.4, оп.8, д.483, л.4, 6, 36-39.

- 53 См.: Брин И.Д. Указ.соч. С.93-107, 179; Касьяненко В.И., Морозов Л.Ф., Шкаренков Л.К. Указ.соч. С.52-53.
- 54 Юферева Е.В. Указ.соч. С.124; См. также: Брин И.Д. Указ.соч. С.93-95.
- 55 См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.42. С.75-77; Т.43, С.224.
- 56 См.: История СССР. 1959. № 4. С.53; Юферева Е.В. Указ.соч. С.108, 115, 134; ЦГАНХ СССР, ф.3429, оп.156, д.7, л.27.
- 57 См.: Юферева Е.В. Указ.соч. С.194.
- 58 См.: Левин А.Я. Указ.соч. С.33-34; Юферева Е.В. Указ.соч. С.104-105; История СССР. 1959. № 4. С.54.
- 59 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.33-34.
- 60 Подробнее об уровне технической оснащенности концессионных предприятий см.: Касьяненко В.И., Морозов Л.Ф., Шкаренков Л.К. Указ.соч. С.45.
- 61 ПАСО, ф.4, оп.7, с.292, л.22.
- 62 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.68, д.377, л.15; ПАСО, ф.4, оп.7, д.292, л.22.
- 63 Комиссия Главконцесскома, обследовавшая в июне-июле 1929 г. уральские предприятия "Лены", отмечала в своих выводах, что концессия не вкладывает капиталов на Дегтярку, "чем задерживает на продолжительный срок постройку медеплавильного завода, искажает саму идею концессии на Урале, как концессии медной в первую очередь" (см.: ПАСО, ф.4, оп.7, д.292, л.30).
- 64 См.: Юферева Е.В. Указ.соч. С.110.
- 65 См.: Брин И.Д. Указ.соч. С.96.
- 66 См.: Юферева Е.В. Указ.соч. С.108; История СССР. 1959. № 4. С.44; ЦГАОР СССР, ф.215с, оп.1, д.127, л.61; д.255, л.151, 152; д.1164, л.1-12; ПАСО, ф.4, оп.7, д.292, л.22.
- 67 В мае 1930 г. Верховный Суд СССР приговорил к разным срокам заключения группу ответственных работников концессии "Лена Голд-филдс", обвинявшихся в шпионаже и экономической контрреволюции (см.: Правда. 1930. 20, 21 апр., 7 мая).
- 68 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.32, д.179, л.13-14.
- 69 Подробнее об этом см.: История СССР. 1959. № 34. С.52-54.
- 70 Там же; ЦГАОР СССР, ф.215с, оп.1, д.215, л.392.
- 71 См.: Касьяненко В.И., Морозов Л.Ф., Шкаренков Л.К. Из истории концессионной политики Советского государства // История СССР. 1959. № 4; Юферева Е.В. Указ.соч. С.95-134.

72 Левин А.Я. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму. С.20.

73 Там же. С.12.

74 Юферева Е.В. Указ. соч. С.23.

75 Левин А.Я. Указ.соч. С.13.

76 В.И.Касьяненко, Л.Ф.Морозов, Л.К.Шкаренков на основе анализа фактического материала приходят к выводу, что "концессии получили баснословно высокие прибыли" (см.: История СССР. 1959. № 4. С.52; см. также: Юферева Е.В. Указ.соч. С.193-202).

77 Нургаллин З.А. Указ.соч. С.73.

2. Организация коммунистами наступления на частный капитал в промышленности, кустарно-ремесленном производстве, промысловой и его основные этапы

I Ленин В.И. Полн. собр.соч. Т.39. С.274.

2 Подробнее об этом см.: Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с непманской буржуазией (1926-1929 гг.). С.23-25; Основные закономерности построения социалистической экономики. С.220, 221.

3 КПСС в резолюциях ... Т.3. С.379.

4 См.: Там же. С.320, 342-343.

5 Там же. С.442.

6 КПСС в резолюциях ... Т.3. С.477.

7 Там же. Т.4. С.18.

8 Там же. Т.3. С.442, 485-486.

9 См.: Там же. Т.4. С.43.

10 Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.270 (в процентах подсчитано нами).

II Левин А.Я. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму. С.78.

12 В 1924 г. из 44 капиталистических предприятий цензовой промышленности Уралобласти 40 было арендованных и только 4 являлись собственностью предпринимателей (см.: ИЦА ИМЛ, ф.17, оп.16, д.1620, л.109).

13 Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.265.

14 Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.2. С.100-115.

15 Подсчитано нами на основе того же источника (с.108-109).

16 Подсчитано на основе того же источника (с.108-109). В целом по стране выработка на одного рабочего на частных предприятиях в

1925/26 г. была на 20% выше, чем на государственных (см.: Частный капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927. С.364).

17 Подсчитано на основе того же источника.

18 Подсчитано на основе того же источника.

19 Там же; Коммунисты Свердловска во главе масс. Свердловск, 1967. С.89-90.

20 ГАСО, ф.339, оп.5, д.410, л.1; ПАСО, ф.4, оп.6, д.271, л.7,

8.

21 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.16, д.1620, л.113.

22 Там же; ПАСО, ф.4, оп.5, д.297, л.148-149.

23 Морозов Л.Ф. Указ.соч. С.66.

24 ПАСО, ф.4, оп.5, д.17, л.152.

25 Там же; ЦГАОР СССР, ф.5453, оп.11, д.107, л.26; д.25, л.20.

26 Морозов Л.Ф. Указ.соч. С.59.

27 Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. С.204.

28 См.: Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926-1929 гг.); Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле; История социалистической экономики СССР. Т.3; От капитализма к социализму: Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917-1937. Т.1, 2.

29 Таблица составлена на основе: Левин А.Я. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму. С.78; Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.270-271; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.2. С.100-101 (в процентах по Уралу подсчитано или уточнено нами).

30 Подсчитано на основе таблицы 13.

31 См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.38. С.179.

32 См.: В.И.Ленин и история классов и политических партий в России. С.442.

33 КПСС в резолюциях ... Т.3. С.379.

34 См.: Там же. С.443.

35 Отчет Уральской областной Контрольной Комиссии ВКП(б) и Рабоче-Крестьянской инспекции за период октябрь 1926 - июль 1928 г. С.37; Известия Уралоблсполкома. 1929. № 5. С.6.

36 Таблица составлена и проценты подсчитаны на основе: Уральское хозяйство в цифрах, 1926. С.210; Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.270-271, 302-303; Уральское хозяйство в цифрах, 1928. С.214 215, 223, 230-231; Уральское хозяйство в цифрах, 1929. С.220-223,

228; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.2. С.100, 404-405;

Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.3. С.3.

37 Кустарная промышленность и промысловая кооперация РСФСР: Сб.мат-лов. М., 1929. С.16.

38 См.табл.3 на с.33 настоящей работы.

39 Подсчитано на основе: Уральское хозяйство в цифрах, 1928. С.230-231; Уральское хозяйство в цифрах, 1929. С.224, 228-233, 238-239.

40 Там же.

41 Резолюции IV расширенного пленума Уралобкома ВКП(б) и ОблКК 20-24 ноября 1926 г. Свердловск, 1926. С.11; ПАСО, ф.4, оп.4, д.8, л.330.

42 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.21, л.3775, л.88, 89, 100; ЦГАОР СССР, ф.393, оп.67, д.381, л.10.

43 Подсчитано на основе: Уральское хозяйство в цифрах, 1928. С.214-217, 223, 229; Уральское хозяйство в цифрах, 1929. С.224, 228-231, 232-233, 238-239; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.2. С.416-417, 512-514.

44 ГАСО, ф.539, оп.1, д.33, л.11.

45 ГАСО, ф.339, оп.5, д.410, л.16; ф.539, оп.1, д.33, л.11.

46 ПАСО, ф.4, оп.6, д.415а, л.87, 88.

47 Резолюции расширенного пленума Уралобкома ВКП(б) и ОблКК. 20-24 ноября 1926 г. С.11; ПАСО, ф.4, оп.4, д.8, л.330.

48 ГАСО, ф.593, оп.1, д.26, л.31, 54, 182.

49 Там же, д.26, л.186, 299-302, 326-328, 332-334, 345; д.33, л.9, 11-13, 38; д.38, л.80.

50 ПАСО, ф.4, оп.3, д.330, л.18, 23; ГАСО, ф.339, оп.5, д.410, л.36, 46.

51 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.67, д.288, л.68.

52 ГАСО, ф.593, оп.1, д.26, л.223; ПАСО, ф.4, оп.7, д.33, л.18-19.

53 ГАСО, ф.593, оп.1, д.26, л.215; д.33, л.31.

54 ГАСО, ф.339, оп.5, д.410, л.47; Морозов Л.Ф. Указ.соч. С.80.

55 Таблица составлена и проценты подсчитаны нами на основе данных таблицы 3 настоящей работы, а также по кн.: Уральское хозяйство в цифрах, 1928. С.230-231; Уральское хозяйство в цифрах, 1929. С.224, 228-231, 232-233, 238-239; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.2. С.404-407.

56 Подсчитано на основе: Уральское хозяйство в цифрах, 1930.

Вып.2. С.404-407.

⁵⁷ Левин А.Я. Указ.соч. С.86; ЦГАОР СССР, ф.1562, оп.44, д.3, л.54. По другим источникам доля частнокапиталистического сектора в валовой продукции мелкой промышленности в 1928/29 г. составляла 2,8% (см.: Мелкая промышленность СССР по данным Всесоюзной переписи 1929 г. М., 1933. Вып.1. С.2).

⁵⁸ См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.45. С.377.

⁵⁹ См.: Файн Л.Е. История разработки В.И.Лениным кооперативно-го плана. С.304-309; Бузлаева А.И. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности СССР. С.43-48; Лебакова Э.Ф. Опыт КПСС по приобщению мелкой буржуазии города к строительству социализма. С.13-24.

⁶⁰ Елохов П.Л. Социалистическое преобразование мелкой и кустарной промышленности на Урале // Вопросы экономической географии; Сердюков А.А. Социалистическое преобразование мелкотоварного производства в промышленности Урала (1926-1928 гг.) // Вопросы истории Урала. Вып.12; Он же. Деятельность уральской партийной организации по вовлечению в социалистическое строительство кустарей и ремесленников в годы первой пятилетки // Из истории партийных организаций Урала.

⁶¹ Подсчитано на основе: Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.214-217, 230-231; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып.2. С.404-407.

⁶² XI Уральская областная конференция ВКП(б): Стеногр.отчет. С.17.

⁶³ ПАСО, ф.4, оп.9, д.34, л.146; Уральский рабочий. 1931. II июля.

⁶⁴ Сердюков А.А. Деятельность уральской партийной организации по вовлечению в социалистическое строительство кустарей и ремесленников в годы первой пятилетки. С.117.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Подсчитано на основе: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.2. С.404-407.

⁶⁷ Подсчитано на основе: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.2. С.404-407; XI Уральская областная конференция ВКП(б): Стеногр. отчет. С.332; ГАСО, ф.245, оп.1, д.1768, л.58.

⁶⁸ Вестник промысловой кооперации. 1927. № 3. С.34; Кустарно-промысловая кооперация Урала. 1927-1928 год. С.22.

⁶⁹ ПАСО, ф.4, оп.8, д.522, л.167.

- 70 ЦГА РСФСР, ф.406, оп.8, д.408, л.1.
 71 Партия о промысловой кооперации и кустарной промышленности:
 Сб.док. М., 1931. С.116.
 72 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.61-62.
 73 См.: КПСС в резолюциях ... Т.4. С.18, 40, 43, 63.
 74 Партия о промысловой кооперации и кустарной промышленности.
 С.104-107.
 75 Бузлаева А.И. Ленинский план кооперирования мелкой промышлен-
 ности СССР. С.91.
 76 Партия о промысловой кооперации и кустарной промышленности.
 С.116, 126.
 77 ПАСО, ф.4, оп.6, д.29, л.250-257; оп.7, д.33, л.83-87.
 78 ГАСО, ф.245, оп.1, д.855, л.34.
 79 ПАСО, ф.4, оп.7, д.235, л.14; Кустарно-промысловая коопера-
 ция Урала. 1927-1928 гг. С.22-26.
 80 ПАСО, ф.4, оп.6, д.351а, л.24.
 81 ГАСО, ф.88, оп.1, д.1450, л.94-96, 123.
 82 Там же.
 83 Кустарно-промысловая кооперация Урала. 1927-1928 гг. С.22.
 84 Там же.
 85 ПАСО, ф.4, оп.8, д.522, л.167.
 86 Кустарно-промысловая кооперация Урала. 1927-1928 год. С.24.
 87 ЦГА РСФСР, ф.406, оп.13, д.923, л.228; оп.18, д.408, л.9;
 ПАСО, ф.4, оп.8, д.522, л.168.
 88 ЦГА РСФСР, ф.406, оп.13, д.843, л.79; д.293, л.228; ГАСО,
 ф.245, оп.1, д.855, л.34.
 89 ЦГА РСФСР, ф.406, оп.1, д.408, л.1; оп.13, д.923, л.228.
 90 Таблица составлена на основе архивных материалов: ПАСО, ф.4,
 оп.9, д.33, л.48; ГАСО, ф.245, оп.1, д.858, л.102.
 91 ПАСО, ф.4, оп.9, д.14, л.139.

3. Осуществление партийными организациями политики вытеснения непманской буржуазии из торговли

- 1 См.: Сталин И.В. Сочинения. Т.8. С.126-127.
 2 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.33.
 3 Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализ-
 ма. С.318.
 4 Рязов Н.Н. Вытеснение частного посредника из товарооборота.

М., 1930. С.13.

⁵ Морозов Л.Ф. Указ.соч. С.10.

⁶ Частная торговля Союза ССР. М., 1927. С.3; Советская торговля: Стат.сб. М., 1956. С.14, 15.

⁷ Подсчитано на основе: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.5. С.6-7.

⁸ Подсчитано на основе: Советское народное хозяйство в 1921-1925 гг. С.452-456.

⁹ Подсчитано на основе: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.5. С.6-7.

¹⁰ См.: Мудрик М. О частном капитале в торговле на Урале // Уральский коммунист. 1928. № 6. С.7; Исупов Г. Частный капитал в торговле Урала // Хозяйство Урала. 1928. № 5-6. С.15.

¹¹ Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.5. С.6-7; Пояснения к таблицам. С.253 (в процентах подсчитано нами).

¹² Там же.

¹³ См.: КПСС в резолюциях ... Т.3. С.166, 167, 174.

¹⁴ ПАСО, ф.4, оп.3, д.34, л.3.

¹⁵ Уральское хозяйство в цифрах. Вып.5. С.6-7; Советская торговля. С.14.

¹⁶ См.: Основные закономерности социалистической экономики, С.213; Бузлаева А.И. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности СССР. С.85-86; ИРНИХ СССР, ф.7733, оп.5, д.920, с.86.

¹⁷ Уральское хозяйство в цифрах. 1929. Табл. 177. С.353; Исупов Г. Указ.соч. С.29.

¹⁸ См.: КПСС в резолюциях ... Т.3. С.410.

¹⁹ Хозяйство Урала. 1928. № 5. С.26, 28.

²⁰ См.: КПСС в резолюциях ... Т.4. С.183, 197; Сталин И.В. Соч. Т.11. С.318-319, 320; Т.12. С.43-45.

²¹ См.: Год социалистического строительства на Урале: Материалы к отчету Уралобкома ВКП(б) к IX областной партийной конференции. С.66; Материалы к отчетному докладу Свердловского окружкома УШ окружной партконференции. Свердловск, 1930. С.115-143; ПАСО, ф.4, оп.7, д.34, л.102-103.

²² ПАСО, ф.6, оп.1, д.1183, л.230.

²³ ПАСО, ф.4, оп.7, д.34, л.159.

²⁴ Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.237; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып 5. С.207.

²⁵ См.: Там же.

- 26 ПАСО, ф.4, оп.7, д.34, л.102-103; ГАСО, ф.593, оп.1, д.66; Очерки истории Челябинской областной партийной организации. Челябинск, 1967. С.188-189.
- 27 См.: СЗ СССР, 1926. № 64; КПСС в резолюциях ... Т.3. С.485; Частный капитал в народном хозяйстве СССР. С.198.
- 28 См.: Морозов Л.Ф. Указ.соч. С.72; Тяжесть обложения в СССР. С.9.
- 29 Резолюции 1У расширенного пленума Уралобкома ВКП(б) и ОблКК. 20-24 ноября 1926 г. С.11.
- 30 ПАСО, ф.75, оп.1, д.105, л.171.
- 31 Отчет Ирбитского окрисполкома за 1928 г. Ирбит, 1929. С.39.
- 32 ГАСО, ф.593, оп.1, д.26, л.157.
- 33 Уральское хозяйство в цифрах, 1927. С.508; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.5. С.176.
- 34 Морозов Л.Ф. Указ.соч. С.45; Применительно к Уралу подсчитано на основе: Хозяйство Урала. 1928. № 10. С.124-126.
- 35 Мудрик М. Указ.соч. С.17.
- 36 См.: КПСС в резолюциях ... Т.3. С.433.
- 37 Там же. С.377.
- 38 Там же. С.439-440.
- 39 Справочник партийного работника. Вып.6, ч.1. С.615-617; Правда. 1927. 3 марта.
- 40 ПАСО, ф.4, оп.5, д.6, л.450-454.
- 41 Уральский рабочий. 1927. 1 марта.
- 42 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.2, д.495/г, л.57, 58.
- 43 ПАСО, ф.4, оп.1, д.1109, л.235; ф.5, оп.5, д.6, л.331, 332; ф.4, оп.5, д.4, л.28.
- 44 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.21, д.3775, л.88, 89, 100; ЦПАОР СССР, ф.393, оп.67, д.381, л.10.
- 45 ПАСО, ф.4, оп.5, д.1, л.19.
- 46 ЦПАОР СССР, ф.393, оп.67, д.381, л.13.
- 47 Хозяйство Урала. 1928. № 5-6. С.16.
- 48 ПАСО, ф.4, оп.5, д.4, л.29.
- 49 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.21, д.3775, л.128.
- 50 Подсчитано на основе: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.5. С.104.
- 51 Там же, С.6-7.
- 52 См.: Там же. С.104.
- 53 См.: КПСС в резолюциях ... Т.4. С.18.

- 54 Уральский коммунист. 1928. № 6. С.8
- 55 См.: КПСС в резолюциях ... Т.3. С.246.
- 56 Подсчитано на основе: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.5. С.2, 3, 5.
- 57 ГАСО, ф.593, оп.1, д.26, л.70, 71; ПАСО, ф.4, оп.6, д.488, л.72.
- 58 ПАСО, ф.8, оп.1, д.1006, л.13.
- 59 См.: Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне. С.175.
- 60 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.44. С.397.
- 61 ПАСО, ф.4, оп.5, д.10, л.326; оп.6, д.29, л.3-5, 56, 60, 94-96, 139.
- 62 ГАСО, ф.593, оп.1, д.26, л.54, 59.
- 63 ГАСО, ф.593, оп.1, д.33, л.42.
- 64 Там же, л.9, 12, 13; д.38, л.80.
- 65 Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.5. С.102, 104.
- 66 ПАСО, ф.4, оп.6, д.493, л.84; ГАСО, ф.593, оп.1, д.33, л.29-32; Уральский рабочий. 1928. 19 февр. Отчет Сарапульского окрисполкома за 1926-1928 гг. Сарапул, 1929. С.38-39.
- 67 ПАСО, ф.4, оп.7, д.33, л.88.
- 68 ЦГАНХ СССР, ф.484, оп.8, д.701, л.50; Материалы к отчету Уральского областного комитета десятой областной партийной конференции. С.48; Хозяйство Урала. 1930. № 10. С.39.
- 69 См.: Дихтяр Г.А. Указ.соч. С.334.
- 70 См.: КПСС в резолюциях ... Т.4. С.82.
- 71 ПАСО, ф.4, оп.6, д.10, л.114.
- 72 Материалы к отчету Уральского областного комитета десятой областной партийной конференции. С.46-47.
- 73 Там же. С.45, 47.
- 74 Синдикаты СССР в цифрах и диаграммах за пять лет. М., 1928. С.14.
- 75 Таблица составлена и подсчеты произведены нами на основе: Внутренняя торговля Союза ССР за 10 лет. С.257; Советская торговля. С.14; Основные показатели деятельности потребительской кооперации. М., 1930. С.19; Дихтяр Г.А. Указ.соч. С.211; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.5. С.6-7; Вып.6. С.692-693; Социалистическое строительство Урала за 15 лет. С.50.
- 76 Материалы к отчету Уральского областного комитета десятой областной партийной конференции. С.49; Социалистическое строитель-

ство Урала за 15 лет. С.49.

⁷⁷ См.: Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С.329-337; Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. Л., 1964. С.245-249, 282-283; Построение фундамента социалистической экономики СССР. С.454-457; Основные закономерности построения социалистической экономики. С.223-227; История социалистической экономики СССР. Т.3. С.457.

⁷⁸ Построение фундамента социалистической экономики в СССР. С.456; История социалистической экономики СССР. Т.3. С.457.

⁷⁹ См.: Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с империалистической буржуазией (1928-1929 гг.). С.71-72, 73-74; Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. С.139; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т.8. С.419-420.

⁸⁰ Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. С.217-220.

⁸¹ ГАСО, ф.593, оп.1, д.80.

⁸² Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.5. С.5.

⁸³ См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.39. С.277-278.

⁸⁴ ГАСО, ф.593, оп.1, д.80, л.12.

⁸⁵ ЦГАНХ СССР, ф.484, оп.1, д.425, л.7.

⁸⁶ Дихтяр Г.А. Указ.соч. С.324-325; Плановое хозяйство. 1930.

№ 5. С.143, 144.

⁸⁷ См.: КПСС в резолюциях ... Т.5. С.47-48; ЦГАНХ СССР, ф.484, оп.1, д.2258, л.241-253; д.2336, л.9-10.

⁸⁸ См.: КПСС в резолюциях ... Т.4. С.503.

⁸⁹ Там же. Т.5. С.52.

⁹⁰ См.: Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. С.139.

⁹¹ ГАСО, ф.593, оп.1, д.26, л.254; д.80, л.13.

⁹² Там же, д.80, л.12, 13.

⁹³ ПАСО, ф.4, оп.7, д.5, л.11.

⁹⁴ ПАСО, ф.6, оп.1, д.1844, л.131.

⁹⁵ Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.5. С.20; Уральское хозяйство в цифрах, 1931-1932 гг. Разд.4. С.256; разд.5. С.281, 292.

⁹⁶ См.: КПСС в резолюциях ... Т.5, С.69.

⁹⁷ См.: Там же. С.35-36.

ГЛАВА IV

I. Руководство партийных организаций наступлением на экономические позиции капиталистической верхушки деревни

- I КПСС в резолюциях ... Т.3. С.203.
- 2 Там же. С.205.
- 3 СЗ СССР. 1925. № 31. С.208; Сельское хозяйство СССР в 1925/26 г. по данным налоговых сводок по единому сельхозналогу. М., 1927. С.29.
- 4 ПАСО, ф.4, оп.5, д.4, л.33; д.1, л.166.
- 5 ПАСО, ф.4, оп.4, д.149, л.58, 84.
- 6 См.: КПСС в резолюциях ... Т.3. С.319.
- 7 СЗ СССР. 1926. № 30. С.191.
- 8 Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне. С.17.
- 9 ПАСО, ф.6, оп.1, д.1113, л.221.
- 10 ПАСО, ф.4, оп.5, д.4, л.33; д.1, л.166.
- 11 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.52.
- 12 Там же. С.63.
- 13 Там же. С.65.
- 14 Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1928. 22 апр.
- 15 ПАСО, ф.4, оп.6, д.29, л.123.
- 16 Известия Уралоблисполкома. 1928. № 24-25. Приложения. С.5-8.
- 17 ПАСО, ф.4, оп.5, д.488, л.66; оп.8, д.5, л.264.
- 18 Красный Курган. 1928. 28 июня.
- 19 ПАСО, ф.4, оп.6, д.29, л.234.
- 20 Уральский рабочий. 1928. 3 окт.
- 21 Там же.
- 22 ПАСО, ф.4, оп.6, д.7, л.278; д.163-а, л.179; Уральский рабочий. 1928. 3 и 17 окт.
- 23 Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф.122, оп.1, д.759, л.103; ПАСО, ф.4, оп.6, д.163-а, л.207.
- 24 ПАСО, ф.4, оп.6, д.7, л.313-314.
- 25 Там же, л.265, 266; Материалы к отчету Уральского областного комитета девятой областной партийной конференции. С.30.
- 26 ПАСО, ф.4, оп.6, д.7, л.340.
- 27 СЗ СССР. 1929. № 10. Ст.96.
- 28 См.: КПСС в резолюциях ... Т.4. С.216-217.
- 29 ПАСО, ф.4, оп.8, д.12-а, л.36; Отчет Уральского областного исполнительного комитета Советов РКК и КД УП созыва, 1929 - фев-

раль 1931. VIII съезд Советов. С. 115.

30 ПАСО, ф.4, оп.7, д.33, л.173-181.

31 Калинин М.И. О едином сельскохозяйственном налоге на 1928/29 г. // Правда. 1928. 20 апр.

32 См.: КПСС в резолюциях ... Т.3. С.318.

33 ПАСО, ф.4, оп.5, д.1, л.58; д.3, л.22.

34 ПАСО, ф.4, оп.5, д.83, л.59; д.327, л.153; оп.7, д.444, л.210; Материалы к отчету Уральского областного комитета десятой областной партийной конференции. С.30.

35 ПАСО, ф.4, оп.5, д.83, л.59.

36 Там же, д.1, л.58.

37 Там же, д.4, л.23.

38 ПАСО, ф.4, оп.5, д.1, л.171; д.327, л.161-163.

39 ПАСО, ф.4, оп.6, д.163-а, л.78.

40 ПАСО, ф.75, оп.1, д.559, л.343.

41 ЦГАОР СССР, ф.374, оп.9, д.342, л.109; ПАСО, ф.170, оп.1, д.654, л.376-377; ПАСО, ф.2, оп.6, д.229, л.10; ПАСО, ф.4, оп.6, д.472, л.4.

42 ПАСО, ф.4, оп.7, д.34, л.102-105.

43 Там же, л.173, 178, 265.

44 Материалы к отчету Уральского областного комитета десятой областной партийной конференции. С.30.

45 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.65-66.

46 ПАСО, ф.4, оп.6, д.354, л.168.

47 ПАСО, ф.4, оп.7, д.36, л.8; Материалы к отчету Уральского областного комитета десятой областной партийной конференции. С.30.

48 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.67.

49 Коллективизация сельского хозяйства: Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927-1935 гг. М., 1957. С.96-108.

50 ПАСО, ф.65, оп.1, д.531, л.63; ПАСО, ф.4, оп.6, д.159, л.238.

51 ПАСО, ф.1, оп.4, д.105, л.6.

52 ПАСО, ф.4, оп.6, д.112, л.123; д.351, л.66; ЦГАНХ СССР, ф.1562, оп.73, д.113, л.33; Материалы к отчету Уральского областного комитета десятой областной партийной конференции. С.33-34.

53 Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.4. С.444-445.

54 Материалы к отчету Уральского областного комитета десятой областной партийной конференции. С.34.

55 Уральское хозяйство в цифрах, 1931-1932 гг. Разд. "Труд".

С. 139.

56 X областная конференция ВКП(б): Стеногр. отчет. С. 266; Материалы к отчету Уральского областного комитета десятой областной партийной конференции. С. 31.

2. Организация коммунистами разгрома кулацкой хлебной стачки. Отпор попыткам сельской буржуазии остановить массовое колхозное движение

I История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. I. С. 544.

2 ПАСО, ф. 4, оп. 5, д. 4, л. 53.

3 ПАСО, ф. 4, оп. 5, д. 3, л. 28; оп. 6, д. 228, л. 64; д. 493, л. 15; Конюхов Г. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928-1929). С. 68; Лимонов Г. А. Борьба партийных организаций Урала за преодоление хлебозаготовительных трудностей в 1927-1928 гг. // Тр. Урал. политехн. ин-та. Сб. 86. С. 100-102.

4 Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. С. 7; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 4. С. 600.

5 ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 488, л. 72.

6 ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 288, л. 64.

7 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 69, д. 603, л. 21.

8 ПАСО, ф. 1, оп. 6, д. 493, л. 11; оп. 7, д. 3а, л. 27.

9 Подсчитано нами по протоколам Уралоблкома ВКП(б) за 1927-1928 гг. (см.: ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 29).

10 ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 493, л. 75.

11 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 49, д. 147, л. 17.

12 ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 496, л. 47; д. 236, л. 109; ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 1051, л. 6; ф. 13, оп. 1, д. 1340, л. 10; ПАЧО, ф. 75, оп. 1, д. 557, л. 110.

13 ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 493, л. 75; д. 496, л. 47.

14 ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 472, л. 136; д. 493, л. 77, 78.

15 ПАСО, ф. 239, оп. 2, д. 152, л. 71; Зуйков В. Н. Партийные организации Урала в борьбе за победу колхозного строя (1927-1934) // Социалистическое строительство на Урале. С. 183.

16 ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 501, л. 86, 87.

17 ПАСО, ф. 4, оп. 7, д. 445, л. 249.

18 ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 300, л. 113; оп. 7, д. 450, л. 227; д. 451, л. 108; Крестьянская газета (орган Шадринского окружкома ВКП(б) и окр. исполкома). 1928. 2 июля.

- 19 ПАСО, ф.4, оп.6, д.472, л.191; оп.7, д.3-а, л.23; Лимонов
Г.А. Указ.соч. С.106.
- 20 ПАСО, ф.4, оп.6, д.40, л.20.
- 21 ПАСО, ф.4, оп.6, д.80, л.94.
- 22 ПАСО, ф.4, оп.6 д.4, л.20.
- 23 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.69, д.603, л.41; ПАСО, ф.4, оп.6, д.4,
л.20.
- 24 ПАСО, ф.4, оп.6, д.4, л.16.
- 25 Там же, л.18.
- 26 ПАСО, ф.4, оп.6, д.498, л.26; д.501, л.53.
- 27 ГАСО, ф.88, оп.14, д.31, л.128.
- 28 ПАСО, ф.4, оп.6, д.19, л.82.
- 29 ПАСО, ф.4, оп.6, д.493, л.74.
- 30 ПАСО, ф.7, оп.1, д.1241, л.28; ПАСО, ф.4, оп.6, д.288, л.8;
д.352, л.57; д.488, л.53-58, 75; д.493, л.88; Уральская областная
крестьянская газета. 1928. 20 ноябр.; IX Уральская областная конфе-
ренция ВКП(б): Стеногр.отчет. С.54.
- 31 Уральский рабочий. 1928. 10 февр.; ПАСО, ф.4, оп.6, д.493,
л.84; д.20, л.11; ГАСО, ф.88, оп.14, д.31, л.74.
- 32 ПАСО, ф.4, оп.6, д.493, л.85.
- 33 ПАСО, ф.4, оп.6, д.3, резолюция, с.1-4.
- 34 Уральский рабочий. 1928. 15 июня.
- 35 ПАСО, ф.4, оп.6, д.29, л.186, 196, 239, 240.
- 36 ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.69, д.603, л.118-119.
- 37 Там же.
- 38 ПАСО, ф.4, оп.6, д.29, л.237-238.
- 39 ПАСО, ф.4, оп.7, д.451, л.2, 22, 23; Уральская новая дерев-
ня. 1929. № 7. С.38; Красный Курган. 1929. 10, 15 янв.; Искра (орган
Ишимского окружкома ВКП(б) и окрисполкома). 1928. 27 янв.; Красное
Прикамье (орган Сарапульского окружкома ВКП(б) и окрисполкома). 1929.
27 янв.
- 40 ПАСО, ф.4, оп.7, д.451, л.107, 108.
- 41 ПАСО, ф.4, оп.7, д.105, л.135-145, 156; д.312, л.112, 113.
- 42 Материалы к отчету Уральского областного комитета десятой
областной партийной конференции. С.77; Уральский рабочий. 1929.
20 дек.
- 43 ПАСО, ф.4, оп.6, д.493, л.189.
- 44 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.17.
- 45 Материалы к отчету Уральского областного комитета десятой

областной партийной конференции. С.34; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып.4, С.26, 326-327.

46 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.345-347.

47 ПАСО, ф.4, оп.8, д.54, л.445.

48 ПАСО, ф.4, оп.8, д.115, л.5.

49 Временков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1917-1930 годах // Из истории коллективизации сельского хозяйства. Сб.1. С.119.

50 ПАСО, ф.4, оп.8, д.104, л.103; д.169, л.14; д.492, л.4.

51 ПАСО, ф.4, оп.7, д.88, л.55; оп.8, д.54, л.368.

52 ПАСО, ф.4, оп.7, д.34, л.174, 175, 279, 291; оп.8, д.54, л.93; д.536, л.35, 36.

53 ПАСО, ф.4, оп.7, д.34, л.175; д.105, л.58.

54 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.346.

55 ПАСО, ф.4, оп.7, д.34, л.299, 300.

56 ПАСО, ф.4, оп.8, д.32, л.1, 6, 7.

57 ПАСО, ф.4, оп.7, д.89, л.26-35.

58 ПАСО, ф.4, оп.7, д.34, л.172, 263-270.

59 Уральская областная крестьянская газета. 1929. 22 ноябр.

60 ПАСО, ф.4, оп.7, д.105, л.58; оп.9, д.962, л.13, 31, 59, 75, 86, 90, 102; Уральская областная крестьянская газета. 1929. 13, 17, 31 дек.

61 ПАСО, ф.4, оп.9, д.962, л.86, 102; Отчет Уральского областного комитета десятой областной партийной конференции. С.112.

62 ПАСО, ф.4, оп.9, д.742, л.1.

63 Уральская областная крестьянская газета. 1929. 3 дек.

3. Деятельность партийных организаций по осуществлению развернутого наступления на кулачество и его ликвидации как класса

1 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.41. С.175.

2 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.43, С.60.

3 Там же.

4 Там же. С.69.

5 Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР: Стат.сб. М.;Л., 1939. С.13; Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т.3. С.33.

6 Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып.2. С.86, 92-93.

7 История социалистической экономики СССР. Т.3. С.334; Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. С.95.

8 Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.4. С.306; ПАСО, ф.4, оп.8, д.12-а, л.24.

9 Ефременков Н.В. Из истории организации тракторных колонн и первых МТС на Урале // Вопросы истории Урала. Вып.39, ч.2. С.61-62; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.4. С.306.

10 ПАСО, ф.4, оп.5, д.327, л.64, 152; оп.7, д.3-а, л.19; д.8, л.324; ПАСО, ф.7, оп.1, д.1242, л.18; Уральская областная крестьянская газета. 1929. 3 дек.

11 Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т.2. С.192.

12 Ефременков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1917-1930 годах // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб.1. С.117.

13 Там же. С.120.

14 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.346.

15 Там же. С.347.

16 Там же. С.356. (подчеркнуто нами. - В.К.).

17 См.: Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т.2. С.191.

18 См.: Там же.

19 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.384.

20 См.: Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. С.253, 263; Ваганов Ф.М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. С.33, 42.

21 Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. С.191.

22 Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. С.108.

23 Там же. С.107.

24 Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917-1958 гг.). М., 1966. С.280-281.

25 См.: Ефременков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1917-1930 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб.1. С.120; ПАСО, ф.4, оп.9, д.49, л.46.

26 См.: Там же.

27 ПАСО, ф.4, оп.9, д.61, л.55-58.

28 См.: Ефременков Н.В. Указ.соч. С.121; ПАСО, ф.4, оп.9, д.49, л.42-45.

- 29 ПАСО, ф.4, оп.8, д.54, л.445; оп.9, д.49, л.43; Процентный подсчет выполнен нами на основе тех же источников, а также по кн.: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.4. С.26.
- 30 ПАСО, ф.4, оп.8, д.54, л.445; оп.9, д.49, л.43.
- 31 ПАСО, ф.4, оп.9, д.49, л.44.
- 32 Там же, л.45.
- 33 ПАСО, ф.4, оп.8, д.490, л.3-5; д.107, л.21, 32.
- 34 ПАСО, ф.4, оп.8, д.54, л.41-43; Ефременков Н.В. Указ.соч. С.123.
- 35 Социалистическое строительство на Урале. С.187; ПАСО, ф.4, оп.8, д.490, л.10.
- 36 Ефременков Н.В. Указ.соч. С.126 (в процентах подсчитано нами).
- 37 Колхозы в 1930 г. М., 1931. С.209.
- 38 ПАСО, ф.4, оп.8, д.156, л.4, 8.
- 39 Там же.
- 40 См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т.4, кн.2. С.61-63; Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. С.254-263; Ефременков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1917-1930 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства. Сб.1. С.106-110; и др.
- 41 ПАСО, ф.4, оп.7, д.218, л.19.
- 42 Сталин И.В. Сочинения. Т.12. С.357, 358.
- 43 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.41. С.15; т.44. С.101.
- 44 ПАСО, ф.4, оп.8, д.107, л.33; д.115, л.4, 5, 9, 16, 19.
- 45 ПАСО, ф.4, оп.8, д.107, л.33; д.115, л.19.
- 46 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.395.
- 47 Там же. С.397.
- 48 Уральская новая деревня. 1930. № 7-8. С.17-18.
- 49 См.: Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. С.238.
- 50 Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып.4. С.374-375; ПАСО, ф.4, оп.8, д.495, л.10-14; д.56, л.31; Ефременков Н.В. Указ.соч. С.114.
- 51 Ефременков Н.В. Указ.соч. С.126.
- 52 Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. С.108.
- 53 См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т.4, кн.2. С.63-64; КПСС в резолюциях ... Т.4. С.452.

- 54 См.: Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. С.238, 280, 281.
- 55 Ефременков Н.В. Указ.соч. С.126.
- 56 Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. С.108.
- 57 Там же.
- 58 Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. С.246.
- 59 Там же. С.286.
- 60 Сталин И.В. Сочинения. Т.12. С.310-311.
- 61 КПСС в резолюциях ... Т.4. С.417.
- 62 Ефременков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1931-1932 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб.2. С.28.
- 63 ПАСО, ф.4, оп.9, д.217, л.186; д.954, л.154, 210; оп.10, д.13, л.25.
- 64 Ефременков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1931-1932 гг. С.49; ПАСО, ф.4, оп.9, д.217, л.141, 146, 148; д.949, л.9, 10; д.954, л.214.
- 65 Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. С.274.
- 66 ПАСО, ф.4, оп.9, д.954, л.214; оп.10, д.392, л.3, 4.
- 67 ПАСО, ф.4, оп.10, д.391, л.1, 2.
- 68 Ефременков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1931-1932 гг. С.50-51.
- 69 ПАСО, ф.4, оп.9, д.951, л.26.
- 70 Ефременков Н.В. Указ.соч. С.49; ГАСО, ф.922, оп.1, д.97, л.72; ПАСО, ф.4, оп.10, д.393, л.101.
- 71 Ефременков Н.В. Указ.соч. С.51; ПАСО, ф.4, оп.10, д.393, л.100; оп.11, д.408, л.20.
- 72 См.: Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. С.281.
- 73 Там же. С.282.
- 74 ПАСО, ф.4, оп.10, д.25, л.22.
- 75 См.: Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. С.121.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- 1 Материалы XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, С.122.
- 2 Там же. С.184.
- 3 См.: Там же. С.137.
- 4 См.: Там же. С.176.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УКЛАДЫ, РАССТАНОВКА И СООТНОШЕНИЕ КЛАССОВЫХ СИЛ НА УРАЛЕ НАКАНУНЕ ПЕРЕХОДА К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА . .	22
1. Экономическое положение в стране и на Урале к концу восстановительного периода	22
2. Социально-экономические уклады в промышленнос- сти, сельском хозяйстве, торговле и классовый состав населения Уральской области к началу реконструктивного периода	31
Глава II. БОРЬБА КОММУНИСТОВ УРАЛА ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ИЗО- ЛЯЦИЮ БУРЖУАЗИИ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ	53
1. Политическая обстановка на Урале в середине 20-х годов. Курс партии на социалистическую реконструкцию народного хозяйства и тактика борьбы с капиталистическими элементами на но- вом этапе строительства социализма	53
2. Политическая борьба с антисоветскими элемента- ми и кулачеством в ходе перевыборов Советов .	71
Глава III. РУКОВОДСТВО ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА НА- СТУПЛЕНИЕМ НА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПРОМЫШЛЕН- НОСТИ И ТОРГОВЛЕ НА РЕШАЮЩЕМ ЭТАПЕ БОРЬБЫ ПО ПРИНЦИПУ "КТО-КОГО"	93
1. Руководство партийных организаций классовой борьбой на концессионных предприятиях и ликви- дация концессии "Лена Голдфилдс лимитед" . . .	93
2. Организация коммунистами наступления на част- ный капитал в промышленности, кустарно-ремес- ленном производстве, промкооперации и его ос- новные этапы	116

3. Осуществление партийными организациями политики вытеснения напманской буржуазии из торговли . .	141
Глава IV. ОРГАНИЗАЦИЯ НАСТУПЛЕНИЯ НА КУЛАЧЕСТВО И ЕГО ЛИКВИДАЦИЯ КАК КЛАССА	167
1. Руководство партийных организаций наступлением на экономические позиции капиталистической вер- хушки деревни	167
2. Организация коммунистами разгрома кулацкой "хлеб- ной стачки". Отпор попыткам сельской буржуазии остановить массовое колхозное движение	180
3. Деятельность партийных организаций по осуществ- лению развернутого наступления на кулачество и его ликвидации как класса	199
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	225
ПРИМЕЧАНИЯ	234
ОГЛАВЛЕНИЕ	276

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ КУЛИКОВ

Подготовка и проведение развернутого наступления на
капиталистические элементы на Урале. 1925-1932.

ИБ № 02

Редактор

О.И. Бриль

Технический редактор

З.И. Саринских

Корректор

Л.Е. Варшавская

Подписано к печати 13.08.86 г. НС 342II Формат 60x84¹/₁₆
Уч.-изд.л. 17,9. Усл.печ.л. 16,3. Бумага для множительных
аппаратов. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 144.

Цена 1 р. 30 коп.

Издательство Уральского университета. 620219, ГСП-830,
Свердловск, просп.Ленина, 136.

Цех № 4 объединения "Полиграфист". Свердловск, ул.Тургенева, 20